3 1761 08820952 3

LR
56396
Smidovich, Vikenty Vikentievich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
В. В. ВЕРЕСАЕВА

Polnoe sobranie sochineny ...
[Pseud.]

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

2

ТОМЪ ВТОРОЙ

#60103
1.4.47

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. 1913.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1913 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

ВЪ СТЕПИ.

I.

Пассажирскій поѣздъ остановился у маленькой степной станціи. Солнце жгло, было жарко и душно. Немногочисленные пассажиры вяло переговаривались или дремали, закутавъ головы отъ мухъ.

Дали второй звонокъ.

Подъ окнами вагоновъ, на сторонѣ, противоположной станціи, медленно прошли по шпаламъ два загорѣлыхъ мужика. Одинъ изъ нихъ, съ большою, лохматою головою, несъ за спиною холщевый узелъ, а на плечѣ держалъ косье съ привязанной къ нему косой; другой мужикъ, громаднаго роста и широкоплечій, хромалъ на лѣвую ногу; у него не было ни узла ни косы, и черезъ плечо былъ перекинутъ только дырявый зипунъ.

Мужики шли вороватою походкою, исподлобья посматривали на поѣздъ и словно хоронились отъ кого-то. Вдругъ хромой мужикъ остановился, быстро оглядѣлся по сторонамъ и полѣзъ по ступенькамъ на площадку вагона. Слѣдомъ за нимъ хотѣлъ лѣзть и его спутникъ. Онъ уже ухватился за столбъ перилъ, но въ это время изъ окна вагона выглянулъ кондукторъ. Лохматый мужикъ крякнулъ, поправилъ узелъ за плечами и пошелъ вдоль поѣзда. Кондукторъ слѣдилъ за нимъ пристальнымъ взглядомъ.

Мужикъ шелъ по шпаламъ все дальше и уже оставилъ за собою послѣдній вагонъ. Раздался третій звонокъ, поѣздъ тронулся. Вдругъ мужикъ быстро повернулся, встряхнулъ узломъ и бросился догонять поѣздъ.

— Я-а тебѣ! Я-а тебѣ!—угрожающе крикнулъ кондукторъ, высунувшись изъ окна и грозя пальцемъ.

Поѣздъ все прибавлялъ ходу. Мужикъ, ожесточенно нахму-

рившись и не глядя на кондуктора, продолжалъ бѣжать, вскидывая въ стороны худыя, стянутыя въ онучи ноги. Изъ оконъ выглядывали пассажиры.

— Ну, ну, землячокъ!.. Ну!.. Эхъ, не догонитъ!—волновался парень въ сѣрой блузѣ.

— Не догонитъ!

— Куда ужъ догнать! Не догонитъ теперь!

— Догонитъ, ей-Богу, догонитъ!—крикнулъ парень.—Ну, ну, землякъ! А-а, те-те-те!..

Мужикъ добѣжалъ до задняго вагона и, цѣпляясь за перила, вскочилъ на ступеньку; узелъ потянулъ его назадъ,—мужикъ взмахнулъ рукою и чуть не сорвался, но устоялъ.

Кондукторъ бросился на площадку. Пассажирамъ не было его видно. Они видѣли только, какъ мужикъ, стоя на нижней ступенькѣ, что-то говорилъ, угрюмо глядя внизъ; потомъ махнулъ рукою и спрыгнулъ обратно съ быстро шедшаго поѣзда.

Въ вагонъ вошелъ хромой мужикъ, ускользнувшій отъ глазъ кондуктора. Онъ высунулся изъ окна и долго смотрѣлъ назадъ, гдѣ въ пыли, поднятой поѣздомъ, исчезалъ его товарищъ.

— Землякъ, что ли, будетъ тебѣ?—сочувственно спросилъ парень въ блузѣ.

Мужикъ ничего не отвѣтилъ и сѣлъ.

Въ дыры его грязной холщевой рубахи глядѣло бронзовое тѣло, лицо было почти черное отъ загара. Огромный и оборванный, съ обмотанною тряпками ногою, онъ блестѣлъ бѣлками злыхъ глазъ и исподлобья поглядывалъ вокругъ. Парень подсѣлъ къ нему съ разговоромъ. Мужикъ порывисто всталъ и, не отвѣчая, высунулся изъ окна.

Вошелъ молодой кондукторъ въ бѣломъ кителѣ.

— Господа, кто съ N-ва садился, билеты позвольте!.. Билетъ твой!—вдругъ быстро обратился онъ къ хромому мужику.

— Нѣту билета.

Кондукторъ молча развелъ руками.

— Ну вотъ, что̀ ты тутъ съ ними будешь дѣлать?.. Господа! Да вѣдь невозможно!—усталымъ, усовѣщивающимъ голосомъ заговорилъ онъ.—Вѣдь мы подначальные люди, мы не можемъ даромъ народъ возить! Съ насъ за это взыскиваютъ... Какъ остановка будетъ, пожалуйста, слѣзай! Честью тебя прошу!

Для поѣздной прислуги стояло тяжелое время. Изъ «Россіи» нахлынули въ степь безчисленныя массы косарей. Между тѣмъ солнце выжгло траву, сѣнокосъ на всемъ протяженіи степи не состоялся. Отощавшіе и обносившіеся косари скитались по выжженной степи, плелись по безконечнымъ тропинкамъ

вдоль полотна дороги. Одни возвращались назадъ, другіе шли дальше, на Черноморье и Кубань. Они потеряли всякій страхъ: стоило кондукторамъ зазѣваться, и въ поѣздѣ немедленно оказывалось нѣсколько десятковъ безбилетныхъ «зайцевъ». Практика давно уже выработала такой образъ дѣйствій: кондукторы зорко слѣдятъ на станціяхъ за приближающимся косаремъ и энергично отражаютъ его попытки проникнуть въ поѣздъ; но, разъ онъ ужъ очутился въ вагонѣ, на него машутъ рукою и, безъ всякихъ тасканій къ начальству, просто высаживаютъ на слѣдующей станціи: все равно, взятки съ него гладки.

Поѣздъ далъ свистокъ и началъ замедлять ходъ. Хромой косарь поспѣшно всталъ, захватилъ свой зипунъ и перешелъ въ сосѣдній вагонъ; тамъ онъ сѣлъ на лавочку за дверью. Поѣздъ остановился.

Черезъ вагонъ прошелъ кондукторъ и увидѣлъ косаря.

— Ты не сошелъ?!—изумился кондукторъ.

Косарь поднялся.

— Да куда же я пойду? У меня ноги больныя!—ожесточенно воскликнулъ онъ, глядя на кондуктора, какъ затравленный волкъ.

— Ах-хъ ты, Господи!..—Кондукторъ замолчалъ и оглядывалъ его съ ногъ до головы.—Я тебѣ говорилъ, какъ человѣку, а теперь что же? Я долженъ бить тебя по шеѣ!

— Смилуйтесь, господинъ кондукторъ!

— Ступай ты, ради Бога! Пойми, мы не можемъ даромъ возить народъ... Вѣдь вотъ человѣкъ!

Онъ взялъ косаря за рукавъ, вывелъ на площадку и заставилъ слѣзть.

Залихватски закатился кондукторскій свистокъ, ему въ отвѣтъ рявкнулъ паровозъ, далеко впереди пискнулъ рожокъ стрѣлочника, поѣздъ дрогнулъ и двинулся.

II.

На станціи стихло.

Косарь напился изъ кадушки теплой воды и пошелъ въ степь: около линіи нечего было разсчитывать ни на работу ни на милостыню. Дорога вилась вдаль слабыми, лѣнивыми извивами. Кругомъ до самаго горизонта тянулась степь и степь, — ровная, неподвижная, залитая горячимъ солнцемъ. Трава была мелкая и рѣдкая, повсюду сѣрѣли большія плѣшины голой, выжженной солнцемъ земли. Вѣтеръ слабо дулъ съ запада, шелестя травой; съ вѣтромъ несся издалека тонкій, нѣжный запахъ свѣжаго сѣна, но запахъ шелъ не отъ рядовъ

и копенъ, а отъ травы, на корню сохшей подъ жгучимъ солнцемъ.

Косарь шелъ, хромая, и тяжело опирался на палку. Солнце било въ лицо, во рту пересохло, на зубахъ скрипѣла пыль; въ груди какъ будто злобно запеклось что-то тяжелое и горячее. Шелъ часъ, другой, третій... Дорогѣ не было конца, въ стороны тянулась та же сѣрая, безлюдная степь. А на горизонтѣ слабо зеленѣли густые лѣса, блестѣла вода; дунетъ вѣтеръ,—призрачные лѣса колеблются и таютъ въ воздухѣ, вода исчезаетъ.

Около дороги, на рубежѣ, стояла каменная баба. Косарь сѣлъ къ ея подножію. Въ ушахъ звенѣло и со звономъ проходило по головѣ, въ глазахъ мутилось отъ жары и голода. Больная ступня ныла, и тупая боль ползла отъ нея черезъ колѣно въ пахъ.

Вокругъ было просторно и пусто. Только далеко на дорогѣ чернѣла фигура идущаго человѣка. Въ блещущей синевѣ неба парилъ коршунъ, потревоженные овражки перекликались между собою изъ-подъ земли отрывочнымъ, звенящимъ свистомъ. Каменная баба въ колпакѣ,—сѣрая, поросшая зеленоватымъ мохомъ,—сгорбившись, смотрѣла въ степь съ злымъ, какъ будто живымъ лицомъ; нижняя часть лица была пухлая и обрюзгшая, руками она держалась за животъ, и казалось, что она кисло морщилась отъ боли въ пустомъ желудкѣ. Косарь охватилъ руками колѣни и застылъ, глядя вдаль воспаленными, красными глазами.

— Цс-сыкъ! Цс-сыкъ! Цс-сыкъ!—явственно звучало вокругъ, какъ будто десятки косъ дружно рѣзали густую, сочную траву. По небу молніей проносились невидано-громадныя, черныя птицы, и путникъ съ трудомъ соображалъ, что это—вьющіяся вокругъ его головы мухи. Надъ горизонтомъ по небу стали протягиваться густо переплетающіяся, движущіяся вѣтви, вдали потянулись гуськомъ косари въ красныхъ рубахахъ; они шли одинъ за другимъ, съ закинутыми на плечи косами, и имъ не было конца. Все это былъ обманъ, и путникъ зналъ это: за время скитаній по степи ему не разъ уже, особенно по вечерамъ, мерещились странныя вещи. И ему казалось,—ему стало бы легче, если бы не шли вдали косари, если бы не мелькали по небу черныя птицы и не звучали невидимыя косы, рѣжущія невидимую траву...

Косарь вздрогнулъ и поднялъ голову. На дорогѣ стоялъ невысокій человѣкъ въ нанковомъ подрясникѣ и смотрѣлъ на него. Добродушное лицо было потно и одутловато, за плечами висѣла на ремняхъ объемистая котомка.

Человѣкъ свернулъ съ дороги къ бабѣ. Онъ молча спустилъ съ плечъ котомку, сѣлъ, вздохнулъ и, снявъ скуфейку, провелъ рукою по длиннымъ волосамъ.

Косарь мрачно смотрѣлъ и молчалъ. Человѣкъ въ подрясникѣ, не торопясь, раскрылъ котомку. Досталъ краюху пшеничнаго хлѣба, воблу, бутылку водки.

— И много же тутъ нынче вашего брата-полтавца набилось!—заговорилъ онъ, раздавливая сургучъ бутылки о подножье бабы.—Никогда еще столько не бывало. Что̀ грачей въ полѣ, такъ всюду вашего брата.

Онъ ударилъ ладонью въ донышко бутылки, пробка вылетѣла, и водка въ горлышкѣ запѣнилась. Косарь молчалъ и злыми глазами косился на сосѣда.

— Шли траву прибирать, а травку-то самъ Господь прибралъ, для себя!—продолжалъ человѣкъ въ подрясникѣ.—Вотъ и гуляй теперь по степи безъ дѣла.

Онъ отпилъ изъ горлышка водки и, какъ будто это само собою разумѣлось, протянулъ бутылку косарю. Косарь дрогнулъ, нерѣшительно оглядѣлъ длинноволосаго человѣка. Потомъ вдругъ на черномъ лицѣ закривилась улыбка, онъ поспѣшно протянулъ руку и бережно принялъ бутылку.

Человѣкъ въ подрясникѣ прожевывалъ воблу. Онъ подвинулъ закуску къ косарю и спросилъ:

— Отколѣ самъ будешь?

— Изъ Тамбовской губерніи.

Косарь отпилъ водки, утеръ усы и осторожно, словно боясь потревожить рыбину, отколупнулъ кусокъ. На лицѣ его была теперь напряженно-предупредительная улыбка.

— Давно ходишь?

— Съ Пасхи.

Косарь помолчалъ.

— Шли, шли, милый человѣкъ мой,—заговорилъ онъ, стараясь не глядѣть на закуску:—все думали, дойдемъ до настоящаго мѣста. Обносились, обтрепались, хуже нищихъ сдѣлались,—нѣту работы!.. А народъ все, знай, валитъ. И куда идутъ-то? Сами не вѣдаютъ. Другъ у дружки такъ и рвутъ кусокъ изо рту!

— Косу-то проѣлъ ужъ?

— Проѣлъ... Все проѣлъ. Да вотъ ногу еще испортилъ.

— Не родилось ничего, вотъ причина. Засуха!.. Да ты ѣшь, что̀ жъ ты?.. Отхлебни еще разокъ!

— Не обидно будетъ тебѣ?—спросилъ косарь съ закривившеюся снова улыбкою и исподлобья взглянулъ на собесѣдника.

— Ну, что̀ ты! Господи помилуй!.. Знай, ѣшь!

Косарь съ наслажденіемъ отхлебнулъ еще водки и принялся за рыбу.

— Я тебѣ все это дѣло обскажу повнимательнѣе,—заговорилъ онъ, жуя.—Говоришь: не родилось ничего. Не въ этомъ штука. Тутъ штука вотъ какая: время наше прошло. Былъ тутъ годъ одинъ,—послѣ холеры который, этотъ!.. Трава вокакая была, жито—не прожнешь. А народу мало подошло... И пошли по экономіямъ косилки, жнейки всякія. Съ той поры, можно сказать, хорошо и не бывало. Раньше за лѣто пять-шесть красненькихъ домой принесешь,—ну, теперь этого ужъ нѣту!

— Ты куда жъ сейчасъ идешь?

— Домой бы добраться, да вотъ нога шибко итти не пущаетъ.

Человѣкъ въ подрясникѣ помолчалъ.

— А то пойдемъ со мною,—сказалъ онъ, глядя въ степь.— Мое дѣло легкое.

— А ваше какое же дѣло будетъ?—осторожно спросилъ косарь, переходя на «вы».

— Съ святымъ припасомъ хожу.

— Гм! Странникъ, значитъ, будешь?

— Въ родѣ какъ бы странника.

— Въ Ерусалимѣ былъ?

Странникъ загадочно отвѣтилъ:

— Я гдѣ и не былъ, а все знаю.

Косарь покосился на него.

— Изъ стрѣлковъ, значитъ, будешь?

— «Изъ стрѣлко-овъ»... Поучить бы тебя, дурака!.. Ну, да жалко мнѣ тебя. Куда ты пойдешь, такой-то! Богъ ужъ съ тобой, пойдемъ вмѣстѣ. И мнѣ веселѣе будетъ, а то скучно одному... Тебя какъ звать-то?

— Никитой.

— Ну, Никита, вставай! Будетъ, отдохнули. Вонъ ужъ гдѣ солнышко. Скоро деревня будетъ.

Странникъ приладилъ къ плечамъ котомку, они встали и пошли. Странникъ, маленькій и пухлый, шелъ мелкими шажками, опираясь на камышевую палку, а рядомъ ковылялъ огромный, оборванный косарь.

— Ты издалека ли сейчасъ идешь?—спросилъ взбодрившійся отъ водки Никита.

— Да со станціи.

— Долго чтой-то шелъ!

— Тамъ еще дѣла кой-какія надо было справить,—поторговать, чайку попить..

Никита громко расхохотался.

— «Дѣла»!.. Нешто это дѣло? Сказалъ бы—поработать, а то—«чайку попить»! Это не дѣло! Это значитъ — въ мамонъ свой закладать, а не дѣло!..

— Буде грохотать, разстегнулъ пасть!—сурово обрѣзалъ его странникъ.—Вотъ она деревня, видишь?.. Я что ни буду разсказывать, ты все знай—молчи; все равно, какъ будто нѣмой будешь. На ночевку оставлять станутъ, не оставайся: переночуемъ въ степи.

Вдали, въ неглубокой балкѣ, сѣрѣли крыши деревни и зеленѣли вербы. На пригоркѣ маленькія восьмикрылыя мельницы лѣниво махали кургузыми крыльями.

III.

Солнце садилось. Красные лучи били по пыльной деревенской улицѣ, ярко-бѣлыя стѣны хатъ казались розовыми, а окна въ нихъ горѣли кровавымъ огнемъ. Странникъ и Никита сидѣли на крылечкѣ хаты, окруженные толпою хохловъ—мужиковъ и особенно бабъ.

На столѣ странникъ разложилъ весь свой святой припасъ. Тутъ были раковины «съ Мертваго моря», собранныя на морскомъ берегу въ Одессѣ, были пузырьки съ ижехерувимскими каплями, восковые огарки изъ-подъ святого огня, картины и фотографіи.

Онъ держалъ въ рукахъ ярко раскрашенную картину, изображавшую ново-аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь; на горахъ, усѣянныхъ деревьями, похожими на зеленыя бородавки, бѣлѣли златоглавыя церкви, а въ небѣ стояла Богородица, простирая ризы надъ монастыремъ.

Странникъ разсказывалъ о святой и тихой жизни въ благочестивомъ монастырѣ; онъ разсказывалъ пѣвучимъ, высокимъ голосомъ, какимъ читаютъ въ церквахъ Апостола степенные и толковые дьячки, желающіе читать «съ чувствомъ». Никита, наѣвшійся вкуснаго борща съ баклажанами, чувствовалъ блаженное отяжелѣніе въ тѣлѣ. Онъ слушалъ странника и медленно моргалъ глазами.

— Отстояли мы обѣдню, вышли на волю,—разсказывалъ странникъ.—Глянули на кумполъ,—и что же, братцы вы мои? Стоитъ на облачкѣ сама Матушка-Богородица! Все равно, какъ вотъ на картинѣ тутъ... Сіяніе отъ Нея,—глазамъ больно смотрѣть, солнцу подобно... Съ нимъ вотъ вмѣстѣ были!—прибавилъ онъ своимъ обычнымъ голосомъ, кивнулъ на Никиту и оглядѣлъ его ясными, умиленными глазами.

Никита пошевелился и сталъ густо краснѣть, косясь на окружающихъ.

— Нѣмой онъ, говорить не можетъ сыздѣтства, — объяснилъ странникъ.—Ну хорошо, ладно!—продолжалъ онъ прежнимъ голосомъ.—Увидали мы съ нимъ,—смутились въ сердцѣ своемъ, пали наземь. И взмолился я къ Владычицѣ Небесной: «Мать Пресвятая Богородица, утѣшеніе всѣхъ скорбящихъ! Будетъ ли товарищу моему спасеніе, отверзятся ли ему уста?» И случилось тутъ знаменіе... Глянула на насъ Матушка, за уголышекъ ризу взяла Свою и три раза его вотъ благословила,—разъ! два! и три!—больше ничего.

Онъ вопросительно оглядѣлъ слушателей. Бабы скорбно вздыхали и качали головами. Старикъ-хохолъ, съ трубкою въ зубахъ, слушалъ съ чуть замѣтною усмѣшкою, засунувъ руки въ карманы шароваръ.

— Это что̀ значитъ?.. Значитъ: молись и вѣруй, три года тебѣ терпѣть, а тамъ будетъ тебѣ по вѣрѣ твоей...

Странникъ замолчалъ. Никита сидѣлъ красный и волкомъ глядѣлъ вокругъ.

— Вѣруй въ Матушку, и все приложится тебѣ,—снова заговорилъ странникъ. — Помни Бога, для Него живи въ мірѣ, для Него трудися!—Странникъ значительно погрозилъ пухлымъ пальцемъ. — А мы какъ? Все о себѣ печалуемся, — какъ бы помягче пожить да послаще... Ну, вотъ потомъ самъ и платись!.. Въ кіевскихъ пѣщурахъ мощи лежатъ братовъ-плотниковъ. Построили они храмъ Успенію Пресвятой Дѣвы Маріи. Явилась Она имъ, спрашиваетъ: «чего хотите,—*сирѣчь* злата, *сирѣчь* царствія Божія?» Двѣнадцать братовъ запросили царствія Божія, а тринадцатый на злато прельстился, добра запросилъ. Ну, сталъ онъ жить, — хорошо жить сталъ, мягко, жирно... Прожилъ годъ и сталъ думать въ своей головѣ: «что̀ я такое исдѣлалъ?» И ужахнулся онъ. Пришелъ къ Матушкѣ, палъ въ ноги: «прости, — говоритъ, — за глупость, не отринь раба Твоего!» А Она и говоритъ: «Ничего теперь не могу сдѣлать тебѣ. Видишь, мощи братовъ твоихъ лежатъ: если раздвинутся, дадутъ мѣсто,—твое счастье». Взмолился онъ къ мощамъ: «Братья мои милые, единоутробные! Пожалѣйте грѣшника, дайте промежъ себя мѣстечко!» Сдвинулись братья, только не хватило для него цѣлаго мѣста, втиснулся онъ промежъ нихъ плечомъ. Такъ по сіе время и лежатъ, — двѣнадцать къ небу ликомъ, а этотъ промежъ нихъ бокомъ..

— А це кто?—прервалъ его старикъ-хохолъ, разсматривавшій фотографію образа изъ кіевскаго собора св. Владимира.

— Никита-Столпникъ, святой угодникъ переславскій,—ско-

роговоркой отвѣтилъ странникъ.—Видишь, на столбѣ стоитъ? Тридцать лѣтъ и три года простоялъ...

Онъ передохнулъ, быстро высморкался пальцами и тѣмъ же пѣвучимъ голосомъ сталъ разсказывать. Разсказывалъ, какъ въ молодости Никита былъ «суровъ и мятежникъ», какъ обижалъ онъ людей, и какъ явилось ему знаменіе: жена его варила мясо и увидѣла въ кастрюлѣ кипящую кровь; въ крови мелькали человѣческія головы, руки и ноги. Позвала она Никиту, онъ посмотрѣлъ и ужаснулся. «Увы мнѣ, много согрѣшихъ!..» Пошелъ къ монастырю, влѣзъ въ болото и три дня просидѣлъ въ трясинѣ, отдавъ себя на пищу комарамъ и жабамъ. Потомъ явился къ игумену, палъ въ ноги и сталъ молить указать ему трудъ,—«токмо, отче, спаси душу погибающу!..» И построилъ онъ себѣ столбъ и сталъ служить Богу. Зиму и лѣто, день и ночь стоялъ онъ на столбѣ и все молился. Дождь его мочилъ, снѣгъ засыпалъ, клевали вороны,—онъ все молился; въ каждой рукѣ онъ держалъ на вѣсу по тяжелому камню, вериги на тѣлѣ отъ многаго труда сдѣлались блестящими, какъ золото...

Хорошо разсказывалъ странникъ. Лицо у него стало свѣтлое и вдохновенное, голосъ проникалъ въ душу. Кругомъ молчали. Солнце сѣло. Никита смотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ фотографію и не могъ оторвать глазъ: высокій, худой и изможденный, стоялъ угодникъ на бревенчатомъ срубѣ; всклоченная сѣдая борода спускалась ниже пояса, щеки осунулись, лицо было блѣдное и мертвенное; потухшіе, бѣлесые, какъ у трупа, глаза смотрѣли въ небо.

И странное что-то творилось съ Никитой. Онъ слушалъ вдохновеннаго разсказчика и забылъ, что передъ нимъ не больше, какъ «стрѣлокъ». И все смотрѣлъ на фотографію, и она оживала подъ его взглядомъ: въ старческомъ, трупномъ лицѣ угодника, въ его невидящихъ, устремленныхъ въ небо глазахъ горѣла глубокая, страшная жизнь: казалось, ко всему земному онъ сталъ совсѣмъ чуждъ и нечувствителенъ, и духъ его въ безмѣрномъ покаянномъ ужасѣ рвался и не смѣлъ подняться вверхъ, къ далекому небу...

Никита поднялъ голову, подперъ щеку кулакомъ и задумчиво смотрѣлъ на затихавшую степь. По этой степи онъ скитался два мѣсяца, злобный отъ голода и униженій, полный однимъ собою. Все пережитое, вся злоба и страданія казались ему теперь мелкими, и онъ стыдился ихъ. Стыдился, что муки эти онъ переносилъ для самого себя, и что онѣ такъ малы и ничтожны, и что въ нихъ нѣтъ ничего, что̀ уносило бы его вверхъ, прочь отъ земли, какъ этого угодника.

IV.

Темнѣло. Странникъ и Никита оставили за собою деревню и шли по степи. Никита ковылялъ на больныхъ ногахъ и молча, съ пристальнымъ вниманіемъ, косился на спутника: лицо странника казалось ему чуждымъ-чуждымъ и страшнымъ въ своей чуждости. А странникъ шелъ рядомъ, беззаботно посвистывалъ и дышалъ прохладою.

Далеко на югѣ чернѣли неподвижныя тучи, оттуда шло непрерывное, глухое ворчаніе. Кругомъ еще сильнѣе пахло некошенымъ сѣномъ. Вѣтеръ слабо дулъ, шурша сухою травою.

— Ну, поглядимъ, сколько нынче Богъ послалъ! — заговорилъ странникъ.—Э-эхъ, коробушка-матушка, вались на травушку!..

Онъ скинулъ котомку наземь, опустился на траву. Никита стоялъ и молча глядѣлъ.

Странникъ вытащилъ изъ кармана деньги, сталъ считать: оказалось семьдесятъ три копейки; было тутъ и отъ продажи «святого припасу», были и деньги, данныя бабами на свѣчи угодникамъ въ Соловкахъ, куда будто бы направлялся странникъ. Потомъ онъ вытащилъ изъ котомки холсты, яйца, бутылку съ водкой.

— Что̀ жъ, Никитушка, давай дѣлиться!—ласково сказалъ странникъ.

Никитѣ что-то сдавило горло. Онъ стоялъ, разставивъ ноги, и въ упоръ смотрѣлъ на странника.

— Знаешь, что̀?—проговорилъ онъ срывающимся голосомъ.— Тебѣ одна дорога, мнѣ другая... Прощай, братъ!—И онъ махнулъ рукою.

Странникъ изумленно вытаращилъ глаза и вскочилъ на ноги.

— Что̀ ты?.. Господи помилуй, чего ты? — Онъ оторопѣло вглядывался въ Никиту.—Ду-ура ты, дура деревенская!—неожиданно расхохотался онъ и весело всплеснулъ руками.

Никита исподлобья оглядѣлъ странника—и вдругъ, закусивъ губу, съ размаху ударилъ его тяжелымъ кулакомъ въ лицо,— ударилъ больно, крѣпко, съ дикою радостью ощущая, какъ хрястнулъ подъ кулакомъ носъ его спутника...

Странникъ, съ залитымъ кровью лицомъ, сидѣлъ на землѣ и испуганно-плачущимъ голосомъ ругался. А Никита, не оглядываясь, шелъ впередъ въ темнѣвшую степь.

1901.

ВАНЬКА.

Разсказъ пріятеля.

Года три назадъ я работалъ монтеромъ на одномъ большомъ петербургскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ. Какъ-то вечеромъ, въ воскресенье, я возвращался домой съ Васильевскаго Острова. Дѣло было въ іюнѣ. Поѣздъ пригородной дороги, пыхтя, мчался по тракту вдоль Невы; имперіалъ былъ густо засаженъ народомъ; шелъ громкій, пьяный говоръ.

— А что, дяденька, въ Александровское село доѣду я на этой машинѣ? — обратился ко мнѣ мой сосѣдъ, толстогубый парень съ крѣпкимъ, загорѣлымъ лицомъ. Онъ былъ въ пеньковыхъ лаптяхъ и свѣтло-сѣромъ зипунѣ, на головѣ сидѣла громадная, облѣзлая мѣховая шапка. Сѣрою деревнею такъ отъ него и несло. Несло, впрочемъ, и водочкою.

— Доѣдешь,—отвѣтилъ я.

— А тебѣ въ которо мѣсто?—спросилъ его сосѣдъ по другую сторону, старикъ-сапожникъ.

— Значитъ... въ Александровское село!

— Я понимаю, что въ Александровское... Мѣсто-то которое? Какая улица?

— Не знаю я...

— Эхъ, ты, тетка Матрена!.. Давно ли въ Питерѣ?

— Въ Питерѣ-то?

— Да, въ Питерѣ-то!

— Нонче утромъ пріѣхалъ... Значитъ, въ селѣ Александровскомъ землякъ у меня, у него я присталъ. А сейчасъ къ дядѣ ѣздилъ на шашнадцатую линію,—у господъ кучеряетъ... Винца, значитъ, выпили съ нимъ...

— Какъ же ты теперь домой попадешь, дурья ты голова? Нужно знать, какая улица — разъ, какъ номеръ дому — два!—поучающе произнесъ старикъ.

— Онъ думалъ, тутъ деревня ему,—отозвался изъ-за спинки скамейки фабричный парень.—Спросилъ: «Гдѣ тутъ, братцы, Иванъ Потапычъ живетъ?»—а ему всякій: «Вонъ онъ!..» Нѣтъ, подожди,—эка ты, братъ, какой!

— Долженъ былъ адресъ спросить!—поучалъ старикъ.

— Вѣр-рно!—съ удовольствіемъ согласился парень въ шапкѣ и тряхнулъ головою.

— Вотъ теперь и ищи земляка своего!

— Ты какой губерніи-то? «Скопской»? — быстро спросилъ фабричный.

— Скопской.

— Ну во-отъ!.. Скопской,—сразу видно!

Кругомъ засмѣялись. На парня сыпались насмѣшки. Онъ потряхивалъ головою, затягивался цыгаркою, самостоятельно сплевывалъ и съ большимъ удовольствіемъ повторялъ: «Вѣр-рно!.. Пр-равильно!..»

— Вотъ тебѣ село Александровское, пріѣхали. Слѣзай, ищи земляка!

Парень торопливо всталъ и спустился внизъ. Слегка пошатываясь, онъ быстро пошелъ посреди улицы, потряхивая головою и мягко ступая по мостовой пеньковыми лаптями. На перекресткѣ неподвижно стоялъ городовой. Парень снялъ передъ нимъ шапку, съ достоинствомъ тряхнулъ волосами, надѣлъ шапку и гордо зашагалъ дальше. Вскорѣ онъ исчезъ въ сумракѣ бѣлой ночи...

Дня черезъ два мнѣ дали на заводѣ новаго подручнаго. Я тогда работалъ на линіи. Передо мною предсталъ мѣшковатый парень, въ огромныхъ сапожищахъ и мѣховой шапкѣ. Это былъ мой сосѣдъ по конкѣ.

Онъ проработалъ у меня съ недѣлю. Смѣхъ было имѣть съ нимъ дѣло, а иногда прямо невмоготу.

— Иванъ, подай лѣстницу!

Иванъ, глазѣющій на мою работу, начинаетъ медленно шевелиться.

— Лѣстницу?.. Ка-акую?

— Да давай скорѣй лѣстницу, чор-ртъ!! «Какую»!..

Иванъ, не торопясь, беретъ лѣстницу и, ворча, начинаетъ ее прилаживать къ стѣнѣ.

— Самъ чортъ! нà-ка!.. Чего орешь?

Въ немъ совсѣмъ не было замѣтно той предупредительной готовности принимать насмѣшки и ругательства, какую онъ проявилъ тогда на конкѣ. Напротивъ, весь онъ былъ пропитанъ какимъ-то милымъ, непоколебимымъ чувствомъ собственнаго достоинства, которое совершенно обезоруживало меня.

Пошлешь его на станцію.

— Сбѣгай, принеси дюжину патроновъ, да поскорѣй, пожалуйста!

Иванъ тяжело пробѣжитъ десятокъ шаговъ и идетъ дальше, солидно и убійственно-медленно шагая своими сапожищами. Ждешь, ждешь его. Черезъ полчаса является, словно съ прогулки.

— Гдѣ ты пропадалъ?

— Гдѣ! А ты куда посылалъ?

— Чортова ты перечница! Пять минутъ сбѣгать, а ты полчаса ползешь!.. Квашня!

— Чего орешь-то?—хладнокровно возражаетъ онъ.

Присѣли мы съ нимъ какъ-то покурить.

— Ты бы, Иванъ, долженъ бы меня побольше уважать,— сказалъ я.—Вѣдь я надъ тобою выше стою.

— Чорта ли мнѣ тебя уважать!.. На-ка!—изумился Иванъ. И онъ съ любопытствомъ оглядѣлъ меня своими круглыми глазами, словно выискивалъ,—за что же это, собственно, я претендую на его «уваженіе»?

Необычно было съ нимъ бесѣдовать, — совсѣмъ съ другой планеты спустился человѣкъ. «Жена моя изъ Подгорья къ намъ приведёна...» Словно о коровѣ разсказываетъ. Или сообщитъ, что отецъ письмо прислалъ, велитъ къ Ильину дню выслать пять рублей, а то отдеретъ розгами. Это двадцатилѣтняго-то мужика... И обо всемъ разсказываетъ такъ, какъ будто иначе и не можетъ быть.

Черезъ недѣлю его взяли на станцію. Однажды мой всегдашній подручный загулялъ, и мнѣ снова дали на день Ивана. Опять явился онъ въ своихъ сапожищахъ, медленный и солидный, при взглядѣ на котораго сердце начинаетъ нетерпѣливо кипѣть.

— Ну, ты, дубовая голова, подбери губы! Давай тали заправлять! Живо!

Иванъ молча нагнулся, взялъ веревку и сталъ поспѣшно продѣвать ее въ блоки. Продѣваетъ и все молчитъ. Я покосился на него: что̀ это съ нимъ?

— Ты что̀ же не ругаешься?—сконфуженно спросилъ я.— Обругали тебя, ты долженъ отвѣтить.

Иванъ молчалъ.

— Что̀ жъ ты молчишь?

Онъ исподлобья взглянулъ на меня и вдругъ самодовольно ухмыльнулся.

— Нешто я не понимаю? Небось, ты мнѣ старшой! Я противъ тебя не могу словъ говорить.

И весь день онъ былъ со мною смиренъ и испуганно-почтителенъ.

Какъ-то поздно вечеромъ я зашелъ на нашу электрическую станцію. Помощникъ машиниста возился около паровой машины; дежурный у доски, повернувшись къ доскѣ спиною, читалъ «Петербургскій Листокъ». Иванъ неподвижно стоялъ у стѣны и пялилъ сонные глаза на ярко-освѣщенные циферблаты вольтметровъ и амперметровъ.

Слѣдомъ за мною вошелъ нашъ мастеръ. Засунувъ руки въ карманы кожаной куртки, съ папироскою въ зубахъ, онъ остановился, посвистывая, въ дверяхъ. На лицахъ присутствующихъ мелькнула мимолетная улыбка, всѣ насторожились.

Вдругъ лицо мастера налилось кровью, глаза свирѣпо выкатились.

— Ванька, гдѣ мятла?!—гаркнулъ онъ.

Иванъ вздрогнулъ и быстро отдѣлился отъ стѣны.

— Мятла... Мятла... — растерянно повторилъ онъ своимъ псковскимъ говоромъ. Онъ схватилъ стоявшую въ углу метлу и сталъ быстро мести дощатый полъ.

— Я на тебя, негодяй, десять рублей штрафу запишу!— оралъ мастеръ, топая ногами, какъ сумасшедшій. — Ты для чего тутъ приставленъ, дубина стоеросовая?.. Это что? Это что?!

И онъ указывалъ рукою на окурокъ, валявшійся около рѣшетки динамо-машины.

— Поднять!.. Что за безпорядокъ?!.

Я въ изумленіи смотрѣлъ. Что это тутъ за салонный паркетъ, на которомъ и окурку нельзя валяться? Кругомъ посмѣивались.

Оказалось, дѣло было просто. Иванъ и на станціи держался тѣмъ же деревенскимъ обломомъ, совершенно не понимавшимъ всѣхъ тонкостей почтительности и подчиненія; онъ и шапку снималъ передъ мастеромъ, и не садился при немъ, а все-таки во всей его манерѣ держаться сквозило глубокое и несокрушимое чувство своего достоинства: смѣшно станетъ— захохочетъ и скажетъ, отчего ему смѣшно; обругаютъ—огрызнется. Мастеръ взялся за его муштровку; Иванъ обратился для него въ предметъ забавы. Какъ только онъ замѣчалъ, что Иванъ стоитъ безъ дѣла, такъ сейчасъ же дѣлалъ свирѣпое лицо и оралъ громовымъ голосомъ:

— Ванька, гдѣ мятла?!

Запуганный, сбитый съ толку Иванъ безпомощно и очумѣло метался теперь подъ тучею непрерывныхъ начальственныхъ окриковъ мастера. Полъ электрической станціи, дѣйствительно, превратился по своей чистотѣ чуть не въ салон-

ный паркетъ, но все-таки на немъ всегда можно было найти соломинку, спичку или обрывокъ проволоки, изъ-за которыхъ снова поднималась исторія.

Однажды, когда мастеръ въ моемъ присутствіи заоралъ на Ивана, я не выдержалъ.

— Простите, господинъ мастеръ, вы просто издѣваетесь надъ человѣкомъ! — рѣзко сказалъ я.—Если вы взыскиваете съ метельщика за каждый окурокъ, такъ потрудились бы запретить тутъ курить...

— Что̀ такое? Въ чемъ дѣло?—невинно и озабоченно спросилъ мастеръ, близко подходя ко мнѣ.

— Въ томъ дѣло, что этотъ парень сюда не въ шуты нанятъ, а вы изъ него потѣху дѣлаете для себя. Что̀ ему, все время безъ перерыву полъ мести, что ли?

— А это до васъ касается?—съ ядовитою почтительностью отвѣтилъ мастеръ. — Ты что̀ жъ стоишь, негодяй?! — злобно крикнулъ онъ на остановившагося Ивана.—Это что̀?! Видишь, соръ! Чтобъ сейчасъ же чисто было!

Иванъ испуганно бросился мести. Своимъ вмѣшательствомъ я только повредилъ ему. Мастеръ, недолюбливавшій меня, еще свирѣпѣе набросился на Ивана, и что̀ противъ него можно было сдѣлать? Мастеръ слѣдитъ за чистотою станціи,—это его право и обязанность.

Иванъ весь былъ теперь олицетвореніемъ какого-то очумѣлаго испуга и обратился во всеобщее посмѣшище, даже для своихъ же товарищей-чернорабочихъ. Ночью, когда онъ спалъ (спалъ онъ всегда, какъ мертвецъ), какой-нибудь шутникъ подкрадывался къ нему и во все горло гаркалъ въ ухо:

— Ванька, гдѣ мятла?!

Иванъ вскакивалъ, какъ отъ пружинки.

— Мятла... мятла...—испуганно повторялъ онъ сквозь сонъ и начиналъ метаться по комнатѣ, отыскивая метлу.

Дружный хохотъ приводилъ его въ себя.

Вскорѣ я уѣхалъ изъ Петербурга въ Луганскъ. Года два я работалъ на южныхъ заводахъ, потомъ воротился въ Питеръ. Опять тотъ же заводъ на трактѣ, мастерскія, разбросанныя по широкому двору, приглядѣвшаяся электрическая станція...

Однажды вечеромъ, сдавъ дежурство, я вышелъ изъ станціи. Пошабашившіе рабочіе, съ черными, маслянистыми лицами, въ ожиданіи гудка толпились у выходныхъ воротъ. Сторожа въ кожаныхъ картузахъ неподвижно стояли у барьеровъ. Я присоединился къ толпѣ.

Была мятель; широкій заводскій дворъ бѣлѣлъ подъ ярко-голубымъ свѣтомъ электрическихъ фонарей; отъ станціи неслось равномѣрное пыхтѣніе, клубы пара, словно громадныя, растрепанныя бѣлыя птицы, метались подъ вѣтромъ по двору и проносились влѣво, за ярко освѣщенную механическую мастерскую.

Толпа прибывала. Старики стояли, устало сгорбившись, молодые нетерпѣливо переминались и стучали ногою объ ногу.

— Что̀ жъ гудка нѣту? Охрипъ, что ли?—сердито сказалъ стоявшій передо мною слесарь, ежась и пряча руки въ рукава.

— Чего прешь впередъ?—ворчали сзади.—Видишь, люди стоятъ.

— Э, дура, боишься, каша дома перепрѣетъ?

— Нѣтъ, ребята, у него Манька нынче заждалась!

— Народу-то сколько, ба-атюшки! И кто ихъ столько нарожалъ, чертей?—изумлялся кто-то.

Въ порывахъ мятели носились и обрывались сальныя шутки, ругательства. Нетерпѣніе росло, увеличивавшаяся толпа напирала сзади, и свободный кругъ передъ воротами суживался. Отмѣтчики ругались и осаживали народъ назадъ.

Къ калиткѣ прошелъ мастеръ литейной мастерской, толстый, съ поднятымъ мѣховымъ воротникомъ.

— Сторонись, ребята, начальство идетъ!—съ ироническою почтительностью скомандовалъ кто-то.

— Брюхатое!—прибавилъ голосъ изъ толпы.

— Какъ бы, ребята, въ калиткѣ не застрялъ... Сторожъ, раскрой ворота!

Мастеръ не оборачивался и пряталъ голову въ воротникъ, чувствуя на себѣ враждебное вниманіе принужденной ждать толпы.

Рядомъ со мной стоялъ токарь, лѣтъ сорока пяти, съ черносѣдою бородкою. Онъ сонно моргалъ глазами, и его худощавое лицо казалось при электрическомъ свѣтѣ мертвеннымъ; лицо было умное и хорошее, но глаза смотрѣли вяло, съ глухимъ, глубокимъ равнодушіемъ ко всему.

— Больно ужъ ты что-то уморился!—сказалъ я.

— Съ полночи работаю,—коротко отвѣтилъ онъ.

— Что̀ такъ?

— Прогулялъ два дня. Четыре рубля штрафу да четыре заработку, восемь цѣлковыхъ. Нужно наверстывать... До полночи посплю, а тамъ опять пойду ось точить.

— Все работать... Когда же жить?

Онъ устало махнулъ рукою.

— Наша жизнь ужъ пропита!

— Три дня этакъ проработаешь,—опять запьешь.

— Понятное дѣло...

За станціей, дрожа и покрывая свистъ мятели, оглушительно загудѣлъ гудокъ. Толпа колыхнулась и устремилась къ барьерамъ. Ворота распахнулись.

Тѣснясь и спѣша, рабочіе пятью узкими потоками двигались между барьерами къ воротамъ. У конца барьеровъ сторожа обыскивали выходящихъ, быстро проводя у каждаго рукою спереди и сзади. Мы съ сосѣдомъ втиснулись въ барьеръ и продвинулись къ выходу. Передъ нами плотный и неуклюжій сторожъ, тщательно и не торопясь, ощупывалъ высокаго рабочаго.

— Да ты скоро? — сердито крикнулъ токарь. — Полчаса ждать тебя тутъ! Вшей, что ли, ты ищешь у него?!

— Поговори у меня!—хладнокровно произнесъ сторожъ.

Онъ пропустилъ обысканнаго рабочаго.

— Что̀ стали?—крикнули сзади, напирая.

— Ну, дѣдо, держись!.. Дави, ребята!

— Черти! Кишки выдавили!..

Толпа стремительно наперла сзади и вытолкнула стоявшаго впереди токаря, такъ что онъ проскочилъ мимо сторожа.

Сторожъ повернулся быстро и неуклюже, какъ медвѣдь, поймалъ токаря за рукавъ, а другою рукою сорвалъ съ него шапку и отбросилъ ее далеко въ снѣгъ.

У токаря блеснули глаза.

— Ахъ, ты, негодяй! — крикнулъ онъ. — А если я съ тебя шапку сорву?!

— Знай порядокъ! Куда прешь?—грубо отвѣтилъ сторожъ.

— Ступай, подыми шапку!—яростно крикнулъ токарь, наступая на него.

Толпа грозно зароптала.

— А въ контору хочешь?—выразительно спросилъ сторожъ.

— Вотъ тебѣ контора!

Токарь сорвалъ со сторожа картузъ съ бляхою и швырнулъ его навстрѣчу мятели.

Сторожа схватили токаря.

— Веди его въ контору!

— Погодите, любезные, мы всѣ въ контору пойдемъ! — сказалъ я.—Мы тамъ справимся, смѣете ли вы съ насъ шапки срывать.

Старшаго отмѣтчика въ проходной конторѣ не было: онъ какъ разъ ушелъ за чѣмъ-то. Мы остановились въ ожиданіи его у входа. Сторожъ стоялъ и крѣпко держалъ токаря за рукавъ.

— Не держи меня, я самъ не уйду!—бѣшено крикнулъ токарь, вырывая руку.

— Ты у меня поговори!—пригрозилъ сторожъ и схватилъ его снова.

Сторожъ былъ теперь безъ шапки. Я вглядѣлся въ него: крупныя губы, странно знакомое лицо подъ волосами въ скобку...

— Ванька, да это ты?!—съ удивленіемъ воскликнулъ я.

— Вотъ те и Ванька!—грубо отвѣтилъ сторожъ.

Наши показанія не повели ни къ чему. Токаря уволили съ завода, а сторожъ остался. Массивный и неуклюжій, онъ стоитъ у воротъ, застывъ въ тупомъ величіи. Этакого грубаго скота я еще не встрѣчалъ. Думаю, недолго до того, что какъ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ его изобьютъ до полусмерти.

Да, вотъ те и Ванька!..

1900.

КЪ СПѢХУ.

Однажды вечеромъ я сидѣлъ на крылечкѣ избы моего пріятеля Гаврилы и бесѣдовалъ съ его старухой-матерью Дарьей. Шелъ покосъ, народъ былъ на лугахъ. Изъ сосѣдняго проулка выѣхалъ на деревенскую улицу незнакомый лохматый мужикъ. Онъ оглядѣлся, завидѣлъ насъ, повернулъ лошадь къ крылечку и торопливо спрыгнулъ съ телѣги.

Мужикъ былъ босъ, порты болтались на его ногахъ; изъ разстегнутаго ворота грязной холщевой рубахи глядѣла коричневая грудь, густые волосы на головѣ были спутаны и пересыпаны сѣнной трухой.

— Эй, тетка! Гдѣ тутъ у васъ самая рябая дѣвка живетъ?— съ тою же торопливостью обратился онъ къ Дарьѣ. Вообще во всѣхъ его движеніяхъ было что-то торопливое и какъ будто очумѣлое.

— Чтой-то, Господи помилуй!—медленно произнесла Дарья и широко раскрыла глаза.—На что тебѣ?

— Самая что̀ ни на есть рябая! Сказывали, есть у васъ такія...

Въ смѣющихъ глазахъ Дарьи промелькнуло что-то: она поняла. Но я не понималъ и удивленно смотрѣлъ на мужика, припоминая въ то же время, что я гдѣ-то ужъ видѣлъ его раньше.

Дарья протяжно отвѣтила:

— Есть, милый, есть рябенькія!.. А ты самъ откудова?

— Изъ Малахова самъ я... Сорокъ денъ, какъ жена померла, дома трое ребятъ, а пора, сама знаешь, горячая. Никакъ не управиться одному!

— Ты вотъ что̀: иди ты къ Мотькѣ десятсковой. Вотъ она, десятская изба, рядомъ.

— А какъ скажешь, пойдетъ она за меня?

— Ты самъ ее и спроси... Да вонъ она отъ колодца съ ведрами идетъ. Какъ подойдетъ, ты и спроси.

— Илья! Или не призналъ?—обратился я къ мужику.

Онъ быстро уставился на меня своими бѣгающими глазами.

— А-а, Викентьичъ! — радостно проговорилъ онъ, и въ углахъ его глазъ запрыгали морщинки. — Будь здоровъ, съ пріѣздомъ!

Онъ протянулъ мнѣ корявую руку.

— Татьяна твоя померла?—спросилъ я, пораженный.

— Померла, померла!—пробормоталъ онъ.—Вчера сороковины справилъ. Заложило бокъ,—въ недѣлю свернулась, царствіе ей небесное!.. Померла, померла Татьяна!

Въ прошломъ году, позднею осенью, я ночевалъ въ Малаховѣ у Ильи, и мнѣ хорошо помнилась его жена Татьяна. Рядомъ съ очумѣло-суетливымъ Ильею странно было видѣть ее—неторопливую и спокойную, съ ясными, ласковыми глазами; видно было по всему, что она стояла поверхъ мужа, и что онъ признавалъ ея опеку, увѣренную и любовную... И вотъ она умерла. То-то онъ теперь такой грязный и лохматый!

Къ сосѣднему двору подошла коренастая, приземистая Мотька съ двумя ведрами на коромыслѣ. Илья поспѣшно бросилъ вожжи въ кузовъ телѣги и рысцою, въ болтающихся портахъ, подбѣжалъ къ Мотькѣ.

— Дѣвочка, а дѣвочка! Ты самая рябая на деревнѣ?

Мотька поставила ведра на землю, удивленно оглядѣла Илью, вдругъ густо покраснѣла и потупилась.

Илья дѣловито заговорилъ:

— Слушай, дѣвочка! Холостой тебя не возьметъ, — на что ты ему такая? А я вдовый, трое ребятъ у меня, хозяйство, какъ слѣдуетъ быть,—лошадь, корова, ну и все такое... Пойдешь замужъ за меня?

Мотька стояла, потупившись, и молчала.

— Что жъ ты, дѣвонька, молчишь? Ай обидѣлась? — недоумѣвающе спросилъ Илья.

Дарья слушала, покатываясь со смѣху.

— Ступай къ батѣ!—тихо отвѣтила Мотька.

— Ну его, батю! Ты-то пойдешь ли?

— А вотъ батя тебѣ и скажетъ.

Илья ударилъ себя по бедрамъ.

— Заладила одно: батя да батя... Я тебя спрашиваю.

— А ну те къ чорту, параликъ лохматый!—вдругъ сердито крикнула Мотька, схватила ведра и стремительно ушла въ ворота.

Илья поднялъ брови, поглядѣлъ ей вслѣдъ и, почесывая въ спутанныхъ волосахъ, побрелъ къ намъ.

— «Батя» да «батя», больше ничего! — разочарованно произнесъ онъ. — Сама ряба такъ, что лучше и не надо, а тоже — «батя»! А того не понимаетъ, что батѣ ея бутылку водки поставь, да еще пріѣзжай, да еще... а времени гдѣ же возьмешь! Пора горячая, мнѣ бы поскорѣе!

Онъ высморкался пальцами задумчиво отеръ руку о подолъ и вдругъ встрепенулся.

— Нѣтъ ли у васъ здѣсь еще кого? Нѣту?.. Ну, коли нѣту, то, значитъ, до Тайдакова надо доѣхать: тамъ тоже, сказываютъ, рябенькія есть... Оставайтесь здоровы!

Илья взвалился на телѣгу, захватилъ въ руки вожжи и повернулъ на дорогу въ Тайдаково. Я съ недобрымъ чувствомъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, и мнѣ вспоминались ласковые, ясные глаза Татьяны, умершей всего шесть недѣль назадъ.

Мотька появилась въ воротахъ. Съ злымъ, нахмуреннымъ лицомъ она стояла и глядѣла на золотистое облако пыли, въ которомъ дребезжала телѣга удалявшагося Ильи.

— Ты что̀ же это, дѣвка, жениху-то отказала? — невинно спросила Дарья.

— «Отказала»!.. Самъ страшный какой, а меня съ перваго же слова срамить зачалъ: ты, говоритъ... самая рябая на всей деревнѣ!..

Голосъ Мотьки задрожалъ,— отъ обиды или отъ сожалѣнія?.. Она повернулась и снова ушла во дворъ.

Въ серединѣ іюля я возвращался домой на бѣговыхъ дрожкахъ изъ Тулы. Былъ самый разгаръ страды. Солнце садилось, вся даль къ западу была затянута нѣжно-золотистою пылью, какъ туманомъ; пахло спѣлою рожью. По безбрежной шири полей всюду виднѣлись разсѣянныя въ одиночку рубахи косцовъ и согнутыя спины жницъ; пыльные, облитые пòтомъ, всѣ работали молча и сосредоточенно. Что-то тягучее и тупо-властное стояло въ знойномъ воздухѣ, и копошившіеся среди ржи молчаливые люди казались пригнетенными рабами какой-то огромной, безпощадной силы.

Солнце сѣло, на востокѣ появилась сѣро-лиловая полоса съ слабо-пурпуровымъ краемъ,—первая тѣнь надвигавшейся ночи. Золотистый западъ блѣднѣлъ, полоса на востокѣ темнѣла и росла; а вмѣстѣ съ этимъ вокругъ становилось все тише, и людей на поляхъ попадалось все меньше. Дойдя до четверти неба, надвигавшаяся съ востока тѣнь слилась съ вдругъ потемнѣвшимъ небомъ, и на немъ замигали звѣзды.

Дрожки быстро катились по накатанной дорогѣ въ сѣрой мглѣ вечера. Съ низинъ потянуло влажною прохладою. Во встрѣчныхъ деревняхъ гасли огни. Истомленное зноемъ и трудомъ, все вокругъ сладко засыпало.

Была поздняя ночь, когда я проѣзжалъ черезъ Малахово. Деревня спала мертвымъ сномъ. Вдругъ у крайней избы, около плетня, я замѣтилъ черную фигуру. Она медленно ходила подъ лозинами взадъ и впередъ, медленно и однообразно раскачивалась... Неужели это Илья? Изба была его, а недѣлю назадъ, поздно вечеромъ проѣзжая черезъ Малахово, я видѣлъ Илью, сидѣвшаго на завалинкѣ и баюкавшаго ребенка. Я остановилъ лошадь.

— Илья, это ты?—окликнулъ я человѣка.

— Я,—коротко отвѣтилъ онъ изъ темноты.

Я слѣзъ съ дрожекъ и подошелъ къ Ильѣ. На рукахъ, подъ накинутымъ на плечи зипуномъ, онъ держалъ закутаннаго въ свивальникъ ребенка. Я спросилъ:

— Что̀, или и до сихъ поръ не нашелъ ты себѣ невѣсты?

— Невѣсты-то?.. Нѣтъ, слава Богу, тогда же дѣло сладилъ въ Тайдаковѣ. Есть теперь баба; хорошая баба, лихая на работу,—дай Богъ всякому.

— Что̀ же это ты самъ съ ребенкомъ носишься?

— Не привыкъ онъ къ ней,—неохотно отвѣтилъ Илья.

Я вглядѣлся въ ребенка.

— Да онъ же спитъ!—воскликнулъ я.

— Пущай спитъ!—пробормоталъ Илья.

— Вотъ чудакъ!—пошелъ бы и самъ спать,—усталъ вѣдь съ работы! Да и для ребенка лучше, если положишь его.

Илья помолчалъ.

— А можетъ, я это не для него дѣлаю, а для себя?

Я удивленно оглядѣлъ его. Лицо Ильи было грустно и необычно-сосредоточено. И вдругъ я понялъ...

Страдные дни властно отбирали себѣ у Ильи всѣ его помыслы и всю душу. И вотъ короткія ночи онъ, вмѣсто отдыха, одиноко ходилъ съ ребенкомъ подъ лозинами, отдаваясь на свободѣ воспоминаніямъ и тоскѣ.

1899.

ЗА ПРАВА.

Однажды въ августѣ я ѣхалъ на велосипедѣ по петербургскому шоссе. Ѣхалъ я съ утра и порядкомъ пріусталъ. Солнце стояло высоко и пекло; но по мелкимъ и чахлымъ перелѣскамъ, по болотистымъ луговинамъ ползъ еле видный туманъ, плоскій горизонтъ былъ затянутъ дымкой, а въ душно-тепломъ, сыромъ воздухѣ проползали струйки гнилого холода.

На краю большого торговаго села стоялъ трактиръ. Я подкатилъ къ нему и вошелъ. Въ просторной, низкой комнатѣ было прохладно и пусто. Посѣтителей не было, только у окна сидѣла за чаемъ молодая бабенка съ круглымъ румянымъ лицомъ; возлѣ нея на стулѣ лежали палка и узелъ. По комнатѣ маленькими шажками расхаживалъ содержатель трактира, низенькій человѣкъ съ короткими ногами, а у стойки, облокотившись о выступъ шкапа, сидѣла его пухлая и толстая жена. Всѣ трое разговаривали, но, когда я вошелъ, замолчали.

Я заказалъ себѣ пару чаю, выпилъ водки и, сѣвъ къ столику, развернулъ свою сумку съ припасами. Молодая путница съ дѣтскимъ, пристальнымъ вниманіемъ слѣдила за тѣмъ, какъ я рѣзалъ икру, какъ намазывалъ ее на хлѣбъ.

— Я, баринъ, не буду говорить, а что̀ я думаю! — заговорила она, широко улыбаясь.—Какъ увижу я эту самую икру, такъ у меня слюна и пойдетъ. Знаете, въ лужахъ, гдѣ лягушата водятся, много яичекъ такихъ наложено. Увижу икру,— сейчасъ мнѣ это и вспомянется, и ужъ такъ-то противно станетъ.

Лицо у спутницы было наивно-глуповатое, но удивительно открытое и располагающее; говоря съ ней, невольно хотѣлось улыбнуться.

— А то попробуйте!—предложилъ я ей.

— Нѣтъ, баринъ милый, нѣтъ! Вотъ выложите вы мнѣ

сейчасъ двадцать пять рублей, скажите: «Настасья, поѣшь икры!»—не стану ѣсть, ей-Богу! Сейчасъ лягушки вспомнятся... А вѣдь есть, которые и лягушекъ ѣдятъ,—обратилась она къ хозяйкѣ.—Ей-Богу. Вотъ студенты въ Петербургѣ, они тебѣ какую хочешь лягушку съѣдятъ. Ничего, ничего для нихъ нѣтъ святого!.. Около конки книжку продавали: «Конецъ свѣта 15 ноября». Что̀ же это такое? И кто же это выдумалъ? Не иначе, какъ эти самые студенты, потому, для нихъ ничего, какъ есть, нѣтъ: свѣтъ и свѣтъ, а на свѣтѣ — ни грѣховъ и ничего для нихъ нѣтъ. Блудъ, плотоугожденіе — это тоже для нихъ не грѣхъ. Да, да!.. Запретили имъ эту книгу продавать, сейчасъ же выпустили другую: «Конца свѣту не будетъ!» Вотъ. А теперь все въ календаряхъ пишутъ, что будетъ всемірная война... Вѣдь это просто ужасти, что̀ такое!—вздохнула путница. — Что̀ ни на есть, а придумаютъ, и никакого намъ спокою не даютъ!

И она съ огорченіемъ оглядѣла насъ своими ясными, наивными глазами. Сразу было видно, что душа у нея нараспашку, и что любому желающему она всегда готова выложить ее во всей полноти.

— Правда ли, нѣтъ ли, а сказываютъ, что и впрямь война будетъ,—отозвалась хозяйка тонкимъ голоскомъ, странно звучавшимъ изъ ея огромнаго, жирнаго тѣла.—Сказывали, послалъ царь гонца въ Англію, чтобъ воевать намъ съ ними тридцать лѣтъ. Тѣ запросили уступки, чтобъ только десять лѣтъ воевать. И порѣшили на томъ, чтобъ воевать имъ пятнадцать лѣтъ.

— Дура... Вотъ дура!—презрительно произнесъ хозяинъ и, усмѣхнувшись, взглянулъ на меня.—Такъне воюютъ,—на сроки. Какъ побѣдятъ непріятеля, то и заключаютъ миръ.

— А что̀, милые мои, какъ войну объявятъ, чай, и запасныхъ солдатовъ погонятъ?—спросила путница.—Богъ дастъ, и моего тогда хозяина возьмутъ...—Она скорбно задумалась.—Господь съ нимъ, пускай угоняютъ! Можетъ, легче мнѣ станетъ, покой будетъ. А то много онъ мнѣ безпокойствъ дѣлаетъ.

— Въ Питерѣ онъ у тебя?

— Въ Питерѣ, голубчикъ, въ Питерѣ... Иду вотъ къ нему добывать свои права!—торжественно произнесла путница.

— Обижаетъ?

— Ужъ такъ обижаетъ, что и страданій больше нѣтъ на свѣтѣ!.. Раньше-то мы хорошо жили съ нимъ, въ деревнѣ... Взяли его въ солдаты, въ кавалерію. Отслужилъ срокъ, воротился домой. И захотѣлось ему въ люди итти. Сказался отцу. Отецъ ему такъ отвѣтилъ: «кому дома тѣсно жить, тому ничего не будетъ, пусть съ однимъ крестомъ идетъ»... Уѣхали

мы въ Петербургъ, поступилъ онъ въ кучера. Какъ кончился срокъ паспорту, сталъ онъ меня въ деревню назадъ отсылать.—«Куда жъ я, говорю, поѣду? При чемъ тамъ буду? Вѣдь отецъ ничего тебѣ не далъ». Никакихъ резоновъ не принимаетъ, прямо въ морду. «Уѣзжай, говоритъ, прочь!»—«Какъ такъ? Нѣтъ, говорю, милый мой, мы съ тобой по закону живемъ, а не какъ-нибудь. Насъ съ тобой попъ къ вѣчной совмѣстной жизни благословилъ, такъ нельзя!..» А онъ дерзкій такой, неспокойный; такая колотушка, что Господи Боже! Бьетъ день и ночь, просто увѣчитъ меня! Дѣвокъ сталъ къ себѣ водить, мнѣ ни копеечки не даетъ... Что̀ же это такое?.. Ужъ я его срамлю, я его срамлю: «Какъ тебѣ не стыдно мнѣ, бѣдной женѣ, полсапожекъ не купить? Я тебѣ жена законная, а безъ полусапожекъ хожу!..» Вотъ разъ ушелъ онъ. Думаю я: что̀ мнѣ дѣлать? Ничего онъ мнѣ не покупаетъ. Ахъ, ты, Господи Боже!.. Отыскала ключъ да и вытащила десять рублей.

— Что̀ же онъ? — спросила хозяйка.

— Что̀ жъ, онъ ничего сказать не можетъ. Сказалъ бы, такъ я бы ему такое показала! «Мало люди, что ли, учены? Онѣ тебя и не такъ еще обчистятъ, хороводься больше!» — «Онѣ не обчистятъ, онѣ меня такъ любятъ».—«Та-акъ!.. Ужъ, пожалуйста, не врн! Это жена можетъ въ союзной жизни не считаться, а чтобы баба всякая... На что ты ей такъ-то нуженъ будешь?..» Ну, однако сталъ онъ меня послѣ того еще пуще бить. Да что̀,—съ ножомъ на меня набѣгалъ! До того извелъ, что нѣтъ моей мочи... Тутъ люди, которые видѣли мои обстоятельства, научили меня лично подать прошеніе въ канцелярію Его Императорскаго Величества по семейнымъ дѣламъ. Вызвали насъ. Вышелъ начальникъ, поспрошалъ и говоритъ ему, Семену-то моему:

«— Самое лучшее, что̀ я могу вамъ посовѣтовать, — дайте подписку мирной жизни.

«— Нѣтъ, говоритъ, я такой подписки дать не могу, потому знаю мой характеръ.

«Спрашиваетъ меня:

«— Ну, а вы чего отъ вашего мужа желаете?

«— Я, ваше высочество, желаю отъ моего мужа одного: совмѣстной жизни. Ну, а если такой невозможно, то дайте мнѣ, — объ одномъ я буду просить ваше высочество, — дайте мнѣ... отдѣльный пачпортъ!

«Посмотрѣлъ на мужа, говоритъ:

«— Если вы не согласны дать подписки на мирную жизнь... Вы люди молодые, могли бы обойтись.

«Семенъ молчитъ.

«— Ну, тогда намъ придется выдать вашей супругѣ отдѣльный видъ, и тогда уже вы до нея некасаемы.

«— Мнѣ, говоритъ, это все равно. А только я ничего не потерплю отъ своей супруги: ежели что̀ замѣчу, я ее изведу. Самъ въ Сибирь пойду, а ужъ не потерплю... А позвольте, ваше благородіе,—можно мнѣ черезъ семь лѣтъ жениться?

«— Это, говоритъ, очень важная суть. Есть, правда, такіе милліонщики, которые этого достигаютъ, но тутъ больше все отъ вашей жены зависитъ...

«Какъ, значитъ, получила я отдѣльный пачпортъ, не даетъ мнѣ Семенъ съ собой жить,—зачѣмъ его осрамила. На мѣсто поступишь,—скандалами изводитъ... Ну, выѣхала я на Черную рѣчку, сняла чистенькій уголъ и стала на фабрику ходить. А хозяевамъ сказала: «вотъ, хоть и замужняя, а отдѣльный пачпортъ имѣю; если мужъ прійдетъ, вы его до меня не допускайте». Мѣсяцъ живу, другой. Пошла какъ-то въ мелочную лавочку, селедки купила, хлѣба, иду назадъ. Смотрю, по панели онъ бѣжитъ. Весь красный. А я ужъ къ воротамъ подхожу. У воротъ дворникъ стоитъ, посередъ улицы городовой. Подбѣгаетъ ко мнѣ, а въ рукахъ ножъ острый.

«— Кланяйся, говоритъ, вотъ сейчасъ, здѣсь, мнѣ въ ноги!

«— Я тебѣ поклонюсь, я законы знаю, но только спрячь, Христа-ради, ножъ.

«Стоитъ, глаза таращитъ. Я ему опять говорю:

«— Спрячь ножъ, а потомъ я тебѣ сдѣлаю все, что̀ ты пожелаешь!

«Опустилъ ножъ въ карманъ, а самъ говоритъ:

«— Кланяйся!

«— Послушай, говорю, пойдемъ ко мнѣ въ комнату, тамъ я тебѣ поклонюсь. Неужели жъ ты хочешь, чтобы я здѣсь тебѣ, на улицѣ, кланялась, и чтобы народъ собрался на насъ смотрѣть?

«Разъ меня по мордѣ! Тутъ городовой, дворникъ подбѣжали. Я имъ говорю:

«— Возьмите, ради Христа, — у него открытый ножъ въ рукѣ!

«Сейчасъ у него ножикъ отобрали и въ участокъ... И тутъ я его пожалѣла. Пожалуйся я, предъяви свой отдѣльный пачпортъ, его бы въ двадцать четыре часа выслали изъ Петербурга. А я пожалѣла. Ну, тутъ, какъ увидѣлъ онъ это, приказалъ мнѣ на утро къ девяти часамъ къ нему ворочаться. И опять стало мое дѣло — при мужѣ жить... Только вотъ что̀ онъ мнѣ сказалъ:

«— Ну, хорошо! Мы можемъ сойтиться жить, но если ты что̀ будешь ерундить, то я тутъ же могу тебѣ сказать: «ступай, не хочу!»

«Это значитъ, что ка̀къ ужъ онъ со мной ни поступай, а я все терпѣть должна. Хорошо. Стали мы жить. И началъ онъ меня издѣвательствами изводить. Ни копейки опять ни на что не даетъ, смѣется. «Ты, говоритъ, женщина молодая, въ соку, съ отдѣльнымъ пачпортомъ, — какъ же тебѣ самой себѣ не заработать?» А я стала хворать. Двугривеннаго не даетъ на лѣкарство, а самъ рубли швыряетъ. Вижу, плохи мои дѣла. Кое-какъ сколотила копейку и уѣхала въ деревню. Живу, поправляюсь. И что̀ жъ вы думаете? Девять мѣсяцевъ жила, и ничего онъ мнѣ не шлетъ, не пишетъ,—это мужъ-то, супругъ законный! А какъ пріѣхала назадъ въ Питеръ, у него ужъ тутъ всякія-всякія... Не могу я смотрѣть! Такъ обидно, даже тошно: юбки всякія, кофты понавѣшаны въ квартирѣ! Вотъ онъ вышелъ, я все забрала, да въ плиту, а чтобы гарью не пахло, форточку открыла. Хожу, кутаюсь. Приходитъ, я ему говорю:

«— Какъ у васъ скверно пахнетъ!

«— Извѣстно, говоритъ, не одеколономъ. Вокругъ лошадей тремся.

«Увидѣлъ, что платьевъ нѣту...

«— Куды дѣла?

«— Отстань, пожалуйста, я и не видала!

«Туть я и начала, и начала...

«— Ты что̀ это, говорю, дѣлаешь? Ты изъ двухъ законовъ кровь пьешь! Господи ты, Боже! И до чего ты человѣка допустилъ! Ничего мнѣ не остается, какъ руки на себя наложить. Повѣшусь, да и все тутъ!

«— За чѣмъ же дѣло стало? Веревокъ много.

«Я плачу, заливаюсь.

«— Господи, и кто же передъ Тобой мои грѣхи за меня замолитъ?

«— Я, говоритъ, замолю.

«— Ты? Нѣтъ, ты не можешь! Жена за мужа, дѣйствительно, можетъ, и какой бы грѣхъ ни былъ, сто̀итъ женѣ пожелать, и она всегда замолитъ. А ты не можешь... Ну, вотъ что̀: хочешь (послѣднее пытаю!), — поѣдемъ къ отцу Іоанну Кронштадтскому? Пусть онъ насъ съ тобой разсудитъ.

«— Что̀ жъ, Іоаннъ Кронштадтскій, онъ, дѣйствительно... Но только мы и безъ него все знаемъ.

«Вотъ! Этимъ самымъ словомъ и отвѣтилъ! — со страхомъ произнесла путница. — Что̀ же это такое? Вѣдь это просто ужасти, что̀ такое!.

«— У тебя, говоритъ, отдѣльный пачпортъ, ты женщина свободная и до меня некасаемая.

«— Нѣтъ, я говорю, милый, Богъ выше пачпорта, это ты мнѣ не говори! Насъ съ тобой законно Богъ связалъ. Ты меня и послѣ пачпорта соблазнялъ къ совмѣстной жизни, у меня на это свидѣтели есть!.

«Такъ три раза отъ него я въ деревню уѣзжала и опять набѣгала, думала, — возьметъ его совѣсть, одумается. Только нѣтъ. Стала я тутъ къ гадалкѣ ходить, хочу узнать, что̀ мнѣ отъ мужа будетъ. Раскрыла она книгу, смотритъ.

«— Вы, говоритъ, замужемъ. Съ мужемъ хорошо живете?

«— Нѣтъ, плохо.

«— Плохо. Онъ дерзкій!.. Водку пьетъ?

«— Пьетъ.

«— Онъ у васъ, какъ левъ...

«И вѣдь это сущая правда!.. Потомъ говоритъ:

«— Онъ не съ одной живетъ. Одна у него въ отъѣздѣ.

«Какъ подумала, такъ и это правда. Я-то сама и была въ отъѣздѣ, а больше и некому... А тѣмъ я на нее обижаюсь, что была я у нея два раза, по шестьдесятъ копеекъ денегъ платила, и вѣдь все ужъ ей досконально извѣстно. Видитъ она, что я мучаюсь, — почему же она не сказала, есть мнѣ приступъ къ Семену или нѣтъ?»

Путница подперла руками грудь и скорбно задумалась.

— Вотъ ужъ два года я такъ и живу, — снова заговорила она. — Жена — не жена, и неизвѣстно, что̀ я такое. Повѣрите, та̀къ меня это вотъ тутъ-то мутитъ, что руки бы на себя наложила, кабы души мнѣ не было жалко. Погибнетъ она, какъ червякъ. Да что̀, хуже червя! Потому, червякъ погибнетъ, и все тутъ, а за погибшую душу ангелы ея охранители будутъ горько плакать вѣковѣчно... Такъ-то они пѣснистихи поютъ вѣковѣчные, ну, а какъ съ душой что̀ приключится, то и имъ плохо. Скажемъ, къ примѣру,—убійцъ души, удавицъ, пискунцовъ...

— Что̀ это такое — пискунцы? — спросилъ я.

— А пискунцы, это, милый, выкидышныя дѣти, которыя послѣ шести мѣсяцевъ. Знаете, какъ теперь женщины, особенно по городамъ: все больше норовятъ выкидывать. Если выкидышъ, покуда духъ въ ребенка еще не вселился, значитъ, до шести мѣсяцевъ, — это ни по чемъ не считается; а если послѣ шести мѣсяцевъ, то терпятъ они муки всякія, покуда родители не помрутъ и Богу не дадутъ отвѣта. Ну, хорошо, какъ они скоро помрутъ, а вѣдь есть такіе, что̀ до ста лѣтъ живутъ,—и чего только тогда младенецъ ни приметъ!..

Путница замолчала.

— А только не могу я больше терпѣть, и вотъ что̀ я надумала: какъ приду въ Питеръ, куплю я кухольный ножъ съ острымъ концомъ и отправлюсь къ нему. Выжду, когда онъ уйдетъ, конечно, сторожу на чай дамъ, чтобы ничего не говорилъ... А можно такъ, чтобъ и сторожъ не зналъ... И такіе ему фундаменты подведу, что только держись! — Путница воодушевилась. — Проберусь къ нимъ въ комнату да залягу подъ ихнюю постель, и буду до того выжидать, пока они придутъ, улягутся, и настанутъ тихіе часы... Тутъ я и начну выбираться. Если и стукну, такъ что̀ жъ! Вѣдь спятъ всѣ. Выберусь и сдѣлаю настоящее сраженіе! Ее, — ее заколю, а его оставлю. И потомъ пускай со мной, что̀ хотятъ, дѣлаютъ. Все равно, его обвиноватятъ.

Она замолкла и съ торжествующей улыбкой оглядѣла насъ. Я спросилъ:

— Зачѣмъ вамъ все это дѣлать? Онъ васъ не любитъ, вы вотъ тоже рады будете, если его угонятъ въ солдаты, паспортъ отдѣльный у васъ есть... Чего жъ вамъ еще нужно? Пускай живетъ, какъ хочетъ, вамъ-то что̀?

— Нѣтъ, милый, нѣтъ! — съ сожалѣніемъ возразила путница.—Нѣтъ, я этого не могу! У меня есть свои права, онъ долженъ законъ соблюдать. А то что̀ такое? Вдова—не вдова, и всякій можетъ меня обидѣть.

Кабатчикъ съ предубѣжденіемъ оглядывалъ путницу.

— А не иначе, бабочка, что есть въ тебѣ какая-нибудь порча, коли мужъ тобой брезгуетъ.

— Нѣту, милый,—это я тебѣ, какъ на духу, скажу,—нѣту никакой порчи! Вотъ вся я тутъ передъ вами; сами видите,—молодая, тѣлистая, красивая. Кабы брезговалъ, такъ не бѣгалъ бы за мной съ ножомъ, не высматривалъ... А я вотъ про что думаю. Въ послѣдній разъ сказалъ онъ мнѣ: «Я знаю, что ты мнѣ жена, и жену я ни на кого не промѣняю. Я, можетъ, всю эту шушеру къ утру выгоню и жену приму. А только далъ я зарокъ передъ Богомъ и не отступлюсь: три раза ты меня покидала, и рѣшилъ я три года къ себѣ жену не подпускать. Какъ ты мнѣ жена, то должна была ты отъ мужа *все* стерпѣть, а теперь нечего!..» И вотъ я все думаю: какъ это, вѣдь вѣрно?

Путница пригорюнилась и уставилась въ окно.

1902.

ВЪ СУХОМЪ ТУМАНѢ.

Товаро-пассажирскій поѣздъ медленно ползъ по направленію къ Москвѣ. Вечерѣло, было очень жарко и душно. Въ вагонѣ нашемъ царствовала сонная скука и молчаливость; пассажиры,—все больше изъ «сѣрой» публики,—спали на скамейкахъ и на пыльномъ, заплеванномъ полу, либо вяло разговаривали, куря махорку. Сидѣвшій противъ меня мѣднолитейщикъ изъ Москвы молча крутилъ свою черную бородку и сумрачно смотрѣлъ въ окно. Онъ ѣздилъ на побывку къ себѣ въ деревню, и теперь возвращался въ Москву; въ деревнѣ ли у него было что-нибудь неладно, по характеру ли онъ былъ такой, или дѣйствовала на него погода, — но все время онъ смотрѣлъ сурово и обиженно, какъ будто всѣ мы очень досадили ему чѣмъ-то.

Погода была странная. Сѣроватая муть покрывала небо, солнце свѣтилось сквозь нее блѣднымъ пятномъ; неясный горизонтъ терялся въ густой сѣро-лиловой мглѣ, и трудно было понять, что это тамъ,—тучи, дымъ или что другое. Проносившіяся мимо поля, рощи, деревни,—все было окутано синеватою дымкою, словно туманомъ; но какой туманъ могъ держаться въ этомъ сухомъ, раскаленномъ воздухѣ, въ которомъ почти мгновенно таялъ валившій изъ трубы паръ? Ни одна травинка не шевелилась, надъ полями стояла странная тишина. Что-то непонятное, загадочное было во всей природѣ, это томило и раздражало.

— „Вотъ погода удивительная! — сказалъ я. — Должно-быть, гдѣ-нибудь лѣса горятъ.

— Это, баринъ, не лѣса горятъ,—возразилъ плотный, приземистый плотникъ-рязанецъ. — Это сухой туманъ.

— Какой сухой туманъ?

— Къ жарѣ. Жара, значитъ, туманною мглою идетъ по землѣ; гдѣ пройдетъ, все посушитъ на отдѣлку.

— У насъ подъ Чернью три года назадъ такой туманъ на поля палъ, — заговорилъ блѣдный старикъ съ болѣзненнымъ лицомъ, въ рваномъ, заплатанномъ зипунѣ. — Въ одинъ день весь хлѣбъ посохъ. Сыпется зерно, вязать начнетъ баба, — свясла въ труху разсыпаются; такая спѣшка пошла, — косцу по три съ полтиной въ день платили, только коси поскорѣй!

— Что же такое туманъ этотъ? Пыль, что ли?

— Зачѣмъ пыль? Нѣтъ. Просто сказать,—сухой туманъ! — объяснилъ плотникъ.

— Значитъ, жара самая и есть, сушь!—прибавилъ старикъ.

Конечно, пылью это быть не могло. Но что же это?.. И начинало казаться, что это, дѣйствительно, зной принялъ доступный глазу видъ и зловѣщимъ синимъ туманомъ стоитъ надъ сохнущими полями, высасывая изъ нихъ послѣдніе остатки влаги.

Старикъ вздохнулъ.

— Подержится такъ еще денекъ-другой, — посохнетъ колосъ! Думали, передохнемъ годокъ этотъ: больно по веснѣ корешокъ хорошъ былъ; анъ Господь-Батюшка опять прогнѣвался, немилость Свою посылаетъ... А ужъ то-то народъ отощалъ! — сказалъ онъ, помолчавъ.

— Отощалъ, — подтвердилъ плотникъ.

— И-и-и! Не роди мать на свѣтъ! Живутъ невѣдомо какъ! Какъ только зиму продержались! А про скотину и не говори. Солома у насъ по веснѣ *тридцать копеекъ* пудъ была! Я ужъ сколько живу, а такихъ цѣнъ не видывалъ...

Онъ еще разъ вздохнулъ, почесалъ себѣ подъ зипуномъ плечо и неподвижно сталъ смотрѣть въ окно — на это странное, мутное и въ то же время безоблачное небо. Поѣздъ пошелъ тише. Мимо промелькнули три расцѣпленныхъ товарныхъ вагона, стрѣлочникъ, водокачка. Поѣздъ подошелъ къ станціи, дрогнувъ, остановился и замеръ, словно мгновенно погрузился въ сонъ.

И все кругомъ словно спало. Теперь, когда поѣздъ не шумѣлъ, была еще поразительнѣе мертвая тишина, царившая надъ землею. По лугамъ и пашнямъ, задернутымъ синеватою дымкою, молча бродили грачи, разинувъ клювы. Березы и липы станціоннаго садика не шевелились ни листикомъ. Изрѣдка налетитъ вѣтерокъ, вяло закачаетъ ихъ пыльныя вѣтви, — и сейчасъ же упадетъ, словно изнемогши отъ жары. Помощникъ начальника станціи, зѣвая, расхаживалъ по платформѣ. У ограды, какъ изваянія, стояли два мужика-извозчика, поджидавшіе сѣдоковъ; они смотрѣли на поѣздъ, щурясь

отъ солнца, и казалось, будто ихъ загорѣлыя лица застыли въ неподвижной улыбкѣ.

Въ вагонъ вошелъ стройный парень съ картузомъ на затылкѣ, въ желто-коричневой бумазейной блузѣ, испачканной красками, — видимо, маляръ. Онъ съ быстрою улыбкою оглядѣлся и громко спросилъ:

— Мѣстечко найдется, земляки?.. Ну, вотъ и ладно! — продолжалъ онъ, увидѣвъ у окна пустую одиночную скамейку.— Какъ разъ для насъ приготовлена! Доѣдемъ какъ-нибудь!.. Недалеко ѣхать-то, — до Серпухова всего! — объяснилъ онъ неизвѣстно кому. — Въ три часа, чай, доѣдемъ.

Маляръ сунулъ подъ скамейку свой узелъ, сѣлъ, поправилъ на головѣ картузъ и сейчасъ же опять всталъ.

— А то нешто водочки пойти выпить? — быстро спросилъ онъ не то себя, не то окружающихъ.

— Давно ужъ буфетчикъ дожидается, — отозвался кто-то изъ пассажировъ.—Куда это, говоритъ, запропалъ малый?

— То же и я говорю!.. Значитъ, работу кончилъ, расчетъ получилъ,—можно и выпить, какъ вы скажете?

— А ты гдѣ работалъ-то?

— А вонъ, за перелѣскомъ, графскій домъ красили. Ворошиловъ графъ — извѣстнѣйшій. Сыну къ свадьбѣ домъ готовитъ... Нашихъ тамъ артель цѣлая и сейчасъ работаетъ... Эй, эй, землякъ!—Маляръ тряхнулъ за плечо дремавшаго мужика, у котораго свалился съ головы картузъ.—Чего шапку на полъ кидаешь? Уговору не было! — Онъ поднялъ картузъ и бросилъ его на колѣни протиравшему глаза мужику.—Ну что̀ жъ? Нужно пойти, царапнуть!

Онъ вышелъ, и сразу въ вагонѣ опять стало тихо. Я сходилъ за кипяткомъ, заварилъ чай и пригласилъ къ нему своихъ сосѣдей — старика, плотника и угрюмаго литейщика изъ Москвы. Раздался третій звонокъ и вслѣдъ за нимъ кондукторскій свистокъ. Паровозъ молчалъ. Маляръ воротился и снова заполнилъ вагонъ своимъ громкимъ, веселымъ говоромъ, обращеннымъ неизвѣстно къ кому.

Кондукторъ свистнулъ второй, третій разъ. Паровозъ помолчалъ еще нѣкоторое время и потомъ вдругъ хрипло и свирѣпо откликнулся. Маляръ засмѣялся.

— Чего ругаешься? Разоспалась машина-то наша! «Отстань ты, говоритъ, отъ меня, постылый чортъ! Не тревожь!..»

Поѣздъ все не двигался. Маляръ съ любопытствомъ высунулся изъ окошка. Кондукторъ свистнулъ еще разъ, Молчаніе. Гдѣ-то далеко раздался сердитый крикъ: «Наддай!»

— Вотъ такъ та̀къ! Не можетъ машина съ мѣста сдви-

нуться, кондуктора наддаютъ... Пойдемъ, ребята, подсоблять!— стремительно обратился маляръ къ окружающимъ.

Пассажиры повысунулись изъ оконъ. Паровозъ еще разъ свистнулъ дико и хрипло, словно съ перепою, заворчалъ и вдругъ сильно дернулъ вагоны. Поѣздъ тронулся.

Мы пили чай и вяло разговаривали, въ тонъ вяло ползшему поѣзду и вяло дремавшей природѣ. Маляръ былъ ужъ на другомъ концѣ вагона и громко спорилъ о чемъ-то съ сельскимъ священникомъ съ сѣденькой бородкой и въ пыльной рясѣ. Странно было слышать, среди царившей въ вагонѣ скуки, этотъ веселый голосъ неугомоннаго и, должно-быть, очень счастливаго маляра.

Я сталъ разспрашивать литейщика о его поѣздкѣ въ деревню. Онъ сначала отвѣчалъ неохотно, потомъ постепенно разговорился. Оказалось, у него, дѣйствительно, были непріятности: годъ назадъ въ деревнѣ расхворалась старуха-мать литейщика, и на помощь отцу ему пришлось отправить изъ Москвы свою жену. Прошелъ годъ, мать все не поправлялась. Литейщикъ съѣздилъ въ деревню на побывку и убѣдился, что мать его вообще ужъ больше не работница.

— Вотъ такъ, значитъ, и пойдетъ дѣло,—раздраженно говорилъ литейщикъ. — Жилъ себѣ въ Москвѣ — благородно, чисто, все, какъ слѣдуетъ быть. А теперь—я въ Москвѣ живи, семейство въ деревнѣ... Развѣ это порядокъ?

Старикъ въ зипунѣ спросилъ:

— Сынъ-то ты одинъ у отца?

— Одинъ.

— Ну, невозможно!—подтвердилъ старикъ.—Гдѣ жъ безъ бабы съ хозяйствомъ управиться!

— О томъ я и говорю. Старуха на печи лежитъ, не сходитъ; до лавки дойдетъ, — дыханіе запираетъ. Съ нея не спросишь.

Онъ помолчалъ.

— А только я на то ругаюсь, что привыкъ я,—на прежнее положеніе переходить неохота. Какое я могу имѣть удовольствіе безъ жены? Ей о томъ и забота, чтобъ мужу прохладно было, — насчетъ ли харчей, насчетъ ли чего другого. Слава Богу, пять лѣтъ прожилъ человѣкомъ, на Бога не жалился. А теперь живи невѣдомо какъ. Веселое это дѣло—съ квартирными хозяйками канителиться! Грязь, безтолочь, порядковъ никакихъ нѣтъ... Наша работа грязная, а хозяйки квартирныя разъ въ мѣсяцъ стираютъ. Что жъ мнѣ, три дюжины рубашекъ держать? А жена на то не смотритъ, время ли стирать, нѣтъ ли; видитъ, неаккуратно мужъ ходитъ, и выстирать,

раетъ. Опять съ ѣдою: обѣдаешь въ трактирахъ, въ закусочныхъ,—какая же пріятность, скажите, пожалуйста?

— Вамъ, значитъ, теперь такъ всегда и придется жить?— спросилъ я.

— Такъ и живи.

— Да, тяжело.

— То-то вотъ я и говорю... А потомъ и то сказать: разъ въ годъ пріѣдешь домой на недѣльку, а вѣдь тоже извините... Знаете, живой человѣкъ! Тяжело безъ этого самаго... Для чего жъ я въ законъ вступалъ?.. А какъ вы скажете,—могу я знать, что̀ тамъ безъ меня жена дѣлаетъ, какъ обходится? Баба она молодая, горячая.

— И ничего ей не скажешь! — вздохнулъ старикъ. — Бабѣ тоже безъ этого нужда. Горла не перервешь за такое дѣло. Она скажетъ: а ты зачѣмъ со мною не живешь?

— И вѣрно.

— То ли ужъ не вѣрно!—Старикъ снова вздохнулъ.—Бабы у насъ въ деревняхъ живутъ все равно, что сироты! Годъ за годомъ хитрѣе идетъ, жить становится труднѣе; земли мало, а народу разомножилось, всякій хочетъ жить, какъ пригородный, хочетъ жить легко. Нынче машина увозитъ его на четыре года, и не увидишь сколько времени. Самъ-то онъ тамъ нешто тихо живетъ? Эхъ, бра-атъ!

— И многіе у васъ въ Москвѣ такъ живутъ?—спросилъ я литейщика. — Въ Петербургѣ заводскіе больше живутъ съ семьями.

— Нѣтъ, у насъ въ Москвѣ этого мало. Все больше артелями живутъ, а семейство въ деревнѣ... — Онъ помолчалъ. — У меня товарищъ былъ, мы съ нимъ въ парѣ вмѣстѣ крупную работу работали. Горячъ былъ на работу, — не угоняешься! Все въ деревню посылалъ, дай, говоритъ, оправлю хозяйство, сяду на землю, своимъ домомъ заживу. Пріѣзжаетъ землякъ изъ деревни. «Дядя Ѳедоръ, а вѣдь баба-то твоя гуляетъ!..» Не повѣрилъ: сплетки, говоритъ,—мало ли что̀ наплетутъ! Другіе пріѣхали, — всѣ тоже разсказываютъ: связалась съ писаремъ... Ну, поѣхалъ, посмотрѣлъ, — вѣрно! Махнулъ рукою, воротился, опять у насъ работаетъ. О домѣ думать пересталъ, сталъ водочкой займаться: пропадай все пропадомъ... Вотъ-те и оправляй хозяйство! — съ усмѣшкой прибавилъ онъ.

Вошедшій на послѣдней станціи маляръ уже съ десять минутъ стоялъ около насъ, облокотившись о спинку скамейки, и внимательно слушалъ. Вдругъ, съ своею быстрою усмѣшкою, онъ громко сказалъ:

— Я такъ разсуждаю, что вы неправильно объ этомъ говорите!

— Это насчетъ чего? — спросилъ литейщикъ.

— Вообще насчетъ вашихъ разговоровъ. Кто жъ виноватъ въ томъ дѣлѣ, позвольте спросить? Говорите: въ хозяйствѣ жена нужна. Въ хозяйствѣ? А мнѣ не нужна?

Близкіе пассажиры, привлеченные громкимъ голосомъ маляра, одинъ за другимъ стали подходить къ нашей скамейкѣ. Онъ продолжалъ:

— Значитъ, поженился, а тамъ—«прощай, Саша, прощай, милая»? Ну нѣтъ, извините, пожалуйста!.. Я и самъ женатый, а только поженился—и обязательно взялъ жену съ собою въ Серпуховъ. Позвольте вамъ сказать: она мнѣ самому надобна!

— Неспособно мнѣ такъ-то поступать,—неохотно отвѣтилъ литейщикъ.

Маляръ удивился.

— Какъ такъ неспособно? Почему такое? «Неспособно»! Почему неспособно? — Онъ съ вопросительно-недоумѣвающею усмѣшкою оглядѣлъ слушателей. — Нѣ-ѣтъ! Поженили меня этакъ въ деревнѣ, — весело продолжалъ онъ: — отецъ мнѣ и говоритъ: «ну, Вася, ты, говоритъ, поѣзжай теперь къ своему дѣлу, а жена пущай у насъ останется». Ну нѣтъ-съ, извините, папаша... «Какъ?! Что̀?! Ахъ, ты, такой-сякой! Я тебя для чего женилъ? Чтобъ бабу въ хозяйствѣ имѣть!» Бабу въ хозяйствѣ? Эко дѣло какое! Какъ же это мы раньше не столковались? Ну, а я для того женился, чтобъ жену имѣть!

Кругомъ засмѣялись. Какой-то длинный парень въ сѣрой поддевкѣ быстро поправилъ себѣ на головѣ картузъ и сталъ энергично чесать въ затылкѣ.

— Если здраво разсуждать, въ здравомъ разсудкѣ... — началъ онъ, широко раскрывъ глаза, и замолчалъ, справляясь съ поразившими его словами маляра.

Маляръ быстро обратился къ нему.

— Вы думаете, я неправильно говорю?

— Нѣтъ, я говорю... Если здраво разсуждать...

И парень снова замолчалъ, раскрывая ротъ, чтобъ что-то сказать, и ничего не говоря.

Мой сосѣдъ-плотникъ, все время молча слушавшій наши разговоры, теперь вдругъ заволновался, для чего-то поднялся, опять сѣлъ...

— Погоди, я знаю, что̀ тебѣ на это сказать! — обратился онъ къ маляру, возбужденно водя руками въ воздухѣ.—Вотъ что̀. Поженили тебя, — почему? Баба нужна, бабы нѣтъ въ

домѣ... Хорошо,—погоди!.. Бабы нѣтъ. Что̀ жъ ты безъ бабы дѣлать будешь въ хозяйствѣ? Какъ управишься? Какъ безъ бабы управишься? Голубчикъ, голу-убчикъ!.. Безъ бабы хозяйству зарѣзъ!.. Вотъ что̀ я тебѣ сказалъ противъ этого! — удовлетворенно произнесъ онъ, переставъ махать руками.

— Въ хозя-айствѣ?—иронически передразнилъ маляръ, но его прервали, и всѣ сразу заговорили.

— Въ городъ жену свезъ! — рѣзко сказалъ широкоплечій извозчикъ.—Такъ ты, можетъ, графъ, получаешь тыщи? Сказалъ слово! Какъ жить-то будешь въ городѣ съ семействомъ, подумай ты въ своей башкѣ!

— Понятное дѣло, гдѣ жъ прожить,—отозвался изъ толпы ламповщикъ съ пригороднаго завода.—Восемь рублей мнѣ жалованья идетъ,—обратился онъ ко мнѣ:—гдѣ жъ тутъ съ семействомъ проживешь, разсудите сами. Дай Богъ на подать скопить, и то слава те, Господи! Вотъ на мнѣ кафтанъ, а подъ кафтаномъ, можетъ, нѣтъ ничего!

Маляръ рѣшительно отрѣзалъ:

— Не можешь въ городѣ жить? Не лѣзь не въ свое мѣсто! Въ деревню ступай, хозяйствуй!

— А съ чего хозяйствовать будешь, дурья ты голова, козырь! — воскликнулъ извозчикъ. — Насъ вотъ пять братовъ, а надѣлъ на полторы души. По избѣ построитъ каждый,—и пахать нечего. Полоска,—сюда отвалилъ, туда отвалилъ, и нѣтъ ничего... «Хозяйствуй»!.. И радъ бы хозяйствовать!.. Велика сладость вѣкъ въ чужихъ людяхъ жить!

— Не проживешь нынче съ хозяйства, нѣтъ! — сказалъ мой сосѣдъ-старикъ.—Есть податели со стороны,—ну, обернешься какъ-никакъ; а безъ подателей не управишься, гдѣ тамъ!

— «Хозя-айствуй»! — еще разъ сердито повторилъ извозчикъ. — Тьфу! Глупыя твои слова!..

Онъ махнулъ рукою и отошелъ. Возраженія продолжали сыпаться одно за другимъ. Маляръ былъ разбитъ по всѣмъ пунктамъ; онъ не сдавался, но для всѣхъ уже было ясно, что передъ ними просто чрезвычайно легкомысленный человѣкъ, который говоритъ, самъ не знаетъ что̀.

Разговоръ разбился на отдѣльныя группы, постепенно захватывая все больше пассажировъ. По всѣмъ концамъ вагона оживленно и взволнованно обсуждалась и опровергалась еретическая мысль, высказанная забубеннымъ маляромъ.

Поѣздъ, гремя и колыхаясь, мчался впередъ. Тусклое, кроваво-красное солнце медленно опускалось въ грязно-желтую мглу запада. Все та же туманная дымка теперь еще гуще

окутывала поля, и все такъ же странно и непонятно глядѣла природа. На душѣ у меня было смутно.

Да, маляръ судилъ легкомысленно,—это было ему доказано самыми неопровержимыми доводами, на которые возражать было нечего. Хозяйствовать въ деревнѣ! Но ужъ одинъ грозный сухой туманъ, стлавшійся по полямъ, давалъ на это такой выразительный отвѣтъ, что становилось жутко. А предложеніе все порвать и жить въ городѣ звучало прямо насмѣшкою надъ многими изъ тѣхъ, къ кому было обращено. И тѣмъ не менѣе... тѣмъ не менѣе еретическая мысль маляра заключалась вѣдь не въ чемъ другомъ, какъ въ томъ, — что *человѣкъ женится для того, чтобъ имѣть жену!* И сумѣлъ же онъ такъ искусно поставить вопросъ! Не даромъ всѣ возражавшіе, предъявляя свои неопровержимые доводы, въ то же время такъ сердились и раздражались: маляръ былъ легкомысленъ, рубилъ сплеча,— но какъ хотите, а человѣку полагается жениться именно для того, чтобъ имѣть жену...

Въ Серпуховѣ съ поѣзда сошелъ маляръ, сошли плотники и мой сосѣдъ-старикъ. Мы остались съ литейщикомъ. Въ вагонъ набились новые пассажиры. Поѣздъ пошелъ дальше. Я спросилъ литейщика:

— Ну, а отдохнули вы, по крайней мѣрѣ, въ деревнѣ?

— Въ деревнѣ-то?.. Какъ сказать? Для нашего брата въ деревнѣ отдыхъ плохой. Скука! Прожилъ двѣ недѣли и не чаялъ, когда уѣду. Вѣдь тоже, знаете, привычка требуется. Ѣду, скажемъ, взять; деревенская ѣда извѣстная, — тюря да лукъ; народъ не балованный. А съ отвычки этакъ поживешь,— животъ подводитъ. Мнѣ что изъ того, что говядина у меня по двору гуляетъ, мнѣ ее въ чашкѣ надо; а тутъ — нѣтъ! Говядину холь, а ѣшь рѣдьку.

— Вы-то, я вижу, наврядъ ли когда захотите перебраться въ деревню!

— Гдѣ ужъ тамъ!—Онъ махнулъ рукою.—Я и отъ работы деревенской отвыкъ. Недавно вотъ покосилъ день на барскомъ лугу,—мы его помѣщику міромъ убираемъ за выгонъ,—такъ всѣ руки отмахалъ, посегодня болятъ. Да и то сказать,—чѣмъ жить будешь въ деревнѣ? Вѣдь въ нынѣшнее время, знаете, не кормитъ она, деревня. Надѣлы у насъ малые; лѣтомъ отработался, а зимою заколачивай избу да иди, куда хочешь, работы искать; на мѣстѣ вотъ какъ платятъ: въ лѣсу колоть-пилить—двадцать пять копеекъ, съ лошадью—шестьдесятъ. А одного оброку, если на правленскія считать, на старосту, на

училище,—двадцать пять рублей заплати за двѣ души. Откуда возьмешь?

— Такъ вѣдь живутъ же у васъ все-таки землею?

— Гдѣ же живутъ? Безъ подателей не проживутъ: сыновья подаютъ со стороны. А если одинъ мужикъ въ домѣ, то на зиму уходитъ на мѣсто, только баба остается. Вы извольте сами разсудить: съ чего жить? Сѣна—дай Богъ, чтобъ на свою скотину хватило, овесъ—двѣ четверти съ двумя мѣрками отдай въ общественную магазею, остальное своей же лошади скормишь; хлѣба—хорошо, какъ до Филиппова дня самимъ хватитъ... А подати, а одѣться? Керосинъ, спички, чай, сахаръ, мелочь всякая? Какъ крѣпко ни живи, а безъ нихъ не обойдешься. Вотъ и разсудите, какъ же тутъ прожить?

— Что̀ же вы будете дѣлать, когда ваши старики умрутъ?

— Тогда безъ работника не обойдешься; придется работника брать на лѣто.

Начиналось что-то непонятное, раздражающее и давящее своею несообразностью.

— Да какая же вамъ выгода нанимать работника? Что̀ вы имѣете отъ земли? Что она пять мѣсяцевъ въ году даетъ хлѣбъ вашей семьѣ?.. Вы вотъ въ мѣсяцъ зарабатываете за пятьдесятъ рублей,—сколько однѣхъ этихъ денегъ вы въ землю всадите! Сами же вы жалуетесь, что вамъ безъ семейства скучно жить. Отчего вамъ его не взять къ себѣ? Слава Богу, на пятьдесятъ-то рублей можно прожить въ городѣ и съ семействомъ.

— А за землей кто будетъ ходить?

— Кто! Ну, въ аренду можно ее сдать.

— Какъ же это сдать въ аренду? Въ аренду сдать, все хозяйство порѣшишь.

— Да на что оно вамъ, хозяйство?

Литейщикъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня.

— Вы этого, господинъ, не понимаете, — медленно и поучающе произнесъ онъ, словно говоря съ малымъ ребенкомъ.— Какъ на что? Чуть что̀ коснись,—скажемъ, работы нѣтъ, скажемъ, заболѣлъ, старъ сталъ,—куда дѣнешься? На улицѣ помирать? А тутъ все-таки свой уголъ; сытъ не будешь, такъ хоть съ голоду не помрешь.

Я замолчалъ. Литейщикъ тоже молчалъ. Потомъ заговорилъ опять:

— Наша работа вредная. Мѣдь на грудь садится, все въ чахоткѣ помираетъ народъ; до сорока лѣтъ мало кто доживетъ здоровымъ. Куда тогда пойдешь? Въ деревню, больше некуда.

— Невеселая ваша жизнь будетъ въ деревнѣ.

— Съ одной тоски помрешь.

Онъ задумчиво поглядѣлъ въ окно.

На мглистомъ горизонтѣ, надъ лѣсомъ, алѣли мутно-пурпуровыя пятна. Попрежнему было душно и тихо. По склонамъ лощинъ лѣпились убогія деревеньки, въ избахъ кое-гдѣ засвѣтились огни; окутанныя загадочною сухою мглою, проносились мимо насъ эти деревеньки,—такія тихія, смиренныя и жалкія...

Отвѣтъ моего собесѣдника не былъ для меня новостью; ужъ много-много разъ приходилось мнѣ слышать тотъ же до стереотипности тожественный отвѣтъ: «Какъ порвешь? Чуть что̀ коснись,—заболѣлъ, старъ сталъ или что̀,—куда дѣнешься?»

Что̀ и говорить, это ли не основательная причина! Когда человѣкъ въ конецъ измотается на работѣ, когда, безсильный и больной, съ изъѣденными чахоткою легкими, онъ будетъ выброшенъ на мостовую, какъ негодная ветошка,—что̀ тогда?

Тогда себя, мой гордый братъ,
Голодной смертью умори ты?

Лучше ужъ медленная агонія въ деревнѣ. Но вѣдь все-таки же это не больше, какъ агонія! А право на эту агонію приходится покупать цѣною ломки и калѣченія всей жизни...

1899.

ИСПРАВИЛАСЬ.

Я спалъ крѣпко. Сквозь сонъ во мнѣ вдругъ начало подниматься что-то тоскливое и досадливое; чувствовалось, что гдѣ-то вблизи происходитъ нѣчто, во что необходимо вмѣшаться, и что вмѣшательство это по-всегдашнему окажется безполезнымъ и безцѣльнымъ.

Сознаніе все больше пробивалось сквозь сонный туманъ. Я открылъ глаза. Дверь изъ клѣти, гдѣ я спалъ, была открыта, съ деревенской улицы тянуло въ сѣнцы запахомъ цвѣтущей черемухи и слабою прохладою вечерѣющаго дня. Кругомъ было тихо и душно. Въ избѣ слышался однообразный, ноющій плачъ ребенка. Женскій голосъ повторялъ:

— Ну, замолчи!.. Голоденъ былъ бы, что ли! А то нѣтъ! Кричитъ,—дай, что̀ не надо!.. Молчи, молчи!.. «Бо-ольно»? Не балуйся!.. замолчи! А то еще пойду, прутъ выберу... Капризный какой, злющій, со зла совсѣмъ пропалъ!.. Замолчи!..

Это былъ голосъ Пелагеи. Я третій день жилъ въ Ненашевѣ у Липатовыхъ. Ночи я проводилъ на Окѣ съ моимъ пріятелемъ Ѳедькою Липатовымъ, страстнымъ рыболовомъ, а днемъ отсыпался. Пелагея была жена старшаго Ѳедькина брата, печника, который вмѣстѣ съ ихъ отцомъ, тоже печникомъ, почти круглый годъ проводилъ въ Москвѣ. Въ деревнѣ жили только холостой еще Ѳедька, Пелагея съ ребенкомъ и старуха-мать Ѳедьки, Матрена.

Пелагея производила на меня странное впечатлѣніе. Была это молодая, красивая баба, удивительно крѣпкая и здоровая; но въ сѣрыхъ глазахъ пряталось что-то загадочно-чуждое; когда я разговаривалъ съ нею, мнѣ казалось, ее отгораживаетъ отъ людей невидимое облако, сквозь которое невозможно никакое общеніе; сколько я могъ замѣтить, такою же чуждою и отдаленною она являлась и для Ѳедьки и для свекрови. Ея

сынъ, полуторагодовалый Васька, былъ крѣпкій, здоровый мальчишка, совсѣмъ какъ мать. Пелагея сѣкла его безпрестанно и безпощадно. Я стыдилъ ее, уговаривалъ; Матрена и Ѳедька — больше, впрочемъ, изъ вѣжливости — поддерживали меня. Пелагея слушала, глядѣла своимъ чуждымъ взглядомъ, ничего не возражала и сейчасъ же, какъ будто ничего не было, продолжала дѣлать свое.

Теперь она была въ избѣ одна.

— Будешь орать ай нѣтъ?—угрожающе шипѣла Пелагея.— Ну, бай-бай-бай!.. Замолчи! Господи, что̀ за безпутина такой! Замолчать!.. Я съ тобой, съ тобой! — успокоительно говорила она.—Замолчи... Замолчи-и!—грозно повысила она голосъ.— Ну, замолчи, просятъ тебя!

— Ой-ой-ой-ой-ой! — нылъ Васька сиплымъ, протяжнымъ басомъ.

— Замолчи, а то уйду сейчасъ!.. Ах-хъ, ты!

Раздался тонкій свистъ прута и удары его по голому тѣлу.

— Ай-ай-ай-ай!—заплакалъ Васька быстро и громко, тонкимъ голосомъ.

— Замолчи!.. Замолчи!.. Замолчи!.. — отрывисто повторяла Пелагея, и прутъ хлесталъ по тѣлу.—Замолчать!.. Да замолчи, Господи!.. Ни ночь ни день покою нѣтъ!.. Замолчи-и!!..

Васька плакалъ все сильнѣе и быстрѣе.

— Ну, замолчи, замолчи! Ну, я тебя подъ березку отнесу!.. Бай-бай-бай!..

Понемногу Васька сталъ, всхлипывая, затихать.

— Больно?.. А-а! Ну, посмѣй орать!.. Больно? А кто тебѣ велѣлъ орать? Ну, бай-ба-ай, ба-ай!..

Васька слабо, чуть слышно нылъ. Было жарко и душно, мухи однообразно жужжали въ воздухѣ, пропитанномъ томительно-сладкимъ запахомъ черемухи.

— Ба-ай, ба-ай, ба-ай!.. — повторяла Пелагея, и въ голосѣ звучала странная нѣга.

Васька нылъ тягучимъ басомъ все сильнѣе.

— Ты перестанешь орать? Нѣтъ?—вдругъ рѣшительно спросила Пелагея.

— Ай-ай-ай-ай-ай!—закатился Васька.

— Ахъ, ты, орало!—сорвалась Пелагея.—Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! Замолчи! Замолчи! Замолчи!.. Э-э!.. Э!.. Э!..

Я вскочилъ. Въ голосѣ Пелагеи, сливавшемся съ хлясканьемъ прута, ясно звучало острое, безудержное наслажденіе. Я быстро вошелъ въ избу. Васька, съ завороченной рубашонкой, лежалъ на лавкѣ, его крѣпкія голыя ножонки бились подъ хлеставшимъ его гибкимъ прутомъ.

— Брось сейчасъ прутъ!—крикнулъ я Пелагеѣ.—Ахъ, ты, безстыдница! а?

Она остановилась, подняла на меня замутившіеся глаза и выронила прутъ.

— Безстыдница ты, безстыдница этакая! — повторялъ я и въ упоръ глядѣлъ на Пелагею.

Она вдругъ густо покраснѣла, и въ ея глазахъ мелькнулъ растерянный испугъ.

— Положи мальчика въ зыбку! — командовалъ я. — И посмѣй его еще хоть пальцемъ тронуть!

Пелагея, все такая же красная и растерянная, покорно положила ребенка въ зыбку, медленно подошла къ окну и, надвинувъ платокъ на глаза, стала смотрѣть на улицу. Она стояла ко мнѣ спиною. Отъ крѣпкихъ плечъ подъ тонкими ситцевыми рукавами, отъ раскраснѣвшихся щекъ, отъ всей ея фигуры несло животною, темною и раздражающею силою.

Я молча ходила по избѣ. Пелагея, какъ окаменѣлая, стояла у окна, спиною ко мнѣ, и не шевелилась. Прошло минутъ пять. Я взялъ фуражку и вышелъ вонъ.

До вечера я пробродилъ по окрестностямъ, по бору, тянущемуся вдоль Оки. Солнце садилось, когда я воротился въ Ненашево. Былъ Духовъ день, на улицѣ водили хороводъ. Въ этихъ мѣстахъ хороводы странны и скучны,—ихъ водятъ однѣ дѣвки и молодыя бабы, парней не видно: вся мужская молодежь почти круглый годъ «мастеряетъ» въ Серпуховѣ и Москвѣ, дома хозяйствуютъ одни старики. Мой пріятель Ѳедька былъ единственный парень на всю деревню, да и то парень былъ неважный,—худой и длинный, какъ хлыстъ, съ добрымъ и робкимъ дѣтскимъ лицомъ.

Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою,
Все спокойно въ ночной тишинѣ,—

неслась голосистая пѣсня, звучащая въ настоящее время по всей широкой Руси, — въ петербургскихъ портерныхъ и на волжскихъ плотахъ, въ донскихъ рудникахъ и средь степныхъ косарей.

Когда я подходилъ къ хороводу, пѣсня начала обрываться и таять. Голоса одинъ за другимъ отпадали, пѣсня становилась напряженнѣе и обрывистѣе.

Только видѣть тебя безконечно...—

затянулъ уже одинокій голосъ и тоже смолкъ. Всѣ спѣшили внизъ по улицѣ, оживленно и взволнованно переговариваясь. У избы Липатовыхъ темнѣла большая толпа.

Ѳедька,—босой, съ оборваннымъ воротомъ рубахи,—стоялъ

у дверей съ жалкимъ, испуганнымъ лицомъ. Его мать Матрена, сухая и высокая, съ крючковатымъ носомъ, металась передъ избой и ломала руки.

— Гляди, избу подожжетъ! Ба-атюшки, да что̀ же дѣлать теперь?!—выла она.

Толпа робко заглядывала въ окна и жалась другъ къ другу. Я спросилъ Ѳедьку:

— Что̀ такое случилось?

Ѳедька растерянно отвѣтилъ:

— Опять рехнулась Пелагея... Сидѣли, пили чай, тебя поджидали. Она на печи лежитъ. Вдругъ завопила, забилась, начала кирпичи выворачивать; какъ запульнетъ кирпичомъ, всѣ чашки перебила!.. Вона, слышишь! Что̀ дѣлаетъ!

Изъ избы доносился глухой трескъ и шумъ.

— Какъ же вы ее одну оставили? Нужно къ ней пойти.

— Сунься, — она тебя попотчуетъ! — замѣтилъ кто-то изъ толпы.—Вонъ какъ Ѳедора саданула!

Къ толпѣ подошелъ работникъ съ барскаго двора Климентій, отставной драгунъ, въ бѣлой съ желтымъ околышемъ, грязной фуражкѣ.

— Нужно ее на воздухъ вывести,—сказалъ я.—Климентій, если что̀—подсоби!

Я вошелъ въ избу. Въ душной полутьмѣ, на нарахъ около печки, сидѣла Пелагея. Когда дверь отворилась, она быстро отшатнулась въ уголъ; выпрямившись и опираясь сзади руками о деревянную настилку, она слѣдила за мною изъ угла горящими глазами. И сколько же ненависти было въ этихъ глазахъ!.. Я сдѣлалъ шагъ впередъ. Пелагея быстро взмахнула рукою,—и мимо самой моей головы съ силою пролетѣлъ тяжелый безменъ. Я бросился къ Пелагеѣ и схватилъ ее за руки. Климентій и Ѳедька поспѣшили на помощь.

Мы понесли ее на рукахъ. Пелагея молча рвалась и изгибалась, стараясь вцѣпиться зубами въ наши руки. Въ дверяхъ она ухватилась за косякъ и чуть было не вырвалась. Съ большимъ трудомъ мы вынесли ее изъ избы и положили на траву.

— Ну, баба!—Климентій тяжело переводилъ дыханіе. Онъ провелъ рукою по вспотѣвшему лбу и глядѣлъ на Пелагею съ смѣшаннымъ чувствомъ страха и удовольствія.

Она продолжала биться и на травѣ. Все ея сильное тѣло извивалось и корчилось, въ разстегнувшемся сарафанѣ трепалась полная, крѣпкая грудь. Толпа стояла въ отдаленіи.

Понемногу Пелагея стала затихать. Прижалась круглою, загорѣлою щекою къ травѣ и замерла.

Матрена осторожно оправляла на ней заворотившуюся юбку и громко говорила:

— Погоди, погоди!.. Дай вотъ, я бабку приведу! Пусть почитаетъ, узнаетъ,—вправду ли ты порчена, али работать не хочешь?

Толпа окружила лежавшую Пелагею и съ тупымъ страхомъ глядѣла на нее. Я тихонько сказалъ Матренѣ:

— Будетъ! Нашла время!.. Оставь ее, не говори.

— Какъ такъ—«не говори»?—громко возразила Матрена.— Пришла пора навозъ возить, вотъ она и задурила! Не впервой это съ нею! И подъ молотьбу то же было, и въ овсяную пору лѣтошній годъ... Какъ работать, такъ и зачинаетъ... Погоди, погоди, милая! Вонъ она бабка-то идетъ! Она сейчасъ все узнаетъ!

Пелагея дрогнула, впилась пальцами въ траву и забилась снова. Толпа въ испугѣ шарахнулась прочь.

Народу прибывало все больше. Черная, сморщенная старушка поспѣшно протолкалась сквозь толпу и подошла къ Пелагеѣ.

— Выпей, касатка, водицы святой!—грубымъ старушечьимъ голосомъ сказала она, поднимая голову Пелагеи. Положила ей подъ голову небольшой образокъ и поднесла къ губамъ лампадный стаканчикъ съ водою.

Пелагея, съ мутными, бѣгающими глазами, отшатнулась, вскочила на колѣни, вцѣпилась обѣими руками въ образокъ и, нѣсколько разъ ударивъ его объ землю, швырнула въ сторону. Образокъ черною точкою мелькнулъ на розовомъ фонѣ зари и упалъ въ крапиву.

Въ толпѣ раздался глухой ропотъ. А Пелагея съ размаху ударилась головою въ землю и начала биться.

— Въ три бы кнута ее хорошенько, все бы прошло! — съ негодованіемъ сказалъ какой-то старикъ, сердито плюнулъ и пошелъ прочь.

Смутный, таинственный ужасъ распространялся въ толпѣ. Пелагея опять замерла, лежа ничкомъ, и быстро, тяжело дышала. Темнѣло.

— Въ сердцѣ, значитъ, волненіе у нея происходитъ!—проговорилъ Климентій, съ любопытствомъ глядя на Пелагею.

— Что же это,—святой воды не можетъ выпить!—боязливо вздохнула Донька, стройная дѣвка съ продолговатымъ, задумчивымъ лицомъ.

Вдругъ Пелагея тихо сказала:

— Уйди отъ меня, змѣя!

Всѣ насторожились и подвинулись къ ней.

— Уйди!.. Уйди, косоглазая!..

Матрена наклонилась къ Пелагеѣ и громко спросила:

— Кто такая? Про кого говоришь?

— Уйди, Ганька! — тихо сказала Пелагея, и мнѣ показалось, что по ея щекѣ промелькнула скрытая улыбка.

Бабы зашептались:

— «Ганька»... Слыхали? Ганьку поминаетъ...

— Какая Ганька?—кричала надъ ухомъ Пелагеи Матрена.— Гаврилова?

— Ересова,—отвѣтила Пелагея странно-обычнымъ голосомъ.

— О-о, Господи-Батюшка! Да что̀ же это такое?! — вдругъ взвыла Парашка, дочь Агаѳьи Ересовой. Она закрыла лицо фартукомъ и, рыдая, поспѣшила домой.

Черезъ минуту прибѣжала Агаѳья Ересова. Задыхаясь, она протолкалась сквозь толпу.

— Что̀ такое? Гдѣ она?.. Ты что̀ такое на меня взводишь, а? Я тебя испортила? Я тебя испортила?

Пелагея лежала ничкомъ, словно ничего не слыша. Агаѳья подступала къ ней и въ неистовствѣ кричала:

— Ну, грызи, грызи меня!.. А-а!.. Я испортила?.. Смотрите, православные, будьте свидѣтели!.. Ну что̀ же, ну?.. Грызи, грызи меня!

Пелагея рванулась и молча забилась.

Ее поднимало кверху и снова ударяло объ землю, и, казалось, кто-то невидимый въ жуткихъ сумеркахъ трепалъ и билъ ее.

— Не своя сила ею владаетъ!—робко и увѣренно произнесла Донька.

— Но, ступай прочь!—вдругъ свирѣпо гаркнулъ Климентій. Онъ схватилъ Агаѳью за плечо и оттолкнулъ въ сторону.

Агаѳья крикнула:

— Въ волость пойду жаловаться! У меня двѣ дѣвки невѣсты! Я присягу приму!

И, воя, пошла къ своей избѣ.

Пелагея наконецъ утихла и заснула. Ей подложили подъ голову подушку и оставили лежать на волѣ. Народъ сталъ расходиться. Ѳедька и Матрена остались стеречь спящую.

Заря гасла, стоялъ теплый вечеръ. Отъ густого барскаго сада несло росистою свѣжестью, запахомъ черемухи и цвѣтущихъ яблонь. На Окѣ слышались свистки пароходовъ. Спать еще не ложились. Дѣвки и бабы стояли кучками и переговаривались.

Донька смотрѣла въ темноту, прижимала руки къ груди и задумчиво повторяла:

— Что̀ же это такое,—святой водицы не смогла испить!

— Какъ она съ печки-то шарахнулась!—разсказывала широколицая Варька.—Торчмя головой на полъ! Горстями и зубами вонъ какую яму въ полу выгрызла!

У избы Ересовыхъ слышался заунывный вой дѣвокъ, ославленныхъ дочерями колдуньи.

Всю ночь Матрена и Ѳедька провели на воздухѣ около Пелагеи. Она спала спокойно. Утромъ поднялись, стали пить чай. Пелагея пошла въ клѣть чесаться. Вдругъ, съ распущенными волосами, въ одной рубашкѣ, она быстро вошла въ избу, взяла изъ божницы большой мѣдный крестъ и выбѣжала вонъ.

Матрена испуганно крикнула:

— Ѳедька, бѣги слѣдомъ!

Ѳедька бросился изъ избы. Мы съ Матреною выбѣжали также. Пелагея, полунагая, съ бьющимися по вѣтру волосами, быстро бѣжала росистыми огородами къ рѣкѣ. Она бѣжала, какъ очумѣлая, зигзагами, по всходамъ картофеля и по коноплѣ. Блѣдный Ѳедька въ развѣвающейся рубашкѣ мчался низами ей наперерѣзъ. Пелагея споткнулась о борозду, грохнулась наземь и снова забилась, какъ подстрѣленная птица.

— Разступись, расколись, сыра земля, возьми ты меня! — завыла Матрена, упавъ на дорогу.

Прошло мѣсяца три.

Я жилъ въ деревнѣ верстъ за шесть отъ Ненашева. На поляхъ возили рожь и начинали косить овесъ. Дни были душные и тихіе, какая-то молочно-бѣлая мгла окутывала небо, и солнце свѣтило сквозь нее блѣднымъ пятномъ; слегка парило; мошкара непрерывно и однообразно звенѣла въ липахъ, на дворахъ напряженно кричали пѣтухи. Къ вечеру по западу шли черныя облака странныхъ, причудливыхъ очертаній, и поднимался легкій вѣтеръ. Наступала ночь. Тучи исчезали, вѣтеръ падалъ, и въ душной, черной темнотѣ устанавливалась полная тишь. Казалось, ночь, затаивая жизнь, съ жаднымъ любопытствомъ чутко прислушивается къ чему-то.

Былъ вечеръ. Мнѣ не сидѣлось дома. Что-то томило, и куда-то тянуло, — тянуло вдаль, въ тихую темь, которая лежала надъ землею. Я вышелъ бродить. Росы не было, теплый вѣтеръ дулъ мнѣ въ лицо. Я шелъ по дорогѣ, средь душной тьмы, наполненной запахомъ спѣлой ржи и полыни, подъ этимъ страннымъ, загадочно-туманнымъ небомъ, на которомъ неподвижно стояли тусклыя, немигающія звѣзды. Чего нужно, чего хочется, — не скажешь. Но чего-то хочется страстно, жадно. И обидно становится, что у человѣка такъ мало радостей, что

много у него запросовъ и стремленій,—смутныхъ, но неодолимо-властныхъ,—и нѣтъ имъ въ жизни удовлетворенія.

За оврагомъ, у опушки ненашевскаго лѣса, темнѣли большія черныя пятна, слышалось лошадиное фырканье, жеваніе и унылые переливы дудки. Я перебрался черезъ оврагъ. Лѣсъ глухо и ровно шумѣлъ подъ вѣтромъ, и шумъ его ни усиливался ни ослабѣвалъ. Подъ кустомъ ракитника, на зипунѣ, сидѣлъ парень, стерегшій ночное. Переливы дудки смолкли, парень окликнулъ меня по имени. Это былъ Ѳедька Липатовъ.

Я присѣлъ къ нему подъ кустъ на сухую траву.

— Гуляешь?—спросилъ онъ.

— Гуляю. Ночь какая хорошая!

— Теплая ночь...

Мы закурили. Я спросилъ:

— Ну что̀, какъ у васъ дѣла дома?

— Ничего, слава Богу, помаленьку, — скороговоркою отвѣтилъ онъ.

— Пелагея что̀?

— Пелагея?—Ѳедька съ широкою улыбкою обратилъ ко мнѣ свое худое, дѣтское лицо.—Что̀, братъ, такое сдѣлалось съ нею, я и не пойму. Послѣ того раза, какъ былъ ты, все какъ рукой сняло! Дурить перестала, всю работу тяжелую работаетъ, не капризится, про корчи и думать перестала... Не иначе, должно-быть, какъ молитва чья-нибудь дошла.

Онъ помолчалъ.

— Два года цѣлыхъ маялись съ нею! Придетъ время, поутихнетъ, а тамъ опять зачнетъ дурить. Въ самую горячую пору вдругъ заартачится, на дыбки, — «не пойду!..» Что̀ хочешь дѣлай. Съ дѣвками пойдетъ на поденку, — жалится на насъ, худо, говоритъ, жить. «Провалиться бы мнѣ, чортъ бы, говоритъ, меня измялъ! Загубила я себя!..» Плачетъ. Со мной тоже,—ничего не поймешь. То ласковая такая, хоть отбавляй, то вся вдругъ задрожитъ, затрясется: «Сопливый ты, паршивый, не могу я на тебя глядѣть! Я тебя зарѣжу или удушу!..» Мѣсяца не пройдетъ, чтобъ чего не натворила.

— А мужъ ея что̀?

— Серега-то? Онъ что̀ же,—пріѣдетъ на три дня на Святки, на Пасху, на Троицу. Съ нимъ она ничего, тиха. А уѣдетъ,— и начнетъ колобродить... Ну, а теперь тишь у насъ. Съ чего такое случилось, невозможно понять.

— Лѣчили вы ее?

— Ну, пора тамъ,—«лѣчили»!.. Это отъ порчи было, а не отъ болѣзни... А помнишь, ты все обижался, зачѣмъ Ваську бьетъ?—прибавилъ онъ съ улыбкою.—Тоже куда тише стала.

Мы говорили съ четверть часа. Я пошелъ дальше.

Среди скошенныхъ луговъ вилась рѣчка Ненаша. Чистая, не подернутая туманомъ, она слабо сверкала въ темнотѣ, впадая въ Оку. На горѣ надъ рѣчкою темнѣлъ густой ненашевскій барскій садъ; тропинка сбѣгала по косогору къ дощатой купальнѣ. Сѣрыя, мокрыя внизу доски купальни заросли зеленою плѣсенью, у мостковъ торчала корма лодки. Я сѣлъ на берегъ, заросшій плакуномъ и мать-мачехою.

Попрежнему томило, было тепло и душно. Гигантская старая береза глухо шепталась сзади, и ей сбоку мягко отвѣчалъ шорохъ прибрежныхъ лозинокъ. Я долго сидѣлъ на берегу. Вѣтеръ стихъ, съ нимъ стихли всѣ шорохи, и ночь опять замерла—чуткая, какъ будто прислушивающаяся къ чему-то...

На косогорѣ раздались человѣческіе голоса. Сдержанно переговариваясь, къ рѣкѣ спускались двѣ фигуры. Я узналъ голосъ барскаго работника Климентія. Въ заломленной набекрень бѣлой фуражкѣ, онъ шелъ, обнимая за плечи женщину въ красномъ платочкѣ; она тѣсно и счастливо прижималась къ нему всѣмъ тѣломъ. Эти крѣпкія, круглыя плечи подъ кисейными рукавами, круглая щека подъ платочкомъ... Да это Пелагея!

Они сѣли въ лодку. Климентій нѣсколькими сильными взмахами вывелъ ее на середину рѣки. Потомъ онъ бросилъ весла и пересѣлъ на корму къ Пелагеѣ. Она снова порывисто приникла къ нему. Лодка, не управляемая веслами, медленно плыла по теченію. Теплая, темная тишь покрывала рѣку.

1901.

ОБЪ ОДНОМЪ ДОМѢ.

I.

На Гремячемъ колодцѣ.

Мы третій день косили въ Опасовскомъ лѣсу. Былъ вечеръ, солнце сѣло. Нашъ таборъ расположился на полянкѣ, около лощины. Старики отбивали косы, костры трещали, и синій дымъ медленно стлался между кустами. Дальнія полянки дымились легкимъ туманомъ.

Я лежалъ на склонѣ лощины, около Гремячаго колодца. Передъ ужиномъ мы выпили водки, и тяжелая усталость превратилась въ пріятную истому. Не хотѣлось шевелиться, сквозь охватившую глубокую задумчивость медленно проплывали чуть сознаваемыя мысли; въ просторномъ меркнувшемъ небѣ загорались звѣзды, и, казалось, никогда еще въ немъ не было столько тихой красоты.

Около меня, на пригоркѣ, сидѣли и разговаривали три дѣвки изъ нашего табора—Донька Коломенцова, Настька и Аленка. Внизу билъ Гремячій ключъ, холодный, чистый, какъ слеза; ручеекъ журчалъ въ осокѣ, впадая въ зацвѣтшую сажалку; на узкой плотинѣ стояли три старыя ивы, и надъ ними свѣтился серпъ молодого мѣсяца.

Этотъ ключъ, говорятъ, выбитъ изъ земли молніей и обладаетъ цѣлебною силою; на его днѣ, въ чистомъ, бѣломъ пескѣ, всегда лежитъ масса образковъ и мѣдныхъ крестиковъ. А сейчасъ отъ Доньки я узналъ, что и сажалка здѣсь тоже особенная: на ея тинистомъ днѣ лежитъ трупъ убитаго прохожимъ солдатомъ чорта. Дѣло было такъ: въ давнее время шелъ черезъ лѣсъ солдатъ; надъ лѣсомъ бушевала буря; солдатъ подошелъ къ пруду и видитъ: съ неба бьетъ громомъ въ прудъ, вода бурлитъ, а надъ водою мелькаетъ чья-то косматая го-

лова; какъ ударитъ громомъ, она въ воду, а потомъ опять вынырнетъ. Солдатъ стоялъ за кустомъ, приложился изъ ружья,— бацъ! Стонъ прокатился по лѣсу, и голова исчезла подъ водою. Солдатъ испугался, думалъ,—застрѣлилъ человѣка; а это Илья-пророкъ съ неба въ чорта билъ, да никакъ попасть не могъ, а солдатъ ему подсобилъ...

Тайна этого пруда и ключа настраивала душу на особенный ладъ. И покосившійся крестъ надъ ключомъ, и черная вода въ просвѣтахъ зеленой тины, и старыя ивы — все глядѣло значительно, таинственно и необычно. Ко всему этому странно подходила и сидѣвшая на пригоркѣ Донька. Стройная, съ продолговатымъ, задумчивымъ лицомъ, она разсказывала о загадочныхъ «курдушахъ», которые водились въ амбарѣ дерно-польскаго лавочника Ивана Левонова. Въ лицѣ Доньки было что-то удивительно одухотворенное, какъ бы прислушивающееся, и въ то же время болѣзненное; прошлою осенью съ нею было нѣсколько припадковъ, и она слыла «порченою». Жила она душою въ какомъ-то совсѣмъ особенномъ мірѣ, полномъ таинственныхъ силъ и существъ, и эти силы въ ея присутствіи какъ бы оживали и для другихъ людей. Я смотрѣлъ на нее, и мнѣ казалось, — вотъ, въ сумракѣ лѣтняго вечера, надъ этимъ прудомъ съ трупомъ чорта, сидитъ задумчивая и серьезная Сказка.

Своимъ медленнымъ, груднымъ голосомъ Донька разсказывала:

— Онъ потому и богатъ, что ему курдуши служатъ. Тетка Матрена сколько разъ видала: какъ ночь,—выйдетъ съ мѣсивомъ на крыльцо и кормитъ ихъ.

— Онъ что̀ же, колдунъ, значитъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, онъ-то не колдунъ, а у него отецъ колдунъ былъ; вотъ, говорятъ, курдушей этихъ ему и оставилъ.

— Да что̀ это такое, курдуши эти?

— А кто жъ ихъ знаетъ! Вѣдь ихъ не увидишь... Одинъ-то разъ тетка Матрена подглядѣла; пошла она съ Иваномъ Левоновымъ въ амбаръ къ нему, мучицы насыпать; отперла дверь, а изъ закрома какой-то черненькій выскочилъ и — въ нору; въ родѣ какъ бы кошка, только подлиннѣе, и съ бородкой. Значитъ, схоронился отъ чужого глаза.

— На что же они ему нужны?

— Какъ на что? А они ночью по чужимъ амбарамъ ходятъ, хлѣбъ таскаютъ къ хозяину; какъ въ какомъ амбарѣ дверь безъ креста, хоть на пяти запорахъ будь, пролѣзутъ...— Донька помолчала.—Разъ я ихъ сама слышала, курдушей этихъ,—проговорила она съ медленной улыбкой.—Иду ночью

черезъ Дернополье, а они у лавочника въ амбарѣ: у-уу! у-уу!.. Воютъ. Ѣсть, значитъ, просятъ. Такъ вотъ тоже, бываетъ, дворные воютъ.

— А дворные развѣ тоже воютъ? — спросилъ я. Дворными въ нашихъ краяхъ называютъ домовыхъ.

— Дворные? Ну какъ же не воютъ! Это и въ нашей деревнѣ было, у Сергѣя Чумакова. Онъ со всѣмъ семействомъ ушелъ въ Веневъ, избу заколотилъ. Такъ то-то тамъ по ночамъ дворной вылъ! Никто на деревнѣ не спалъ, боялись. Думали, не собака ли; такъ нѣтъ, не было у него собаки...

Заговорила Настька, рябая и скуластая.

— Не знаю, какъ Иванъ Левоновъ, а вотъ, дѣвки, Аринка санинская,—это ужъ вѣрно, что еретица. Ее давно оговаривали, а нынче на Святкахъ испытаніе сдѣлали дѣвки. Какъ жарили яичницу, воткнули ножъ подъ крышку стола, гдѣ Аринкѣ сидѣть. Сѣли, значитъ, яичницу ѣсть, и Аринка сѣла. Вдругъ встала,—«тошно!»—говоритъ, и вышла изъ-за стола... Сколько шуму было! Тутъ же женихъ ея былъ на вечоркѣ,— «а ну тебя, говоритъ, не стану я съ тобой жениться, мнѣ моя душа дороже!»

— Ей отецъ велѣлъ отъ себя взять, она тому не виновна,— понизивъ голосъ, сказала Донька.—Онъ колдунъ былъ, коренщикъ; сталъ помирать, а колдовство-то сдать нѐкому; долго мучился, никакъ не помретъ; наконецъ позвалъ Аринку, велѣлъ ей принять, ну, послѣ того и померъ.

— Господи, что̀ жъ ей теперь на томъ свѣтѣ за это будетъ!—отъ глубины души вздохнула Настька.

Донька молчала и задумчиво глядѣла въ темнѣвшую чащу лѣса.

— Наступитъ часъ, пріѣдетъ за нею *тотъ-то*...—медленно заговорила она.—Вотъ какъ лѣтошній годъ за однимъ ненашевскимъ мужикомъ пріѣзжалъ, Андреяномъ Лаврентьевымъ. Заболѣлъ онъ послѣ водки, всѣ сидятъ, не спятъ, молокомъ его отпаиваютъ. Вдругъ въ полночь слышитъ, по дорогѣ изъ-за церкви кто-то ѣдетъ на тройкѣ, бубенцы звенятъ. Подъѣхали къ дому, остановились. Андреянъ испугался, зачуялъ, значитъ, велѣлъ огонь подъ лавку спрятать. Стучатъ въ дверь, хозяева не отпираютъ, боятся. Тѣ все стучатъ. Ну, вышла старуха въ сѣни, спрашиваетъ: «Кто такое тутъ?» —Отпирай! «Кто такой, кому отпирать?» — Тебѣ говорятъ, отпирай! Мы за Андреяномъ Лаврентьевымъ пріѣхали. Онъ здѣсь?—«Нѣтъ, говоритъ, нѣту, онъ на ярмарку уѣхалъ». Духи и говорятъ:— «ну, коли его нѣтъ, то и дѣла нѣтъ!» И поѣхали мимо церкви назадъ... А черезъ три дня вышелъ Андреянъ вечеркомъ

на гумно и не воротился. Стали искать, видятъ: лежитъ подъ ометомъ мертвый, — синій, глаза выпучены... Они вѣдь тоже хитрые, отъ нихъ не убережешься!

— Слушай, Доня, ну скажи, за что же имъ брать Аринку?— сказалъ я.—Вѣдь сама же ты говоришь, что она не по своей волѣ колдовство взяла, что ей отецъ приказалъ.

— Тамъ этого не спросятъ.

— Такъ зачѣмъ она брала у отца? Отказалась бы!

— Какъ откажешься? Кабы онъ ее спросилъ. А то—«возьми», говоритъ, больше ничего.

— А она бы ему сказала: «Не хочу! Самъ грѣшилъ, самъ и расплачивайся! За что же мнѣ-то свою душу губить?»... Ну ты вотъ, если бы у тебя отецъ колдунъ былъ, взяла бы ты отъ него колдовство?

Донька покорно отвѣтила:

— Какъ же не возьмешь?

Я замолчалъ. Тутъ былъ какой-то совсѣмъ особенный нравственный міръ, настолько чуждый и непостижимый, что разговоръ изсякалъ: темныя, слѣпыя силы не отойдутъ отъ разъ обреченнаго, и самый высокій подвигъ не несетъ въ себѣ оправданія.

И то, что̀ отвѣтила Донька, были не слова: да, она, дѣйствительно, взяла бы на себя вѣчную муку и погубила бы себя,—и взяла бы не какъ подвигъ, не съ душевнымъ подъемомъ, а покорно и безропотно, какъ неотвратимую бѣду.

Нѣчто подобное ей и предстояло: домъ ихъ былъ очень бѣдный, мальчиковъ не было; старшихъ сестеръ Доньки повыдали замужъ, и осталась одна Донька. Чтобъ «сохранить домъ», нужно было выдать Доньку за парня, который бы согласился итти въ пріемные зятья; иначе, послѣ смерти старика-отца, земля, по обычаю, должна была отойти къ «обществу». Но Донька была «порченая», и три жениха подъ-рядъ отказались отъ нея. О выборѣ нечего было и думать: кто хочетъ, приди и возьми ее, только спаси домъ. И эта дѣвушка покорно стояла, какъ рабыня на торгу, и ждала перваго встрѣчнаго, который бы удостоилъ взять ее. А между тѣмъ она любила одного парня изъ сосѣдней деревни, и онъ былъ радъ жениться на ней, но не могъ итти въ «зятья».

— Что̀ это, сколько страстей наразсказали! Жутко будетъ спать!—вздохнула Аленка, дѣвочка-подростокъ лѣтъ пятнадцати.

Настька вполголоса пѣла:

Черная чернобылка во полѣ стояла,
Во полѣ стояла, къ землѣ припадала...

Темнѣло. Серпъ мѣсяца сталъ ярче и свѣтилъ теперь сквозь

ивы. Внизу, въ осокѣ, ровно журчалъ ручей, лягушка подозрительно и испытующе квакнула въ сажалкѣ и замолчала. На берегу, между двумя пеньками, стройная осинка глухо и ровно шепталась листьями.

Настька пѣла:

Ахъ, ты, мать-сыра-земля!
Ты скажи мнѣ всеё правду,
Что какая зима будетъ,—
Лютые ль морозы, иль глубокіе снѣги?..

Въ тепломъ, темнѣвшемъ небѣ загоралось всѐ больше звѣздъ. Отъ табора донесся голосъ тетки Соломониды:

— Аленка! Скоро, что ли, спать придешь? Сидишь тамъ... со всякими! До свѣту, что ли, сидѣть будешь?

— Сейчасъ!—неохотно отозвалась Аленка.

— Вотъ я тебѣ «сейчасъ»! Иди, что ли! А то вожжой пригоню!

Аленка еще посидѣла, потомъ лѣниво поднялась и пошла. Настька улыбнулась.

— «Со всякими»... Тебя, вѣдьма, омекаетъ!

— Что-то не любитъ тебя тетка Соломонида, все придирается,—обратился я къ Донькѣ.—Съ чего это?

— Сердится на меня. Съ осени сердится. И не кланяется. Какъ помѣшалась я осенью, сама не помню, что̀ творила; кричу, плачу, всего боюсь. Посадила по одну сторону маму, по другую батю, сижу подъ образами и молитвы пою... Весною я въ Ненашевѣ у сестры гостила, тамъ баба одна, Пелагея, помѣшалась; такъ та образа святые въ крапиву швыряла. А я все только молитвы пѣла... Сижу, значитъ, пою. А тетка Соломонида подошла къ окошку, смѣется: «знать, говоритъ, дядя Аѳанасій, твоему корню конецъ приходитъ!» А я вскочила съ лавки, кричу: «Конецъ, да не для васъ! Прахомъ пойдетъ земля, а вамъ не достанется, колдунамъ!»... Вотъ и сердится на меня съ той поры, не кланяется. А я чѣмъ виновата? Что̀ крикнула, не знаю... Они-то всѣ, конечно, были рады: не возьметъ меня никто, земля обществу достанется. А землею у насъ всѣ тужатъ.

— И съ чего это, Донька, случилось съ тобою?—вздохнула Настька.—Такая здоровая была, а тутъ вдругъ на̀-поди, что̀ случилось!

Донька задумчиво отвѣтила:

— Я вотъ все думаю, кому бы на работѣ было испортить? Вѣдь я на молотьбѣ тогда была въ барской ригѣ. Некому бы испортить, а выказывается порча. Пришла меня крестная провѣдать, въ карманѣ бутылка со святою водицею, камешекъ

іорданскій, песочекъ... Она на порогъ, а я вскочила, за плечи ее схватила, смотрю въ глаза: «ты что̀ въ карманѣ несешь?»

— Почуяла, значитъ!

— Да. Не иначе, какъ порча. А кто напустилъ? Развѣ я Святъ Духъ, могу знать?

И ея глаза съ робкимъ вопросомъ устремились въ темноту.

— И опять же,—отчитали меня. Мама пошла въ Еньково, къ старухѣ. Съ этой старухой каждый годъ припадки бывали; дала зарокъ молебствовать, — сняло. А какъ годомъ не помолебствуетъ, опять припадки... Вотъ, значитъ, сижу я въ избѣ на полатяхъ, и словно котята у меня въ животѣ ходятъ, подъ сердце подкатываются. А какъ пришла пора, значитъ, прочитала тамъ старуха восемьдесятъ двѣ молитвы, поднялась у меня рвота; зеленое что̀-это пошло, какъ лягушиныя гнѣзда, а въ нихъ головки. И стало легче... Должно-быть, порча. — Донька помолчала.—А можетъ, Господь покаралъ. Только ужъ не знаю,—любя ли, за грѣхи ли какіе?

И опять ея глаза съ тѣмъ же вопросомъ медленно уставились въ темноту. И мнѣ казалось, я вижу, какъ подъ этимъ робкимъ взглядомъ въ сумракѣ складываются и волнуются смутныя, загадочныя силы, цѣпко опутавшія всю жизнь безпомощнаго человѣка.

— А что̀, Донька, вѣдь не пройдетъ ужъ въ тебѣ эта порча!—сказала Настька.—Прежняго цвѣта ужъ не будетъ,—кто тебя возьметъ?

Донька опустила глаза.

— Ѳедоръ дернопольскій бралъ... Говоритъ: ничего, что ты порченая. А только нельзя ему къ намъ въ домъ итти, ему бабу къ себѣ нужно.

— Ну вотъ, Богъ дастъ, не найдется тебѣ жениха, и пойдешь за Ѳедора,—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, гдѣ же! Нельзя. Кто меня пуститъ? Мама больная лежитъ, батѣ одному не управиться. Мнѣ на сторону итти нельзя...

Серпъ мѣсяца скрылся за лѣсомъ. Было темно. Отъ сажалки тянуло запахомъ влажной тины. Осинка на берегу робко шумѣла листьями.

Она была такая же стройная, какъ Донька... Эта осинка стоитъ тутъ, ее сѣчетъ градомъ, треплетъ вѣтромъ, ребята обламываютъ на ней вѣтки, а она стоитъ, робкая и тихая, и съ неразсуждающею покорностью принимаетъ все, что̀ на нее посылаетъ судьба. Придетъ чужой человѣкъ, подрубитъ топоромъ ея стройный стволъ, и съ тою же покорностью она упа-

детъ на землю, и останется отъ нея только сухой, мертвый пенекъ...

Я лежалъ на копнѣ. Въ небѣ теплились звѣзды; съ поля, изъ-за кустовъ, несло широкимъ тепломъ; въ лѣсу стоялъ глухой, сонный шумъ. Тѣло, неподвижное и отяжелѣвшее, какъ будто стало чужимъ, мысли въ головѣ мѣшались, и мѣшались представленія. Стройная осинка, стройная Донька, обѣ робко и покорно смотрящія въ темноту... Милая, милая!.. Сколько въ ней глубокаго, несознаннаго трагизма, и сколько трагизма въ этой несознанности!..

II.

Похороны.

Въ концѣ августа въ домѣ Коломенцовыхъ появился новый человѣкъ.

Это былъ молодой парень, худой и маленькій, съ землисто-блѣднымъ лицомъ; одѣтъ онъ былъ по-городски, въ пиджакъ и жилетку. Проѣзжая по деревенской улицѣ, я не разъ видѣлъ, какъ онъ вмѣстѣ съ Донькою рубилъ около избы хворостъ или молотилъ на току рожь. И странно было смотрѣть на этого маленькаго, какъ будто недоношеннаго природою человѣчка, рядомъ со стройною красавицею Донькою, съ ея тонкими, сильными руками... Неужели это новый женихъ?

Однажды вечеромъ я проходилъ мимо избы Коломенцовыхъ. На порогѣ, кутаясь въ тулупъ, сидѣла старуха-мать Доньки, Мавра, съ желтымъ, мертвенно-сухимъ лицомъ и громаднымъ животомъ. У нея циррозъ печени и порокъ сердца, она ужъ второй годъ еле двигается и только въ хорошіе дни выползаетъ на порогъ. Поздоровались.

— Какъ дѣла у васъ?—съ любопытствомъ спросилъ я.

Мавра сдѣлала хитрое и торжествующее лицо.

— Батюшка! Женишокъ новый объявился! — таинственно сообщила она.

— Это тотъ-то, маленькій?

— Да, да, да, да, да... Онъ, видишь, шпитонокъ *), въ Тулѣ живетъ въ музыкантахъ, — зашептала она. — Значитъ, прожилъ у насъ недѣльку, чтобъ и ему присмотрѣться и намъ его узнать... Нынче утромъ ушелъ въ Тулу... Приглянулась ему дѣвка-то! Извѣстное дѣло, сейчасъ же добрые люди по-

---

*) Питомецъ воспитательнаго дома.

насказали про нее, ну, а онъ: «пустяки, говоритъ, я этимъ не антиресуюсь!..» Да ты, батюшка, зайди въ избу!

Вотъ оно, совершилось!.. У меня тяжело сжалось сердце.

Мы съ Маврой вошли въ избу. Изба была черная, тѣсная, какъ клѣтушка, съ грязнымъ землянымъ поломъ. Въ ней пахло сажею и залежавшимся навозомъ.

Изъ риги воротились съ молотьбы Донька и ея отецъ Аѳанасій. Аѳанасій былъ высокій и худой старикъ, съ такимъ же, какъ у Доньки, продолговатымъ лицомъ; въ его глазахъ было то спокойно-подчиненное, смиренное выраженіе, какое часто бываетъ у старыхъ мужиковъ.

— Онъ гдѣ же играетъ въ Тулѣ?—спросилъ я Мавру про жениха.

— А тамъ въ хору, что ли, въ какомъ. По десять рублей ему платятъ въ мѣсяцъ... Ученый. Читать можетъ псалтыри надъ покойниками, все, что̀ хочешь. Ростомъ низменный, а ужъ то-то разумомъ уменъ!

Донька сидѣла на лавкѣ у окна, съ руками на колѣняхъ. Она медленно улыбнулась и сказала:

— Чудной такой!.. Деревенской работы совсѣмъ не понимаетъ, робливый. Скажешь: поди, напои лошадь! — «Она забрыкаетъ!» — Пригони корову! — «Она забодаетъ!»

— Плохъ насчетъ нашей работы, — согласилась Мавра: — мало понимаетъ. «Я, говоритъ, мама, только курочекъ на своемъ вѣку и видѣлъ...» Разъ послалъ его хозяинъ дровецъ порубить, а дѣвка изъ сарая въ щелку и подглядѣла: отрубитъ колышекъ, и къ глазамъ его, — значитъ, плохъ глазами, опытности у него въ глазкахъ нѣту... «Вы, говоритъ, мама, не опасайтесь: я хоть на работу плохъ, а однимъ чтеніемъ на подани заработаю». Ну, а гдѣ тамъ! Подань у насъ тяжелая!

— Да только ли онъ глазами плохъ? Нѣтъ ли у него еще какой болѣзни? — спросилъ я, вспоминая подозрительно-землистый цвѣтъ лица парня.

— Господь его знаетъ, батюшка! Нешто мы понимаемъ? Дѣвка-то вотъ доглядѣла: подъ-мышкой справа у него рубаха въ желтыхъ пятнахъ, въ родѣ какъ бы дрянь выступаетъ изъ бока... Ну, да вѣдь не всякому здоровымъ быть!

— Загублю я себя! — вздохнула Донька, глядя въ темный уголъ избы.

Аѳанасій поучающе заговорилъ:

— Нужно, батюшка, такъ сказать, что и на томъ спасибо! Горе такое вышло, испортили дѣвку у насъ, не беретъ никто. А сыновъ-то нѣту, дома передать некому, — видишь? Пропадать приходится дому.

— А сохранить-то, значитъ, хочется!—объяснила Мавра.— Присватывался тутъ къ дѣвкѣ женишокъ одинъ, изъ Дернополья, да не можетъ онъ къ намъ въ зятья итти, а мы дѣвку отдать не можемъ: нѣту сына, надобно зятя добывать.

— Плохъ паренекъ, плохъ, это надо правду сказать! — раздумчиво произнесъ Аѳанасій. — Мало пользы отъ него будетъ, а что̀ подѣлаешь? Докуда ждать? Брезгуютъ дѣвкою, сами видимъ — съ изъяномъ.

— Отдали бы вы ее за Ѳедора дернопольскаго. Что̀ вы дѣвку-то губите?—сказалъ я.—Сами говорите: плохъ парень, а вѣдь ей съ нимъ всю жизнь маяться. Пожалѣли бы дочь!

Мавра скорбно возразила:

— Батюшка, да нешто не жалѣемъ? Ужъ такъ-то жалѣемъ! Да что̀ жъ подѣлаешь? Нельзя намъ ее въ чужой домъ отдать,— что̀ съ хозяйствомъ станется? Дуры-то мы, дуры, силы мужичьей у насъ нѣту, а не обойдешься безъ насъ въ хозяйствѣ, нужно, чтобъ баба была. А отъ меня, милый, пользы никакой нѣту, ужъ второй годъ лежу... Старикъ и то иной разъ заругается: «когда ты сдохнешь?» Извѣстно, наше дѣло христьянское, рабочее. Только хлѣбъ задаромъ жуешь.

Доня неподвижно сидѣла на лавкѣ и задумчиво глядѣла въ уголъ.

Керосинка безъ стекла тускло горѣла на столѣ, дымъ коптящею, шевелящеюся струйкою поднимался къ потолку. По стѣнамъ тянулись сѣрыя тѣни. За закоптѣлою печкою шевелилась густая темнота. И изъ темноты, казалось мнѣ, пристально смотритъ въ избу мрачный, безпощадный духъ дома. Онъ намѣчаетъ къ смерти ставшую ему ненужною старуху; какъ огромный паукъ, невидимою паутиною крѣпко опутываетъ покорно опущенныя плечи дѣвушки...

И мнѣ пришло въ голову: не онъ ли, этотъ закоптѣлый, прикованный къ печкѣ духъ, такъ возмущающій меня своею тупою безпощадностью, — не онъ ли одинъ даетъ все-таки хоть какой-нибудь смыслъ всей этой непонятной для меня жизни?..

Аѳанасій вздохнулъ.

— А какъ намъ вотъ зятя-то теперь приводить! Нужно міру ведро вина поставить, чтобъ подписали приговоръ, ветчины выложить на закуску... А капиталъ у насъ вотъ какъ тонокъ! Не вытянемъ.

Въ концѣ августа, въ воскресенье, Аѳанасій обратился на сходѣ къ міру съ просьбою разрѣшить ему принять въ домъ зятя. Рѣшеніе вышло ужасное: міръ наотрѣзъ отказалъ. Этого,

собственно, и слѣдовало ожидать: всѣ томились безземельемъ, земли не хватало своимъ, и безумно было принимать въ общество новыхъ членовъ. Правда, нѣкоторые, соблазняясь предстоящимъ угощеніемъ, заговорили, что слѣдовало бы уважить старика. Но противъ нихъ рѣшительно и рѣзко возсталъ Михайла Шестопаловъ, умный, энергичный мужикъ, горячо принимавшій къ сердцу общественные интересы.

— Не принимаемъ! Несогласны! — бунтовалъ онъ. — Не можемъ мы землю отдавать чужакамъ: своимъ мало!

Аѳанасій, блѣдный и смиренный, мялъ въ рукахъ шапку.

— Дозвольте, православные, домъ сохранить! — дрожащимъ голосомъ просилъ онъ.

— Несогласны! — оралъ Михайла. — Староста! Засвидѣтельствуй: несогласны! Не можемъ мы землю раздавать!.. Трехъ зятьевъ ужъ приняли, показали дурость свою... Будетъ! Довольно!

— Вѣрно! Невозможно отдать! — согласился Арсентій, хромой мужикъ съ умнымъ, тонкимъ лицомъ. Онъ и Михайла вертѣли старостою и сходомъ и всегда умѣли заставить міръ принять то, что̀ находили нужнымъ.

— Ужъ видно, дядя Аѳанасій, не иначе, какъ дому твоему конецъ нужно сдѣлать, — сочувственно вздыхая, сказалъ Сергѣй Софронычевъ.

Сходъ расходился. Мавра, несмотря на холодный вѣтеръ, сидѣла на порогѣ своей избы. Съ побѣлѣвшими губами и мутными глазами, она растерянно качала головою. Около нея стояла блѣдная Донька, прижимала къ груди руки и неподвижно смотрѣла на расходившихся по дорогѣ мужиковъ.

Вечеромъ Донька прибѣжала за мною и попросила поскорѣе прійти: Маврѣ стало очень худо, и ее уже причастили.

Она лежала на полатяхъ и протяжно охала. Я изслѣдовалъ ее. Дѣло было плохо: сердце переставало работать, появился отекъ легкихъ.

Въ темномъ углу, около печки, что-то зашевелилось на землѣ. Это былъ Аѳанасій. Босой, въ распоясанной рубахѣ, онъ поднялся и, шатаясь, подошелъ ко мнѣ.

— Баринъ! Я чувствую! Вотъ пришелъ ты къ намъ, старуху мою хочешь полѣчить... Дай тебѣ Господь добраго здоровья! Стараешься для насъ!.. — Старикъ покачнулся и оглядѣлъ меня пьянымъ взглядомъ. — Извините! — пробормоталъ онъ. — Извините... Простите меня, грѣшнаго раба, недостойнаго!

Онъ рухнулъ на колѣни и прижался лицомъ къ моему сапогу. Донька подошла къ нему.

— Батя, оставь! Лягъ на лавку!

Она подняла его и подвела къ лавкѣ.

— Уйди! — вдругъ сказалъ онъ. Вырвалъ руку и опять сѣлъ на землю около печки.

Снаружи бушевалъ вѣтеръ; съ шелестящимъ шорохомъ онъ проносился по соломенной крышѣ и глухо ворчалъ въ трубѣ. Мавра, покрытая тулупомъ, хрипло стонала, въ груди ея клокотало.

Аѳанасій сидѣлъ въ углу на своихъ босыхъ ногахъ и бормоталъ:

— Ну, ладно!.. Покорно благодаримъ!.. Что̀ жъ, о чемъ толкъ?.. Помирать намъ всѣмъ нужно... Правильно? Мы всѣ одного Бога боимся... А съ дѣвки не спросишь. Что̀ дѣвка?— Навозъ! Вывезъ въ поле, и нѣтъ ея. — Старикъ помолчалъ.— Жена! — вдругъ грозно позвалъ онъ.

Хриплые, долгіе стоны Мавры наполняли избу и мѣшались съ шумомъ вѣтра. Потомъ вдругъ изъ ея груди вылетѣлъ ясный, чистый, громкій звукъ и замеръ. На минуту стало тихо.

Аѳанасій выразительно повторилъ:

— Жена!

— Охъ! Охъ! Охъ! — быстро захрипѣли снова короткіе, отрывистые стоны.

— Буде тебѣ, батя! Сиди! — убѣждала отца Донька.

— Уйди! — упрямо произнесъ Аѳанасій.

Онъ поднялся и, въ развалку ступая босыми ногами, пошелъ къ полатямъ.

— Жена-а! — грозно и протяжно позвалъ онъ снова.

— Ну куда ты? Помираетъ Мавра, отойди! — сказалъ я, удерживая его.

Старикъ остановился передо мною.

— Баринъ! я понимаю!.. Подсобить хочешь старухѣ, — ну, дай тебѣ Богъ добраго здоровья!.. А что̀ жалко? Я говорю: «дайте домъ сохранить!» — а они... Вѣдь самъ избу-то срубилъ, милый! Любовался на нее, какъ на красное солнышко!.. А хозяйка, знай, все однѣхъ дѣвокъ родитъ... Что̀ же это? Мало я ее училъ за это дѣло?.. Которыя померли, которыя замужъ повыданы... Вонъ дѣвка одна осталась... Ба-аринъ!..

Онъ всхлипнулъ и забилъ себя въ грудь.

— Конецъ вѣдь моему дому исдѣлали, что̀ жъ я теперь буду? Мы вѣдь не отказываемся, угощеніе поставимъ по закону; зачѣмъ мы будемъ противъ міра капризиться?

Съ наръ опять раздался ясный, громкій крикъ, и все смолкло. Я поспѣшилъ къ Маврѣ. Она агонизировала, грудь тяжело и неровно вздымалась.

Вѣтеръ ударилъ въ оконце избы, зазвенѣлъ склеенными газетою осколками стеколъ и взмылъ по крышѣ къ трубѣ. Въ трубѣ опять заворчало, и какъ будто кто-то въ ней зашевелился.

Аѳанасій, взлохмаченный, съ красными глазами, сидѣлъ у печки, хитро посмѣивался и глядѣлъ на насъ. Вдругъ онъ устремилъ глаза въ землю, лицо его сдѣлалось свирѣпымъ.

— Аа-а̀!—ахнулъ онъ и изо всей силы ударилъ кулакомъ въ земляной полъ.

— Батя, да будетъ тебѣ! — увѣщавала его измученная Донька.

Старикъ пробормоталъ:

— Ничего!.. О чемъ толкъ? Землю не прошибешь... Не прошибешь ее, матушку, она все стерпитъ!..

И съ пьянымъ рыданіемъ онъ припалъ къ полу.

Донька, блѣдная, какъ призракъ, сидѣла на лавкѣ, уронивъ на колѣни тонкія руки. А вѣтеръ вылъ на дворѣ, и въ трубѣ какъ будто плакалъ кто-то, — плакалъ старый, закоптѣлый духъ погибающаго дома... И казалось мнѣ, — смертью и могильнымъ холодомъ полна уже изба, и двигающіеся, корчащіеся призраки хоронятъ что-то, что̀ давало имъ всѣмъ жизнь и смыслъ жизни.

III.

Одинокій.

Года черезъ два, въ началѣ сентября, мнѣ снова пришлось быть въ этихъ мѣстахъ. Я ѣхалъ въ телѣгѣ съ однимъ дернопольскимъ парнемъ, Николаемъ. Небо было въ тучахъ, на поляхъ рыли картошку, заросшія полынью межи тянулись черезъ бурыя, голыя жнивья. На Берёвской горѣ мы нагнали высокаго, худого и лохматаго старика. Онъ медленно шелъ по дорогѣ, опираясь на длинную палку-посохъ. Заслышавъ телѣгу, старикъ посторонился и обратилъ къ намъ свое худое, продолговатое лицо.

— Дѣдушка Аѳанасій, здравствуй! — сказалъ я.

Онъ съ недоумѣніемъ прищурилъ подслѣповатые глаза, потомъ узналъ и оживился.

— Здравствуй, батюшка! Здравствуй!

— Садись къ намъ, подвеземъ!

Старикъ взобрался на телѣгу.

Онъ сильно постарѣлъ и обросъ, коричневая шея была покрыта сѣтью морщинистыхъ трещинъ, сѣдая бородка мѣшалась у висковъ съ нависшими космами мочальныхъ волосъ.

— Донька-то твоя умерла! — сочувственно обратился я къ нему. Я ужъ слышалъ, что она неожиданно умерла тою же осенью, когда я ее видѣлъ въ послѣдній разъ.

Аѳанасій медленно отвѣтилъ:

— Померла. Который мѣсяцъ полъ Покровъ бываетъ, въ этотъ. Въ три дня испеклась.

— Съ чего же это?

— Кто же ее знаетъ! Значитъ, смерть пришла.

— Какъ же ты теперь живешь? Одинъ?

— Одинъ, милый, одинъ! — Старикъ подумалъ. — Одинъ! — рѣшительно подтвердилъ онъ.

— Тяжело тебѣ одному управляться!

— Съ чего тяжело? — По тонкимъ губамъ Аѳанасія промелькнула юмористическая усмѣшка. — Лежишь на печкѣ: живъ, — стало-быть, слава Богу! Померъ, — смерть все одна! Чего жъ мнѣ? Только бы душу сообщить, а помирать все одинъ будешь. Одинъ, а не вдвоемъ. Помогать никто не станетъ, — помирать-то!

— Что жъ, ты самъ и печку топишь и обѣдъ варишь?

— Самъ. Кому же еще?.. Все одинъ. Ни навить ни подать некому; навьешь сѣна на телѣгу, — полѣзай, притаптывай; а потомъ опять — скокъ на землю! — дальше клади... Придешь домой, — корову подои, ужинъ справь...

Старикъ разсказывалъ, и на губахъ играла та же усмѣшка. Какъ будто онъ забавлялся впечатлѣніемъ, которое должны производить его слова.

— А народъ пользуется, — помолчавъ, заговорилъ онъ. — Въ лѣтошній годъ связать взяли по двадцать пять копеекъ съ копны: онъ, говорятъ, отдастъ! Ему вязать некому. Раньше по двадцать пять копеекъ брали *сжать* копну, а теперь, видишь ты, — *связать*!.. Хреста нѣту. А не связалъ, — такъ и ѣдутъ по твоему хлѣбу, нѣтъ, чтобъ на межу своротить... «А онъ зачѣмъ, говорятъ, не убираетъ?» Всю рожь въ землю втопчутъ.

Аѳанасій задумался.

— Намедни на работѣ былъ, прихожу домой: дверь изнутри на засовъ заперта, окно высадили. Топоръ скрали, недоуздокъ, хомутъ... Съ кого спросишь? До чужого никому дѣла нѣтъ. А самъ нешто доглядишь? Все одинъ. А двадцать-то рублей въ годъ на подани отдай. На то не глядятъ, что борода чалая. Подъ окошко батожкомъ: стукъ, стукъ! «Дѣдушка Аѳанасій, неси подань!..»

Онъ молча сталъ глядѣть на далекія, подернутыя дымкою жнивья, и въ его взглядѣ была смиренная, неразсуждающая

покорность. Мнѣ вспомнилось, — совсѣмъ такимъ взглядомъ два года назадъ смотрѣла въ лѣтній сумракъ Донька надъ Гремячимъ колодцемъ.

— Ну, тутъ слѣзать мнѣ, — сказалъ Аѳанасій. — Вамъ кругомъ ѣхать, а я напрямикъ пойду, оврагомъ. Спасибо, батюшка, будь здоровъ!

Онъ слѣзъ и, опираясь на свою длинную палку, пошелъ къ оврагу, за которымъ сѣрѣла деревня. Высокій и изсохшій, со спутанными, отросшими волосами, онъ выглядѣлъ пустынникомъ, одичавшимъ въ своемъ безлюдьѣ.

Мой возница, Николай, прищурясь, смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Изъ волости идетъ, въ холодной отсиживалъ, — сказалъ онъ.

— За что?

— За что? За подань! Что̀ жъ онъ справить можетъ, такой-то? Гдѣ ему землю оправдать?.. Зажился дѣдка, чужой вѣкъ живетъ! — неодобрительно прибавилъ Николай.

Вечеромъ я вышелъ на крыльцо. Небо было въ густыхъ тучахъ, въ темнотѣ накрапывалъ теплый дождь. За ручьемъ мигали рѣдкіе огоньки деревни. Я вглядывался въ нее, старался различить избу Аѳанасія. Но ничего не было видно. Только черныя тучи медленно клубились надъ деревней, и между ними виднѣлись пятнистые, мутно-блѣдные просвѣты неба.

Этотъ старикъ сидитъ теперь въ своей пустой избѣ. Въ ней пахнетъ холодною сажею. За нетопленою печкою ежится въ темнотѣ затравленный, одичавшій духъ дома. А съ улицы на развалюшку-избу холодно и враждебно смотрятъ другія избы, крѣпкія сознаніемъ своего права на жизнь.

Черныя тучи клубились и вздымались надъ деревнею. И казалось мнѣ, — огромный темный духъ наклонился надъ избою Аѳанасія. Тяжелою рукою онъ сдавилъ горло приникшаго за печкою «дворного» и душитъ его, — медленно, спокойно и безпощадно...

1902.

ЛИЗАРЪ.

Солнце садилось за боръ. Телѣжка, звякая бубенчиками, медленно двигалась по глинистому гребню. Я сидѣлъ и сомнительно поглядывалъ на моего возницу. Направо, прямо изъ-подъ колесъ телѣжки, бѣжалъ внизъ обрывъ, а подъ нимъ весело струилась темноводая Шелонь; налѣво, также отъ самыхъ колесъ, шелъ оврагъ, на днѣ его тянулась размытая весенними дождями глинистая дорога. Телѣжка переваливалась съ боку на бокъ, наклонялась то надъ рѣкою, то надъ оврагомъ. Въ какую сторону предстояло намъ свалиться?..

Мой возница Лизаръ, — молчаливый, низенькій старикъ, — втягивалъ голову въ плечи, дергалъ локтями и осторожно повторялъ: «тпру!.. тпру!..».

— Какъ ты, дѣдка, не боишься? Вѣдь мы свалимся! — не выдержалъ я наконецъ.

Я готовился услышать въ отвѣтъ классическое: «небось!». Но Лизаръ неожиданно отвѣтилъ:

— Свалимся, баринъ, — Христосъ-правда, свалимся!.. Какъ же не бояться? Ужъ то-то боюсь!

— Такъ ты бы на дорогу съѣхалъ.

— На дорогу! Увязнешь на дорогѣ, гораздъ топко. Дождито какіе лили! Погляди на Шелонь,—видишь, вздулась. Вода въ ней свѣжая, чистая, что̀ серебрина, а нынче вонъ какъ потемнѣла,—всю воду съ болотъ взяла.. «Не боюсь!»—повторилъ онъ, помолчавъ.—Ужъ такъ-то боюсь, ажно вспотѣлъ!

Онъ снялъ облѣзлую шапку и утеръ рукою лобъ.

— А ты вотъ что̀, баринъ любимый! Слѣзай съ телѣжки да вонъ до того яру черезъ кустики и дойди. А я на дорогу спущусь, кругомъ объѣду.

Я сошелъ съ телѣжки. Лизаръ оживился, задергалъ вожжами и покатилъ по откосу въ оврагъ. Бубенчики закатились

испуганнымъ, прерывистымъ звономъ; телѣжка прыгала по промоинамъ, Лизаръ прыгалъ на облучкѣ и натягивалъ вожжи.

— Н-но, гамыры! — донеслось со дна оврага, словно изъ преисподней. Телѣжка, увязая въ глинѣ, потащилась въ гору.

Я перебрался черезъ оврагъ и пошелъ перелѣскомъ. По ту сторону Шелони, надъ боромъ, тянулись ярко-золотыя тучки, и самъ боръ подъ ними казался мрачнымъ и молчаливымъ. А кругомъ стоялъ тотъ смутный, непрерывный и веселый шумъ, которымъ и днемъ и ночью полонъ воздухъ въ началѣ лѣта.

Среди орѣховыхъ и ольховыхъ кустовъ все пѣло, стрекотало, жужжало. Въ тепломъ воздухѣ стояли веселые рои комаровъ-толкачиковъ, майскіе жуки съ серьезнымъ видомъ кружились вокругъ березъ, птички проносились черезъ поляны волнистымъ, порывистымъ летомъ. Вдали повсюду звучали дѣвическія пѣсни,—была Троица, по деревнямъ водили хороводы.

Я остановился на опушкѣ, около межи. Когда стоишь такъ одинъ, не шевелясь, лицомъ къ лицу съ природой, то овладѣваетъ странное чувство: кажется, что она не замѣчаетъ тебя, и ты, пользуясь этимъ, вотъ-вотъ сейчасъ увидишь и узнаешь какую-то самую ея сокровенную тайну. И тогда все окружающее кажется необычнымъ и полнымъ этой тайны. Подъ зеленѣвшими дубами земля была усыпана темно-бурыми прошлогодними листьями; каждый листъ шуршалъ и шевелился, какая-то скрытая жизнь таилась подъ ними; что̀ это тамъ, — лѣсные муравьи, прорастающая трава?.. И все кругомъ слабо шумѣло и шуршало, словно живое, — трава, цвѣты, кусты. Не замѣчая человѣка, все какъ будто ожило и зажило свободно, не скрываясь. Вѣтеръ мягко пронесся по матово-зеленой ржи и перебѣжалъ въ осины. Осины зашептались, заволновались, съ короткимъ шумомъ вздрагивая листьями; облако бѣлыхъ пушинокъ сорвалось съ ихъ сережекъ и, словно сговорившись съ вѣтромъ, весело понеслось въ темнѣющую чащу.

Мнѣ показалось, что справа кто-то смотритъ. Я оглянулся. Въ десяти шагахъ сидѣли въ травѣ два выскочившіе изъ ржи зайца. Они сидѣли спокойно и съ юмористическимъ любопытствомъ глядѣли на меня. Какъ будто имъ было смѣшно, что и я надѣюсь проникнуть въ ту тайну, которую сами они и всѣ кругомъ прекрасно знаютъ. При моемъ движеніи зайцы переглянулись и, не спѣша, нѣсколькими большими, мягкими прыжками, безшумно отбѣжали къ кустамъ ракитника; тамъ они снова сѣли и, шевеля ушами, продолжали поглядывать на меня.

— О-го-го-го-го-ооо! — глухо донесся изъ-за ржи крикъ Лизара.

Я откликнулся. Зайцы снялись и стали удаляться неклюже-легкими прыжками. Межъ кустовъ долго еще мелькали ихъ рыжія, горбатыя спины и длинныя уши. Я вышелъ на дорогу.

Мы поѣхали дальше. Солнце сѣло, изъ лощинъ потянуло влажнымъ холодкомъ.

— Хорошо бы теперь чайку попить, — сказалъ я.

— Ну что̀ жъ! Вотъ пріѣдемъ въ Якоревку, и попьешь чайку, — отвѣтилъ Лизаръ. — Ты, значитъ, чайку попьешь, отдохнешь, я по̀ходомъ коней покормлю, а тамъ съ холодочкомъ и поѣдемъ дальше.

— А далеко до Якоревки?

Лизаръ удивился.

— До Якоревки-то? Да вонъ она!

Надъ рожью сѣрѣли соломенныя крыши деревни. Лизаръ встрепенулся и сильнѣе задергалъ вожжами. Мы въѣхали въ узкую, уже потемнѣвшую улицу, заросшую ветлами. Избы, какъ вообще въ этихъ краяхъ, были очень высокія, съ окнами вѣнцовъ на пятнадцать-двадцать отъ земли.

Лизаръ подъѣхалъ къ избѣ. Около нея на сукѣ ивы висѣли веревочныя качели. На высокомъ крылечкѣ никого не было, въ окнахъ было темно. Лизаръ остановилъ лошадей, задумчиво поглядѣлъ на качели и крикнулъ:

— Эй, кума Агаѳья! Нельзя ли на качеляхъ позыбаться у тебя? Гораздъ качели хороши!

На крыльцо вышла высокая баба, прямая и худая, съ сухимъ, строгимъ лицомъ.

— Кого говоришь? — спросила она.

— Самоварчикъ барину надобенъ, проѣзжающему... Будь здорова!

Баба внимательно оглядѣла меня съ ногъ до головы.

— Здравствуйте... Сейчасъ сами отпили, можно наставить, — медленно отвѣтила она. — Дунька! — позвала она такъ, какъ будто Дунька стояла рядомъ съ нею. — Подложи шишекъ въ самоваръ!.. Сейчасъ готовъ будетъ тебѣ.

Изъ сѣней выглянула дѣвушка съ широкимъ лицомъ и бойкими глазами подъ черными бровями. Она съ любопытствомъ оглядѣла меня и исчезла.

Черезъ десять минутъ на высокомъ крылечкѣ кипѣлъ самоваръ. Я заварилъ чай.

Заря догорала. Легкія тучки освѣщались сверху страннымъ полусвѣтомъ надвигавшейся бѣлой ночи. На улицѣ, окутанной блѣднымъ сумракомъ, были жизнь и движеніе, съ конца

ея лилась хороводная пѣсня. Громкіе голоса, скрашенные разстояніемъ, звучали задумчиво и нѣжно:

Не на много время жизнь давалася,
За единый часъ миновалася...

Въ барскомъ саду заливался соловей, оттуда тянуло запахомъ сирени и росистою свѣжестью сада. Ночь томила, въ душѣ поднимались смутныя желанія. Становилось хорошо и грустно.

Подъ крыльцомъ послышался шопотъ. Мужской голосъ спрашивалъ:

— Ты что̀ жъ гулять не приходишь?

— А тебѣ что̀? — лукаво отвѣтилъ голосъ Дуньки, тоже вполголоса.

— Что̀, что̀! Всѣ дѣвки въ хороводѣ, а тебя нѣту. На кой онѣ мнѣ?.. Кто это у васъ?

— Баринъ проѣзжающій чай пьетъ. Самоваръ ему наставляла я.

— Самоваръ? — Мужской голосъ вдругъ перервался. — Само...варъ?

— Пошелъ ты, дьяволъ!

— Нишкни! Идутъ!

Голоса смолкли. Лизаръ, засыпавшій лошадямъ овесъ, поднялся на крылечко. Я досталъ бутылку, налилъ водкою рюмку и чашку. Предложилъ чашку Лизару. Лизаръ задвигалъ плечами, маленькіе глаза подъ нависшими бровями блеснули.

— Ну, почеремонимся!—стыдливо усмѣхнулся онъ, быстро стащилъ съ головы шапку и принялъ чашку.—Здравствуй!

Мы выпили, закусили. Стали пить чай. Лизаръ держалъ въ корявыхъ рукахъ блюдечко и, жмурясь, дулъ въ него. Хозяйка снова появилась на порогѣ, прямая и неподвижная. За ея юбку держались два мальчугана. Засунувъ пальцы въ ротъ, они исподлобья внимательно смотрѣли на насъ. Изъ оконца подызбицы тянуло запахомъ прѣлаго картофеля.

Хозяйка тихо спросила:

— Разродилась сноха твоя?

— Разродилась, матушка, разродилась, — поспѣшно отвѣтилъ Лизаръ.

— Мертваго выкинула?

— Зачѣмъ мертваго? Живого.

— Живого?.. А у насъ тутъ баяли, мертваго выброситъ. Старуха Пафнутова гомонила, — гораздъ тяжко вожаетъ, не разродится.

— Съ чего не разродиться? За дохторомъ спосылали! — Ли-

заръ улыбнулся длинной, насмѣшливой улыбкой. — Пріѣхалъ, клещами ребеночка вытащилъ,—живого, вотъ и гляди.

Хозяйка покачала головою.

— Клещами!

— Дѣлаютъ не знамо что̀!—вздохнулъ Лизаръ.

— Какъ не знамо что̀?—возразилъ я. — Живого вѣдь вытащили, чего жъ тебѣ? А не помогъ бы докторъ, ребенокъ бы умеръ.

— «Живого», «живого»,—повторилъ Лизаръ и замолчалъ.— Такъ они намъ ни къ чему, ребята-то, ни къ чему!.. Довольно, значитъ! Будетъ! И такъ полна изба. Чего жъ балуются, дохтора безпокоятъ? Сами хлѣбъ жевали-жевали, а дохторъ пріѣзжай къ нимъ — глота-ать!.. Избаловался нынѣ народъ, вотъ что̀! Съ нѣгой стали жить, съ заботой, о Богѣ не мыслятъ. Вонъ бобу̀шки *) по деревнямъ ходятъ, ребятъ клюютъ; сейчасъ пріѣдетъ фершалиха, начнетъ ребятъ колоть; всѣхъ переколетъ, ни одного не оставитъ. Заболѣлъ кто, — сейчасъ къ дохтору ѣдетъ... Прежде не такъ было...

Лизаръ вздохнулъ.

— Прежде, баринъ мой жадобный, лучше было. Жили смирно, Бога помнили, а Господь-Батюшка заботился о людяхъ, назначалъ всему мѣру. Мѣра была, порядокъ! Война объявится, а либо голодъ,—и почиститъ народъ, глядишь— другимъ жить слободнѣе стало; бобу̀шки придутъ, — что̀ народу поклюютъ! Знай, домовины готовь! Сокращалъ Господь человѣка, жалѣлъ народъ. А таперичка нѣту этого. Ни войны не слыхать, вездѣ тихо, фершалихъ наставили. Вотъ и тужитъ народъ землею. Что̀ сталось-то, и не гляди! Выѣдешь съ сохою на нивку, а что̀ орать, не знаешь. Сосѣдъ кричитъ: «эй, дядя Лизаръ, мою полоску зацѣпилъ!» Повернулся,— съ другого боку: «мою-то зачѣмъ трогаешь?!» Во-отъ какое стѣсненіе!.. Скажемъ, куму взять. — Лизаръ кивнулъ на хозяйку.—Пять сыновъ у нихъ, видишь? Ребята все малые, что̀ паучки, а вырастутъ,—всѣхъ нужно произвести къ дѣлу... Къ дѣлу нужно произвести! А земли на одну душу. Вотъ и считай тымъ разомъ, — много ли на каждаго придется?

— Да, такъ сказать, ничего и не придется, — поучающе сказала хозяйка.

Лизаръ развелъ руками.

— Ничего! На кой же они нужны! На сторону намъ ходить некуда, заработки плохіе!.. Ложись да помирай. По нашему дѣлу, баринъ мой любимый, столько ребятъ не надобно.

---

*) *Бобушками* въ Псковской губерніи называютъ оспу.

Если чей Богъ хорошій, то прибираетъ къ Себѣ, — значитъ, сокращаетъ семейство. Слыхалъ, какъ говорится? Дай, Господи, скотинку съ приплодцемъ, а дѣтокъ съ приморцемъ. Вотъ какъ говорится у насъ!

Хозяйка сочувственно слушала Лизара и ласково гладила по волосамъ жавшихся къ ней ребятъ.

— Губятъ насъ, можно сказать, пустячныя дѣла,—продолжалъ захмелѣвшій Лизаръ. — Безсмертная сила народу набилась, а сунуться некуда, концовъ-выходовъ нѣту. А каждый на то не смотритъ, старается съ своей бабой... Э-эхъ! Не глядѣли бы мои глаза, что̀ дѣлается!.. Ужъ наказываешь сынамъ своимъ: бы̀дьте, ребятушки, посмирнѣе, — сами видите, дѣло наше маленькое, пустячное. И понимаютъ, а глядишь,— то одна сноха неладивши породитъ, то другая...

— И то сказать: не изъ соломы сплетёны, — вздохнула хозяйка.

— Тяжкое дѣло, тяжкое дѣло!—въ раздумьѣ произнесъ Лизаръ. — А только я такъ домекаюсь, что бабамъ бы тутъ порадѣть нужно, вотъ кому. Сходи къ дохтору, поклонись въ ножки,—они учены, знаютъ дѣло. Поклонишься,—дадутъ тебѣ капель. Вѣдь за это не то, что яичекъ,—гуся не пожалѣешь. Какъ скажешь, — есть такія капли? — спросилъ Лизаръ, значительно и испытующе поглядѣвъ на меня.

Онъ говорилъ долго. А вдали звучали пѣсни, и природа изнывала отъ избытка жизни. И казалось, — вотъ стоятъ два разлагающихся трупа и говорятъ холодныя, дышащія могильною плѣсенью рѣчи. Я всталъ.

— Пора ѣхать!

— И то пора!

Лизаръ суетливо поднялся и пошелъ къ лошадямъ.

Заря совсѣмъ погасла, когда мы двинулись. Была бѣлая ночь, облачная и тихая. У околицы еще шелъ хороводъ, но онъ ужъ сильно порѣдѣлъ и съ каждою минутою таялъ все больше. А въ блѣдномъ полумракѣ, — на гумнахъ, за плетнями, подъ ракитами, — вездѣ слышался мужской шопотъ, сдержанный дѣвичій смѣхъ...

Изъ проулка навстрѣчу намъ вышла парочка. Молодцеватый парень съ русой бородкой и дѣвушка въ красномъ платочкѣ медленно переходили дорогу, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Съ широкаго, миловиднаго лица дѣвушки безъ испуга глянули на меня глаза изъ-подъ черныхъ бровей. Кажется, это была Дунька.

За околицей насъ снова охватилъ стоявшій повсюду смутный, непрерывный шумъ весенней жизни. Была ужъ поздняя

ночь, а все кругомъ жило, пѣло и любило. Пахло зацвѣтающею рожью. Въ прозрачно-сумрачномъ воздухѣ, колыхаясь и обгоняя другъ друга, неслись вдаль бѣлыя пушинки ивъ и осинъ,— неслись, неслись безъ конца, словно желая заполонить своими сѣменами весь міръ.

Отдохнувшія лошади бойко бѣжали по дорогѣ. Свѣтло-желтый песокъ весело шуршалъ подъ колесами. Водка испарилась изъ головы Лизара, онъ снова примолкъ. Я съ страннымъ чувствомъ, какъ на что-то чужое тутъ и непонятное, смотрѣлъ на него... Мы спустились въ лощину.

— Тпру!.. Тпру!.. — вдругъ испуганно произнесъ Лизаръ. Онъ остановилъ у мостика лошадей, соскочилъ и сталъ торопливо привязывать сорвавшуюся съ валька постромку. Шумъ телѣжки смолкъ.

Тогда меня еще сильнѣе охватила эта черезъ край бившая кругомъ жизнь. Отовсюду плыла такая масса звуковъ, что, казалось, имъ было тѣсно въ воздухѣ. Въ лѣсу гулко, перебивая другъ друга, заливались соловьи, вверху лощины задумчиво трещалъ коростель; кругомъ, во влажной осокѣ, обрывисто и загадочно стонали жабы, квакали лягушки, изъ-подъ земли бойко неслось слабое и мелодическое «турррррр»... Все жило вольно и безъ удержу, съ непоколебимымъ сознаніемъ законности и правоты своего существованія. Хороша жизнь! Жить, жить,—жить широкою, полною жизнью, не бояться ея, не ломать и не отрицать себя,—въ этомъ была та великая тайна, которую такъ радостно и властно раскрывала природа...

И среди этого таинства неудержимо рвущейся въ ширь жизни—онъ, сжавшійся въ себѣ, съ упорными думами о собственномъ сокращеніи!.. Царь жизни.

1899.

ДВА КОНЦА.

Повѣсть.

I.

Конецъ Андрея Ивановича.

I.

Былъ вечеръ субботы. Переплетный подмастерье Андрей Ивановичъ Колосовъ, въ туфляхъ и безъ сюртука, сидѣлъ за столомъ и быстро шерфовалъ куски краснаго сафьяна. Его жена, Александра Михайловна, клеила на комодѣ гильзы для переплетовъ. Андрей Ивановичъ ужъ пять дней не ходилъ въ мастерскую: у него отекли ноги, появилась одышка, и обычный кашель сталъ сильнѣе. Всѣ эти дни онъ мрачно лежалъ въ постели, пилъ дигиталисъ и придирался къ Александрѣ Михайловнѣ. Сегодня отеки совершенно спали, и Андрей Ивановичъ почувствовалъ себя настолько лучше, что принялся за работу, которую взялъ съ собою изъ мастерской на домъ.

Александра Михайловна съ утра зорко слѣдила за его настроеніемъ: ей нужно было имѣть съ нимъ одинъ важный разговоръ, и она выжидала для этого благопріятнаго случая; все время она была очень предупредительна къ Андрею Ивановичу, старалась предугадать его малѣйшее желаніе.

Въ комнату вошла шестилѣтняя Зина, дочь Колосовыхъ, въ накинутомъ на голову большомъ материномъ платкѣ. Она передала матери полубутылку коньяку.

— Хозяинъ велѣлъ сказать, что въ послѣдній разъ даетъ въ долгъ, — шопотомъ сказала она, робко косясь на спину Андрея Ивановича.

Александра Михайловна мигнула ей, чтобъ она молчала, и

стала накрывать на столъ. Достала остатки обѣда, подала самоваръ и заварила чай.

— Ну, Андрюша, довольно работать! Иди ужинать.

Александра Михайловна подошла къ Андрею Ивановичу и, поколебавшись, поцѣловала его въ голову: она не была увѣрена, въ настолько ли хорошемъ расположеніи Андрей Ивановичъ, чтобъ позволить ей это.

Андрей Ивановичъ терпѣливо снесъ поцѣлуй и пересѣлъ къ столу. Увидѣвъ коньякъ, онъ просіялъ.

— Вотъ спасибо, Шурочка, что припасла!—съ умиленіемъ произнесъ онъ.—Недурно коньячку теперь выпить.

Андрей Ивановичъ опрокинулъ въ ротъ рюмку, съ наслажденіемъ крякнулъ и взялъ кусокъ солонины.

— Э-эхъ! Ей-Богу, какъ выпьешь рюмочку, то какъ будто душа въ раю находится... Дай-ка хрѣну!

Они стали ужинать. Зина ѣла молча; когда Андрей Ивановичъ обращался къ ней съ вопросомъ, она вспыхивала и спѣшила отвѣтить, робко и растерянно глядя на отца: вчера Андрей Ивановичъ жестоко высѣкъ Зину за то, что она до восьми часовъ вечера бѣгала по двору. Вчера всѣмъ досталось отъ Андрея Ивановича: женѣ онъ швырнулъ въ лицо сапогомъ, квартирную хозяйку обругалъ; теперь онъ чувствовалъ себя виноватымъ и былъ особенно мягокъ и ласковъ.

— Что̀ же это Ляховъ не идетъ? — спросила Александра Михайловна. — Обѣщалъ сейчасъ же съ получки деньги занести, а до сихъ поръ нѣтъ.

— Ну, гдѣ же сразу! Раньше въ «Сербію» нужно зайти, выпить. Ему порядокъ извѣстенъ.

Пришла отъ всенощной квартирная хозяйка. Сосѣдка Колосовыхъ, папиросница Елизавета Алексѣевна, воротилась съ фабрики. Сквозь тонкую дощатую стѣну было слышно, какъ она переодѣвалась.

— Александра Михайловна, можно у васъ кипятку раздобыться?—спросила она сквозь стѣну.

— Пожалуйста, Лизавета Алексѣевна!

Въ комнату вошла невысокая дѣвушка съ очень блѣднымъ лицомъ и строгими, неулыбающимися глазами.

Андрей Ивановичъ конфузливо поздоровался. Елизавета Алексѣевна сурово пожала его руку и, отвернувшись, заговорила съ Александрой Михайловной. Андрей Ивановичъ чувствовалъ себя неловко: Елизавета Алексѣевна была вчера дома, когда онъ бросилъ въ Александру Михайловну сапогомъ.

— Вы бы, Лизавета Алексѣевна, напились чаю съ нами,— сказалъ онъ.—Что̀ вамъ тамъ однѣмъ пить?

— Спасибо. Мнѣ еще къ завтрему сочиненіе нужно писать.

— Ну, что̀ сочиненіе! Напьетесь и сядете писать.

— Я вмѣстѣ съ чаемъ буду писать.—Елизавета Алексѣевна налила въ чайникъ кипятку.—Какъ ваше здоровье?—спросила она, не глядя на Андрея Ивановича.

— Слава Богу, поправляюсь. Хочу въ мастерскую итти. Въ понедѣльникъ—Срѣтенье, во вторникъ, значитъ, и пойду. Пора, а то все лежу... Вонъ и жена всякое уваженіе теряетъ: сейчасъ въ макушку меня поцѣловала, какъ вамъ это нравится!

— Это я любя тебя, — улыбнулась Александра Михайловна.

— А я остался недоволенъ. Что̀ же это такое, если жена мужа въ макушку цѣлуетъ? Это значитъ,—жена выше мужа; ну, а это власть вполнѣ неумѣстная, хе-хе!

Елизавета Алексѣевна ушла. Андрей Ивановичъ потянулся.

— Поработаю еще немножко, пока Ляховъ придетъ. Ты не убирай самовара.

Онъ сѣлъ къ столу, поточилъ ножъ о литографскій камень и снова взялся за работу. Александра Михайловна подсѣла къ столу съ другой стороны и стала рѣзать бумагу для гильзъ. Помолчавъ, она заговорила:

— Къ Корытовымъ въ уголъ новая жиличка въѣхала. Жена конторщика. Конторщикъ подъ Новый годъ померъ, она съ тремя ребятами осталась. То-то бѣдность! Мебель, одежу — все заложили, ничего не осталось. Ходитъ на водочный заводъ бутылки полоскать, сорокъ копеекъ получаетъ за день. Ребята рваные, голодные, сама отрепанная.

Александра Михайловна украдкою взглянула на Андрея Ивановича. Андрей Ивановичъ недовольно сдвинулъ брови: по тону Александры Михайловны онъ сразу замѣтилъ, что у нея есть какая-то задняя мысль.

Она продолжала:

— Говоритъ мнѣ: то-то дура я была! Замужемъ жила, ни о чемъ не думала. Ничего я не умѣю, ничему не учена... Какъ жить теперь? Хорошо бы кройкѣ научиться, — на Вознесенскомъ пятнадцать рублей берутъ за обученіе, въ три мѣсяца обучаютъ; съ кройкою всегда деньги заработаешь. А гдѣ теперь учиться? О томъ только и думаешь, чтобъ съ голоду не помереть.

Андрей Ивановичъ съ усмѣшкою спросилъ:

— Тебѣ-то какая печаль? Всѣ сплетни въ домахъ знаешь, кто что̀ дѣлаетъ. Настоящая гаванская чиновница! Видно, самой дѣлать нечего.

— «Какая печаль»... Будетъ печаль, какъ самой придется

итти бутылки полоскать, — сказала Александра Михайловна, понизивъ голосъ.

Андрей Ивановичъ выдохнулъ воздухъ черезъ ноздри и взглянулъ на Александру Михайловну.

— Послушай, Саша, опять ты этотъ разговоръ заводишь?— угрожающе произнесъ онъ.—Я тебѣ ужъ разъ сказалъ, чтобъ ты не смѣла со мной объ этомъ говорить. Я это запретилъ тебѣ, понимаешь ты или нѣтъ?

— Андрюша, ну, ты подумай же самъ! Ты вотъ все хвораешь,—вѣдь не ровенъ часъ, все можетъ случиться. Куда я тогда дѣнусь и что̀ стану съ ребенкомъ дѣлать?

— Ахъ, оставь ты, пожалуйста, свои глупости! Ты все хочешь доказать, что у меня чахотка. Никакой у меня чахотки нѣтъ, а просто хроническое воспаленіе легкихъ, мнѣ самъ докторъ сказалъ. Вотъ придетъ лѣто, поживу въ Лѣсномъ, и все пройдетъ.

— Такъ почему же мнѣ все-таки не поучиться, пока есть время?

— Потому что твое дѣло хозяйство. У тебя и такъ все не въ порядкѣ; посмотри, какой самоваръ грязный, посмотри, какая пыль вездѣ. Словно въ свиномъ хлѣвѣ живемъ, какъ мужики! Ты лучше бы вотъ за этимъ смотрѣла!

Александра Михайловна замолчала. Андрей Ивановичъ, сердито нахмурившись, продолжать шерфовать. Его огромная, всклоченная голова съ впалыми щеками мѣрно двигалась взадъ и впередъ, лезвее ножа быстро скользило по камню, ровно спуская края сафьяна.

— Тебѣ же бы отъ этого помощь была,—снова заговорила Александра Михайловна.—Ты вотъ все меньше зарабатываешь: раньше семьдесятъ-восемьдесятъ рублей получалъ, а нынче хорошо, какъ сорокъ придется въ мѣсяцъ, да и то, когда не хвораешь; а теперь и совсѣмъ пустяки приносишь; хозяинъ вонъ впередъ ужъ и давать пересталъ, а мы и въ лавочку на книжку задолжали, и за квартиру второй мѣсяцъ не платимъ; погребщикъ сегодня сказалъ, что больше въ долгъ не будетъ отпускать... А тогда бы все-таки помощь была тебѣ.

— Саша! Ради Бога, оставь ты говорить о томъ, чего не понимаешь! — сказалъ Андрей Ивановичъ, стараясь сдержаться.—Я работаю съ утра до вечера, содержу тебя,—могу же я имѣть хоть то удовольствіе, чтобъ обо мнѣ заботились! Я хочу, чтобъ у меня дома былъ обѣдъ, чтобъ мнѣ давали съ собой готовый фрыштикъ. А твои гроши никому не нужны, я и безъ тебя обойдусь. Ты прежде всего должна быть порядочной женщиной; а если женщина поступаетъ въ работу, то

ей приходится забыть свой стыдъ и стать развратной, иначе она ничего не заработаетъ. Ты этого не знаешь, а я довольно насмотрѣлся въ мастерской на дѣвушекъ и очень много понимаю.

— А вотъ Елизавета Алексѣевна вѣдь тоже работаетъ.

— Елизавета Алексѣевна не тебѣ чета.

— Такъ позволь мнѣ хоть въ воскресную школу съ нею ходить: я еле писать умѣю. Умъ никогда не помѣшаетъ.

— Тебѣ умъ будетъ только мѣшать, — сердито сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Умъ никогда никому не можетъ мѣшать,—упрямо возразила Александра Михайловна.

— Саша, ну, я наконецъ... прошу!—грозно и выразительно произнесъ Андрей Ивановичъ. — Замолчи, ради Бога! Что-то ты ужъ и теперь больно умна стала.

Александра Михайловна заволновалась и быстро заговорила:

— А вонъ, прошлое воскресенье ты весь день съ какимъ-то оборванцемъ пропутался. По всему видно — жуликъ, ночлежникъ, а ты ему пальто отдалъ.

Андрей Ивановичъ съ презрѣніемъ слѣдилъ за логическими скачками Александры Михайловны.

— «Жуликъ»! Который человѣкъ бѣденъ, тотъ и называется жуликъ. А пальто мнѣ не нужно, потому что у меня другое есть, новое.

— Можно было татарину продать; полтора рубля далъ бы, а то и два. Намъ деньги самимъ нужны.

— Ты все цѣнишь на деньги. Деньги — вздоръ, хламъ! Ты говоришь о деньгахъ, а я говорю о человѣкѣ, о честности. Ты одно, а я другое. Онъ — бывшій переплетчикъ, значитъ мой товарищъ, а товарищу я всегда отдамъ послѣднее.

— Онъ все равно пропьетъ пальто.

— Это тебѣ неизвѣстно. Мы только съ тобою хорошіе люди, а всѣ остальные—жулики, дрянь!

— Ты вотъ все разнымъ оборванцамъ отдаешь...

Андрей Ивановичъ грозно крикнулъ:

— Да замолчишь ли ты наконецъ?! Чучело!

— Работать ты мнѣ не позволяешь, а самъ о насъ не заботишься. Смотри, у ребенка совсѣмъ калоши продырявились, а погода мокрая, таетъ; шубенка вся въ лохмотьяхъ, какъ у нищей; стыдно на дворъ выпустить дѣвочку.

Андрей Ивановичъ положилъ ножъ, скрестилъ на груди руки и сталъ слушать Александру Михайловну.

— Тогда бы ты ужъ долженъ больше о насъ заботиться... На черный день у насъ ничего нѣту. Вонъ, когда ты у Геб-

гарда разбилъ хозяйской кошкѣ голову, сколько ты? — всего два мѣсяца пробылъ безъ работы, и то чуть мы съ голоду не перемерли. Заболѣешь ты, помрешь,—что̀ мы станемъ дѣлать? Мнѣ что̀, мнѣ-то все равно, а за что Зинѣ пропадать? Ты только о своемъ удовольствіи думаешь, а до насъ тебѣ дѣла нѣтъ. Товарищу ты послѣдній двугривенный отдашь, а мы хоть по міру иди, тебѣ все равно!

Александра Михайловна вдругъ оборвала себя: Андрей Ивановичъ смотрѣлъ тяжелымъ, неподвижнымъ взглядомъ, въ его зрачкахъ горѣло то дикое бѣшенство, передъ которымъ Александра Михайловна всегда испытывала прямо суевѣрный ужасъ.

— Я тебѣ говорю, чтобъ ты мнѣ никогда не смѣла говорить того, что̀ ты мнѣ сейчасъ сказала, — сдавленнымъ голосомъ произнесъ Андрей Ивановичъ. — Я это запрещаю тебѣ!! — вдругъ рявкнулъ онъ и бѣшено ударилъ кулакомъ по столу.— Погань ты этакая! Отъ чьихъ трудовъ ты такая гладкая и румяная стала? Я для васъ надрываюсь надъ работою, а ты рѣшаешься сказать, что я о васъ не думаю, что мнѣ все равно?!

Александра Михайловна была блѣдна. Въ ея красивыхъ глазахъ мелькнуло что-то тупое, упрямое и злобное.

— А зачѣмъ же ты тогда...

— Молчать!!!—гаркнулъ Андрей Ивановичъ и вскочилъ на ноги. Онъ быстро оглядѣлъ столъ, ища, чѣмъ бы запустить въ Александру Михайловну.

Въ дверь раздался стукъ. Елизавета Алексѣевна пріотворила дверь.

— Александра Михайловна, можно у васъ еще кипятку взять?

— Пожалуйста, Лизавета Алексѣевна,—обычнымъ голосомъ отвѣтила Александра Михайловна.

Андрей Ивановичъ загородилъ собою дверь.

— Кипятку нѣтъ, самоваръ остылъ.

Елизавета Алексѣевна вспыхнула.

— Простите!—И она закрыла дверь.

Андрей Ивановичъ, стиснувъ зубы, молча заходилъ по комнатѣ.

— Что̀ у тебя до сихъ поръ Зина не уложена?—грубо сказалъ онъ.—Ужъ одиннадцатый часъ. Убери самоваръ, Ляховъ не придетъ.

Андрей Ивановичъ сѣлъ къ столу и налилъ себѣ коньяку. Выпилъ рюмку, потомъ другую. Александра Михайловна видѣла, что онъ дѣлаетъ это на зло ей, такъ какъ она уговаривала его не пить много. Если онъ теперь напьется, ей не сдобровать.

Она молча уложила Зину, убрала самоваръ. Потомъ тихо, стараясь не шумѣть, раздѣлась и легла на двуспальную кровать, лицомъ къ стѣнѣ.

Андрей Ивановичъ сидѣлъ у стола, положивъ кудлатую голову на руку и устремивъ блестящіе глаза въ окно. Онъ былъ пораженъ настойчивостью Александры Михайловны: раньше она никогда не посмѣла бы спорить съ нимъ такъ упорно; она пытается уйти изъ-подъ его власти, и онъ знаетъ, чье тутъ вліяніе; но это ей не удастся, и онъ сумѣетъ удержать Александру Михайловну въ повиновеніи. Однако, чтобъ не давать ей впередъ почвы для попрековъ, Андрей Ивановичъ рѣшилъ, что съ этого дня постарается какъ можно меньше тратить на самого себя.

Небольшая лампа съ надтреснутымъ колпакомъ слабо освѣщала коричневую ситцевую занавѣску съ выцвѣтшими разводами; на полу валялись шагреневые и сафьянные обрѣзки. Въ квартирѣ всѣ спали, только въ комнатѣ Елизаветы Алексѣевны горѣлъ свѣтъ и слышался шелестъ бумаги. Андрей Ивановичъ раздѣлся и легъ, но заснуть долго не могъ. Онъ кашлялъ долгимъ, надрывающимъ кашлемъ, и ему казалось, что съ этимъ кашлемъ вывернутся всѣ его внутренности.

II.

Ляховъ явился на слѣдующій день послѣ обѣда.

Андрей Ивановичъ лежалъ на кровати злой и молчаливый: Александра Михайловна подала къ обѣду только три ломтика вчерашней солонины; когда Андрей Ивановичъ спросилъ еще чего-нибудь, она вызывающе отвѣтила, что больше ничего нѣтъ, такъ какъ нигдѣ не вѣрятъ въ долгъ; это была чистѣйшая выдумка, при желаніи всегда можно было достать. Андрей Ивановичъ ничего не сказалъ, но запомнилъ себѣ дерзость Александры Михайловны.

Ляховъ пришелъ немного навеселѣ. Это былъ стройный и сильный парень, съ мускулистымъ затылкомъ и безпечнымъ, удалымъ взглядомъ. Носъ его былъ залѣпленъ поперекъ кусочкомъ пластыря.

— Василій Васильевичъ, что̀ это? Гдѣ вы себѣ носъ ушибли? — встрѣтила его Александра Михайловна, скрывая улыбку.

Ляховъ поздоровался и потрогалъ указательнымъ пальцемъ пластырь.

— Это у меня вчера на Тучковомъ мосту съ одной барышней недоразумѣніе вышло.—Онъ поднялъ брови и почесалъ затылокъ.

Оживившійся Андрей Ивановичъ спустилъ ноги и сѣлъ на кровати.

— «Недоразумѣніе»!..—засмѣялся онъ.

— Дѣйствіемъ! Недоразумѣніе дѣйствіемъ, — пояснилъ Ляховъ. — Увязался за нею, сталъ ей комплименты говорить... А она...

— Ай-ай-ай!—Александра Михайловна смѣялась и качала головою.—Погодите, вотъ увижу Катерину Андреевну, я ей разскажу, что̀ вы вчера на Тучковомъ мостѣ дѣлали.

Катерина Андреевна, работница картонажной мастерской, была сожительница Ляхова.

— Ну что̀, какъ здоровье твое? — обратился Ляховъ къ Андрею Ивановичу, ставъ серьезнымъ.

— Поправляюсь понемножку. Послѣ Срѣтенья выйду на работу. Что̀ въ мастерской у насъ хорошенькаго?

Ляховъ неохотно отвѣтилъ:

— Что̀ хорошенькаго! Все то же!.. Деньги принесъ тебѣ.

Онъ досталъ изъ кошелька четыре рубля пятьдесятъ копеекъ и подалъ Андрею Ивановичу.

— Ни копейки впередъ не даетъ хозяинъ. Мы ужъ съ Ермолаевымъ поругались съ нимъ за тебя... Уперся: нѣтъ! Этакій жохъ.

Андрей Ивановичъ пересчиталъ деньги и сумрачно сунулъ ихъ въ карманъ жилетки. Ляховъ быстро спросилъ:

— Тебѣ, Андрей, деньжатъ не нужно ли? У меня есть.

— Ну вотъ еще! Нѣтъ, мнѣ не нужно,—поспѣшно и беззаботно отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Что̀ жъ, въ «Сербію», что ли, пойдемъ?

Онъ отозвалъ Александру Михайловну въ кухню, отдалъ ей четыре рубля, а себѣ оставилъ пятьдесятъ копеекъ.

— Андрюша, ты бы лучше не ходилъ, — просительно сказала Александра Михайловна. — Вѣдь тебѣ нельзя пить, докторъ запретилъ!

— Это ты меня, что ли, учить будешь, какъ я обязанъ поступать?—злобно отвѣтилъ Андрей Ивановичъ и воротился къ Ляхову.

Въ «Сербіи», по случаю праздника, было людно и шумно. Половые шныряли среди столовъ, изъ «чистаго» отдѣленія неслись звуки органа, гремѣвшаго маршъ тореадоровъ изъ «Карменъ»; ярко освѣщенный буфетъ глядѣлъ уютно и привѣтливо.

У Андрея Ивановича сразу стало весело на душѣ. Цѣлую недѣлю онъ провелъ дома, въ опротивѣвшей обстановкѣ, въ мелкихъ и злобныхъ дрязгахъ съ Александрой Михайловной.

Теперь отъ шумной веселой толпы, отъ всей любимой, привычной атмосферы «Сербіи» на него пахнуло волею и просторомъ.

Андрей Ивановичъ и Ляховъ прошли въ заднюю комнату, гдѣ всегда можно было встрѣтить знакомыхъ. Они сѣли къ столику около камина, украшеннаго большимъ тусклымъ зеркаломъ въ позолоченной рамѣ, и заказали полдюжины портеру.

Ляховъ разсказывалъ о своемъ вчерашнемъ романѣ на Тучковомъ мосту. Подошелъ знакомый артельщикъ, Иванъ Ивановичъ Арсентьевъ, солидный человѣкъ съ цыганскимъ лицомъ и съ зонтикомъ; Андрей Ивановичъ усадилъ его къ своему столу.

— Да мнѣ, собственно, ужъ итти пора,—возражалъ Арсентьевъ.

— Ну, ну, пустяки какіе! Выпьете стаканчикъ портеру и пойдете. За ваше здоровье!

Они чокнулись втроемъ и выпили. Андрей Ивановичъ сейчасъ же снова налилъ стаканы.

— Что это, никакъ у тебя новая палка? — обратился онъ къ Ляхову.—Съ обновочкой! Покажи-ка!

— Палочка, братъ... сенаторская!—съ гордостью отвѣтилъ Ляховъ. Онъ поднялъ палку и съ силою махнулъ ею въ воздухѣ. Палка была крѣпкая и гладкая, съ массивной головкой, вся изъ чернаго дерева.

Андрею Ивановичу она очень понравилась; онъ любилъ хорошія вещи.

— Хороша палочка! Дай, поправлюсь немножко, обязательно заведу такую... А-а, муравейчикъ, здравствуй! — вдругъ разсмѣялся Андрей Ивановичъ. — Куда бѣжишь? Садись съ нами, выпьемъ,—расходы пополамъ!

«Муравейчикъ» — молодой переплетный подмастерье Картавцовъ — торопливо проходилъ черезъ комнату, держа подъ мышкой двѣ бутылки пива.

— Не могу, Андрей Ивановичъ, гости дома, — отвѣтилъ онъ поспѣшно.

Андрей Ивановичъ, смѣясь, оглядывалъ приземистую фигуру Картавцова съ выгнутыми ногами и круглой, стриженой головой на короткой шеѣ.

— Ну, ну, какіе тамъ гости, все ты врешь! «Гости»!.. Кто же для гостей двѣ бутылки ставитъ?.. Придетъ онъ домой,— обратился Андрей Ивановичъ къ Арсентьеву: — запрутся вдвоемъ съ женою и выпьютъ пиво, вотъ имъ и праздникъ!

— Ей-Богу, Андрей Ивановичъ, тетка изъ Твери пріѣхала, — скороговоркой произнесъ Картавцовъ и поспѣшилъ къ выходу, переваливаясь на ходу и шевеля лопатками.

Ляховъ вдогонку крикнулъ:

— Ты бы для тетки-то на третью бутылку раскошелился!

— Ей-Богу, чудачокъ! — засмѣялся Андрей Ивановичъ, обратившись къ Арсентьеву.—Я его Муравейчикомъ называю. Никогда ни копейки не поставитъ на угощеніе! Работаетъ, работаетъ, суетится, — въ субботу всю получку домой несетъ. Жена у него такая же,—коротенькая, крѣпкая, тоже у насъ работаетъ въ мастерской... Принесутъ домой деньги,—считаютъ, разсчитываютъ: это вотъ на керосинъ, это на сахаръ, это въ сберегательную кассу... Настоящіе нѣмцы! Кто заболѣетъ изъ товарищей или помретъ,—подойдешь къ нему съ подписнымъ листомъ... «Я... я потомъ!»... — и убѣжитъ; а потомъ въ самомъ концѣ листа мелко-мелко напишетъ: «Григорій Картавцовъ — десять копеекъ»... Вотъ Васька, онъ у насъ молодчина! — сказалъ Андрей Ивановичъ и хлопнулъ Ляхова по колѣнкѣ.—Ни надъ чѣмъ для товарища не задумается... Будь здоровъ, Васька! За товарищество!

Они выпили уже по четыре стакана. У Андрея Ивановича слегка затуманилось въ головѣ и на душѣ стало тепло. Онъ съ довольной улыбкой оглядывалъ посѣтителей, и всѣ казались ему пріятными и симпатичными.

Въ дверяхъ показался невысокій, худощавый человѣкъ съ испитымъ, развязнымъ лицомъ и рыжеватыми, торчащими усами; картузъ у него былъ на затылкѣ, пальто въ накидку; подъ мышкой онъ держалъ цитру въ холщевомъ мѣшкѣ. Вошедшій остановился на порогѣ и, посвистывая сквозь зубы, оглядѣлъ комнату.

— Сенька!—окликнулъ его Андрей Ивановичъ.—Иди скорѣй къ намъ!.. Вотъ намъ кого не хватало! Иди, садись!.. Это, господа, Захаровъ, бывшій переплетчикъ. Онъ намъ такую музыку изобразитъ на цитрѣ! И сыграетъ и споетъ, — все вмѣстѣ... Голубчикъ, какъ я радъ! Садись! — повторялъ Андрей Ивановичъ и трясъ руку Захарова.

Захаровъ положилъ мѣшокъ подъ стулъ, сѣлъ и уперся руками въ колѣни. Ляховъ встрепенулся и щелкнулъ пальцами.

— Эге! На цитрѣ играете? Тащите цитру!

— Да неохота чтой-то играть,—отвѣтилъ Захаровъ и предупредительно принялъ изъ рукъ Андрея Ивановича стаканъ портера.

— Ну, неохота! Всячески же ты намъ долженъ сыграть... Пей, пей раньше!

Андрей Ивановичъ ужасно обрадовался Захарову: это былъ тотъ самый «оборванецъ», которому Андрей Ивановичъ подарилъ пальто и который, по увѣренію Александры Михайловны,

обязательно долженъ былъ его пропить; между тѣмъ пальто было на немъ.

— Чего тамъ—«неохота»!.. Валяй!..

Ляховъ вытаращилъ глаза и, размахивая рукою, запѣлъ басомъ:

Давно готова лодка,
Давно я жду тебя...

Захаровъ отнѣкивался. Только послѣ долгихъ упрашиваній онъ вынулъ цитру и, разложивъ на столѣ, сталъ настраивать. Арсентьевъ, солидно опершись на зонтикъ, брезгливо оглядывалъ его отрепанный пиджачишко и дырявые штиблеты.

Захаровъ взялъ нѣсколько аккордовъ, тряхнулъ волосами, закинулъ голову и запѣлъ тонкимъ, очень громкимъ фальцетомъ:

Смотря на лучъ пурпурнаго заката,
Стояли мы на берегу Невы...

Взгляды присутствующихъ обратились на него. Захаровъ пѣлъ съ чувствительнымъ дрожаніемъ и медленно поводилъ закинутою головою. Подошелъ отставной чиновникъ, худой, съ жидкою бородкою и красными, мягко смотрящими глазами. Онъ умиленно сказалъ:

— Какъ ты, милый мой, славно играешь! Ну-ка, вотъ тебѣ на струны!

Чиновникъ протянулъ пятиалтынный. Захаровъ кивнулъ головою, сунулъ монету въ жилетный карманъ и залился еще слаще:

До гроба вы клялись любить поэта...
Страшась людей, боясь людской молвы,
Вы не исполнили священнаго обѣта,
Свою любовь—и ту забыли вы...

Чиновникъ слушалъ и оглядывалъ окружающихъ влажными, умиленными глазами.

— Самодѣльный инструментъ-то!—обратился онъ къ Андрею Ивановичу.

Андрей Ивановичъ съ гордостью отвѣтилъ:

— Онъ у насъ на всѣ руки мастеръ... Садитесь, пожалуйста, къ намъ,—что жъ вамъ стоять!

Чиновникъ переставилъ на ихъ столъ бутылку съ пивомъ и сѣлъ.

— А ну-ка, милый мой, сыграй: «Выйду ль я на рѣченьку»,—національную!.. Знаешь?—сказалъ онъ Захарову.

— Извините, этой не знаю. «По улицѣ мостовой» могу.

Захаровъ выпилъ стаканъ портеру, рванулъ струны, — онѣ заныли, зазвенѣли, и задорно-веселая пѣсня полилась. Чи-

невникъ раскачивалъ въ тактъ головою, моргалъ и съ блаженной улыбкой оглядывалъ слушателей. Ляховъ поднялся съ мѣста и, подперевъ бока, притоптывалъ ногами.

Подошла пожилая женщина въ длинной, поношенной тальмѣ и въ платочкѣ.

— Какая у васъ прелестная музыка! Вы мнѣ позволите послушать?

У нея было круглое и довольно еще миловидное лицо, но у угловъ глазъ было много морщинокъ. Она держалась жеманно и разыгрывала даму. Это была фальцовщица изъ той же мастерской, гдѣ работали Андрей Ивановичъ и Ляховъ.

Красавица ты моя,
Есть словечко до тебя!

пропѣлъ Ляховъ и схватилъ ее сзади за талію. Онъ сѣлъ къ столу и посадилъ фальцовщицу къ себѣ на колѣни.

— Тебя Авдотьей Ивановной, что ли, звать? Ну-ка, Авдотья Ивановна, опрокинемъ по бокальчику!

Авдотья Ивановна, жеманясь, возразила:

— Ахъ, нѣтъ, я не для этого! Я только къ тому, что какая у васъ прекрасная музыка.

Портеръ однако выпила.

— Конфетка ты моя!.. Зазнобушка! — ломался Ляховъ и крѣпко прижималъ ее къ себѣ.

Захаровъ вдругъ запѣлъ невѣроятно-циничную пѣсню, отъ которой покраснѣлъ бы ломовой извозчикъ, съ припѣвомъ:

Амигдонъ! Амигдонъ!
Амигдонъ-мигдонъ-мигдонъ!

Онъ пѣлъ подъ общій хохотъ, топорщилъ усы и выкатывалъ глаза на Авдотью Ивановну. Та слушала съ широкой улыбкой, неподвижно глядя ему въ глаза, и медленно моргала.

Къ ней подошелъ половой.

— Позвольте деньги за пиво!

— За какое пиво? — растягивая слова, спросила фальцовщица.—Что̀ ты, дуракъ, пристаешь? Принеси сюда мое пиво.

— Пиво выпито-съ, нужно деньги заплатить.

— Что̀ тебѣ надо?—Авдотья Ивановна ждала, чтобъ Ляховъ взялъ ея пиво на свой счетъ. — Болванъ! Никакого не понимаетъ обращенія... На!..

Она встала, достала изъ кармана восемь копеекъ и бросила половому. Когда Авдотья Ивановна снова хотѣла сѣсть, Ляховъ неожиданно выдернулъ изъ-подъ нея стулъ, и она упала.

— Ну, что̀ вы шутите? — проговорила фальцовщица, поднимаясь.

Ляховъ схватилъ ее сзади подъ мышки, поднялъ три раза на воздухъ и повалилъ лицомъ на Арсентьева. Арсентьевъ недовольно отстранился. Андрей Ивановичъ съ отвращеніемъ слѣдилъ за фальцовщицей. Онъ грубо сказалъ:

— Слушай, Васька, можно бы ее убрать отсюда! Ей въ нашей компаніи совсѣмъ не мѣсто!

— Любовь-то мою убрать?! Какъ же это можно? Я безъ нея съ тоски изсохну!.. Дунька, садись!

Ляховъ снова посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

— Вотъ еще выпьемъ съ тобою по стаканчику, и пойдемъ! Къ тебѣ, что ль, пойдемъ? Одна живешь?—спрашивалъ онъ, нисколько не понижая голоса.—Пойдемъ мы съ тобою, дверь на клю-учъ...

Авдотья Ивановна какъ будто не слышала циничныхъ мерзостей, которыя ей говорилъ Ляховъ.

— Какая у васъ прекрасная музыка! Будьте столь любезны, сыграйте намъ еще что-нибудь хорошенькое!—обратилась она къ Захарову.

Тотъ отвѣтилъ ей грязною остротою. Андрей Ивановичъ сидѣлъ темнѣе ночи. Остальные смѣялись.

Захаровъ снова заигралъ на цитрѣ и тонкимъ фальцетомъ запѣлъ «Маргариту».

Мар-га-рита, пой и веселися,
Мар-га-рита, смѣйся и рѣзвися,
Мар-га-рита, всѣ мои мечты,
Чтобы дверь открыла,—рыла, рыла ты!

Ляховъ вскочилъ, заложилъ большіе пальцы за жилетку и началъ перебирать ногами, поводя и подрагивая задомъ.

За сосѣднимъ столомъ сидѣли за водкою два дворника. Одинъ изъ нихъ, съ рыжею бородою и выпученными глазами, былъ сильно пьянъ. Заслышавъ музыку, онъ поднялся и сталъ плясать, подогнувъ колѣни и согнувшись въ дугу. Плясалъ не въ тактъ, щелкалъ пальцами и припѣвалъ:

Гуляю день, гуляю ночь,
Гуляю всю недѣлюшку,
Ахъ, занимаюсь я гульбой!..

— Садись на мѣсто! Ишь, заплясалъ! — засмѣялся его сосѣдъ и насильно усадилъ рыжебородаго дворника на стулъ.— Не для насъ съ тобою музыка заказана.

Дворникъ злобно таращилъ глаза на канканировавшаго Ляхова.

— Дуракъ этакій! Плясать взялся! Нешто такъ нужно плясать? Архаровецъ!

Ляховъ крикнулъ:

— Ты что, утопленникъ, заговорилъ? Сиди да лакай водку!

Кругомъ захохотали. Дворникъ озлился.

— Утопленникъ? Я тебѣ сейчасъ покажу утопленника!

— Я, братъ, съ живыми людями радъ говорить, а съ утопленникомъ—извини, не могу!

— Залѣпилъ носъ себѣ, сукинъ сынъ! Я тебѣ шейнаго пластыря наклею!

— Молчи, утопленникъ ладожскій!

Дворникъ рванулся со стула. Ляховъ, блѣдный, съ весело смѣющимися глазами, стоялъ и ждалъ.

Сосѣдъ обнялъ дворника за плечи и усадилъ на мѣсто.

Ляховъ воротился къ своимъ. На его стулѣ сидѣла Авдотья Ивановна и съ своею широкою улыбкою, словно не понимая, слушала циническія издѣвательства Захарова. Ляховъ вдругъ увидѣлъ, какое у нея поблекшее, морщинистое лицо, какая некрасивая, растерянная улыбка... Онъ зашелъ сзади, поднялъ на стулѣ фальцовщицу и изо всей силы швырнулъ ее вмѣстѣ со стуломъ къ выходной двери. Авдотья Ивановна ударилась грудью въ спинку стула, на которомъ сидѣлъ рыжебородый дворникъ, и оба они, вмѣстѣ со стульями, повалились въ кучу.

Зазвенѣли и раскатились по полу упавшія бутылки. Вбѣжали половые. Фальцовщица хрипло крикнула:

— Городовой!

Ляховъ, хохоча про себя, поспѣшно сѣлъ къ столу и сталъ пить пиво.

Дворникъ, путаясь въ юбкахъ Авдотьи Ивановны, въ бѣшенствѣ вскочилъ и бросился ее бить. Его съ трудомъ оттащили. Авдотья Ивановна нѣсколько разъ пробовала встать, но не могла: она наступала на свои юбки и тальму, можетъ-быть, была пьяна. Половые подняли ее и вытолкали на улицу.

У чиновника покраснѣлъ носъ, онъ жалобно заморгалъ глазами.

— Женщину!—произнесъ онъ, качая головою.—За что онъ такъ съ женщиной поступилъ? — обратился онъ къ Андрею Ивановичу.—Силу показалъ надъ кѣмъ!

— Гр-рязь этакая! Ее давно слѣдовало вышвырнуть вонъ!—отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.

Чиновникъ грустно сказалъ:

— Нѣтъ, это не годится! Я люблю веселость и спокойный характеръ, а къ чему обижать людей?

— Ей тутъ было не мѣсто! Ну скажите, пожалуйста, развѣ можетъ порядочная женщина слушать такія пѣсни? Она должна покраснѣть и уйти, а эта сидитъ, пялитъ глаза,—«ах-хъ, ка-

кая у васъ прекрасная музыка!» Это неприлично для женщины, разъ она не публичная женщина.

— Нѣтъ, я люблю веселость и спокойный характеръ, — грустно повторялъ чиновникъ.

— Всячески же ея присутствіе тутъ было неблаговидно,— поддержалъ Андрея Ивановича Арсентьевъ.

Захаровъ засмѣялся.

— Въ гнилой трубѣ двѣ трубы! Настоящая ассенизація!

— Ну, чортъ съ нею!—сказалъ Андрей Ивановичъ.—Еще разговаривать объ ней! Плюньте вы на нее!—обратился онъ къ чиновнику.—Выпьемъ лучше съ вами, а?

Фальцовщица исчезла, и къ Андрею Ивановичу воротилось хорошее расположеніе духа. Онъ заказалъ водки и селянку.

Ляховъ взялъ руку Захарова и съ размаху хлопнулъ ладонью по его ладони.

— Молодчина, Сенька, ей-Богу! Ловко играешь, сукинъ ты сынъ этакій! Ну-ка, хлопнемъ!

— Будьте здоровы!—отвѣтилъ Захаровъ, чокаясь. Онъ опрокинулъ въ ротъ рюмку водки и молодцевато провелъ рукою по волосамъ.—Вы знаете, какъ сказано въ поэзіи: «лови, лови часы любви, минуты наслажденья»... Вы не смотрите, что это пустяковина; это не зря сказано... Кинарейку поймай-ка! Другой ее этакъ, — цопъ! Развѣ можно такъ? Нужно брать тонко!..

Чиновникъ отошелъ отъ нихъ. Онъ стоялъ у сосѣдняго стола, качалъ головою и говорилъ сидѣвшимъ за пивомъ тремъ наборщикамъ:

— Я люблю веселость и спокойный нравъ... А за что же женщину бить? Развѣ это благородно?

III.

Народу все прибывало. Лампы-молніи съ хрустальными подвѣсками тускло освѣщали потныя головы и грязныя, измазанныя горчицею скатерти. Изъ кухни тянуло запахомъ подгорѣлаго масла и жареной рыбы. Въ спертомъ, накуренномъ воздухѣ носились пѣсни, гамъ и ругательства.

Андрей Ивановичъ пилъ рюмку за рюмкой. Въ душѣ было горячо, хотѣлось всѣхъ любить, хотѣлось сплотить всѣхъ вокругъ себя и говорить что-нибудь хорошее, сильное и важное.

Полубутылка портера, которую половой, откупоривъ, заткнулъ пробкою, согрѣлась, и пробка съ выстрѣломъ вылетѣла изъ горлышка; пѣна брызнула въ стороны, пробка ударилась

въ низкій потолокъ и упала на сидѣвшаго за сосѣднимъ столомъ наборщика.

Наборщикъ,—блѣдный молодой человѣкъ съ очень высокимъ, узкимъ лбомъ,—сердито оглянулся.

— Послушайте, я васъ попрошу поосторожнѣе!—угрожающе произнесъ онъ, отирая голову.

Андрей Ивановичъ добродушно отвѣтилъ:

— Мы нечаянно,—что̀ тамъ!

— «Поосторожнѣе!» — передразнилъ Ляховъ. — Ты это портеру говори, а не намъ! Объявился съ претензіями!

Наборщикъ медленно повернулъ къ Ляхову свое блѣдное лицо и молча смотрѣлъ на него.

— Поглядѣлъ бы раньше, швырялъ ли въ него кто пробкой. Нѣтъ, сейчасъ въ амбицію вломился,—«поосторожнѣе!»... Прохвостъ паршивый!

Андрей Ивановичъ пересѣлъ къ наборщику.

— Ну, что̀ тамъ! Сказано, нечаянно... Чего вы?.. Развѣ не бываетъ различныхъ несчастныхъ обстоятельствъ? Выпьемъ лучше вмѣстѣ для знакомства.

Ляховъ, развалясь на стулѣ, говорилъ:

— Что̀ жъ, пойдемъ изъ-за полубутылки къ мировому!

— «Нечаянно!»... Я радъ,—совершенно справедливо!—отвѣтилъ наборщикъ Андрею Ивановичу: — но къ чему же ругаться, какъ этотъ господинъ?

Андрей Ивановичъ воскликнулъ:

— Друзья! Выпьемъ!.. Ну неужто мы изъ-за этого станемъ поднимать скандалъ? Позвольте спросить, вы чѣмъ занимаетесь?

— Наборщики.

— Ну, а мы переплетчики! Всѣ мы трудящіе люди, изъ-за чего же ради мы будемъ ссориться? Изъ-за полубутылки портера?.. Друзья, друзья!.. Пойдемъ, Вася, къ нимъ! — Онъ потащилъ Ляхова къ наборщикамъ. — Ну, помиритесь, поцѣлуйтесь!.. Человѣкъ, еще полдюжины портеру!

— Позвольте, почему вы разсердились?—спросилъ Ляховъ, садясь къ наборщикамъ. — Вы должны были раньше поглядѣть, отчего случилось дѣло. А вы сейчасъ же начинаете ворочать глазами и говорить различныя угрожающія выраженія.

— Совершенно справедливо! А только для чего вы...

— Нѣтъ, позвольте, я вамъ сейчасъ все объясню! Мы сидимъ, портеръ хлопнулъ, чѣмъ же мы виноваты? Вы къ бутылкѣ должны были съ своимъ замѣчаніемъ отнестись, а не къ намъ...

Андрей Ивановичъ взялъ провинившуюся бутылку портера.

— Ну, ну, дуракъ! — И онъ совалъ бутылку къ губамъ наборщика. — Мирись сейчасъ же съ бутылкой! Цѣлуйся съ нею безъ разговоровъ!

— Я радъ-съ! Очень пріятно познакомиться!—Наборщикъ галантно раскланялся съ бутылкою и три раза поцѣловалъ ее накрестъ.

— Да онъ съ нею ужъ давно знакомъ! — сказалъ его сосѣдъ.—Эка, подумаешь, въ первый разъ знакомится!

Андрей Ивановичъ грозно крикнулъ половому:

— Гаврюшка! Я тебѣ сказалъ, еще полдюжины портеру!

Половой подошелъ.

— Буфетчикъ не отпускаетъ, Андрей Ивановичъ; съ васъ и то полтора рубля слѣдуетъ. Потрудитесь раньше заплатить.

— Убирайся къ чорту! Скажи буфетчику, пусть запишетъ.

— За вами и то ужъ шесть рублей записано.

Андрей Ивановичъ сунулъ руку въ карманъ жилетки, тамъ было всего пятьдесятъ копеекъ. Онъ спросилъ Ляхова:

— У тебя много, Вася?

Ляховъ обшарилъ карманы и набралъ семьдесятъ копеекъ. Арсентьевъ поднялся и протянулъ руку Андрею Ивановичу.

— До свиданья! Время итти,—сказалъ онъ.

Андрей Ивановичъ придержалъ его руку.

— Слушайте, нѣтъ ли у васъ до завтра двухъ цѣлковыхъ?

Лицо Арсентьева сдѣлалось холоднымъ и скучающимъ.

— Нѣту при себѣ, Андрей Ивановичъ! Съ удовольствіемъ бы.

Андрей Ивановичъ качалъ головою и съ презрѣніемъ смотрѣлъ ему въ глаза.

— Ж-жохъ ты этакій! Разъ что мы угощаемъ, такъ развѣ бы я вамъ завтра не отдалъ? Неохота итти сейчасъ домой за деньгами, только и всего.

Онъ отвернулся отъ Арсентьева. Взглядъ его упалъ на Захарова; Андрей Ивановичъ просіялъ; онъ подсѣлъ къ нему на стулъ и обнялъ Захарова рукою.

— Вотъ что̀, Сенька, слушай! Я сейчасъ напишу женѣ записку, а ты сходи и отнеси. Пусть поглядитъ на тебя, хлындра. Этакіе грязные взгляды: зачѣмъ, говоритъ, ты ему пальто отдалъ? Онъ его пропьетъ!.. Пускай посмотритъ, пропилъ ли ты... Я ей записку напишу, чтобъ прислала съ тобою два рубля. Ладно, а?

Захаровъ согласился. Андрей Ивановичъ, шлепая калошами, пошелъ къ буфету, заплатилъ рубль двадцать копеекъ и, взявъ у буфетчика карандашъ, написалъ на клочкѣ бумаги: «Саша! Пришли немедленно съ посланнымъ два рубля; очень необходимо».

Захаровъ ушелъ. Подали еще портеру. Андрей Ивановичъ сидѣлъ съ наборщиками, цѣловался съ ними и ораторствовалъ:

— Вы трудящіе люди и мы трудящіе люди!.. Объ васъ Некрасовъ сказалъ: «вы всѣ здоровьемъ хлипки, всѣ зелены лицомъ!» Почему? Потому что вамъ приходится дышать свинцовою пылью... Мы—золотообрѣзчики, мы дышимъ бумажною пылью... И намъ и вамъ въ чахоткѣ помирать!.. Четыре года назадъ мой названный братъ Фокинъ просилъ меня, чтобъ я его научилъ дѣлать золотые обрѣзы. Я его сталъ отговаривать, что это вредно для груди.—«Ну, говоритъ, тебѣ жалко, чтобъ я столько же зарабатывалъ, какъ ты». Жалко? О, нѣтъ, мнѣ не жалко!.. Научилъ его, а теперь онъ ужъ три года, какъ на Смоленскомъ лежитъ. Романовъ сейчасъ отъ чахотки помираетъ, у меня хроническое воспаленіе легкихъ, скоро тоже чахотка будетъ... Вѣрно ли?.. Товарищи! И вы и мы работаемъ для просвѣщенія! Мы должны дать другъ другу руки!

— Вѣр-рно! — повторялъ, поникнувъ головою, блѣдный наборщикъ съ высокимъ лбомъ и стукалъ стаканомъ по столу.

Ляховъ отсталъ отъ компаніи. Онъ сидѣлъ на другомъ концѣ комнаты съ нарумяненною дѣвушкою въ шляпѣ съ широкими полями и пышными перьями. Вскорѣ онъ вмѣстѣ съ нею исчезъ изъ «Сербіи».

Захаровъ воротился. Онъ встряхивался, словно его сейчасъ окатили водою, и съ размаху швырнулъ на столъ свою фуражку съ надорваннымъ козырькомъ.

— Ффу-фу-фу-фу-фу! Ну, побывалъ же я въ банькѣ!

Андрей Ивановичъ спросилъ:

— Принесъ?

— Чорта съ два принесъ! Не зналъ, какъ ноги унесть!

— Почему такъ?

— Убирайтесь, говоритъ, вонъ отсюда!.. Жена-то ваша. Я спрашиваю: какой же будетъ отвѣтъ? — «Никакого отвѣта не будетъ!»

Андрей Ивановичъ съ блуждающею улыбкою смотрѣлъ на Захарова. Не вѣря ушамъ, онъ медленно переспросилъ:

— Такъ и сказала?

— А ты какъ думалъ? Такъ, братъ, и отрѣзала! — иронически подтвердилъ Захаровъ; онъ съ чего-то сталъ говорить Андрею Ивановичу «ты».

Андрей Ивановичъ выпилъ залпомъ два стакана портера и вышелъ изъ «Сербіи».

Шелъ дождь, вѣтеръ бурными порывами дулъ съ моря. На

проспектѣ было пустынно, мокрыя панели блестѣли подъ фонарями маслянымъ блескомъ. Андрей Ивановичъ быстро шагалъ, распахнувъ пальто навстрѣчу вѣтру.

IV.

Послѣ того, какъ Андрей Ивановичъ и Ляховъ ушли въ «Сербію», Александра Михайловна перемыла посуду, убрала столъ и сѣла къ окну рѣшать задачу на именованныя числа. По воскресеньямъ Елизавета Алексѣевна, воротившись изъ школы, по просьбѣ Александры Михайловны, занималась съ нею. Правду говоря, большого желанія учиться у Александры Михайловны не было; но она училась, потому что училась Елизавета Алексѣевна, и потому что ученіе было для Александры Михайловны запретнымъ плодомъ.

Она попробовала рѣшить задачу, заглянувъ предварительно въ рѣшенія. Ничего не вышло. Александра Михайловна погрызла карандашъ, подумала и, отложивъ задачникъ, потянулась.

Было скучно. По оконнымъ стекламъ текли струи воды, въ квартирѣ стояла тишина; Зины не было,—она бѣгала по двору. Александра Михайловна достала изъ комода деньги, которыя ей оставилъ Андрей Ивановичъ, и стала распредѣлять, на что ихъ употребить. Два рубля рѣшила отдать хозяйкѣ за квартиру, рубль заплатить по книжкѣ въ мелочную лавочку, остальное оставила на расходы. Покончивъ расчеты, Александра Михайловна спрятала деньги, зѣвнула и стала ходить по комнатѣ. Изъ всѣхъ угловъ ползла на нее мертвая, томительная скука, но Александра Михайловна привыкла къ ней и мало тяготилась ею.

Сняла кофточку, распустила по бѣлымъ, полнымъ плечамъ свою густую косу и стала причесываться передъ зеркаломъ. Сдѣлала себѣ китайскую прическу, потомъ греческую, потомъ начала прикидывать, какъ бы вышло, если бы подрѣзать спереди гривку. Александрѣ Михайловнѣ давно хотѣлось пустить себѣ на лобъ гривку и завивать ее, но Андрей Ивановичъ строго запретилъ ей это.

Темнѣло. Александра Михайловна вышла въ кухню, къ квартирной хозяйкѣ. Старуха-хозяйка, Дарья Семеновна, жила въ кухнѣ вмѣстѣ съ дочерью Дунькой, глуповатой и румяной дѣвушкой, которая работала на цементномъ заводѣ. Онѣ пили кофе. Александра Михайловна подсѣла къ нимъ, но отъ предложеннаго кофе рѣшительно отказалась.

Стали бесѣдовать о вчерашней дракѣ, разыгравшейся на

лѣстницѣ между живописцемъ вывѣсокъ и пьянымъ приказчикомъ. Хозяйка сообщила нѣсколько новыхъ подробностей; она узнала ихъ утромъ отъ жены живописца. Но вскорѣ разговоръ истощился: вчера онѣ уже часа три говорили объ этой дракѣ.

Дарья Семеновна послала Дуньку въ лавочку за керосиномъ. Александра Михайловна спохватилась, что Зина до сихъ поръ бѣгаетъ на дворѣ. Она попросила Дуньку на обратномъ пути разыскать Зину и привести домой, а сама пошла къ себѣ.

Походила по комнатѣ, стала напѣвать шансонетку, которую слышала лѣтомъ на открытой сценѣ въ Крестовскомъ:

Радость наша,
Докторъ Яша,
Воротился изъ вояжа!..

На дворѣ зажгли фонарь. Тусклый свѣтъ легъ на потолокъ около шкапа. На проспектѣ звенѣла конка. Александра Михайловна сѣла въ кресло и задремала.

Воротилась Дунька и привела съ собою Зину. Александра Михайловна, зѣвая, зажгла лампу. Зина иззябла, руки у нея были красныя, ноги мокрыя. Александра Михайловна начала ее бранить, что она такъ долго не возвращалась домой. Зина слушала и весело топала ногами; матери она нисколько не боялась и была при ней совсѣмъ другою, чѣмъ при отцѣ.

— Ай! Затопи печку, мама!—крикнула она въ самый разгаръ поученій.

— Что̀ ты орешь? — строго замѣтила Александра Михайловна. — Главное — «ай»! Какъ будто въ самомъ дѣлѣ есть чего!.. Не бѣгала бы по двору до ночи, такъ и не было бы холодно. На дворѣ грязь, слякоть, а она бѣгаетъ.

Смѣясь, Зина крикнула еще громче:

— Караулъ! Холодно!

Александра Михайловна дала ей два шлепка. Зина захныкала.

— Когда тебѣ говорятъ, ты должна слушать, а не смѣяться!

— Да! когда мнѣ холодно!—плаксиво возразила Зина.

— Печка топлена, отъ жары, слава Богу, дѣваться некуда. Поменьше бы бѣгала по двору, такъ ничего бы и не было. Вотъ погоди, воротится отецъ, я ему разскажу; ты, должно-быть, забыла, какъ онъ тебя третьяго-дня отпоролъ.

Въ дверяхъ показалась Елизавета Алексѣевна, воротившаяся изъ школы.

— Александра Михайловна, хотите заниматься?

— Да, да, сейчасъ!

Она суетливо собрала тетрадки, книги и пошла съ Елизаветой Алексѣевной въ ея комнату.

Комната Елизаветы Алексѣевны была очень маленькая, съ окномъ, выходившимъ на кирпичную стѣну. На полочкѣ грудою лежали книги, и среди нихъ желтѣли обложки сочиненій Достоевскаго и Григоровича,—приложеній къ «Нивѣ».

Александра Михайловна сказала:

— Задачи у меня не вышли, Лизавета Алексѣевна; думала-думала, провѣряла-провѣряла,—не сходятся съ рѣшеніемъ!— И она съ недоумѣніемъ пожала полными плечами.

Елизавета Алексѣевна стала рѣшать вмѣстѣ съ нею. Онѣ занимались около часу. Елизавета Алексѣевна объясняла, сдвинувъ брови, серьезная и внимательная, съ матово-блѣднымъ лицомъ, въ которомъ, казалось, не было ни кровинки. Она была дочерью прядильщицы; когда Елизавета Алексѣевна была ребенкомъ, мать, уходя на работу, поила ее настоемъ маковыхъ головокъ, чтобъ не плакала; ихъ было шестеро дѣтей, всѣ они перемерли, и выжила одна Елизавета Алексѣевна.

Въ комнатѣ Александры Михайловны Зина громко пѣла въ пустую кастрюлю, которую держала передъ ртомъ:

Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою,
Все спокойно въ ночной тишинѣ...

Александра Михайловна рѣшила наконецъ обѣ задачи.

Елизавета Алексѣевна спросила:

— Ну что̀, не соглашается Андрей Ивановичъ пустить васъ работать?

— Нѣтъ! — вздохнула Александра Михайловна. — Слыхали вчера? Чуть-было не избилъ, что посмѣла сказать.

— Онъ хочетъ, чтобъ вы его хлѣбъ ѣли,—сказала Елизавета Алексѣевна, понизивъ голосъ.

— Да добро бы еще хлѣбъ-то этотъ былъ бы! А то вѣдь самъ все болѣетъ, ничего не зарабатываетъ; вездѣ въ долгу, какъ въ шелку, никто ужъ больше вѣрить не хочетъ. А обѣдать ему давай, чтобъ былъ обѣдъ! Гдѣ же я возьму? Самъ денегъ не даетъ и мнѣ работать не позволяетъ.

— Такъ чего вамъ заботиться? Безъ денегъ нельзя обѣда приготовить, онъ самъ можетъ это понять.

— Онъ этого не хочетъ понимать; чтобъ былъ обѣдъ, только и всего! Сегодня подала солонины, — надулся: ты, говоритъ, не хочешь постараться... Поди-ка самъ, постарайся! Придешь въ мелочную, лавочникъ тебѣ и не отвѣчаетъ, словно не слышитъ; сколько обидъ наглотаешься, чтобъ фунтъ сахару получить.

— Ни за что бы не стала для него стараться! — восклик-

нула Елизавета Алексѣевна. — Хочетъ, чтобъ вы его хлѣбъ ѣли,—пусть добываетъ денегъ!

— У него разговоръ коротокъ: давай! А не дашь, онъ себя покажетъ, каковъ онъ есть король.

Александра Михайловна была рада говорить безъ конца. Андрей Ивановичъ совершенно подчинилъ себѣ ея волю, и она не смѣла при немъ пикнуть; теперь она начинала чувствовать себя полноправнымъ человѣкомъ. И чѣмъ больше она говорила, тѣмъ яснѣе ей становилось, что она права и страдаетъ, а Андрей Ивановичъ тираниченъ и несправедливъ.

Елизавета Алексѣевна прошлась по комнатѣ и нервно повела плечами.

— Никогда замужъ не пойду!.. Словно ребенокъ какой, ничего не смѣй, на все изъ чужихъ рукъ смотри!

— А я рада, что ли, что пошла? Вѣдь они передъ свадьбой всегда прикидываются: говорятъ, что и любятъ тебя, и холить будутъ, и пить-то ничего не пьютъ...

Александра Михайловна помолчала.

— Вы думаете, ему есть до насъ какая-нибудь забота? Ему только товарищи и дороги; послѣдній кусокъ онъ отниметъ у своей дѣвочки, чтобъ отдать товарищу; для товарища онъ ни надъ чѣмъ не задумается... Пять лѣтъ назадъ его прогнали отъ Гебгарда,—за что? Товарищъ его Петровъ поставилъ золотые обрѣзы просушиваться, а хозяйская кошка чихнула и испортила обрѣзы. Петровъ передѣлалъ, поставилъ въ книжку за поправку по шесть копеекъ, — хозяинъ вычеркнулъ и написалъ: «я не виноватъ»... Ну что съ хозяиномъ сдѣлаешь? Всегда такъ было и будетъ. Поругался про себя Петровъ, и больше ничего. И дѣло-то всего было въ полтинникѣ. А мой Андрей Ивановичъ взбѣленился: «Это, говоритъ, онъ еще слоновъ у насъ тутъ разведетъ, — ходить будутъ по мастерской, да чихать во всѣ стороны?.. Не виноватъ хозяинъ? Кошка виновата?..» Поймалъ кошку и разбилъ ей голову о прессъ. А кошка дорогая была, ангорская, пятнадцать рублей стоила... Ну и прогнали его. Что жъ хорошаго вышло? Два мѣсяца безъ работы пробылъ, совсѣмъ обнищали...

Хозяйка заглянула въ дверь.

— Михайловна, человѣкъ тебя спрашиваетъ.

Александра Михайловна вышла. Въ кухнѣ стоялъ человѣкъ съ рыжеватыми, торчащими, какъ щетина, усами и въ знакомомъ Александрѣ Михайловнѣ пальто. Это былъ Захаровъ. Онъ галантно расшаркался.

— Записка къ вамъ отъ вашего супруга!

Александра Михайловна прочла записку. У нея опустились

руки. Часто дыша, она съ негодованіемъ оглядѣла Захарова.

— Зачѣмъ ему нужно два рубля?

— Не знаю-съ! Просто просилъ меня Андрей Ивановичъ принести, а для чего,—положительно не знаю.

— Какъ вамъ это нравится, Елизавета Алексѣевна?! Пишетъ, чтобъ я ему еще прислала два рубля! Гдѣ я ихъ ему возьму? Ахъ, ты, Боже мой, Боже мой! а?.. Вы гдѣ съ нимъ пьянствуете, въ «Сербіи»? На коньякъ денегъ не хватило вамъ? Зачѣмъ ему деньги?

Захаровъ смущенно переминался.

— Окончательно не могу вамъ этого сказать. А только просилъ меня Андрей Ивановичъ принести.

— Да кто вы такой?!

— Я знакомый его.

— Знакомый? Какой такой знакомый?

— Значитъ... познакомились съ нимъ, съ супругомъ вашимъ.

— Хорошъ знакомый, котораго жена въ первый разъ видитъ!

— Удивительно!—сконфуженно произнесъ Захаровъ.

— А вы меня видали?

— Н-нѣтъ.

— Такъ что же для васъ удивительно?

Захаровъ вздохнулъ.

— Да на что ему деньги-то нужны, отвѣтьте мнѣ!

— Онъ мнѣ не сказалъ, на что. Просто проситъ васъ прислать ему два рубля. «Пусть, говоритъ, пришлетъ». Н-ну... Желаетъ, чтобъ вы прислали ему два рубля. Вотъ вамъ мой короткій отвѣтъ.

— Да на что, на что ему?

— Не знаю.

— Какъ же вы не знаете? Вѣдь вы вмѣстѣ сидите, вмѣстѣ пьете! На что они ему? Пропить ли, вамъ ли подарить?.. На что?

— Окончательно отвѣтить вамъ,—не знаю!

— Ну ужъ, пожалуйста, не врите!

Захаровъ безпомощно пожалъ плечами и снова вздохнулъ.

— Я къ вамъ по его порученію пришелъ, какъ посланецъ, больше ничего! Ничего не знаю, ничего не понимаю. А вы, какъ Іоаннъ Грозный,—«въ ногу гонца острый конецъ жезла своего онъ вонзаетъ».

— Какой Іоаннъ Грозный? Что вы глупости говорите?.. Кто вы сами-то такой, — я васъ не знаю! Ступайте вонъ отсюдова!

Захаровъ заморгалъ глазами.

— Это вы мнѣ намекаете, что я долженъ удалиться? Какой же прикажете дать отвѣтъ?

— Никакого отвѣта не будетъ!

Александра Михайловна круто повернулась и ушла къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

V.

Глаза Александры Михайловны блестѣли, она задыхалась отъ волненія и сознанія отчаянной смѣлости своего поступка. Елизавета Алексѣевна сидѣла блѣдная.

— Какъ вамъ это понравится! — воскликнула Александра Михайловна.—Дома гроша нѣтъ, самъ не работаетъ, а пришли ему два рубля съ этимъ оборванцемъ! Это тотъ самый оборванецъ, которому онъ пальто свое отдалъ,—я сразу поняла. Мало пальта показалось, еще деньгами хочетъ его наградить,— богачъ какой! Пускай свой ребенокъ съ голоду помираетъ,— оборванцы-пьянчужки ему милѣе!

Хозяйка, Зина и Дунька вошли въ комнату. Дарья Семеновна жалостливо сказала:

— Ну, Михайловна, убьетъ онъ тебя теперь до смерти!

— Пускай убиваетъ, мнѣ что̀!

— Побѣгу за этимъ усатымъ, посмотрю!—быстро произнесла Дунька, накинула платокъ и исчезла.

Александра Михайловна гордо и радостно повторила:

— Пускай убиваетъ! Весело мнѣ, что ли, жить? Одни только тычки да колотушки и видишь, словно ребенокъ малый!.. Живъ былъ отецъ—отецъ тиранилъ, замужъ вышла — мужъ.

Елизавета Алексѣевна молчала, въ волненіи кусая губы. Зина, быстро дыша, оглядывала присутствующихъ и начинала плакать. Хозяйка вздыхала.

— Пойти прибрать въ твоей комнатѣ все тяжелое. Пьяный человѣкъ, неровенъ часъ... Пойдемъ, Михайловна!

Онѣ отобрали два горшка съ геранью, литографскій камень, вилки, ножи и все отнесли въ кухню. Испугъ окружающихъ передался Александрѣ Михайловнѣ. Она все больше падала духомъ.

Вошла Елизавета Алексѣевна и рѣшительно сказала:

— Слушайте, Александра Михайловна, уходите съ Зиной со двора! Я ему скажу, что васъ нѣтъ дома.

— Нѣтъ, что̀ ужъ!—апатично отвѣтила Александра Михайловна. — Онъ тогда со злобы все у насъ перебьетъ, порветъ, ни одной тряпки не оставитъ. Все равно ужъ!.. А вотъ я васъ хотѣла просить, Лизавета Алексѣевна, — возьмите Зину

къ себѣ; а то онъ, чтобъ мнѣ на зло сдѣлать, начнетъ ее сѣчь, изувѣчитъ ребенка.

Въ квартиру, какъ вихрь, влетѣла Дунька.

— Идетъ Андрей Иванычъ! — крикнула она, задыхаясь.— Пьяный-пьяный! Шатается и подъ носъ себѣ лопочетъ! Ужъ съ пришпехта повернулъ... Ой, боюсь!

Всѣ засуетились. Зина заплакала.

— Иди, Зина, къ Лизаветѣ Алексѣевнѣ,—поспѣшно сказала Александра Михайловна.

— Идите вы тоже ко мнѣ!—рѣзко проговорила Елизавета Алексѣевна.—Онъ ко мнѣ постѣсняется войти.

Александра Михайловна испуганно твердила:

— Нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога, голубушка, идите съ Зиной и не показывайтесь! Увидитъ васъ, еще больше обозлится. Онъ мнѣ и такъ утромъ говорилъ, что это вы меня подучаете его не слушаться.

Елизавета Алексѣевна увела Зину къ себѣ. Перепуганная Дунька пошла вмѣстѣ съ ними.

— Ты-то чего, дура, боишься?—презрительно сказала Елизавета Алексѣевна.—Тебя онъ не смѣетъ трогать.

— Голубушка, Лизавета Алексѣевна, боюсь! — повторяла Дунька, дрожа.

Властно и грозно зазвенѣлъ звонокъ. Хозяйка отперла. Слышно было, какъ Андрей Ивановичъ вошелъ къ себѣ въ комнату и заперъ за собою дверь на задвижку.

— Давай деньги!—хрипло произнесъ онъ.

Въ комодѣ поспѣшно щелкнулъ замокъ. Александра Михайловна послушно достала деньги и отдала Андрею Ивановичу.

— Еще!—отрывисто сказалъ онъ.—Всѣ деньги давай! Четыре рубля!

Александра Михайловна робко возразила:

— Андрюша, я два рубля ужъ истра...

Раздался звукъ пощечины и вслѣдъ за нимъ короткій, всхлипывающій вздохъ Александры Михайловны. Зина сидѣла на постели Елизаветы Алексѣевны и чутко прислушивалась; она рванулась и заплакала. Елизавета Алексѣевна, блѣдная, съ дрожащими губами, удержала ее.

За стѣною слышалась молчаливая возня и сдержанное всхлипыванье. Зина, дрожа, смотрѣла блестящими глазами въ окно и безсознательно стонала.

Вдругъ Александра Михайловна крикнула:

— Андрей, пусти!!.. Я сейчасъ... посмотрю...

За стѣною стало тихо.

— Нашла!—иронически протянулъ Андрей Ивановичъ.

Онъ сталъ пересчитывать деньги. Зина дрожала еще сильнѣе, упорно глядѣла въ окно, охала и растирала рукою колѣни.

— Какъ ноги больно!—тоскливо сказала она.

Елизавета Алексѣевна спросила:

— Отчего у тебя ноги болятъ?

— У меня всегда ноги болятъ, когда папа маму бьетъ, — отвѣтила Зина съ блуждающею улыбкою, дрожа и прислушиваясь.

— Ну, а теперь я покажу тебѣ, какъ меня передъ людями позорить!—сказалъ Андрей Ивановичъ.

Александра Михайловна пронзительно вскрикнула. За стѣною началось что-то дикое. Глухо звучали удары, разбитая посуда звенѣла, падали стулья, и изъ шума неслись отрывистыя, стонущія рыданія Александры Михайловны, похожія на безумный смѣхъ. Нѣсколько разъ она пыталась выбѣжать, но дверь была заперта.

— О-о, Господи-Батюшка! — тяжело вздохнула хозяйка на кухнѣ.

— Ай-ай-ай, Лизавета Алексѣевна, боюсь!—плакала Дунька, стараясь держаться ближе къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

Елизавета Алексѣевна бросилась къ запертой двери и стала стучать въ нее кулакомъ. Напрягая свой слабый голосъ, она крикнула:

— Андрей Ивановичъ! Отворите сейчасъ же, а то я побѣгу за дворниками!

— Что?!—грозно спросилъ Андрей Ивановичъ, подходя къ двери.—Убирайся къ...

Раздался вопль Александры Михайловны и шумъ упавшаго тѣла.

Елизавета Алексѣевна бросилась внизъ по лѣстницѣ къ дежурному дворнику. Дворникъ, кутаясь въ тулупъ, сидѣлъ на скамейкѣ у воротъ. Онъ равнодушно отвѣтилъ:

— Я дежурный, не могу отъ воротъ уйти.

Елизавета Алексѣевна побѣжала въ дворницкую. У дверей стоялъ, щелкая подсолнухи, молодой дворникъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ усмѣхнулся подъ носъ и моментально исчезъ гдѣ-то за дровами. Сегодня, по случаю праздника, въ домѣ всѣ были пьяны, и чуть не изъ каждой квартиры неслись стоны и крики истязуемыхъ женщинъ и дѣтей. Наивно было соваться туда.

Елизавета Алексѣевна и сама это понимала. Никого ей не дозваться. Она въ отчаяніи остановилась посреди двора. Съ крышъ капало, отъ помойной ямы тянуло кислой вонью; за

осклизшей деревянной рѣшеткой палисадника бились подъ вѣтромъ оголенныя вѣтви чахлыхъ березъ.

Изъ подъѣзда выбѣжалъ Андрей Ивановичъ, съ всклоченными волосами, въ пальто въ накидку; глаза его горѣли. Онъ быстро прошелъ къ воротамъ, не замѣтивъ Елизаветы Алексѣевны. Она поспѣшила наверхъ.

Александра Михайловна, съ закинутою, мертвенно-неподвижною головою, лежала на кровати. Волосы спутанными космами тянулись по подушкѣ, лѣвый глазъ и високъ вздулись громаднымъ кровавымъ волдыремъ; сквозь разорванное платье виднѣлось тѣло. Вокругъ суетились хозяйка и Дунька. Зина сидѣла на сундукѣ, дрожала, глядѣла блестящими глазами въ окно и попрежнему слабо стонала, растирая рукою колѣни.

Александру Михайловну привели въ чувство. Хозяйка поставила самоваръ, Елизавета Михайловна сбѣгала въ погребокъ и принесла полубутылку рома. Александра Михайловна напилась горячаго чаю съ ромомъ и осталась лежать.

Она была вяла и апатична. Тупо оглядывая окружающихъ, она разсказывала, какъ билъ ее Андрей Ивановичъ, какъ онъ впился ей ногтями въ носъ и рвалъ его, а другою рукою закручивалъ волосы, чтобъ заставить ее отдать всѣ деньги... Хозяйка вздыхала и жалостливо качала головою. Елизавета Алексѣевна, сдвинувъ брови, мрачно смотрѣла въ уголъ. Дунька слушала жадно, съ блестящими отъ любопытства глазами, словно ей разсказывали интересную и страшную сказку.

Просидѣли всѣ вмѣстѣ съ часъ. Александру Михайловну стало познабливать, она рѣшила лечь спать. Елизавета Алексѣевна ушла изъ дому.

Александра Михайловна раздѣлась, уложила Зину, потушила лампу, но заснуть не могла. Правое бедро, въ которое Андрей Ивановичъ ударилъ ее каблукомъ, ныло, распухшій носъ горѣлъ. Она лежала на спинѣ, глядѣла въ темноту и думала о своей жизни. Ей вспоминался мрачный, горѣвшій ненавистью взглядъ Елизаветы Алексѣевны, съ какимъ она слушала ея разсказъ,—и въ ней самой разгоралась ненависть. До сихъ поръ Александра Михайловна несла тяжесть своей семейной жизни, какъ неизлѣчимую болѣзнь, отъ которой можно только страдать. Теперь она думала о томъ, что эти страданія глупо терпѣть и что нужно вырваться изъ нихъ; она думала и о томъ, что ея жизнь скучна и сѣра, а Елизавета Алексѣевна живетъ въ какой-то другой жизни, яркой и свѣтлой.

На потолкѣ около шкапа тускло свѣтилось пятно отъ горѣвшаго на дворѣ фонаря; порывистый вѣтеръ хлесталъ дождемъ въ окно; протянутыя надъ крышей телефонныя про-

волоки гудѣли однообразно и заунывно, словно отдаленный благовѣстъ. Въ воздухѣ одинъ за другимъ глухо прозвучали три пушечныхъ выстрѣла: начиналось наводненіе... Зина, спавшая на сундукѣ, слабо стонала сквозь сонъ.

Въ кухнѣ раздался рѣзкій, громкій звонокъ. Александра Михайловна быстро сѣла на постели и съ бьющимся сердцемъ стала вслушиваться. Ее взяло отчаяніе: опять Андрей Ивановичъ, опять истязанія...

Но въ кухнѣ послышался женскій голосъ. Дверь открылась, и голосъ окликнулъ Александру Михайловну.

— Вы спите? Можно къ вамъ?

Александра Михайловна узнала Катерину Андреевну, коробочницу, сожительницу Ляхова.

— Васька-то мой!.. Ахъ, негодяй, негодяй! — заговорила Катерина Андреевна, задыхаясь.

— Въ чемъ дѣло, Катерина Андреевна? Что̀ случилось?

Александра Михайловна встала и зажгла лампу. Катерина Андреевна быстро ходила по комнатѣ и повторяла:

— Негодяй, негодяй, мерзавецъ подлый!

Катерина Андреевна была стройная дѣвушка, съ красивымъ, нервнымъ лицомъ и большими темно-синими глазами. На ней была изящная черная кофточка и шляпка съ перьями.

— Опять что-нибудь накуролесилъ Ляховъ?—спросила Александра Михайловна.

Катерина Андреевна съ негодующею дрожью повела плечами.

— Такую подобную тварь, а?!.. Я давно знала, что онъ хороводится съ различными дѣвками, а тутъ ужъ... Къ намъ на квартиру привелъ, ко мнѣ! А?!.. Ахъ, прохвостина этакій, обормотъ!!..

— Къ вамъ привелъ на квартиру? — съ любопытствомъ спросила Александра Михайловна.

— Самую послѣднюю тварь! Понимаете, — раскрашенную, которую можно топтать ногами!.. У-у-у!.. Ужъ и отхлестала же я имъ обоимъ ихъ поганыя морды!

Александра Михайловна въ полусвѣтѣ лампы замѣтила, что и у самой Катерины Андреевны губы въ крови и правый глазъ распухъ.

— Ахъ, негодяй, негодяй грязный!.. Позволить себѣ такую подобную мерзость, а?!

— И изъ квартиры выгналъ васъ?

— Самъ еще придетъ ко мнѣ, просить будетъ воротиться, да посмотримъ, кто надъ кѣмъ покуражится! Два ужъ раза я ему прощала,—въ ногахъ валялся, ноги мнѣ цѣловалъ... Ну, теперь посмотримъ!

Александра Михайловна помолчала и заговорила:

— Вамъ-то вотъ хорошо. Вы съ нимъ не связаны, захотѣли—и ушли, онъ вамъ ничего не можетъ сдѣлать. Работу вы имѣете, и безъ него можете прожить,—вамъ его содержанія не нужно.

Катерина Андреевна разсмѣялась.

— Его содержанія!.. Я его содержала, на свои деньги! Свои онъ всѣ пропивалъ, до послѣдней копеечки. Посмотримъ теперь, какъ онъ безъ меня проживетъ!

— А вотъ какъ у меня-то,—вяло продолжала Александра Михайловна: — живи, какъ крѣпостная, на все изъ чужихъ рукъ смотри. Мужъ мой самъ денегъ мало зарабатываетъ; что̀ заработаетъ, сейчасъ пропьетъ. Я его ужъ какъ просила, чтобъ онъ мнѣ позволилъ работать, — нѣтъ! Хочетъ, чтобъ я его хлѣбъ ѣла.

Катерина Андреевна остановилась передъ столомъ, глядѣла блестящими глазами на огонь лампы и злорадно улыбалась.

— Пускай только придетъ теперь, онъ у меня узна̀етъ, можно ли меня оскорблять! — сказала она. — Ахъ, подлецъ, подлецъ!

— Они сегодня съ мужемъ вмѣстѣ пьянствовали въ «Сербіи». Не хватило имъ денегъ на коньякъ, — пришелъ мужъ, меня избилъ до полусмерти и всѣ, всѣ деньги отобралъ, ни гроша въ домѣ не оставилъ. А вы вѣдь знаете, какой онъ теперь больной, много ли и всего-то выработаетъ!.. Чѣмъ же жить? Сколько разъ я ему говорила, просила,—пусть позволитъ хоть что-нибудь дѣлать, хоть гдѣ-нибудь работать, все-таки же лучше,—нѣтъ!

— Поступайте къ намъ въ мастерскую. У насъ много можно выработать,—полтора рубля въ день. Научиться скоро можно.

— Такъ не позволяетъ мнѣ мужъ, я что̀ же вамъ говорю?

— Ахъ, мерзавецъ этакій, а?!—Катерина Андреевна передернула плечами и снова заходила по комнатѣ.—Мнѣ сегодня и ночевать негдѣ, я къ вамъ пришла,—можно у васъ остаться?

— Съ удовольствіемъ, милости просимъ! Только воротится мужъ, опять меня бить начнетъ. Вамъ будетъ безпокойно.

— Ничего, я какъ-нибудь...—разсѣянно отвѣтила Катерина Андреевна.—А они-то теперь тамъ... На моей кровати!.. О, негодяй, обормотъ подлый, пускай только покажется мнѣ на глаза!

Въ двѣнадцать часовъ воротилась Елизавета Алексѣевна. Катерина Андреевна помѣстилась у нея.

Александра Михайловна снова улеглась спать, но заснуть не могла. Она ворочалась съ боку на бокъ, слышала, какъ про-

било часъ, два, три, четыре. Вездѣ была тишина, только маятникъ въ кухнѣ мѣрно тикалъ, и попрежнему протяжно и уныло гудѣли на крышѣ телефонныя проволоки. Дождь стучалъ въ окна. Андрея Ивановича все не было. На душѣ у Александры Михайловны было тоскливо.

VI.

Андрей Ивановичъ воротился домой въ десятомъ часу утра,— воротился хмурый, смирный и задумчивый. Молча напился кофе и сейчасъ же легъ спать.

Александра Михайловна сварила молочную рисовую кашу, накормила Зину, Катерину Андреевну и поѣла сама. Къ обѣду же приготовила только жиденькій супъ съ крошечнымъ кускомъ жилистаго мяса.

Къ двумъ часамъ Андрей Ивановичъ проспался и всталъ веселый, ласковый. Александра Михайловна стала накрывать на столъ. Она повязала свой синякъ платкомъ, усиленно хромала на ушибленную ногу и держалась, какъ деревянная. Андрей Ивановичъ ничего словно не замѣчалъ и весело болталъ съ Катериной Андреевной.

Катерина Андреевна вышла въ кухню напиться. Андрей Ивановичъ поморщился и сказалъ:

— Что̀ ты, Саша, фальшивишь? Не такъ ужъ нога у тебя ушиблена, я сразу понимаю. Ну, пойди сюда, дурочка! Дай, я тебя поцѣлую.

— Гдѣ ужъ тутъ фальшивить! Поневолѣ захромаешь, какъ начнутъ тебя ногами топтать, словно рогожу. — Она отвѣтила угрюмо, но лицо ея, невольно для нея самой, вдругъ прояснилось отъ ласки Андрея Ивановича.

— Ну, пойди, пойди сюда! — Андрей Ивановичъ охватилъ ее за талію и ущипнулъ въ бокъ. — А ты знай впередъ, что настойчивой быть нельзя. Разъ что мужъ тебѣ что-нибудь приказываетъ, то ты должна исполнять, а не разсуждать. Ты всегда обязана помнить, что мужъ выше тебя.

— А вотъ ты деньги всѣ опять прокутилъ, — на что жить будемъ? Обѣда даже не на что сварить, сегодня еле-еле кусочекъ мяса выклянчила въ мясной. Вѣдь не о себѣ я стараюсь, мнѣ что̀!

— Ничего, Шурочка, деньги пустяки! Сегодня нѣтъ, завтра будутъ. Наживемъ!.. Эка, сто̀итъ о деньгахъ печалиться!

Послѣ обѣда пришелъ въ гости слесарь электрическаго завода Иванъ Карловичъ Лестманъ; это былъ эстонецъ громаднаго роста и широкоплечій, съ скуластымъ лицомъ и бѣлесою

бородкою, очень застѣнчивый и молчаливый. Онъ благоговѣлъ передъ Андреемъ Ивановичемъ.

Стали вчетверомъ играть въ стуколку, потомъ сѣли пить чай. У Александры Михайловны было на душѣ очень хорошо: Андрей Ивановичъ былъ съ нею нѣженъ и предупредительно-ласковъ, и она теперь чувствовала себя съ нимъ равноправною и свободною. Андрей Ивановичъ, опохмелившійся остатками вчерашняго коньяку, тоже былъ въ духѣ. Онъ сказалъ:

— Шурочка, ты бы пошла, позвала къ намъ Елизавету Алексѣевну. Что̀ ей тамъ одной сидѣть? Пускай чайку попьетъ съ нами.

Странное было его отношеніе къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ: Андрей Ивановичъ видѣлъ ясно, что Александра Михайловна бунтуетъ противъ него подъ ея вліяніемъ, и часто испытывалъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ неистовую злобу. Тѣмъ не менѣе его такъ и тянуло къ ея обществу, и онъ бывалъ очень доволенъ, когда она заходила къ нимъ.

У Елизаветы Алексѣевны была мигрень. Осунувшаяся, съ злымъ и страдающимъ лицомъ, она лежала на кровати, сжавъ руками виски. Лицо ея стало еще блѣднѣе, лобъ былъ холодный и сухой. Александра Михайловна тихонько закрыла дверь; она ужъ съ перваго взгляда научилась узнавать объ этихъ страшныхъ боляхъ, доводившихъ Елизавету Алексѣевну почти до помѣшательства.

— Опять голова болитъ! — объявила Александра Михайловна.—Раза по три въ недѣлю у нея голова болитъ, что̀ же это такое!

— Эхъ, бѣдняга! — съ соболѣзнованіемъ сказалъ Андрей Ивановичъ.

Лестманъ покачалъ головою.

— Все отъ ученія. Такой больной не есть корошо много учиться; раньше нужно доставать здоровье.

— «Здоровье доставать»... Какъ вы будете здоровье доставать?—возразилъ Андрей Ивановичъ.—Тогда нужно отказаться отъ знанія, отъ развитія; только на фабрикѣ двѣнадцать часовъ поработать, — и то ужъ здоровья не достанешь... Нѣтъ, я о такихъ дѣвушкахъ очень высоко понимаю. Въ чемъ душа держится, кажется, щелчкомъ убьешь,—а какая сила различныхъ стремленій, какой духъ!

— Ну, а что̀ жъ хорошаго вотъ этакъ все больной валяться?— сказала Катерина Андреевна.—И къ чему учиться-то? Не понимаю! Ничего ей за это дороже не станутъ платить.

Андрей Ивановичъ поучающе возразилъ:

— Дѣло не въ деньгахъ, а въ равноправенствѣ. Женщина

должна быть равна мужчинѣ, свободна. Она такой же человѣкъ, какъ и мужчина. А для этого она должна быть умна, иначе мужчина никогда не захочетъ смотрѣть на нее, какъ на товарища. Вотъ у насъ дѣвушки работаютъ въ мастерской,—развѣ я могу признать въ нихъ товарищей, разъ что у нихъ нѣтъ ни гордости, ни ума, ни стыда? Какъ онѣ могутъ постоять за свои права? А Лизавету Алексѣевну я всегда буду уважать, все равно что моего товарища.

Въ кухнѣ раздался звонокъ. Къ комнату вошелъ Ляховъ, съ котелкомъ на затылкѣ и съ тросточкой. Онъ былъ сильно пьянъ. Катерина Андреевна поблѣднѣла.

— У васъ Катька? — спросилъ онъ, не здороваясь. — Ты здѣсь? Иди домой, гдѣ ты пропадаешь?!—крикнулъ онъ на нее.

Катерина Андреевна стояла, нервно сжимая рукою край стола, и въ упоръ смотрѣла на Ляхова.

— Пошла я съ тобой, какъ же!—отвѣтила она, задыхаясь.— Ахъ, ты, негодяй, негодяй! Еще домой зоветъ послѣ подобной мерзости!

— Я тебѣ приказываю, понимаешь ты это?!

— Я тебѣ, слава Богу, не жена! Ты мнѣ не можешь приказывать! Кто ты такой? Я тебя не знаю!.. Ахъ, ты, негодяй грязный!

— Пойдешь ты или нѣтъ? — Ляховъ грубо схватилъ ее за руку около плеча.

— Отстань!

Андрей Ивановичъ угрожающе крикнулъ:

— Что̀ это, Васька, за безобразіе? Оставь ее!

Ляховъ опустилъ руку и съ усмѣшкой оглядѣлъ Андрея Ивановича.

— Аль тебѣ ея захотѣлось?

— Дѣло не объ этомъ, а о томъ, что не смѣй скандала дѣлать!

— Она, братъ, ко всякому пойдетъ, къ кому угодно!.. Что̀, ужъ очень хочется тебѣ? Ну ладно, бери, чортъ съ нею! Эка, добра какого... На̀!..

Онъ засмѣялся и съ силою толкнулъ Катерину Андреевну на Андрея Ивановича.

— Да что̀ же это такое! Андрей Ивановичъ, пошлите за дворниками!—воскликнула Катерина Андреевна.

Андрей Ивановичъ стиснулъ зубы и вскочилъ съ мѣста.

— Ты тутъ перестанешь скандалить или нѣтъ?

— Такъ не хочешь домой итти?—обратился Ляховъ къ Катеринѣ Андреевнѣ.

— Не хочу! И никогда не приду!

Ляховъ усмѣхнулся.

— Ну ладно! Погоди жъ ты, я тебя еще не такъ осрамлю... Чтобъ ноги твоей у меня больше не было! — крикнулъ онъ и свирѣпо выкатилъ глаза.—Что̀ за юбки такія у меня въ квартирѣ понавѣшены? Чтобъ этой вонючей гадости у меня не было... Я этого не позволю!

И, ни съ кѣмъ не простившись, онъ вышелъ изъ комнаты. Андрей Ивановичъ съ отвращеніемъ смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Свинья пьяная!.. Вы не подчиняйтесь ему, что̀ за безобразіе! Слава Богу, вы съ нимъ не связаны.

— Ему? подчиниться? Н-никогда!!.. Самъ еще придетъ ко мнѣ, въ ногахъ будетъ валяться,—да посмотримъ, захочу ли я его простить!

Лестманъ съ сожалѣніемъ глядѣлъ на Катерину Андреевну.

— Лучше ваши вещи берите отъ него прочь, а то онъ всѣмъ имъ дѣлаетъ капутъ.

Катерина Андреевна всплеснула руками.

— И вправду! Какъ же я ихъ добуду? Александра Михайловна, дорогая моя, съѣздите, возьмите у него мои вещи!

— Я боюсь: онъ меня еще побьетъ, — нерѣшительно сказала Александра Михайловна.

Андрей Ивановичъ вспыхнулъ.

— Тебя побьетъ? Будь покойна! Пусть только пальцемъ посмѣетъ тронуть!

Рѣшили, что Александра Михайловна поѣдетъ за вещами вмѣстѣ съ Лестманомъ. Черезъ полчаса они привезли ихъ,— но, Боже мой, въ какомъ видѣ! Платья и бѣлье были изрѣзаны на мелкіе кусочки, отъ посуды остались одни черепки, у самовара былъ свернутъ кранъ и вдавленъ бокъ.

Катерина Андреевна вспыхнула, закусила губы и разрыдалась.

VII.

Прошло двѣ недѣли. Была суббота. Андрей Ивановичъ воротился послѣ шабаша прямо домой и принесъ Александрѣ Михайловнѣ весь заработокъ. Ужъ вторую недѣлю онъ приносилъ домой деньги цѣликомъ до послѣдней копейки.

Поужинали и напились чаю. Андрей Ивановичъ сидѣлъ у стола и угрюмо смотрѣлъ на огонь лампы. Всегда, когда онъ переставалъ пить, его въ свободное отъ работы время охватывала тупая, гнетущая тоска. Что-то вздымалось въ душѣ, куда-то тянуло, но онъ не зналъ—куда, и жизнь казалась глупой и скучной. Александра Михайловна и Зина боялись та-

кого настроенія Андрея Ивановича: въ эти минуты онъ сатанѣлъ, и отъ него не было житья.

Андрей Ивановичъ послалъ жену купить «Петербургскій Листокъ», прочелъ его отъ переднихъ до заднихъ объявленій. Потомъ сталъ просматривать взятый имъ изъ мастерской сборникъ куплетовъ «Серебряная струна...» Нѣтъ, все было скучно и плоско...

Пришла Катерина Андреевна.

Она жила теперь на отдѣльной квартирѣ, но Ляховъ не оставлялъ ее въ покоѣ. Онъ поджидалъ ее при выходѣ изъ мастерской, подстерегалъ на улицахъ и требовалъ, чтобъ она снова шла жить къ нему. Однажды онъ даже ворвался пьяный въ ея квартиру и избилъ бы Катерину Андреевну на смерть, если бы квартирный хозяинъ не позвалъ дворника и не отправилъ Ляхова въ участокъ. Катерина Андреевна со страхомъ покидала свою квартиру и въ мастерскую ходила каждый разъ по разнымъ улицамъ.

— Вѣдь этакій острожникъ, а?! — негодовала она. — Вотъ связалась на свою погибель! Это вѣдь такой бѣшеный, ему и зарѣзать ни почемъ человѣка.

Андрей Ивановичъ мрачно слушалъ, терзаемый тоскою и скукою.

Раздался звонокъ. Мужской голосъ спросилъ Елизавету Алексѣевну. Ея не было дома. Гость сказалъ, что подождетъ, и прошелъ въ ея каморку. Андрей Ивановичъ оживился: ему вообще нравились знакомые Елизаветы Алексѣевны, а этотъ, къ тому же, по голосу былъ какъ будто уже знакомъ Андрею Ивановичу. Онъ прислушался: гость сидѣлъ у стола и, видимо, читалъ книгу. Андрею Ивановичу не сидѣлось.

— Что̀ ему тамъ одному сидѣть? — обратился онъ къ Александрѣ Михайловнѣ.—Подогрѣй-ка самоваръ, да сходи, возьми полубутылку рому. Пускай чайку попьетъ у насъ.

Андрей Ивановичъ пошелъ въ комнату Елизаветы Алексѣевны. Гость оказался, дѣйствительно, знакомымъ. Это былъ Барсуковъ, токарь по металлу изъ большого пригороднаго завода; Андрей Ивановичъ около полугода назадъ нѣсколько разъ встрѣчался съ Барсуковымъ у Елизаветы Алексѣевны и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ.

— Это вы, Дмитрій Семеновичъ!—воскликнулъ Андрей Ивановичъ.—То-то я слушаю,—что̀ это, какъ-будто голосъ знакомый?.. Здравствуйте! Что̀ жъ вы тутъ одни сидите? Заходите къ намъ, выпейте стаканчикъ чаю!

— Да я ужъ, собственно, пилъ, — отвѣтилъ Барсуковъ и съ усмѣшкою прервалъ себя:—А впрочемъ... хорошо! Что̀ жъ такъ сидѣть?

Онъ пошелъ съ Андреемъ Ивановичемъ въ его комнату. Андрей Ивановичъ суетливо оправилъ на столѣ скатерть.

— Что̀ это, какъ васъ долго не было видно? Садитесь... Сейчасъ жена ромцу принесетъ, мы съ вами выпьемъ по рюмочкѣ.

Барсуковъ подошелъ къ Катеринѣ Андреевнѣ, назвалъ себя и тряхнулъ ея руку, потомъ присѣлъ къ столу.

— Да вы, голубчикъ, оставьте, не суетитесь. Я пить все равно не буду.

Онъ увидѣлъ лежавшую на столѣ «Серебряную струну», перелисталъ ее и, отложивъ въ сторону, взялъ съ комода еще пару книгъ.

Андрей Ивановичъ законфузился.

— Э, не смотрите: ерунда! Я ихъ такъ себѣ, отъ скуки, изъ мастерской взялъ. Глупыя идеи, нечего читать: одна только критика, для смѣху... Ну, а вотъ оно и подкрѣпленіе намъ!

Александра Михайловна принесла ромъ.

Андрей Ивановичъ откупорилъ бутылку, отеръ горлышко краемъ скатерти и налилъ двѣ рюмки.

— Пожалуйте-ка, Дмитрій Семеновичъ!.. За ваше здоровье!

— Нѣтъ, спасибо, я не пью!

— Ну, ну, пустяки какіе! По маленькой ничего не значитъ.

— Каждый разъ у насъ съ вами та же канитель повторяется. И по маленькой не пью, спасибо!

— Ну во-отъ!..—разочарованно протянулъ Андрей Ивановичъ. — Что̀ жъ мнѣ, не одному же пить! Маленькая не вредитъ, — что̀ вы? Выпьемъ по одной! Ромъ хорошій, рублевый, — онъ проясняетъ голову.

Барсуковъ съ усмѣшкою пожалъ плечами, поднялся и неловко зашагалъ по комнатѣ.

— Что̀ же это такое? Одному и пить какъ-то неохота... Катерина Андреевна, выпьемте съ вами!

Она засмѣялась и кокетливо покосилась на Барсукова.

— Вотъ еще! Что̀ это вы, Андрей Ивановичъ, такъ меня конфузите!

— Такъ вѣдь я же вамъ не голый ромъ, я вамъ въ чай подолью.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ пожалуйста!

— Да вы погодите, я вамъ сдѣлаю жженку. Весь спиртъ сгоритъ, одинъ только букетъ останется.

Онъ помѣстилъ ложечку надъ чашкою Катерины Андреевны, положилъ въ ложечку сахаръ, обильно полилъ его ромомъ и зажегъ. Синее пламя, шипя, запрыгало по сахару.

— Ну, вотъ попробуйте теперь! — самодовольно сказалъ Андрей Ивановичъ.—Самый дамскій напитокъ... Будьте здоровы!

Онъ коснулся рюмкою края чашки, выпилъ рюмку и крякнулъ.

— Нѣтъ, Дмитрій Семеновичъ, позвольте вамъ сказать откровенно: я на этотъ счетъ съ вашими мнѣніями не согласенъ. Какой вредъ отъ того, чтобъ выпить иногда? Мы не мальчики, намъ невозможно обойтись безъ этого.

Барсуковъ стоялъ у печки, заложивъ руки за спину.

— Почему? — сдержанно спросилъ онъ.

— Почему? Потому что жизнь такая!—Андрей Ивановичъ вздохнулъ, положилъ голову на руку, и лицо его омрачилось.—Какъ вы скажете, отчего люди пьютъ? Отъ разврата? Это могутъ думать только въ аристократіи, въ высшихъ классахъ. Люди пьютъ отъ горя, отъ думъ... Работаетъ человѣкъ всю недѣлю, потомъ начнетъ думать; хочется всякій вопросъ разобрать по основнымъ мотивамъ, — что̀? какъ? для чего?.. Куда отъ этихъ думъ дѣться? А выпьешь рюмочку-другую, и легче станетъ на душѣ.

— Для чего же это бѣжать отъ думъ-то? Не мѣшало бы, напротивъ, осмыслить всякія явленія, понять ихъ; почему это должно быть привилегіей интеллигенціи? Виномъ думы заливать, — далеко не уйдешь.

— Я не спорю противъ этого!—поспѣшно сказалъ Андрей Ивановичъ. — Я самъ всегда это самое говорю, — что нужно стремиться къ свѣту, къ знанію, къ этому... какъ сказать?— къ проясненію своего разума. А что только выпить не мѣшаетъ, — изрѣдка, конечно: отъ тоски! Когда ужъ очень на душѣ рветъ! То-олько!.. А какъ сѣрый народъ у насъ, особенно фабричные по трактамъ,—ихъ я самъ строго осуждаю: напьются такъ, что вмѣсто лицъ одни свиныя рыла видятъ вездѣ,—знаете, какъ извѣстные гоголевскіе типы, ревизоры... Къ чему это? Это — безобразіе, стыдъ! Настоящая Азія! Я очень даже негодую за это на русскаго человѣка.

Барсуковъ помолчалъ.

— Въ нынѣшнее время и по трактамъ, — который народъ идетъ въ кабакъ, а который въ школу, — возразилъ онъ. — Азіи-то этой, можетъ-быть, все меньше становится съ каждымъ годомъ.

Андрей Ивановичъ безнадежно махнулъ рукою.

— Ну, гдѣ тамъ! Довольно этой Азіи у насъ, на тысячу лѣтъ хватитъ! Вы меня извините за выраженіе, только я о русскомъ человѣкѣ очень худо понимаю: онъ грубъ, дикъ! Дай ему только бутылку водки, больше ему ничего не нужно. О другомъ у него думъ нѣтъ.

Барсуковъ удивленно поднялъ брови.

— Какъ это такъ—нѣтъ? Мало вы, я вижу, знаете. Приглядѣлись бы, осмотрѣлись бы кругомъ,—можетъ-быть, и увидѣли бы. Вездѣ жизнь начинается, вездѣ начинаютъ шевелиться; каждый хочетъ жить своимъ умомъ, хочетъ понимать, особенно изъ молодыхъ. Стоячая вода всѣмъ надоѣла. Что̀ дѣйствительно, старики это считаютъ излишнимъ, а молодые ужъ совершенно другихъ убѣжденій.

Андрей Ивановичъ скептически повелъ головою.

— Нѣтъ, не согласенъ! Конечно, я не говорю: механики, наборщики, ну, тамъ, конторщики, нашъ братъ-переплетчикъ,—объ этихъ я не говорю. Это—люди, можно даже сказать, замѣчательные, образованные, со знаніями. Или вотъ, скажемъ, вы, или Елизавета Алексѣевна. А я говорю о сѣромъ народѣ, о фабричныхъ, о мужичкахъ. Это ужасно дикій народъ! Тупой народъ, пьяный!

Барсуковъ слушалъ, крутилъ бородку и посмѣивался.

— Да вы, можетъ, не тамъ смотрите?—насмѣшливо спросилъ онъ.—Конечно, если по трактирамъ искать, то трудно найти, или по кабакамъ... А вы бы въ другомъ какомъ мѣстѣ поискали,—въ школу бы, скажемъ, сходили, на курсы. Можетъ-быть, увидѣли бы поучительное... «Дикіе», «тупые»!—рѣзко произнесъ онъ и пересталъ смѣяться.—Проработаетъ парень двѣнадцать часовъ на заводѣ, выйдетъ, какъ собака, усталый, башка трещитъ, а бѣжитъ на курсы, другой разъ и перекусить не успѣетъ. Это отъ дикости, что ли? Къ ночи только домой воротится, а утромъ рано вставай, опять на работу. Отъ дикости это? Отъ дикости онъ на послѣдній грошъ газетку выписываетъ?

Барсуковъ своею неловкою походкою зашагалъ по комнатѣ.

— То-то, должно-быть, противъ дикости и старики у насъ бунтуются,—съ усмѣшкою продолжалъ онъ.—Очень недовольны, что ихъ «просвѣщенныхъ» понятій больше не уважаютъ! Начнетъ этакій старикъ поученія читать: вотъ, дескать, была у насъ въ Торжкѣ дѣвушка, и вселились въ нее черти; отвезли ее къ какой-то тамъ святой бабушкѣ, продержали годъ,—какъ рукой сняло; вышла на волю, поѣла скоромнаго пирожка, и опять въ нее черти вселились.... А молодой смѣется, спрашиваетъ: пирожокъ-то, значитъ, чертями былъ начиненъ?.. Старикъ скажетъ: громъ—оттого, что Илья-пророкъ по небу катается, а молодой ему: какой-такой Илья-пророкъ? Это—электричество!.. Какая дикость! «Электричество!» а? На курсы вздумалъ бѣгать, электричество изучать, кислороды всякіе! Ужъ подлинно—Азія!

— У васъ какіе же на этихъ курсахъ лекціи преподаютъ?—спросилъ заинтересованный Андрей Ивановичъ.

— Разное преподаютъ, — неохотно отвѣтилъ Барсуковъ. — Химію, физику, русскій языкъ... алгебру, геометрію...

Онъ сѣлъ къ столу и лѣниво сталъ прихлебывать чай.

— Полезные прѐдметы, — сказалъ Андрей Ивановичъ тономъ знатока.

— Предметы необходимые... Знаете, сходимте какъ-нибудь вмѣстѣ на курсы! — предложилъ Барсуковъ и оживился. — Стòитъ наблюденія. Я курсы кончилъ, а другой разъ нарочно хожу. Вы мало знаете, потому и говорите... Какіе живые ребята есть, сознательные! Такъ и рвутся до знанія, все хотятъ знать въ корень. Такого куда ни брось, не заржавѣетъ... И откуда силы беретъ! Днемъ на работѣ, вечеромъ на курсахъ, придетъ домой — отдыха не знаетъ, сейчасъ за книгу, другой разъ всю ночь просидитъ... Это, батенька, не то, что у интеллигенціи: ходитъ себѣ мальчонка,—въ гимназію тамъ, въ университетъ; заботы ни о чемъ нѣтъ у него, все папаша предоставляетъ. «Ванечка, миленькій, только учись, пожалуйста!» Протащатъ этакъ по всѣмъ наукамъ, а тамъ ужъ и мѣстечко готово: пожалуйте, получайте жалованье!..

— Чортъ возьми! Ей-Богу, надобно бы сходить посмотрѣть! — воодушевился Андрей Ивановичъ.

— Много поучительнаго... Старики ужъ какъ косятся! — улыбнулся Барсуковъ. — «Ученые!—говорятъ:—курсанты! Въ студенты, что ли, записались? Ничего этого не нужно; грамоту да письмо знаешь,—и довольно». Объяснять имъ, на что человѣку знаніе нужно? Этого они не поймутъ,—ну, а между прочимъ сами замѣчаютъ, что въ нынѣшнее время вездѣ на заводахъ больше цѣнятъ молодого рабочаго, чѣмъ который двадцать лѣтъ работаетъ, — особенно въ нашемъ машиностроительномъ дѣлѣ; старикъ, тотъ все только «по навыку» можетъ; на двухтысячную дюйма больше или меньше понадобилось, онъ ужъ и стопъ! А для молодого это пустяки.

Барсуковъ оживился. Онъ разсказывалъ много и долго. Андрей Ивановичъ слушалъ, и разныя чувства поднимались въ немъ; онъ и гордился и радовался; и грустно ему было: гдѣ-то въ сторонѣ отъ него шла особая, невѣдомая жизнь; серьезная и труденическая, она не бѣжала сомнѣній и вопросовъ, не топила ихъ въ пьяномъ угарѣ; она сама шла имъ навстрѣчу и упорно добивалась разрѣшенія. И чѣмъ больше Андрей Ивановичъ слушалъ Барсукова, тѣмъ шире раздвигались передъ нимъ просвѣты, тѣмъ больше вѣрилось въ жизнь и въ будущее,—вѣрилось, что жизнь бодра и сильна, а будущее велико и свѣтло.

— Нѣтъ, въ нынѣшнее время о многомъ начинаютъ думать,—сказалъ Барсуковъ.—Никто не хочетъ на чужой веревочкѣ ходить. Хотятъ понять условія своей жизни, ея смыслъ...

Онъ прошелся по комнатѣ, задумчиво остановился у печки.

— Въ лѣтошнемъ году у насъ на курсахъ одинъ Иванъ Алексѣевичъ читалъ русскую литературу. Между прочимъ рѣшалъ вопросъ: какая разница между научной литературой и художественной? Научная литература, — если, напримѣръ, изслѣдовать жилище рабочаго: сколько кубическаго воздуха, какой процентъ дѣтей умираетъ, сколько рабочій въ годъ выпиваетъ водки... А художественная литература то же самое изображаетъ чувствительно: умираетъ рабочій, — дѣти голодныя, жена плачетъ, грязь кругомъ, сырость, ѣсть нечего. И онъ думаетъ: для чего онъ всю жизнь трудился, выбивался изъ силъ, для чего онъ жилъ? — Барсуковъ сурово сдвинулъ брови. — Онъ жилъ, а жизни не видѣлъ, видѣлъ только ея призракъ сквозь копоть фабричнаго дыма... Какая же была цѣль его существованія?

Андрей Ивановичъ порывисто всталъ и быстро зашагалъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, ей-Богу, на курсы ваши поступлю! Дай только немножко поправлюсь, сейчасъ же запишусь!

Два года назадъ Андрей Ивановичъ однажды ужъ сдѣлалъ опытъ,—записался въ школу; но, походивъ два воскресенья, охладѣлъ къ ней; не все тамъ было «чувствительно», — приходилось много и тяжело работать, а къ этому у Андрея Ивановича сердце не лежало; притомъ его коробило, что онъ сидитъ за партой, словно мальчишка-школьникъ, что кругомъ него—«сѣрый народъ»; къ сѣрому же народу Андрей Ивановичъ, какъ всѣ мастеровые аристократическихъ цеховъ, относился очень свысока. Но теперь Андрею Ивановичу все это казалось очень привлекательнымъ.

— Совершенно все это въ моемъ духѣ!.. Ей-Богу, вотъ думаешь-думаешь такъ о жизни... Какой смыселъ?.. Зачѣмъ?..

Андрей Ивановичъ подвыпилъ, ему хотѣлось теперь не слушать, а говорить самому. Выпивая рюмку за рюмкой, онъ сталъ говорить о свѣтѣ знанія, о святости труда, о широкомъ и дружномъ товариществѣ...

Катерина Андреевна тоже выпила ужъ три чашки крѣпкой жженки. Глаза ея блестѣли, на щекахъ выступилъ румянецъ. Она подсѣла ближе къ Барсукову, брала его за локоть, горячимъ взглядомъ смотрѣла въ глаза и спрашивала:

— А вы читали «Макарку-душегуба»? Правда, интересная книга?

Пробило десять часовъ. Елизавета Алексѣевна не возвращалась. Барсуковъ всталъ уходить. Подвыпившій Андрей Ивановичъ цѣловалъ его и жалъ руки.

— Вы заходите, Дмитрій Семеновичъ! Я такъ вамъ радъ!.. Голубчикъ! Знаете, есть въ груди вопросы, какъ говорится... (Андрей Ивановичъ повелъ пальцами передъ жилетомъ),—какъ говорится, — насущные... Накипѣло въ ней отъ жизни, хочется съ кѣмъ-нибудь раздѣлить свои мнѣнія... Да! Вотъ еще! Я васъ кстати хочу попросить: нѣтъ ли у васъ сейчасъ чего хорошенькаго почитать? Недосугъ было это время раздобыться.

— Да вотъ, не хотите ли, я Елизаветѣ Алексѣевнѣ Гросса принесъ «Экономическую систему Карла Маркса»? Полезная брошюрка. Тогда ей отдадите.

Барсуковъ ушелъ. Катеринѣ Андреевнѣ тоже пора было домой, но она боялась итти одна, чтобъ не встрѣтиться съ Ляховымъ. Александра Михайловна взялась ее проводить, и онѣ ушли.

Андрей Ивановичъ быстро расхаживалъ по комнатѣ. Онъ чувствовалъ такой приливъ энергіи и бодрости, какого давно не испытывалъ. Ему хотѣлось заниматься, думать, хотѣлось широкихъ, большихъ знаній. Онъ сѣлъ къ столу и началъ читать брошюру. Въ головѣ кружилось, буквы прыгали передъ глазами, но онъ усердно читалъ страницу за страницей.

Александра Михайловна проводила Катерину Андреевну до воротъ ея дома и стала прощаться.

— Ну, куда вы, Александра Михайловна? Зайдите ко мнѣ хоть на четверть часика! Посмотрите, какъ я живу. Вѣдь вы еще не были у меня.

Онѣ прошли черезъ дворъ къ деревянному флигелю и стали подниматься по крутымъ ступенямъ лѣстницы. Было темно и пахло кошками. На площадкѣ онѣ столкнулись съ квартирною хозяйкою Катерины Андреевны.

— Это вы, Катерина Андреевна? Идите скорѣй, васъ ужъ часъ цѣлый женихъ ждетъ. Самоваръ я наставила.

И хозяйка пошла внизъ. Александра Михайловна остановилась и испуганно спросила:

— Ляховъ?

— Н-нѣтъ,—въ замѣшательствѣ отвѣтила Катерина Андреевна.—Писецъ одинъ, изъ больничной конторы. Еліазаровъ.

— Писецъ?

— Да... Онъ сказалъ, что поживетъ со мною такъ три мѣсяца, и если я буду вести себя прилично, то женится на мнѣ.

— Немножко скоро дѣло у васъ дѣлается! — Александра Михайловна кусала губы, чтобъ не расхохотаться.

Катерина Андреевна мечтательно смотрѣла своими большими глазами въ тусклое окно лѣстницы.

— Ляховъ такъ жилъ со мною, а этотъ жениться обѣщаетъ. Тогда не нужно будетъ на работу ходить, можно будетъ дѣтей имѣть, свое хозяйство вести... Пойдемте, я васъ познакомлю. Онъ хорошій!

Онѣ вошли въ квартиру. У стола сидѣлъ человѣкъ съ черными усиками, двойнымъ подбородкомъ и черными, похожими на пуговицы, глазами. Держался онъ странно-прямо, какъ будто вмѣсто спинного хребта у него была палка. На столѣ стояли бутылка портвейну, виноградъ и кондитерскія пирожныя, на постели лежала гитара.

Катерина Андреевна быстро подошла и весело заговорила:

— Это ты, Ваня!.. Здравствуй! Вотъ, если бы я знала, кто у меня сидитъ! Александра Михайловна, это мой женихъ! А это моя хорошая подруга, Александра Михайловна Колосова.

Еліазаровъ галантно и солидно расшаркался, пожалъ Александрѣ Михайловнѣ руку.

— Садитесь! — продолжала Катерина Андреевна. — Какъ разъ и самоваръ поспѣлъ... Умный мальчикъ, что безъ меня чаю не пилъ!

Она бросила на Еліазарова смѣющійся, ласкающій взглядъ. Еліазаровъ покручивалъ большимъ пальцемъ и мизинцемъ острый кончикъ праваго уса.

— Я одинъ безъ дамъ никогда на это не рѣшусь!—Онъ обратился къ Александрѣ Михайловнѣ.—Погода сегодня дурная-съ!

— Да, холодно на дворѣ.

— Холодно-съ! Дождь—не дождь, снѣгъ—не снѣгъ идетъ. Какъ говорится, — непріятная погода... Не угодно ли винограддцу? Будьте любезны! Катюша, а ты что же?

Александра Михайловна просидѣла съ полчаса. Катерина Андреевна болтала и смѣялась, не спуская съ Еліазарова блестящихъ, манящихъ къ себѣ глазъ. Еліазаровъ солидно посмѣивался, крутилъ свои усики и говорилъ любезности.

Александра Михайловна ушла въ одиннадцать часовъ. Еліазаровъ остался у Катерины Андреевны.

VIII.

На первой недѣлѣ Великаго поста, въ четвергъ, были именины Андрея Ивановича. Онъ собрался праздновать ихъ, какъ всегда, очень широко. Александра Михайловна плакала и убѣждала его быть на этотъ разъ поэкономнѣе; Андрей Ива-

новичъ началъ доказывать, что и безъ того покупается лишь самое необходимое, но потерялъ терпѣніе, обругалъ Александру Михайловну и велѣлъ ей, не разсуждая, итти и купить, что̀ нужно.

Къ восьми часамъ вечера стали собираться гости. Пришли четыре товарища Андрея Ивановича по мастерской, Лестманъ, Арсентьевъ, одинъ приказчикъ, нѣсколько замужнихъ женщинъ и модистокъ. Пришла и Катерина Андреевна.

— Я слышалъ, вы помирились съ Ляховымъ? — спросилъ ее Андрей Ивановичъ.—Мнѣ вчера Ляховъ говорилъ въ мастерской.

— Гдѣ помирилась, Господи! Не знаю, куда спрятаться отъ него!.. Вчера подстерегъ меня у Мытнинскаго моста, не даетъ пройти; скажи, говоритъ, что простишь меня!.. Что̀ жъ мнѣ было дѣлать? Когда на меня кричатъ, я могу противиться, а когда просятъ, — какъ отвѣтить? Обѣщался вечеромъ прійти ко мнѣ прощенія просить. Я на весь вечеръ ушла къ подругѣ и ночевать осталась у нея... Ужъ и подумать боюсь, что̀ будетъ, когда опять встрѣчу его. Право, онъ меня убьетъ!

Праздникъ былъ въ разгарѣ. Смѣнили ужъ третій самоваръ. На столѣ то и дѣло появлялись новыя бутылки пива. Товарища Андрея Ивановича, переплетнаго подмастерья Генрихсена, хорошаго гитариста, упросили сходить домой и принести гитару. Стали танцовать кадриль.

Танцовальной залой служила кухня. Тучный Генрихсенъ сидѣлъ, отдуваясь, на постели хозяйки, прихлебывалъ пиво и игралъ кадриль на мотивы изъ «Прекрасной Елены». Андрей Ивановичъ дирижировалъ. Въ свое время онъ былъ большимъ сердцеѣдомъ и франтомъ, и чувствовалъ себя теперь въ ударѣ.

Граціозно размахивая руками, онъ сѣменящимъ шагомъ подвигался впередъ рядомъ со своею дамою.

— Сильвупле!—командовалъ онъ.—Оренбуръ!..—При этомъ всѣ дѣлали шэнъ и вертѣлись съ дамами разъ по десяти. — Коммансэ!—выкрикивалъ Андрей Ивановичъ.

Каждый танцовалъ, не руководствуясь командою Андрея Ивановича; да онъ и самъ ея не понималъ. Но всѣмъ было пріятно танцовать подъ французскіе выкрики. Стоялъ женскій смѣхъ, ноги сухо шаркали по полу.

Послѣ кадрили стали танцовать польку. Катерина Андреевна была царицею бала. Стройная и изящная, съ глазами, блестѣвшими отъ оживленія и портвейна, она была обворожительна; ее приглашали наперерывъ. Андрей Ивановичъ вслѣдствіе одышки не танцовалъ польки. Онъ любезничалъ съ дамами, угощалъ ихъ портвейномъ, а когда ихъ уводили танцовать,

онъ, скрывая улыбку, слѣдилъ за Елизаветою Алексѣевной. Елизавета Алексѣевна все время танцовала, и Андрею Ивановичу было смѣшно смотрѣть, какъ въ толпѣ прыгало и мелькало ея блѣдное лицо, по-всегдашнему серьезное и строгое, съ сдвинутыми бровями.

Полька кончилась. Потные танцоры, обмахиваясь платками, пили и закусывали въ комнатѣ Колосовыхъ. Вдругъ въ дверяхъ появился Ляховъ.

Всѣ смутились. Большинство знало объ его исторіи съ Катериной Андреевной. Ляховъ вошелъ блѣдный и печальный, приблизился къ Андрею Ивановичу и поздравилъ его съ ангеломъ. Потомъ, словно не замѣчая Катерины Андреевны, молча сѣлъ въ уголъ.

Катерина Андреевна была блѣдна и дрожала. Она повела плечами и обратилась къ Александрѣ Михайловнѣ:

— Какъ у васъ отъ окна дуетъ! Дайте мнѣ, пожалуйста, платокъ: такой холодъ!

Понемногу смущеніе улеглось.

Снова раздались говоръ, смѣхъ, шутки. Пили, чокаясь стаканами. Приказчикъ изъ мануфактурнаго магазина Семыкинъ, молодой человѣкъ съ ярко-краснымъ галстукомъ, тщетно умолялъ выпить хоть *рюмку* пива двухъ сестеръ-модистокъ Вереевыхъ. Онѣ смѣялись и отказывались. Семыкинъ выпивалъ стаканъ пива и возобновлялъ свои мольбы. Ляховъ сидѣлъ, забившись въ уголъ за комодомъ, и молча пилъ стаканъ за стаканомъ.

Александра Михайловна попросила сестеръ Вереевыхъ спѣть что-нибудь. Онѣ закраснѣлись и замахали руками.

— Ахъ, что̀ вы, что̀ вы, Александра Михайловна! Ни за что!

Ихъ стали упрашивать. Сестры долго отнѣкивались, наконецъ согласились. Сѣли рядомъ и откашлялись.

— А горлышко-то прочистить?—сказалъ Семыкинъ, подсѣвъ къ нимъ, и подалъ рюмку съ пивомъ.

Сестры засмѣялись, потомъ сдѣлали серьезныя лица, переглянулись и запѣли цыганскую пѣсню. Голоса у нихъ были слабые, но звучали пріятно; пѣли онѣ въ одинъ голосъ.

Вьются пѣсенки цыганъ,
Прикрывая свой обманъ,
За стаканомъ пьютъ стаканъ,
Въ головѣ—туманъ...

— Туманъ!—басомъ сказалъ Семыкинъ.

Младшая Вереева возразила:

— Конечно, туманъ! Когда пьютъ, тогда въ головѣ становится туманъ.

— Развѣ это не правда?—спросила старшая.

— Вполнѣ справедливо... Ну-ка, туманцу рюмочку!—И Семыкинъ протянулъ рюмку съ пивомъ. Сестры прыснули.

Въ комнатѣ было жарко и душно. Александра Михайловна открыла форточку. Кисейная занавѣска заколебалась, въ комнату подуло сырымъ, туманнымъ холодомъ.

Послѣ веселаго романса сестры спѣли нѣсколько грустныхъ пѣсенъ. Головы кружились отъ выпитаго пива, и на душѣ у всѣхъ стало тихо и нѣжно.

Помнишь ли, милая, вѣтви тѣнистыя
Ивы надъ темнымъ прудомъ?
Волны плескались кругомъ серебристыя,
Тамъ мы сидѣли вдвоемъ;
Тамъ поклялись мы при лунномъ сіяніи
Вѣчно другъ друга любить...
Помнишь ли, милая, наши свиданія?
Какъ же ихъ трудно забыть!

Слушатели были задумчивы... Въ раскрытую форточку тянуло гнилою сыростью, въ тѣсной комнатѣ пахло пивомъ и табакомъ, лица у всѣхъ были малокровныя, истощенныя долгимъ и нездоровымъ трудомъ,—а пѣсня говорила о какой-то свѣтлой, ясной жизни и о свѣтлой любви среди природы.

Пѣлъ соловей свои пѣсни могучія,
Станъ твой сжималъ я рукой...

Вдругъ всѣ взгляды обратились въ уголъ за комодомъ. Пѣніе смолкло. Ляховъ, подперевъ голову руками и впившись пальцами въ волосы, рыдалъ, низко наклонясь надъ столомъ. Онъ рыдалъ все сильнѣе, мускулистыя плечи судорожно дрожали отъ рыданій.

— Василій Васильевичъ, что̀ это съ вами? Успокойтесь!—сказала испуганная Александра Михайловна.—Выпейте воды холодной!

Она побѣжала въ кухню и принесла изъ-подъ крана воды.

Ляховъ вышелъ на середину комнаты, — блѣдный, всклоченный, съ распухшими глазами.

— Скажи, Андрей, зачѣмъ ты меня сюда допустилъ? Развѣ мнѣ тутъ мѣсто?.. У васъ тутъ хорошо и благородно, совѣсть у всѣхъ спокойна, вы можете пѣсни пѣть, смѣяться... А я—я вижу, какой я... подлецъ... и грязный негодяй...

Рыданія не дали ему говорить. Ляховъ схватился за лобъ и оперся о комодъ. Онъ рвалъ на себѣ галстукъ и манишку, чтобъ дать волю дыханію.

Андрей Ивановичъ положилъ ему руку на плечо и страдающимъ голосомъ сказалъ:

— Ну, Вася, полно, что̀ ты? Успокойся!

— Женщины, женщины! — рыдая, проговорилъ Ляховъ. — Теперь только я вижу, какъ много онѣ даютъ намъ хорошаго, и какъ жестоко мы ихъ оскорбляемъ...

Онъ вдругъ бухнулся въ ноги Катеринѣ Андреевнѣ.

— Ай!!!—Она истерически вскрикнула и отшатнулась.

— Катя! Прости меня! Я поступалъ подло и скверно... Но я не могу жить безъ тебя... Если ты меня не простишь, я повѣшусь, либо брошусь въ Неву... Катечка!

Съ торчащими вихрами волосъ, съ разорваннымъ воротомъ, онъ, рыдая, ползалъ по полу и цѣловалъ подолъ юбки Катерины Андреевны. Взволнованная Катерина Андреевна отодвигалась отъ него и робко оправляла юбку.

— Я для тебя, Катя, хуже разбойника, хуже гадины... Скажи,—что̀ мнѣ дѣлать, чтобъ ты простила? Все сдѣлаю, что̀ велишь. Топчи, плюй на меня... только прости, Катя!

Андрей Ивановичъ, блѣдный и нахмуренный, стоялъ, прислонясь спиною къ комоду. Александра Михайловна и младшая Вереева смигивали слезы. Вдругъ Катерина Андреевна, съ заблестѣвшими глазами, порывисто охватила шею Ляхова и горячо поцѣловала его.

Ляховъ вскочилъ на ноги, схватилъ ее въ объятья и осыпалъ поцѣлуями. Кругомъ зашевелились и заговорили.

— Ну, вотъ и слава Богу!—съ облегченною улыбкою сказала Александра Михайловна, украдкою отирая слезы. — Давно бы такъ!

Андрей Ивановичъ провозгласилъ:

— Чортъ возьми, нужно выпить для примиренія! Тутъ уже всѣмъ слѣдуетъ коньячку, иначе нельзя!.. Катерина Андреевна, позвольте вашу рюмку!

Катерина Андреевна, съ счастливымъ, раскраснѣвшимся лицомъ, протянула рюмку.

Всѣ стали чокаться съ Катериной Андреевной и Ляховымъ. Они стали на время главными лицами вечера, словно новобрачные на свадьбѣ.

Стали опять танцовать. Опять Катерина Андреевна была царицею бала. Всѣ приглашали ее наперерывъ, и больше всѣхъ Ляховъ. И всегда хорошенькая, она теперь, упоенная счастьемъ, была прекрасна. Послѣ вальса Ляховъ проплясалъ трепака. Потомъ всѣ перешли въ комнату и попробовали пѣть хоромъ; но вышло очень нестройно и безобразно. Упросили снова пѣть сестеръ Вереевыхъ.

Ляховъ продолжалъ пить стаканъ за стаканомъ, рюмку за рюмкой; онъ вообще пилъ всегда очень быстрымъ темпомъ. Лицо его становилось блѣднѣе, глаза блестѣли. Нѣсколько разъ онъ ужъ оглядѣлъ Катерину Андреевну загадочнымъ взглядомъ. Сестры кончили пѣть: «Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ». Ляховъ вдругъ поднялъ голову и громко сказалъ:

— Катька! Ты у меня кольцо въ два съ полтиной украла... Отдай назадъ!

Александра Михайловна разсмѣялась и бросилась къ нему.

— Василій Васильевичъ, что̀ это?! Вотъ-те разъ! Вы позабыли: вѣдь вы *помирились, помирились*,—вспомните-ка!

— Ты мое кольцо стащила, когда отъ меня ушла! Давай назадъ!!—грубо крикнулъ Ляховъ.

Катерина Андреевна вспыхнула.

— Господи, да что̀ же это такое!

— Стыдно вамъ такъ говорить, Василій Васильевичъ!— сказала Александра Михайловна.

— Нѣтъ, не стыдно! Вы не знаете, какая она. Она беременная была, когда я ее взялъ.

— Слушай, Васька, намъ это вовсе не интересно знать!— крикнулъ Андрей Ивановичъ.

— Она должна мнѣ быть до гробовой доски благодарна, что я ее взялъ: я ея грѣхъ покрылъ.

— Какъ же это вы покрыли? Женились, что ли?—спросила Александра Михайловна.

— Я сказалъ, что ребенокъ мой.

— Эка,—«покрыли»! Все равно въ Воспитательный его отдали!

Ляховъ съ презрѣніемъ и ненавистью оглядывалъ Катерину Андреевну.

— У нея такихъ, какъ я, столько было, сколько у меня пальцевъ на рукахъ. Вѣдь она все равно, что̀ первая съ улицы: любой помани, — она сейчасъ пойдетъ къ нему ночевать. Вонъ на Святкахъ, когда мы на Звѣринской жили...

И онъ безстыдно началъ вывертывать всю подноготную ихъ совмѣстной жизни. Катерина Андреевна, онѣмѣвъ отъ неожиданности и негодованія, сидѣла и кутала лицо въ платокъ.

Елизавета Алексѣевна вскочила съ мѣста.

— Александра Михайловна, да какъ вы ему позволяете?!

— Если вы, Василій Васильевичъ, не перестанете, то ступайте отсюдова! — сказала Александра Михайловна, поблѣднѣвъ.

— Фью-фью-фью-фью! — Ляховъ засвисталъ и насмѣшливо оглядѣлъ обѣихъ.—Слышишь, Андрей, какъ твоя жена выгоняетъ твоего друга?

— Я съ нею вполнѣ согласенъ! Это безобразіе, конфузъ! Сейчасъ же извиняйся въ своемъ поступкѣ, если хочешь тутъ оставаться!

— Такъ ты за жену противъ друга?.. Ты долженъ ей въ зубы дать за то, что она смѣетъ гнать твоего гостя вонъ.

Андрей Ивановичъ гаркнулъ:

— Ступай вонъ!

— Не пойду!—спокойно отвѣтилъ Ляховъ, плотнѣе усѣлся на стулѣ и усмѣхнулся.

— И вамъ не стыдно, Ляховъ?! —воскликнула Александра Михайловна.

— Не стыдно!—хвастливо отвѣтилъ Ляховъ.

— Kurat (чортъ)! Ты пойдесъ вонъ!—въ бѣшенствѣ крикнулъ Лестманъ, поднялся во весь ростъ и стиснулъ кулаки. Тяжелый, свирѣпый и сосредоточенный хмель чухонца охватилъ его. Остальные мужчины тоже поднялись.

Ляховъ оглядѣлъ всѣхъ, засмѣялся и всталъ со стула.

— Чорта ли мнѣ тутъ съ вами оставаться! Набрали шлюхъ къ себѣ, смотрю,—что̀ это? Ни одной нѣтъ честной женщины!.. Сволочь уличная, барабанныя шкуры! Наплевать мнѣ на васъ на всѣхъ!..

И онъ, шатаясь, вышелъ.

IX.

На слѣдующій день Андрей Ивановичъ пришелъ въ мастерскую угрюмый и злой: хоть онъ и опохмелился, но въ головѣ было тяжело, его тошнило, и одышка стала сильнѣе. Онъ досталъ изъ своей шалфатки неоконченную работу и вяло принялся за нее.

Переплетная мастерская Семидалова, гдѣ работалъ Андрей Ивановичъ, была большимъ заведеніемъ съ прочной репутаціей и широкими оборотами; однихъ подмастерьевъ въ ней было шестнадцать человѣкъ. Семидаловъ велъ дѣла умѣло, зналъ ходы и всегда былъ заваленъ крупными заказами. Съ подмастерьями обращался дружески, очень интересовался ихъ личными дѣлами и вообще старался быть съ ними въ близкихъ отношеніяхъ; но это почему-то никакъ не удавалось ему, и подмастерья его недолюбливали.

Андрей Ивановичъ лѣниво скоблилъ скребкомъ передокъ зажатой въ прессъ псалтири in-quarto. Изъ-подъ скребка поднималось облако мелкой бумажной пыли, пыль щекотала носъ и горло. Андрей Ивановичъ старался сдерживаться, но наконецъ прорывался тяжелымъ кашлемъ; онъ кашлялъ долго, съ

натугою, харкая и отплевываясь, и, откашлявшись, снова принимался скрести. Рядомъ съ нимъ приземистый Картавцовъ, наклонившись, околачивалъ молоточкомъ фальцы на корешкѣ толстой «Божественной Комедіи». Въ длинной, низкой мастерской было душно и шумно. Въ углу мѣрно стучалъ газомоторъ, подъ потолкомъ вертѣлись колеса, передаточные ремни слабо и жалобно пѣли; за спиною Андрея Ивановича обрѣзная машина съ шипящимъ шумомъ рѣзала толстыя пачки книгъ; дальше, у позолотныхъ прессовъ съ мерцавшими синими огоньками, мальчики со стукомъ двигали рычагами. Полъ былъ усѣянъ обрѣзками бумаги, пахло клейстеромъ и газомъ.

Генрихсенъ, съ пачкою книгъ подъ-мышкой, медленно прошелъ къ своему мѣсту, положилъ книги на верстакъ и сѣлъ, бережно подперевъ голову рукою. Его полное, бритое лицо съ короткими усами было блѣдно и измято, волосы торчали въ стороны. Онъ не шевелился, застывъ въ деревянной задумчивости. Андрей Ивановичъ кивнулъ ему головою и вопросительно щелкнулъ себя по шеѣ. Генрихсенъ нахмурился и сердито развелъ руками: онъ не опохмелялся, и опохмелиться было не на что. Увы, у самого Андрея Ивановича не было въ карманѣ ни гроша... Генрихсенъ положилъ голову на другую руку и снова одеревянѣлъ.

Налѣво отъ Андрея Ивановича, за широкимъ столомъ, два подмастерья, Ермолаевъ и Новиковъ, подклеивали штрейфенами большія, въ девять кусковъ, карты Россіи. Они разсматривали готовую карту. Новиковъ, молодой парень, поджавъ подбородокъ и подмигивая, говорилъ что-то, а Ермолаевъ заливался густымъ, басистымъ хохотомъ.

Андрей Ивановичъ положилъ скребокъ, потянулся и, засунувъ руки въ карманы, подошелъ къ столу.

— Чего это вы?—сумрачно спросилъ онъ.

Новиковъ почтительно посторонился.

— Да вотъ, Андрей Ивановичъ, все о путешественникахъ тужимъ!—Онъ юмористически-огорченно указалъ на карту.— Порастерялись у насъ тутъ кой-какіе городки, вотъ мы и огорчаемся: купитъ путешественникъ карту, а города-то и нѣтъ, куда ѣхать. Какъ быть?

— Листы-то въ литографіи какіе вдоль печатаны, какіе поперекъ,—объяснилъ Ермолаевъ.—Тамъ этого не разбираютъ, сырыми-то они разными и оказываются... Городъ Луга? Къ чорту, срѣзать! Кому нужно, тотъ и безъ карты найдетъ!.. Казань? Дѣвалась неизвѣстно куда!.. Вотъ такъ карта, ха-ха-ха!..

Андрей Ивановичъ молча осмотрѣлъ работу и сквозь зубы спросилъ:

— По чемъ положилъ хозяинъ?

— Тринадцать копеекъ. Самъ, говоритъ, взялъ по двадцать.

— По двадцать? Вретъ! — увѣренно сказалъ Андрей Ивановичъ.

Ермолаевъ пересталъ смѣяться и добродушно возразилъ:

— Ну, вретъ! Съ чего ему врать? На копейку клею пойдетъ, на три коленкору, три копейки барыша; тридцать рублей на заказъ. Чего жъ ему? Довольно!

— Гмъ! Чертодалову-то нашему довольно?.. Ужъ не знаю!— усмѣхнулся Новиковъ и взглядомъ обратился къ Андрею Ивановичу за одобреніемъ.

Подошелъ Генрихсенъ, постоялъ, тупо и сонно глядя на нихъ, и подвинулся къ усердно работавшему Картавцову.

— Послушьте! Что у васъ двадцать копеекъ нѣту до субботы?

Картавцовъ растерянно положилъ молотокъ и сталъ поспѣшно шарить по карманамъ.

— Нѣту, Генрихъ Ѳедоровичъ!

Андрей Ивановичъ мрачно слѣдилъ за Картавцовымъ.

— Почему же у тебя нѣтъ? — рѣзко спросилъ онъ. — Или ужъ всѣ деньги въ сберегательную снесъ?

Широкое лицо Картавцова стало еще болѣе растеряннымъ и жалкимъ. Андрей Ивановичъ не выносилъ его скопидомства и систематически преслѣдовалъ за него Картавцова, то добродушно, то злобно, смотря по настроенію.

— Онъ прослышалъ, что вы вчера именинникъ были, — вмѣшался Новиковъ.—Нѣтъ, говоритъ, поостерегусь, ни гроша не возьму съ собою: вдругъ кто на похмелье двугривенный попроситъ! Дашь, а онъ до субботы помретъ... Всего капиталу рѣшишься, придется по міру итти!

— У тебя, Генрихсенъ, залогу нѣтъ ли? Подъ залогъ онъ дастъ!—захохоталъ Ермолаевъ.

Всѣ, вслѣдъ за Андреемъ Ивановичемъ, стали по привычкѣ травить Картавцова. Многіе сами имѣли при себѣ деньги, но объ этомъ они не помнили.

Картавцовъ густо краснѣлъ и хмурился.

— Да нѣту же у меня, Господи! Ну, ей-Богу, нѣтъ, вотъ!

— Почему же у тебя нѣту? — продолжалъ допрашивать Андрей Ивановичъ. — Ты денегъ не пропиваешь, значитъ, должны быть у тебя; а у кого есть деньги, тотъ съ пустымъ карманомъ не уйдетъ изъ дому, потому что это неловко.

Картавцовъ, страдальчески нахмурившись, молчалъ и съ преувеличеннымъ стараніемъ околачивалъ на книгѣ фальцы.

— Това-а-рищъ...—съ презрѣніемъ протянулъ Андрей Ивановичъ. — Хоть поиздохни всѣ кругомъ, ему только одна забота,—побольше домой къ себѣ натаскать. Настоящій муравей! Зато, дай, десять лѣтъ пройдетъ, самъ хозяиномъ станетъ, мастерскую откроетъ... «Григорій Антонычъ, будьте милостивы, нельзя ли работки раздобыться у васъ?..»

Вошелъ мастеръ, Александръ Дмитріевичъ Волковъ, мужчина съ выхоленными свѣтло-русыми усами и остриженный подъ гребенку. Всѣ взялись за работу. Онъ спросилъ:

— Ляхова опять нѣтъ? Чортъ знаетъ, что̀ такое. Вотъ субъектъ! Лобшицу въ понедѣльникъ заказъ сдавать, а онъ тянетъ. Возьмите, Колосовъ, вы его работу, псалтыри потомъ кончите.

Въ это время вошелъ Ляховъ, съ опухшимъ лицомъ, пьяный.

— Ну, слава Богу, явился наконецъ! — сердито сказалъ мастеръ.—Вы что̀ же, Ляховъ, въ мастерскую только для прогулки приходите, для моціону? Когда у васъ заказъ Лобшица будетъ готовъ?

— Когда срокъ придетъ, тогда и будетъ готовъ! — грубо отвѣтилъ Ляховъ, вытаскивая изъ шалфатки пачку книгъ.

— Да вы опять пьяны!—воскликнулъ мастеръ.

— Не на ваши ли деньги пилъ?

Мастеръ покраснѣлъ отъ гнѣва и закусилъ усы.

— Ну-ну, посмотримъ! Вамъ, видно, штрафоваться еще не надоѣло!.. Прекрасно!

И онъ быстро вышелъ въ контору.

Андрей Ивановичъ чистилъ щеточкою выскобленный обрѣзъ. Ляховъ бросилъ на верстакъ книги и большими шагами подошелъ къ нему.

— Ты у меня сейчасъ будешь лежать подъ верстакомъ! — объявилъ онъ.

— Что̀ такъ? Почему?—спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Ты чего не въ свое дѣло суешься? Зачѣмъ ты меня вчера съ Катькой поссорилъ?

Ляховъ грозно и выжидающе въ упоръ глядѣлъ на Андрея Ивановича.

— Я тебя поссорилъ?—удивился Андрей Ивановичъ.

Вдругъ Ляховъ со всего размаху ударилъ Андрея Ивановича кулакомъ въ лицо.

Ударъ пришелся прямо въ носъ. Въ головѣ у Андрея Ивановича зазвенѣло, изъ глазъ брызнули слезы; онъ отшатнулся и стиснулъ ладонями лицо. Сильныя руки схватили его за борты пиджака и швырнули на полъ. Ляховъ бросился на упавшаго Андрея Ивановича и сталъ бить его по щекамъ.

Ошеломленный неожиданностью и болью, не въ силахъ подняться, Андрей Ивановичъ безпомощно протягивалъ руки и пытался защититься. Въ глазахъ у него замутилось. Какъ въ туманѣ, мелькнуло передъ нимъ широкое лицо Картавцова, отъ его удара голова Ляхова качнулась въ сторону. Андрей Ивановичъ видѣлъ еще, какъ Ляховъ бѣшено ринулся на Картавцова и сцѣпился съ нимъ, какъ со всѣхъ сторонъ товарищи-подмастерья бросились на Ляхова...

Когда Андрей Ивановичъ пришелъ въ себя, Ляхова въ мастерской ужъ не было; Генрихсенъ и мастеръ брызгали ему въ лицо холодною водою, хозяинъ взволнованно расхаживалъ по узкому проходу между верстаками и прессами.

Андрей Ивановичъ сидѣлъ на табуреткѣ, прижавшись головою къ рукаву поддерживавшаго его Ермолаева, и рыдалъ, какъ женщина.

— Хамъ этакій, негодяй! — повторялъ Ермолаевъ, задыхаясь отъ негодованія.

Картавцовъ, съ блестящими глазами, съ широкою ссадиною на лѣвой скулѣ, стоялъ, тяжело переводя дыханіе.

— Сейчасъ же на расчетъ его!—сказалъ хозяинъ.—И десять рублей штрафу за буйство!... Подавайте, Колосовъ, къ мировому, я самъ буду свидѣтелемъ... Этакій скотъ! Чортъ знаетъ, что̀ такое!.. За что это онъ васъ?

Андрей Ивановичъ, не отвѣчая, рыдалъ. Товарищи участливо окружили его и наперерывъ старались услужить. Мальчики и чернорабочіе съ любопытствомъ толпились вокругъ, въ дверь заглядывали сбѣжавшія сверху фальцовщицы.

Хозяинъ сказалъ:

— Вотъ что̀, Колосовъ, поѣзжайте лучше домой, успокойтесь. Стоитъ обижаться на этого пьянаго звѣря! Даю вамъ слово, завтра же его не будетъ у меня въ мастерской.

Ермолаевъ отвезъ Андрея Ивановича домой на извозчикѣ.

X.

Андрей Ивановичъ пролежалъ больной съ недѣлю. Ему заложило грудь, въ лѣвомъ боку появились боли; при кашлѣ стала выдѣляться кровь. День шелъ за днемъ, а Андрей Ивановичъ все не могъ освоиться съ тѣмъ, что̀ произошло: его, Андрея Ивановича, при всей мастерской отхлестали по щекамъ, какъ мальчишку,—и кто совершилъ это? Его давнишній другъ, товарищъ! И этотъ другъ зналъ, что онъ боленъ и не въ силахъ защититься!.. Андрей Ивановичъ былъ готовъ биться головою объ стѣну отъ ярости и негодованія на Ляхова.

Но рядомъ съ этимъ ему довелось пережить теперь немало и очень сладкихъ минутъ. Случай съ Андреемъ Ивановичемъ вызвалъ въ мастерской всеобщее горячее участіе къ нему. Хозяинъ прислалъ ему на лѣченіе изъ больничной кассы двадцать пять рублей, товарищи всѣ поголовно перебывали у Андрея Ивановича, приносили ему коньяку, апельсиновъ, ругали Ляхова и желали Андрею Ивановичу поскорѣй поправиться. Андрея Ивановича, — отзывчиваго, дѣйствительно готоваго для товарищей на все, — невыразимо трогало малѣйшее проявленіе товарищескаго чувства къ нему самому; въ простомъ словѣ участія къ его горю онъ былъ готовъ видѣть торжество какого-то великаго, широкаго братства. По уходѣ гостя онъ долго лежалъ задумавшись, съ застывшею на лицѣ свѣтлою улыбкою, счастливый и гордый. О Картавцовѣ Андрей Ивановичъ вспоминалъ не иначе, какъ съ умиленіемъ: этого Картавцова онъ всегда такъ безпощадно и жестоко преслѣдовалъ,— а тотъ, забывъ всѣ обиды, первый бросился ему на выручку...

Черезъ недѣлю Андрей Ивановичъ вышелъ на работу.

Онъ вошелъ въ мастерскую, стараясь ни на кого не смотрѣть, стыдясь того оскорбленія, которое онъ получилъ. Начатыя имъ псалтыри,—заказъ не спѣшный,—лежали въ его верстакѣ нетронутыми. Андрей Ивановичъ началъ вставлять книги въ тиски.

— Здравствуй, Колосовъ!—раздался за его спиною голосъ.

Андрей Ивановичъ вздрогнулъ, какъ отъ удара кнутомъ, и быстро обернулся. Передъ нимъ стоялъ Ляховъ, заискивающе улыбался и протягивалъ руку. Ляховъ былъ въ своей рабочей блузѣ, въ лѣвой рукѣ держалъ скребокъ. Андрей Ивановичъ, блѣдный, неподвижно смотрѣлъ на Ляхова: онъ былъ здѣсь, онъ попрежнему работалъ въ мастерской!.. Андрей Ивановичъ повернулся къ нему спиной и медленно пошелъ въ контору.

Хозяинъ былъ въ конторѣ. Увидавъ Андрея Ивановича, онъ смутился.

— А-а, Колосовъ, здравствуйте!—ласково произнесъ онъ.— Ну, какъ вы себя чувствуете?

Андрей Ивановичъ, тяжело дыша, глядѣлъ на хозяина.

— Ляховъ остается у васъ?—съ трудомъ сказалъ онъ.

— Нѣтъ!—рѣшительно отвѣтилъ Семидаловъ.— Я ему сказалъ, что оставлю его лишь въ томъ случаѣ, если вы его простите. Откровенно говоря, лишиться мнѣ его теперь очень невыгодно: вы знаете, какой онъ хорошій золотообрѣзчикъ, а Пасха на носу, заказовъ много... Но, во всякомъ случаѣ, все дѣло совершенно зависитъ отъ васъ.

— *Я его не прощаю!* — раздѣльно произнесъ Андрей Ивановичъ.

Семидаловъ недовольно пожалъ плечами.

— Ваше дѣло!.. Правду говоря, мнѣ немного странно, что вы относитесь такъ къ вашему старинному товарищу; вы должны бы знать, что у него, дѣйствительно, были большія непріятности; невѣста его бросила, онъ все время пьяный валяется по угламъ,—со стороны смотрѣть жалко; притомъ онъ самъ себѣ теперь не можетъ простить, что такъ оскорбилъ васъ. Все это не мѣшало бы принять въ расчетъ.

— Вамъ тоже не мѣшало бы принять въ расчетъ, что онъ завтра же можетъ опять избить меня въ вашей мастерской. А я, Викторъ Николаевичъ, человѣкъ больной.

— Ну, знаете, если объ этомъ говорить, то вѣдь, въ концѣ концовъ, онъ можетъ васъ избить и на улицѣ и у васъ на квартирѣ.—Семидаловъ старался не встрѣтиться съ упорнымъ, пристальнымъ взглядомъ Андрея Ивановича.

— На улицѣ противъ этого есть полиція, въ квартирѣ это будетъ мое дѣло... Ну, да все равно! Позвольте мнѣ на расчетъ!—сорвавшимся голосомъ произнесъ Андрей Ивановичъ.

Семидаловъ всполошился.

— Что̀ вы, что̀ вы, Колосовъ? Полноте! Я отъ своего слова никогда не отказываюсь. Я вамъ далъ его, и сдержу. Если вы мнѣ заявите, что не хотите работать съ Ляховымъ... А-а, Вильгельмъ Адольфовичъ! — прервалъ онъ себя и всталъ, любезно улыбаясь.

Въ контору вошелъ издатель дѣтскихъ книгъ, Лобшицъ, постоянный заказчикъ заведенія.

— Вы, Колосовъ, зайдите ко мнѣ въ контору послѣ обѣда,— скороговоркой сказалъ Семидаловъ.—Мы съ вами еще потолкуемъ, какъ слѣдуетъ.

Подмастерья и фальцовщицы расходились обѣдать. Андрей Ивановичъ спустился на улицу. Прошелъ Гребецкую, повернулъ налѣво и вышелъ къ Ждановкѣ. Былъ яркій солнечный день, въ воздухѣ чуялась весна; за рѣчкой, въ деревьяхъ Петровскаго парка, кричали галки, рыхлый снѣгъ былъ усыпанъ сучками; съ крышъ капало.

Андрей Ивановичъ, присѣвъ на низкія деревянныя перила набережной, неподвижно смотрѣлъ вдаль... Ляхова хозяинъ не прогонитъ,—это Андрей Ивановичъ понялъ сразу; и его первымъ рѣшеніемъ было—сейчасъ же уйти самому; теперь новая, мучительная мысль пришла ему въ голову: *да вѣдь его уходъ для хозяина вовсе не страшенъ*, напротивъ, хозяинъ будетъ очень радъ избавиться отъ него!.. Андрей Ивановичъ

вспомнилъ, какъ недовольно морщился Семидаловъ, когда онъ просилъ у него впередъ денегъ или пропускалъ по болѣзни нѣсколько дней; еще двѣ недѣли назадъ, когда Андрей Ивановичъ попросился уволиться на полдня, чтобъ сходить къ доктору, хозяинъ съ пренебрежительной усмѣшкой отвѣтилъ: «можете хоть совсѣмъ уволиться!..» Очень онъ накажетъ Семидалова своимъ уходомъ! Его и такъ держатъ изъ милости... Гдѣ жъ ему тягаться съ Ляховымъ, у котораго дѣло такъ и кипитъ въ рукахъ?

И главное, — Андрей Ивановичъ видѣлъ, что ему некуда уйти отъ Семидалова. Кто возьметъ его такого, — больного и слабаго? Придется умереть съ голоду. Само по себѣ это бы еще не испугало Андрея Ивановича. Но какъ только онъ представилъ себѣ, въ какомъ онъ тогда положеніи окажется дома, Андрей Ивановичъ почувствовалъ, что уйти ему отъ Семидалова невозможно; безъ работы, даже безъ надежды получить ее, какъ сможетъ онъ укрощать Александру Михайловну? Тогда придется работать *ей*, а онъ... онъ будетъ жить на ея содержаніи? Нѣтъ, лучше что̀ угодно, только не это!

Къ тремъ часамъ Андрей Ивановичъ воротился въ мастерскую. Хозяинъ, видимо, поджидалъ его и сейчасъ же велѣлъ позвать къ себѣ. Андрей Ивановичъ, съ накипавшими рыданіями обиды и злобы, вошелъ въ контору.

Семидаловъ торжественно произнесъ:

— Ну, Колосовъ, рѣшайте, оставаться у меня Ляхову или нѣтъ! Я сейчасъ узналъ отъ него, что онъ помирился съ своею невѣстою и послѣ Пасхи женится. Неужели даже ради этой радости вы не согласитесь его простить?

Дверь открылась, и вошелъ Ляховъ. Опустивъ глаза, онъ медленно сдѣлалъ два шага къ Андрею Ивановичу и тихо сказалъ:

— Можете ли вы меня, Колосовъ, простить?

Андрей Ивановичъ, тяжело дыша, растерянно оглядывалъ Ляхова.

— Могу ли я... простить?

Ляховъ стоялъ, смиренно опустивъ голову. Но Андрей Ивановичъ видѣлъ, какъ насмѣшливо дрогнули его брови, — видѣлъ, что Ляховъ въ душѣ хохочетъ надъ нимъ и прекрасно сознаётъ свою полнѣйшую безопасность. Судорога сдавила Андрею Ивановичу горло. Онъ нѣсколько разъ пытался заговорить, но не могъ.

— Помнишь, Вася,—наконецъ сказалъ онъ:—помнишь, восемь лѣтъ назадъ мы съ тобою однажды поссорились? Послѣ этого мы обѣщались, что всегда будемъ уступать тому, кто изъ

насъ пьянѣе... и никогда не тронемъ другъ друга пальцемъ. Я это обѣщаніе... сдержалъ...

Андрей Ивановичъ замолчалъ и отвернулся, судорожно всхлипывая.

— Какое звѣрство! — продолжалъ онъ, весь дрожа отъ рыданій.—Ты, сильный, крѣпкій,—ты рѣшился бить своего больного товарища... За что?..

Ляховъ быстро заморгалъ глазами и потянулъ въ себя носомъ.

— Ну, Андрей... прости! — Его голосъ дрогнулъ, и губы жалко запрыгали.

Андрей Ивановичъ услышалъ, какъ дрогнулъ голосъ Ляхова. Счастливый жаръ обдалъ сердце. Но вдругъ онъ вспомнилъ, что вѣдь онъ *долженъ* простить Ляхова, что ему другого выбора нѣтъ... Андрей Ивановичъ стиснулъ зубы.

— Ну что̀ же, Колосовъ, прощаете вы своего товарища?— спросилъ Семидаловъ.—Онъ васъ жестоко обидѣлъ, но вы видите, какъ онъ раскаивается... Миритесь, миритесь, господа! — съ улыбкою сказалъ онъ и подошелъ къ нимъ.—Ну, пожмите другъ другу руки въ знакъ примиренія!

Онъ соединилъ руки Андрея Ивановича и Ляхова. Они обмѣнялись рукопожатіями. Хозяинъ весело воскликнулъ:

— Вотъ и прекрасно! За тѣ дни, которые вы пролежали по винѣ Ляхова, вы получите плату изъ его заработка... Желаю вамъ всегда жить въ дружбѣ. Вотъ Ляховъ скоро женится на своей Катѣ, — вы у него будете на свадьбѣ шаферомъ.

— Женатые шаферами не бываютъ!—отвѣтилъ Андрей Ивановичъ, съ ненавистью оглядѣлъ Семидалова и вышелъ изъ конторы.

XI.

Для Андрея Иванóвича начались ужасные дни. «Ты—нищій, тебя держатъ изъ милости, и ты долженъ все терпѣть», — эта мысль грызла его днемъ и ночью. Его могутъ бить, могутъ обижать,—Семидаловъ за него не заступится; спасибо ужъ и на томъ, что позволяютъ оставаться въ мастерской; Семидаловъ понимаетъ такъ же хорошо, какъ и онъ самъ, что уйти ему некуда.

И Андрей Ивановичъ продолжалъ ходить въ мастерскую, гдѣ бокъ-о-бокъ съ нимъ работалъ его ненаказанный обидчикъ. Все шло совсѣмъ по-обычному. Товарищи попрежнему здоровались, разговаривали и пили съ Ляховымъ, и никто даже

не вспоминалъ о той страшной обидѣ, которую ни за что ни про что нанесъ Ляховъ ихъ больному товарищу. Андрей Ивановичъ сталъ молчаливъ и сосредоточенъ; за весь день работы онъ никогда не перекидывался ни съ кѣмъ ни словомъ. Ляховъ пытался съ нимъ заговаривать, всячески ухаживалъ за нимъ, но Андрей Ивановичъ не удостоивалъ его даже взгляда.

Онъ могъ бы простить Ляхова, — о, онъ простилъ бы его съ радостью, горячо и искренно, — но только, если бы это было результатомъ его свободнаго выбора. Теперь же самое желаніе Ляхова получить прощеніе смахивало на милостыню, которую онъ по доброй волѣ давалъ обиженному Андрею Ивановичу. А для Андрея Ивановича ничего не могло быть ужаснѣе милостыни.

Здоровье его послѣ побоевъ Ляхова не поправлялось. Съ каждымъ днемъ ему становилось хуже; по ночамъ Андрей Ивановичъ лихорадилъ и потѣлъ холоднымъ, липкимъ потомъ; онъ съ тоскою ложился спать, потому что въ постели онъ кашлялъ, не переставая, всю ночь,—до рвоты, до крови; сна совсѣмъ не было. Во время работы стали появляться мучительныя боли въ груди и лѣвомъ боку; проработавъ съ часъ, Андрей Ивановичъ выходилъ въ коридоръ, ложился на полъ, подложивъ подъ себя папку, и лежалъ десять-пятнадцать минутъ; отдышавшись, снова шелъ къ верстаку. И часто онъ съ отчаяніемъ думалъ о томъ, что его «хроническое воспаленіе легкихъ», повидимому, переходитъ въ чахотку.

Вырабатывалъ теперь Андрей Ивановичъ страшно мало. Даже не пропустивъ за недѣлю ни одного дня,—а это бывало рѣдко,—онъ приносилъ въ субботу домой не болѣе четырехъ-пяти рублей. Настоящая нужда была теперь дома, и Александрѣ Михайловнѣ не нужно было притворяться, что нельзя достать въ долгъ,—въ долгъ имъ, дѣйствительно, перестали вѣрить. Платить за комнату десять рублей было теперь не по средствамъ; они наняли за пять рублей на концѣ Малой Разночинной крошечную комнату въ подвальномъ этажѣ; въ двухъ большихъ комнатахъ подвала жило пятнадцать ломовыхъ извозчиковъ. Воздухъ былъ промозглый, сырой, въ углахъ стояла плѣсень, капитальная стѣна была склизка и холодна на ощупь. Зина худѣла и жаловалась на ломоту въ ногахъ, Андрей Ивановичъ сталъ кашлять еще больше. И все-таки онъ не позволялъ Александрѣ Михайловнѣ искать работы.

Жизнь Александры Михайловны и Зины обратилась въ безпросвѣтный адъ. Онѣ не знали, какъ стать, какъ сѣсть, чтобъ не разсердить Андрея Ивановича. Александра Михайловна постоянно была въ синякахъ, Андрей Ивановичъ билъ ее

всѣмъ, что̀ попадалось подъ руку; въ самомъ ея невинномъ замѣчаніи онъ видѣлъ замаскированный упрекъ себѣ, что онъ не можетъ ихъ содержать. Мысль объ этомъ заставляла Андрея Ивановича страдать безмѣрно. Но у него еще была одна надежда, и онъ держался за нее, какъ утопающій за обломокъ доски.

У Александры Михайловны былъ троюродный братъ по матери, очень богатый водочный заводчикъ Тагеръ; онъ зналъ ее ребенкомъ. Года три назадъ Александра Михайловна рѣшилась сдѣлать ему родственный визитъ и напомнить о себѣ. Тагеръ призналъ ее и принялъ очень ласково, разспрашивалъ о мужѣ, о семьѣ, и на прощаніе просилъ ее въ случаѣ нужды обращаться къ нему. Годъ назадъ Андрей Ивановичъ началъ кашлять, докторъ совѣтовалъ ему перемѣнить занятіе. Андрей Ивановичъ вспомнилъ о Тагерѣ и черезъ Александру Михайловну попросилъ у него мѣста. Тагеръ далъ Александрѣ Михайловнѣ карточку къ своему пріятелю, владѣльцу многочисленныхъ винныхъ складовъ въ Петербургѣ. Тотъ предложилъ Андрею Ивановичу мѣсто въ пятьдесятъ рублей, но въ разговорѣ назвалъ его «ты». Андрей Ивановичъ вспыхнулъ.

— Вы, кажется, на видъ какъ будто благородный человѣкъ, черный сюртукъ носите,—сказалъ онъ.—Къ чему же эта сѣрая мужицкая повадка — «ты» людямъ говорить? Вы не въ деревнѣ, а въ Петербургѣ.

Разумѣется, дѣло разстроилось. Теперь Андрей Ивановичъ снова послалъ Александру Михайловну къ Тагеру. На этотъ разъ Тагеръ встрѣтилъ ее очень холодно и объявилъ, что, къ сожалѣнію, *«соотвѣтственнаго»* мѣста не имѣетъ для ея мужа. Черезъ недѣлю Андрей Ивановичъ послалъ Александру Михайловну снова. Тагеръ принялъ ее въ передней, не протягивая руки, и сказалъ, что будетъ имѣть ея мужа въ виду и, если что̀ навернется подходящее, извѣститъ ее. Александра Михайловна разсказала Андрею Ивановичу, какъ ее принялъ Тагеръ. Андрей Ивановичъ выслушалъ, закусивъ губы отъ негодованія и ненависти... и черезъ три дня снова послалъ ее къ Тагеру.

— Андрюша, да пойми же, ну какъ же я пойду?—со слезами стала возражать Александра Михайловна. — Онъ даже разговаривать со мною не хочетъ!

— Должна же ты для мужа хоть немножко постараться, — сердито сказалъ Андрей Ивановичъ.—Попроси его хорошенько.

— Такъ ты бы самъ лучше пошелъ.

— Чего я самъ пойду? Это твое дѣло. Онъ родственникъ тебѣ, а не мнѣ.

Онъ таки-заставилъ ее пойти. У Тагера горничная впустила Александру Михайловну въ переднюю, пошла съ докладомъ и, воротившись, объявила, что барина нѣтъ дома.

Андрей Ивановичъ, въ ожиданіи Александры Михайловны, угрюмо лежалъ на кровати. Онъ ужъ и самъ теперь не надѣялся на успѣхъ. Былъ хмурый мартовскій день, въ комнатѣ стоялъ полумракъ; по низкому небу непрерывно двигались мутныя тѣни, и трудно было опредѣлить, тучи ли это или дымъ. Сырой, тяжелый туманъ, казалось, ползъ въ комнату сквозь запертое наглухо окно, сквозь стѣны, отовсюду. Онъ давилъ грудь и мѣшалъ дышать. Было тоскливо.

Андрей Ивановичъ отвернулся къ стѣнѣ и попробовалъ заснуть. Но сонъ не приходилъ; и при закрытыхъ глазахъ сумракъ давилъ душу, наполнялъ ее тоской и раздраженіемъ. Андрей Ивановичъ лежалъ неподвижно пять минутъ, десять. Вдругъ гдѣ-то очень далеко раздался звонкій, смѣющійся голосъ Зины. Она весело кричала: «караулъ!»...

Гдѣ она кричитъ?.. Андрей Ивановичъ продолжалъ неподвижно лежать и старался заснуть. Но этотъ голосъ, такъ неподходяще-весело звучавшій среди тоски и тьмы, раздражалъ Андрея Ивановича; ему казалось, онъ именно изъ-за него не можетъ заснуть.

— Караулъ! Караулъ!—задорно и весело неслись издалека крики, какъ будто отражаемые какими-то сводами.

Андрей Ивановичъ порывисто всталъ, сунулъ босыя ноги въ калоши, накинулъ пальто и пошелъ на голосъ. Зина и кухаркина дочь Полька сидѣли въ сѣняхъ, запрятавшись за старыя оконныя рамы, держали передъ ртами ладони и кричали: «караулъ!». Каменные своды подвала гулко отражали крики.

— Что это ты тутъ дѣлаешь? Вылѣзай-ка!—отрывисто сказалъ Андрей Ивановичъ.

Зина, испачканная пылью и паутиной, торопливо вылѣзла изъ-за рамъ.

— Почему ты кричала «караулъ»?

— Я нарочно!—отвѣтила Зина побѣлѣвшими губами.

Андрей Ивановичъ широко разкрылъ глаза.

— Какъ это такъ — нарочно? Ты не знаешь, когда люди кричатъ «караулъ»?

Онъ притащилъ Зину въ комнату и жестоко оттрепалъ.

— Сидѣть на стулѣ и молчать!—яростно крикнулъ онъ.— Чтобъ я твоего голоса больше не слышалъ!

Зина, сдерживая всхлипыванія, взобралась на стулъ и замерла. Гнѣвъ нѣсколько облегчилъ Андрея Ивановича. Онъ снова легъ на кровать, принялъ морфія и задремалъ.

Андрей Ивановичъ спалъ около часу. Проснувшись, онъ вдругъ почувствовалъ, что у него на душѣ стало хорошо и весело; и все кругомъ выглядѣло почему-то веселѣе и привлекательнѣе; Андрей Ивановичъ не сразу сообразилъ, отчего это.

Зина радостно кричала на кухнѣ:

— Солнышко! Солнышко!

За время сна Андрея Ивановича небо очистилось, и яркіе лучи лились въ окна. Канфорка самовара и мѣдная ручка печной дверцы играли жаромъ, кусокъ занавѣси у постели просвѣчивалъ своими алыми розами, въ столбѣ свѣта носились золотыя пылинки; чахлые листья герани на окнѣ налились ярко-зеленымъ свѣтомъ.

Зина, въ своихъ расползшихся башмачонкахъ, стояла въ кухнѣ передъ окномъ и заливалась смѣхомъ.

— Ахъ, какъ жить на свѣтѣ хорошо, когда солнышко свѣтитъ!—повторяла она, жмурилась и хлопала въ ладоши.

Андрей Ивановичъ смотрѣлъ на Зину черезъ открытую дверь; онъ смотрѣлъ на ея отрепанное платье и распадавшіеся башмаки, на блѣдное, прозрачно-восковое лицо; и думалъ о томъ, что у нея тоже есть своя маленькая самостоятельная жизнь, свои радости и горести, независимыя отъ его горя.

Александра Михайловна воротилась отъ Тагера.

— Ну что?—разсѣянно спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Не принялъ меня.

Андрей Ивановичъ помолчалъ.

— Чортъ съ нимъ! Отъѣлся, брюхо отпустилъ себѣ, гдѣ жъ тутъ еще о людяхъ думать!.. Знаешь Шурочка, — поколебавшись, прибавилъ онъ: — пока что... Мѣсто подходящее не сразу найдешь... Придется и тебѣ тоже работы какой поискать себѣ.

Александра Михайловна просіяла.

— Да какъ же иначе? Господи! О чемъ же я все время говорила тебѣ! Развѣ такъ можно жить? Все равно, что нищіе стали. Гдѣ жъ теперь тебѣ одному управиться!

— Ахъ, оставь, пожалуйста!—раздраженно отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Я превосходно могу управиться! Дай, подлѣчусь, либо подходящее мѣсто получу, тогда твоя помощь будетъ совершенно излишняя. А что, дѣйствительно, сейчасъ я мало зарабатываю... Вонъ у Зины башмаковъ нѣту, даже на дворъ выйти не можетъ,—ты бы вотъ на башмаки ей и заработала. Нужно и тебѣ немножко потрудиться, не все же на готовый счетъ жить.

Они долго обсуждали, чѣмъ заняться Александрѣ Михайловнѣ. Выборъ былъ не богатый, — Александра Михайловна

толкомъ ничего не умѣла дѣлать; на языкѣ ея нѣсколько разъ вертѣлся упрекъ, что вотъ теперь бы и пригодилось, если бы Андрей Ивановичъ во-время позволилъ ей учиться; но высказать упрекъ она не осмѣлилась. Рѣшили, что Александра Михайловна поступитъ пачечницей на ту же табачную фабрику, гдѣ работала Елизавета Алексѣевна.

XII.

Въ мастерской жизнь шла обычнымъ ходомъ. Ляховъ былъ по-всегдашнему неизмѣнно веселъ; и хозяинъ и товарищи относились къ нему хорошо; никто не поминалъ объ его безобразномъ поступкѣ съ Андреемъ Ивановичемъ, мало кто даже помнилъ объ этомъ. Но, чѣмъ больше забывали другіе, тѣмъ крѣпче помнилъ Андрей Ивановичъ.

Склонившись надъ верстакомъ, онъ угрюмо слушалъ болтовню и шутки товарищей съ Ляховымъ. Прошло всего три недѣли, какъ въ этой самой мастерской Ляховъ звѣрски избилъ его,—и они ужъ забыли, какъ сами возмущались этимъ, забыли все... Самихъ ихъ никто вѣдь не дастъ въ обиду,—они хорошіе работники; а требовать, чтобъ была обезпечена безопасность Андрея Ивановича,—съ какой стати? За это, пожалуй, можно еще поплатиться!

Теперь Андрей Ивановичъ съ презрѣніемъ и насмѣшкою вспоминалъ о томъ свѣтломъ чувствѣ, какое въ немъ раньше возбуждала мысль о товариществѣ. Онъ смотрѣлъ въ окно, какъ по туманному небу тянулся дымъ изъ фабричныхъ трубъ, и думалъ: вездѣ кругомъ — заводы, фабрики, мастерскія безъ числа, въ нихъ работаютъ десятки тысячъ людей; и всѣ эти люди живутъ лишь одною мыслью, одною цѣлью,—побольше заработать *себѣ*, и нѣтъ имъ заботы до всѣхъ, кто кругомъ; робкіе и алчные, неспособные ни на какое смѣлое дѣло, они вотъ такъ же, какъ сейчасъ вокругъ него, будутъ шутить и смѣяться, не желая замѣчать творящихся вокругъ обидъ и несправедливостей. И всегда такъ будетъ.

И ему вдругъ пришла въ голову мысль: онъ, Андрей Ивановичъ, болѣетъ, товарищи видятъ, какъ онъ мало зарабатываетъ, и однако ни разу не сдѣлали ему подписки. Эти жалкіе люди даже на такую мелочь неспособны по собственному побужденію. Андрей Ивановичъ хорошо зналъ, какъ обыкновенно производятся подобныя подписки: когда онъ, бывало, подходилъ съ подписнымъ листомъ, на которомъ самъ онъ первый вписывалъ рубль, то лишь двое-трое подписывались охотно, остальные же мялись и подписывались только

подъ вліяніемъ упрековъ и насмѣшекъ Андрея Ивановича. А теперь всѣ они очень рады, что некому ихъ заставить. Не пойдетъ же Андрей Ивановичъ съ подписнымъ листомъ для себя!.. И онъ съ ненавистью слушалъ басистый, глупый хохотъ Ермолаева на шутку Ляхова и вспоминалъ, что этому самому Ермолаеву, когда онъ въ прошломъ году лежалъ въ больницѣ съ воспаленіемъ легкихъ, онъ, Андрей Ивановичъ, собралъ по подпискѣ двѣнадцать рублей.

Это разочарованіе въ товарищахъ мучило Андрея Ивановича еще больше, чѣмъ безсильная ненависть къ Ляхову, счастливому, здоровому и сильному. Да и въ Ляховѣ онъ ненавидѣлъ теперь не его самого: въ немъ для Андрея Ивановича сосредоточилось все товарищество, въ которое Андрей Ивановичъ вѣрилъ, которому былъ готовъ служить и которое такъ жестоко обмануло его.

Ляховъ продолжалъ усиленно ухаживать за Андреемъ Ивановичемъ. Но Андрей Ивановичъ упорно и рѣзко отталкивалъ всѣ его подходы. Ляховъ попробовалъ дѣйствовать черезъ Катерину Андреевну. Она пришла въ воскресенье къ Колосовымъ, сіяющая, счастливая, и пригласила ихъ на свое обрученіе.

— Вы таки-выходите за Ляхова?—спросила Александра Михайловна.

— Да.

— А какъ же тотъ, черненькій?—вполголоса освѣдомилась Александра Михайловна.

Катерина Андреевна наморщилась и повела плечами.

— Ну его, — скучный онъ! Вася лучше... Такъ вы ужъ, Андрей Ивановичъ, не откажите намъ, приходите въ воскресенье. Вася васъ такъ проситъ!

Андрей Ивановичъ сумрачно усмѣхнулся.

— Пускай ждетъ! Только, право, не знаю, дождется ли!

Катерина Андреевна помолчала.

— Простили бы вы его, Андрей Ивановичъ! Ну что сердиться! Можно ли съ пьянаго человѣка взыскивать? Онъ такъ жалѣетъ, что оскорбилъ васъ! Все, говоритъ, готовъ сдѣлать, чтобъ опять получить дружбу Андрея Ивановича. Право, помирились бы!

— Я не женщина, Катерина Андреевна!—сурово отвѣтилъ Андрей Ивановичъ. — Васъ вотъ можно какъ угодно оскорбить, а потомъ приласкай васъ,—вы и забудете все. А я не могу простить, когда попираютъ мои права, потому что я не рабъ, не невольникъ! Онъ этого никогда не дождется, такъ и передайте ему, негодяю!

Въ слѣдующую субботу, послѣ получки, Андрей Ивановичъ зашелъ въ «Сербію» выпить рюмку коньяку. Въ отрепанномъ пальто, исхудалый, съ частымъ, хрипящимъ дыханіемъ, онъ медленно подошелъ къ буфету, не глядя по сторонамъ. Какъ разъ возлѣ буфета сидѣли за столикомъ Ляховъ, Ермолаевъ и еще трое подмастерьевъ.

— Андрей Ивановичъ, садись къ намъ,—сказалъ Генрихсенъ.—Что такъ одному-то пить.

Андрей Ивановичъ угрюмо буркнулъ:

— Мнѣ къ спѣху!

— Гордъ сталъ Колосовъ! — замѣтилъ Ермолаевъ. — Гнушается своими товарищами.

Андрей Ивановичъ оглядѣлъ его съ ногъ до головы.

— Гордъ? О, нѣтъ, ты ошибаешься, я вовсе не гордъ...

Ляховъ вдругъ быстро всталъ и подошелъ къ нему.

— Андрей! Ну, будетъ!.. Ради Бога!—умоляюще произнесъ онъ, протягивая объятья. — Ну, прости меня! Вотъ я передъ всѣми товарищами прошу тебя: прости!

— Тебѣ и безъ моего прощенія хорошо живется, — съ ненавистью отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.

— Ну, ради Бога! Андрюша!.. Тебѣ моя палка нравилась, позволь мнѣ ее подарить тебѣ въ знакъ примиренія! Изъ чернаго дерева палка, семь рублей заплачена... На! Прошу тебя, прими!

Андрей Ивановичъ хотѣлъ повернуться и уйти, но вдругъ остановился.

— Хорошо, я принимаю!—неожиданно сказалъ онъ и взялъ палку.—Но помни, Васька, — задыхаясь, онъ постучалъ концомъ палки по столу:—помни: когда я напьюсь такъ же, какъ ты въ тотъ день, *я всю эту палку обломаю о твою голову!*

Въ голосѣ и въ лицѣ Андрея Ивановича было что-то до того страшное, что Ляховъ поблѣднѣлъ; въ его выпуклыхъ глазахъ мелькнулъ испугъ. Андрей Ивановичъ, тяжело опираясь на палку, вышелъ изъ трактира.

На темной улицѣ было пустынно и тихо. Чуть таяло. Андрей Ивановичъ задумчиво шелъ. Онъ хорошо замѣтилъ, какъ Ляховъ испугался его угрозы. И ему было странно, какъ это ему до сихъ поръ не пришла въ голову мысль о такомъ исходѣ. Конечно, онъ такъ и поступитъ: напьется, придетъ въ мастерскую и на глазахъ у всѣхъ изобьетъ Ляхова до полусмерти; когда же хозяинъ вознегодуетъ, то Андрей Ивановичъ удивленно отвѣтитъ ему: «вѣдь у васъ въ мастерской драться позволяется!»

Съ этой поры мысль о предстоящей отплатѣ заполнила всю

душу Андрея Ивановича; онъ съ наслажденіемъ сталъ лелѣять и обдумывать эту мысль, радуясь и недоумѣвая, какъ это онъ не пришелъ къ ней раньше.

Александра Михайловна, получивъ отъ Андрея Ивановича разрѣшеніе работать, ревностно взялась за новое, непривычное дѣло. По природѣ она была довольно лѣнива; но въ домѣ была такая нужда, что Александра Михайловна для лишней копейки согласилась бы на какую угодно работу.

Попасть на фабрику ей не удалось, и она брала работу изъ фабрики на домъ. Въ этомъ было много неудобнаго: пачечницы, работавшія на самой фабрикѣ, могли все время отдавать работѣ, — между тѣмъ у Александры Михайловны много времени шло даромъ на ходьбу за матеріаломъ, носку и выгрузку товара и т. п. Кромѣ того, приходилось тратиться на освѣщеніе. Но самое невыгодное было то, что, несмотря на все это, работавшія на дому получали меньше, чѣмъ работавшія на фабрикѣ: вторымъ платили за тысячу пачекъ двадцать копеекъ, первымъ же только восемнадцать. Причина этого была непонятна, но такъ дѣлалось во всѣхъ фабрикахъ. Притомъ домашнимъ пачечницамъ выдавался и клей низшаго качества, и бланки, которые хуже клеились. Вообще къ нимъ относились въ фабричной конторѣ такъ, какъ будто онѣ были нищія, приходившія за подаяніемъ.

Работая съ пяти часовъ утра до полуночи, Александра Михайловна могла сготовить три-четыре тысячи пачекъ. Но рѣдко представлялась возможность наработать столько. Если она приносила за день три тысячи пачекъ, конторщикъ сердился: «Что̀ это такъ скоро? На васъ бланковъ не напасешься! Приходи завтра послѣ обѣда!» Иногда бланковъ не выдавали по два, по три дня. Зато, когда у набивщиковъ было мало пачекъ, конторщикъ начиналъ торопить Александру Михайловну: «Ты, милая, поскорѣе работу сготовь; хоть пять тысячъ принеси, все приму; ужъ ночь не поспи, а постарайся, а то дѣло станетъ». И Александра Михайловна не спала ночь, готовя пачки къ сроку.

Когда подсчитывали недѣльный заработокъ, оказывалось, что Александрѣ Михайловнѣ слѣдуетъ получить два, два съ полтиной.

Андрей Ивановичъ не могъ безъ раздраженія смотрѣть на ея работу; эта суетливая, лихорадочная работа за такіе гроши возмущала его; онъ требовалъ, чтобъ Александра Михайловна бросила фабрику и искала другой работы, прямо даже запрещалъ ей работать. Происходили ссоры. Андрей Ивановичъ

билъ Александру Михайловну, она плакала... Всѣ поиски за болѣе выгодной работой не вели ни къ чему.

Александра Михайловна вспомнила, что Катерина Андреевна какъ-то говорила ей, что у нихъ въ картонажной мастерской зарабатываютъ полтора рубля въ день. Она тайкомъ отъ Андрея Ивановича пошла къ Катеринѣ Андреевнѣ. Катерина Андреевна сильно смутилась и отвѣтила, что сейчасъ всѣ мѣста у нихъ заняты. Александра Михайловна пошла къ ея подругѣ, которую раза два встрѣчала у Катерины Андреевны. Та расхохоталась и объяснила Александрѣ Михайловнѣ, что мастерицы вырабатываютъ у нихъ тѣ же пятьдесятъ-семьдесятъ копеекъ, какъ вездѣ, а Катерина Андреевна, дѣйствительно, получаетъ полтора рубля; но она ихъ получаетъ отъ хозяина не только за работу, но и... «за свою красоту»...

XIII.

Было Благовѣщеніе. Андрей Ивановичъ лежалъ на кровати, смотрѣлъ въ потолокъ и думалъ о Ляховѣ. За перегородкою пьяные ломовые извозчики ругались и пѣли пѣсни. Александра Михайловна сидѣла подъ окномъ у стола; передъ нею лежала распущенная пачка коричневыхъ бланковъ, края ихъ были смазаны клеемъ. Александра Михайловна брала четырехгранную деревяшку, быстро сгибала и оклеивала на ней бланкъ и бросала готовую пачку въ корзину; по другую сторону стола сидѣла Зина и тоже клеила.

Андрей Ивановичъ весь кипѣлъ раздраженіемъ.

— Долго еще эта канитель будетъ тянуться?—сердито спросилъ онъ. — Кажется, сегодня праздникъ, можно бы и не работать!

Александра Михайловна робко возразила:

— Какъ же быть, Андрюша? Конторщикъ велѣлъ, чтобъ непремѣнно къ завтрему было шесть тысячъ.

— «Конторщикъ велѣлъ»... Мало ли что̀ тебѣ будетъ приказывать конторщикъ!.. Брось, пожалуйста, ты ему не раба. Заснуть нельзя!.. «Велѣлъ»... А зачѣмъ же онъ цѣлыхъ три дня всего по тысячѣ давалъ тебѣ?

— Тутъ ужъ не приходится разсуждать.

Андрей Ивановичъ широко раскрылъ глаза и поднялся на постели.

— Какъ это не приходится разсуждать? Ты не животное, а человѣкъ, тебѣ для того и разумъ данъ, чтобъ разсуждать. Дура!.. Брось, я тебѣ говорю!.. Слышишь ты?—грозно крикнулъ онъ.

Александра Михайловна покорно отложила работу. Теперь, когда Андрей Ивановичъ много бывалъ дома, она совершенно подчинилась ему и не смѣла слова сказать наперекоръ. Андрей Ивановичъ лежалъ, злобно нахмуривъ брови. Александра Михайловна пошла поставить самоваръ, потомъ воротилась и, молча сѣвъ къ столу, стала читать «Петербургскую Газету».

Каждое движеніе, каждый жестъ Александры Михайловны возбуждали въ Андреѣ Ивановичѣ неистовую ненависть. Онъ сдерживался, чтобъ не заорать на нее,—ему было противно, что у Александры Михайловны толстый животъ, что она сморкается громко, и что у нея на правомъ локтѣ заплата.

— Что̀ это ты читаешь?

— Вотъ тутъ напечатано: «Мнѣнія женщинъ о мужчинахъ».

— Къ чему это тебѣ знать, скажи, пожалуйста? Для тебя такое чтеніе совсѣмъ не подходяще, ты и такъ не умна. Дай сюда газету!

Андрей Ивановичъ вырвалъ у нея газету и сталъ читать. Черезъ десять минутъ газета опустилась къ нему на грудь. Онъ задремалъ. Но кашель вскорѣ разбудилъ его. Андрей Ивановичъ кашлялъ долго и никакъ не могъ откашляться; на лбу вздулись жилы, въ комнатѣ распространился противный, кисловатый запахъ, которымъ всегда несетъ отъ чахоточныхъ.

— А что̀ жъ, самоваръ у тебя ко второму пришествію поспѣетъ?—спросилъ Андрей Ивановичъ, переставъ наконецъ кашлять.

— Самоваръ готовъ. Я тебя только тревожить не хотѣла, что ты спалъ.

Александра Михайловна подала самоваръ. Андрей Ивановичъ, въ туфляхъ и въ жилеткѣ,—всклоченный, угрюмый,—пересѣлъ къ столу.

— Сходи, купи водки пеперментовой,—отрывисто сказалъ онъ.—Выпить охота.

— Андрюша, вѣдь опять у тебя жаръ будетъ, какъ вчера,—просительно возразила Александра Михайловна.

У Андрея Ивановича загорѣлись глаза.

— Это ты мнѣ намекаешь, что я на твой счетъ пью?—спросилъ онъ, стиснувъ зубы.—Дрянь ты паршивая!—закричалъ онъ и яростно затопалъ ногами.—Никогда мнѣ водка не вредитъ, она мокроту разбиваетъ! Ты мнѣ хочешь доказать, что я отъ тебя завишу... Не надо мнѣ твоей водки, убирайся къ чорту!

— Мнѣ не жалко, Андрюша, я пойду.

— Не нужно мнѣ твоей водки, понимаешь ты?.. Гадина!

Ничего отъ тебя я не стану принимать! Съ голоду подохну, а отъ тебя корки хлѣба не приму!

Онъ, задыхаясь, пошелъ къ кровати и легъ. Александра Михайловна тихонько одѣлась, ушла и принесла пеперментовой водки.

Андрей Ивановичъ лежалъ на постели и глядѣлъ горящими глазами въ потолокъ. Александра Михайловна сказала:

— Готово, Андрюша! Иди!

— Я тебѣ сказалъ, что мнѣ не нужно твоей водки!—съ ненавистью отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Поняла ты это или нѣтъ?

Онъ быстро всталъ съ постели, одѣлся и вышелъ вонъ.

У него спиралось дыханіе отъ злобы и бѣшенства: ему, Андрею Ивановичу, какъ нищему, приходится ждать милости отъ Александры Михайловны! Захотѣлось чего,—покланяйся раньше, попроси, а она еще подумаетъ, дать ли. Какъ же, теперь *она* зарабатываетъ деньги, ей и власть и все... До чего ему пришлось дожить! И до чего вообще онъ опустился, въ какой норѣ живетъ, какъ плохо одѣтъ,—настоящій ночлежникъ! А Ляховъ, виновникъ всего этого, счастливъ и веселъ, и товарищи всѣ счастливы, и никому до него нѣтъ дѣла.

Андрей Ивановичъ остановился на дамбѣ Тучкова моста. Куда итти? Итти было не къ кому... Единственнымъ человѣкомъ, въ привязанности котораго онъ не сомнѣвался, былъ чухонецъ Лестманъ, но Андрей Ивановичъ не могъ безъ раздраженія думать о немъ. Лестманъ за это время нѣсколько разъ провѣдывалъ Андрея Ивановича. Придетъ, сядетъ—и молчитъ, и нелѣпо вздыхаетъ, а уходя, предлагаетъ Андрею Ивановичу взаймы денегъ. Болванъ! Очень ему нужны его деньги!.. Вечерѣло; алыя пятна зари на западѣ тускнѣли; по набережной въ синеватой дымкѣ засвѣтилась цѣпь огоньковъ. Андрей Ивановичъ стоялъ, закусивъ губы, и мрачно смотрѣлъ на огоньки. Вдругъ онъ вспомнилъ о Барсуковѣ. Не поѣхать ли къ нему? Андрей Ивановичъ пренебрежительно усмѣхнулся, воротился къ разъѣзду и сѣлъ въ проходившую конку.

Барсуковъ со всѣми его взглядами казался теперь Андрею Ивановичу удивительно наивнымъ и неумнымъ. Ѣхалъ онъ къ нему вовсе не для того, чтобъ отвести душу,—нѣтъ, ему хотѣлось высказать Барсукову въ лицо, что онъ—ребенокъ и тѣшится собственными фантазіями, что жизнь жестока и безсмыслена, а люди злы и подлы, и вѣрить ни во что нельзя.

Съ ироническою улыбкою онъ мысленно обращался къ Барсукову:

«Вы желаете знать, отчего происходитъ различное электри-

чество, и что̀ такое чувствительная литература? Все это совершенно излишне, и никакой отъ этого не будетъ пользы».

Поѣздъ пригородной дороги, колыхаясь, мчался по тракту. Безлюдныя по буднямъ улицы кипѣли пьяною, праздничною жизнью; надъ трактомъ стоялъ гулъ отъ пѣсенъ, криковъ и ругательствъ. Здоровенный ломовой извозчикъ, пьяный, какъ стелька, хватался руками за чугунную ограду церкви и оралъ во всю глотку: «Го-о-оо!!. Ку-ку!!. Ку-ку!!.» Необъятный голосъ раскатывался по тракту и отдавался за Невою.

— Ванька, зачѣмъ заборъ ломаешь?—зычно крикнулъ кто-то съ имперіала.

— Пятиалтынный пропилъ?—спросилъ другой.

— Го-го-го-гоо!..—откликнулся ломовикъ, мощно потрясая ограду.—Ку-ку!!. Ку-ку!!.—снова понеслось надъ трактомъ.

По улицѣ, среди экипажей, шагали въ ногу трое фабричныхъ, а четвертый шелъ передъ ними задомъ, размахивалъ бутылкою и съ серьезнымъ лицомъ командовалъ: «лѣвой! лѣвой! лѣвой!..» У трактира гудѣла и колыхалась толпа, мелькали кулаки, кто-то отчаянно кричалъ: «Городово-о-ой!.. Городово-о-ой!..»

Барсуковъ занималъ отъ хозяйки довольно большую комнату вмѣстѣ съ товарищемъ. Андрей Ивановичъ засталъ обоихъ дома,—они сидѣли за чаемъ и читали газету. Товарищъ Барсукова, Щепотьевъ, былъ стройный парень съ энергичнымъ, суровымъ лицомъ, съ насмѣшливой складкой въ углахъ губъ.

Барсуковъ встрѣтилъ Андрея Ивановича очень радушно. Онъ усадилъ его пить чай и съ участіемъ сталъ разспрашивать о здоровьѣ. Про его исторію съ Ляховымъ онъ слышалъ отъ Елизаветы Алексѣевны.

— Здоровье ничего, спасибо!—съ угрюмою усмѣшкою отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Если до лѣта доживу, такъ отслужу благодарственный молебенъ... За друзей! за товарищество! Да и за хозяина кстати... Какъ же! Вѣдь онъ мнѣ большую милость оказалъ: меня въ его мастерской избили, а онъ ничего, не разсердился на меня, позволилъ остаться...

Андрей Ивановичъ просидѣлъ у Барсукова часа два. Онъ высказалъ все, что̀ собирался высказать. Барсуковъ сталъ ему возражать; въ споръ вмѣшался и Щепотьевъ. Щепотьевъ былъ умнѣе и развитѣе Барсукова, говорилъ рѣзко и убѣдительно. Но Андрей Ивановичъ не сдавался; онъ мало даже слушалъ возраженія, а съ упорною, сосредоточенною злобою продолжалъ доказывать, что всѣ люди подлецы, и все ерунда.

Назадъ онъ ѣхалъ раздраженный и сердитый. Его собственные доводы убѣдили его еще сильнѣе въ правильности его

теперешнихъ воззрѣній, и свѣтлый взглядъ его собесѣдниковъ на жизнь и на будущее раздражалъ его. Какъ они не понимаютъ, что это ребячество, какъ могутъ они находить случай съ нимъ не доказательнымъ! О, для самого Андрея Ивановича случай былъ очень доказателенъ: никому ни до кого нѣтъ дѣла, кромѣ какъ до себя... И вдругъ мысль, которою Андрей Ивановичъ до сихъ поръ тѣшился и успокоивалъ себя, встала передъ нимъ съ полною опредѣленностью: конечно, онъ изобьетъ Ляхова въ мастерской, и онъ сдѣлаетъ это завтра же!

XIV.

Утромъ Александра Михайловна понесла корзину съ готовыми пачками на фабрику. Андрей Ивановичъ выслалъ Зину въ кухню и ножомъ открылъ замокъ комода; въ правомъ углу ящика, подъ тряпками, онъ отыскалъ кошелекъ и изъ полутора рублей взялъ восемьдесятъ копеекъ; потомъ Андрей Ивановичъ захватилъ палку, которую ему подарилъ Ляховъ, и вышелъ изъ дому.

Онъ зашелъ въ «Сербію», сѣлъ въ уголъ къ столику и спросилъ коньяку. Андрей Ивановичъ хорошо зналъ, какъ онъ страшенъ во хмелю, и хотѣлъ раньше напиться. Въ трактирѣ посѣтителей было мало; стекольщикъ вставлялъ стекло въ разбитой стеклянной двери, буфетчикъ сидѣлъ у выручки и пилъ чай.

Андрей Ивановичъ выпилъ одну рюмку, сейчасъ же за нею другую, и закусилъ мятной лепешечкой. Въ головѣ слегка зашумѣло. Онъ выпилъ третью рюмку. Лицо блѣднѣло, въ головѣ становилось все туманнѣе. Глядя горящими глазами въ окно, онъ лихорадочно курилъ папиросу за папиросой и вспоминалъ о томъ испугѣ, какой охватилъ Ляхова при его угрозѣ. Выпилъ еще двѣ рюмки. Дикое, изступленное бѣшенство росло въ немъ, вздымалось и охватывало душу. Въ этомъ было что-то захватывающе-радостное. Горькое сознаніе безпомощности и одиночества исчезло; Андрей Ивановичъ чувствовалъ въ себѣ силу, противъ которой ничто не устоитъ и которой не нужна ничья помощь.

Онъ не помнилъ, какъ допилъ бутылку, какъ прошелъ улицу. Въ конторѣ хозяинъ разговаривалъ съ двумя заказчиками. Андрей Ивановичъ сорвалъ съ себя въ коридорѣ пальто, бросилъ его на подоконникъ и, съ палкою въ рукахъ, вошелъ въ мастерскую.

Ляховъ сидѣлъ у своего верстака, лицомъ къ окну, и, наклонившись, рѣзалъ на подушечкѣ золото. Среди ходившихъ

людей, среди двигавшихся машинъ и дрожавшихъ передаточныхъ ремней Андрей Ивановичъ видѣлъ только наклоненную вихрастую голову Ляхова и его мускулистый затылокъ надъ синею блузою. Сжимая въ рукѣ палку, онъ подбѣжалъ къ Ляхову.

— Получай должокъ! — крикнулъ Андрей Ивановичъ и съ размаху ударилъ Ляхова по головѣ.

Ляховъ втянулъ голову въ плечи, въ гнѣвѣ вскочилъ и обернулся. Андрей Ивановичъ, съ всклоченною головою, съ горящими на исхудаломъ лицѣ глазами, кинулся на него съ палкою. Ляховъ поблѣднѣлъ и отшатнулся.

— Карау-у-улъ!!—вдругъ заоралъ онъ на всю мастерскую, еще глубже втянулъ голову въ плечи и бросился бѣжать.

Тупой, животный ужасъ охватилъ его, — ужасъ, при которомъ перестаютъ разсуждать. Сталкивая всѣхъ локтями съ дороги, Ляховъ стрѣлою пробѣжалъ длинную мастерскую, выскочилъ на площадку и помчался по крутой каменной лѣстницѣ наверхъ, въ брошюровочное отдѣленіе. Андрей Ивановичъ, задыхаясь, бѣжалъ за нимъ.

— Караулъ!.. Караулъ!..—коротко выкрикивалъ Ляховъ на бѣгу.

Они побѣжали между верстаками, задѣвая за пачки листовъ. Листы дождемъ сыпались на землю, дѣвушки-фальцовщицы въ испугѣ и удивленіи кидались въ стороны.

Ляховъ влетѣлъ въ комнату мастера, съ ужасомъ слыша, что Андрей Ивановичъ не отстаетъ. Другого выхода изъ комнаты не было. Ляховъ въ отчаяніи повернулся и вдругъ быстро бросился навстрѣчу Андрею Ивановичу. Они столкнулись на порогѣ, Андрей Ивановичъ полетѣлъ навзничь. Въ томъ же тупомъ, неразсуждающемъ ужасѣ Ляховъ кинулся на него, вцѣпился рукою въ горло и, схвативъ въ кулакъ валявшійся на полу костяной фальцбейнъ, сталъ наносить Андрею Ивановичу удары по головѣ. Съ третьяго же удара костяжка сломалась, но обезумѣвшій отъ страха Ляховъ ничего не замѣчалъ и продолжалъ наносить удары обломкомъ.

— Это что̀ такое?!—раздался громовый голосъ хозяина.

Ляховъ очнулся и поднялся на ноги, блѣдный и дрожащій. Андрей Ивановичъ сидѣлъ, свѣсивъ окровавленную голову, ерзалъ руками по полу и старался вскочить.

— Опять скандалы тутъ поднимать?! — въ бѣшенствѣ кричалъ хозяинъ.

Ляховъ бросилъ костяжку и, ругаясь, пошелъ внизъ.

— Нѣтъ, братъ... погоди! — хрипѣлъ Андрей Ивановичъ. Онъ поднялся на ноги и, шатаясь, побѣжалъ вслѣдъ за Ляховымъ.

— Удержать его, чего смотрите? — крикнулъ хозяинъ брошюрантамъ. — Въ участокъ захотѣлось тебѣ, скандалистъ ты этакій?

Андрей Ивановичъ остановился.

— Въ участокъ?!—заревѣлъ онъ и устремился на Семидалова.—Сукинъ ты сынъ, эскулапъ!..

Брошюранты схватили Андрея Ивановича.

Товарищи - подмастерья упросили хозяина не отправлять Андрея Ивановича въ участокъ. Онъ плюнулъ и позволилъ имъ убрать его, куда угодно.

Андрея Ивановича, пьянаго и залитаго кровью, свезли домой. Онъ ругался и старался вырваться отъ сопровождавшихъ его Ермолаева и Генрихсена. Его привезли и уложили въ постель, но Андрей Ивановичъ не унимался.

— Вы меня пустите или нѣтъ? — яростно кричалъ онъ, сверкая глазами.—Всѣхъ васъ, мерзавцевъ, въ одной помойной ямѣ надо утопить,—фараоны вы, мазурики, арапы!.. Подать мнѣ сюда Семидалова, — я ему покажу! Това-арищи... Вы рабы, вы невольники противъ моихъ мнѣній... Тьфу-у!!

Плачущая Александра Михайловна повязала его окровавленную голову полотенцемъ, но Андрей Ивановичъ тотчасъ же сорвалъ повязку. Онъ бушевалъ долго; но понемногу сталъ ослабѣвать. Наконецъ, уткнувшись залитымъ кровью лицомъ въ подушку, примолкъ и вскорѣ заснулъ.

Андрей Ивановичъ проснулся къ вечеру. Онъ хотѣлъ подняться и не могъ: какъ будто его тѣло стало для него чужимъ и онъ потерялъ власть надъ нимъ. Александра Михайловна, взглянувъ на Андрея Ивановича, ахнула: его худое, съ ввалившимися щеками лицо было теперь толсто и кругло, подъ глазами вздулись огромные водяные мѣшки, узкія щели глазъ еле виднѣлись сквозь отекшее лицо; дышалъ онъ тяжело и часто.

— Водка пеперментовая осталась у тебя? — хрипло спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Да.

— Дай-ка рюмочку! Да сходи, принеси соленаго огурчика.

Андрей Ивановичъ отеръ мокрымъ полотенцемъ лицо, выпилъ, закусилъ соленымъ огурцомъ и молча повернулся къ стѣнѣ.

Всю ночь Андрей Ивановичъ не спалъ. Онъ лежалъ и думалъ. Ему вспоминалась, какъ сквозь туманъ, схватка съ Ляховымъ, и Андрей Ивановичъ не могъ простить себѣ своей глупости: Ляховъ силенъ, какъ быкъ, онъ одною рукою можетъ справиться съ нимъ; слѣдовало дѣйствовать совсѣмъ

иначе,—просто, подойти къ Ляхову и всадить ему въ животъ шерфовальный ножъ. Время еще не ушло. Андрей Ивановичъ такъ и рѣшилъ поступить. Вспомнилъ онъ безмѣрный ужасъ, въ какомъ Ляховъ побѣжалъ отъ него, — и сладкая радость наполнила душу. О, не даромъ Ляховъ боится его,—еще будетъ дѣло.

Но въ теперешнемъ состояніи Андрей Ивановичъ чувствовалъ себя ни на что негоднымъ; при малѣйшемъ движеніи начинала кружиться голова, руки и ноги были словно набиты ватой, сердце билось въ груди такъ рѣзко, что тяжело было дышать. Не слѣдуетъ спѣшить; нужно сначала получше взяться за лѣченіе и подправить себя, чтобъ итти навѣрняка.

На утро Андрей Ивановичъ объявилъ Александрѣ Михайловнѣ, что онъ рѣшилъ лечь въ больницу и лѣчиться, какъ слѣдуетъ.

XV.

Былъ десятый часъ утра. Дулъ холодный, сырой вѣтеръ, таюцій снѣгъ съ шорохомъ падалъ на землю. Пріемный покой N-ской больницы былъ биткомъ набитъ больными. Мокрые и иззябшіе, они сидѣли на скамейкахъ, стояли у стѣнъ; въ большомъ каминѣ пылалъ огонь, но было холодно отъ постоянно отворявшихся дверей. Служители въ бѣлыхъ халатахъ подходили къ вновь прибывшимъ больнымъ и совали имъ подъ мышки градусники.

Александра Михайловна ввела подъ руку Андрея Ивановича; на скамейкѣ у окна только-что освободилось мѣсто. Андрей Ивановичъ сѣлъ, Александра Михайловна осталась стоять. Андрей Ивановичъ былъ въ торжественномъ и рѣшительномъ настроеніи; онъ былъ готовъ на все, чтобъ только поправиться; такъ онъ собирался сказать и доктору: «лѣчите меня, какъ хотите, что̀ угодно дѣлайте со мной, я все исполню, — только поставьте на ноги!»

Рядомъ съ Андреемъ Ивановичемъ сидѣлъ блѣдный, осунувшійся старикъ въ рваномъ полушубкѣ. Дальше полулежалъ, облокотившись о ручку скамейки, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, съ лихорадочно-горящими, умными и печальными глазами; онъ былъ въ пеньковыхъ опоркахъ и онучахъ, замотанныхъ бечевками, въ рваной и грязной кацавейкѣ. Возлѣ него стояла женщина среднихъ лѣтъ съ бойкимъ, чернобровымъ лицомъ.

— Твой паренекъ?—обратился къ ней старикъ.

— Нѣтъ, такъ, изъ жалости привезла его, — быстро отвѣтила женщина, видимо не любившая молчать.—Иду по при-

шпехту, вижу,—сидитъ мальчонка на тумбѣ и плачетъ. «Чего ты?» Тряпичникъ онъ, третій день болѣетъ; сталъ хозяину говорить, тотъ его за волосья оттаскалъ и выгналъ на работу. А гдѣ ему работать? Итти силъ нѣту! Сидитъ и плачетъ; а на волѣ-то сиверко, снѣгъ идетъ, совсѣмъ закоченѣлъ... Что̀ жъ ему, пропадать, что ли?

Старикъ участливо спросилъ мальчика:

— Давно ли изъ деревни?

— Второй годъ,—сипло отвѣтилъ мальчикъ.

— Матка, чай, въ деревнѣ есть?

— Есть.

Старикъ вздохнулъ.

— Въ другое бы мастерство нужно тебѣ! Въ тряпичникахъ чему хорошему научишься... Платитъ тебѣ что̀ хозяинъ?

— Пятнадцать рублей въ годъ.

Изъ пріемной вынесли на носилкахъ больного съ повязанной головой. Служитель крикнулъ:

— Ѳедоръ Гавриловъ! Къ доктору!

Женщина засуетилась и пошла съ мальчикомъ въ пріемную. Наружныя двери то и дѣло хлопали. Входили новые больные. Старикъ чесалъ подъ полушубкомъ грудь и вздыхалъ.

— И малому плохо и старому плохо,—сказалъ онъ, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ.—Не дай Богъ болѣть рабочему человѣку!

Александра Михайловна поглядѣла на его корявыя, трясущіяся руки.

— А ты что̀ работаешь?

— Я-то? Да вотъ здоровъ былъ, дрова пилилъ въ Смольный институтъ... А теперь какая работа? Нѣту силъ, ослабъ. Отъ ѣды совсѣмъ отбило. Два раза въ день укушу хлѣбца, и ладно. Главное дѣло—ослабъ.

Докторъ въ золотыхъ очкахъ и бѣломъ халатѣ, съ сердитымъ лицомъ, прошелъ изъ пріемной къ телефону.

— Трррр!..—зазвенѣлъ звонокъ телефона.—Александровская больница?—спросилъ докторъ въ телефонъ.—Коллега, не можете ли вы принять къ себѣ мальчика двѣнадцати лѣтъ съ неопредѣленною формою тифа? У насъ совершенно нѣтъ мѣстъ.

Докторъ замолчалъ, слушая отвѣтъ.

— Пожалуйста, коллега, я васъ прошу!—проговорилъ онъ раздраженно.—Ребенку рѣшительно некуда дѣться, приходится выбрасывать на улицу. Можетъ-быть, какъ-нибудь отыщете мѣстечко!

Онъ замолчалъ, слушая.

— Трр!.. Трр!..—сердито зазвякалъ телефонъ, требуя разъединенія. Докторъ воротился въ пріемную. Черезъ минуту изъ нея вышла женщина съ мальчикомъ. Она кричала:

— Куда я его дѣну? Извините, пожалуйста, такихъ правиловъ нѣту! Боленъ человѣкъ,—вы его обязаны принять.

— Ты, матушка, не шуми!—строго сказалъ служитель.

— Какъ же мнѣ не шумѣть, когда вы сурьезно поступаете! Куда я съ нимъ теперь? И такъ послѣдній двугривенный на извозчика отдала.

— Въ другую больницу обратись.

— Ну ужъ спасибо! Есть мнѣ время! Дѣлайте съ нимъ, что̀ хотите!

И она быстро направилась къ дверямъ. Служители бросились за нею и удержали.

— Нѣтъ, матушка, погоди!.. Бери-ка мальчишку!

Женщина плакала, ругалась, грозила градоначальникомъ, но въ концѣ концовъ пришлось смириться. Мальчикъ стоялъ и безучастно глядѣлъ на бушевавшую за окнами мокрую вьюгу.

— У-у, постылый! Связалась на свою погибель!

Женщина сердито взяла его за руку и вышла вонъ.

Старикъ, сосѣдъ Андрея Ивановича, тоже воротился изъ пріемной. Онъ растерянно подошелъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ его полушубокъ.

— Н-не знаю...—произнесъ онъ и замолчалъ.

Андрей Ивановичъ мрачно спросилъ:

— Не приняли?

— Говоритъ: можешь на пріемъ ходить. А то въ другую больницу ступай... Ужъ не знаю...

— «Въ другую больницу»! —рѣзко проговорилъ исхудалый водопроводчикъ съ темнымъ, желтушнымъ лицомъ. — Вчера вотъ этакъ посадили насъ въ Барачной больницѣ въ карету, билетики дали, честь-честью, повезли въ Обуховскую. А тамъ и глядѣть не стали: вылѣзай изъ кареты, ступай, куда хочешь! Нѣту мѣстовъ!.. На Троицкій мостъ вонъ большіе милліоны находятъ денегъ, а рабочій человѣкъ издыхай на улицѣ, какъ собака! На больницы денегъ нѣтъ у нихъ!

Старикъ задумчиво стоялъ, поводилъ головою и вопросительно глядѣлъ на свой полушубокъ.

— Главное дѣло—ослабъ, силъ нѣтути. Съ квартиры гонютъ.

Онъ вздохнулъ, надѣлъ полушубокъ и вышелъ вонъ.

А новые больные все прибывали. Заразныхъ сортировали и давали имъ отказные билетики въ соотвѣтственныя больницы, очень тяжелыхъ, умиравшихъ принимали, а всѣмъ остальнымъ отказывали.

Позвали наконецъ Андрея Ивановича. Докторъ, съ усталымъ и раздраженнымъ лицомъ, измученный безсмысленностью своей работы, выстукалъ его, выслушалъ и взялся за пульсъ. Андрей Ивановичъ смотрѣлъ на доктора, готовый къ бою: онъ заставитъ себя принять,—онъ не женщина и не мужикъ, и знаетъ свои права. Больничный сборъ взыскиваютъ каждый годъ, а боленъ сталъ,—лѣчись, гдѣ хочешь?

Докторъ долго щупалъ пульсъ Андрея Ивановича и въ колебаніи глядѣлъ въ окно. Пульсъ былъ очень малый и частый. Такіе больные съ водянкою опасны: откажешь, а онъ, не доѣхавъ до дому, умретъ на извозчикѣ; газеты поднимутъ шумъ, и могутъ выйти непріятности. Больница была переполнена, кровати стояли даже въ коридорахъ, но волей-неволей приходилось принять Андрея Ивановича. Докторъ написалъ листокъ, и Андрея Ивановича вывели.

— Не приняли?—упавшимъ голосомъ спросила Александра Михайловна.

Андрей Ивановичъ съ гордостью отвѣтилъ:

— Приняли!

Окружавшіе съ завистью покосились на него.

Андрея Ивановича отвели въ ванную, а оттуда въ палату. Большая палата была густо заставлена кроватями, и на всѣхъ лежали больные. Только одна, на которой ночью умеръ больной, была свободна; на нее и положили Андрея Ивановича. Сестра милосердія, въ бѣломъ халатѣ и бѣлой косынкѣ, поставила ему подъ мышку градусникъ.

Вскорѣ пришелъ на визитацію палатный докторъ. Онъ вторично выстукалъ и выслушалъ Андрея Ивановича, велѣлъ оставить его мокроту для микроскопическаго изслѣдованія и назначилъ лѣченіе. По уходѣ доктора Андрей Ивановичъ внимательно прочелъ свой скорбный листъ.

Вечеромъ Андрею Ивановичу сдѣлали ванну, и онъ почувствовалъ себя немного лучше. Тяжелые больные легковѣрны: незначительное улучшеніе въ своемъ состояніи они готовы считать за начало выздоровленія. Андрей Ивановичъ рѣшилъ, что недѣли черезъ двѣ-три поправится, и горько пожалѣлъ, что не легъ въ больницу раньше.

Ночь Андрей Ивановичъ провелъ безъ сна и опять думалъ о Ляховѣ. Ляховъ, конечно, очень скоро узнаетъ, что Андрея Ивановича свезли въ больницу. То-то онъ обрадуется, то-то спокойно вздохнетъ! Дескать, попалъ въ больницу, такъ ужъ не воротится. Только такъ ли это?.. Послѣ Пасхи Андрей Ивановичъ выпишется изъ больницы здоровымъ и крѣпкимъ; онъ войдетъ въ мастерскую, подойдетъ къ Ляхову: «Здрав-

ствуй, товарищъ!..» Ляховъ, услышавъ его голосъ, вскочитъ съ тѣмъ же тупымъ ужасомъ, какъ и тогда, но ужъ бѣжать ему не придется: однимъ взмахомъ Андрей Ивановичъ всадитъ ему въ животъ шерфовальный ножъ... Стиснувъ зубы, онъ дѣлалъ подъ одѣяломъ быстрое, короткое движеніе сжатымъ кулакомъ и представлялъ себѣ въ кулакѣ острый, блестящій шерфовальный ножъ.

Въ палатѣ, биткомъ-набитой больными, было душно, и стояла тяжелая вонь отъ газовъ, выдѣлявшихся у спавшихъ. Дежурная сидѣлка дремала у окна. Дряхлый старикъ-лакей съ отекомъ легкихъ стоналъ грубыми, протяжными стонами, ночники тускло свѣтились, все глядѣло мрачно и уныло. Но на душѣ у Андрея Ивановича было радостно.

XVI.

Назавтра послѣ визитаціи доктора Андрей Ивановичъ взялъ свой скорбный листъ, чтобы посмотрѣть, что̀ въ него вписалъ докторъ. Онъ прочелъ — и поблѣднѣлъ; прочелъ второй разъ, третій... Въ листкѣ стояло: «Притупленіе тона и бронхіальное дыханіе въ верхней долѣ лѣваго легкаго; въ обоихъ легкихъ масса звучныхъ влажныхъ хриповъ; въ мокротѣ коховскія палочки».

Андрей Ивановичъ сразу страшно ослабѣлъ; изнутри головы что-то со звономъ подступило къ глазамъ и ушамъ; онъ опустилъ листокъ и закрылъ глаза. «Коховскія палочки»... Андрей Ивановичъ прекрасно зналъ, что̀ такое коховскія палочки: это значитъ, что у него — чахотка; значитъ, спасенія нѣтъ, и впереди смерть.

Принесли обѣдъ. Сидѣлка поставила Андрею Ивановичу миску съ молочнымъ супомъ.

— Обѣдъ принесенъ, эй! — сказала она и тронула его за рукавъ.

Андрей Ивановичъ нетерпѣливо повелъ головою и продолжалъ лежать, закрывъ глаза. Коховскія палочки... Всего два часа назадъ Андрей Ивановичъ чувствовалъ себя въ водоворотѣ жизни, собирался бороться, мстить, радоваться побѣдѣ... И вдругъ все оборвалось и ушло куда-то далеко, а передъ глазами было одно — смерть безпощадная и неотвратимая.

Въ два часа пришла на свиданіе Александра Михайловна. Андрей Ивановичъ равнодушно объявилъ ей, что у него чахотка, и онъ скоро умретъ. Александра Михайловна широко раскрыла глаза и быстро спросила:

— Какъ? Что̀? Докторъ сказалъ?

Андрей Ивановичъ усмѣхнулся.

— Что̀ докторъ! Я и самъ знаю!.. У меня коховскія палочки нашли, — червячковъ такихъ, отъ которыхъ бываетъ чахотка.

Александра Михайловна заплакала. Андрей Ивановичъ смотрѣлъ на нее, и ему стало жалко себя, и въ то же время почему-то вспомнилось равнодушное, усталое лицо палатнаго доктора и тотъ равнодушный видъ, съ какимъ онъ записывалъ въ листокъ его смертный приговоръ.

Съ каждымъ днемъ Андрей Ивановичъ чувствовалъ себя хуже. Онъ сталъ очень молчаливъ и мраченъ. На разспросы Александры Михайловны о здоровьѣ Андрей Ивановичъ отвѣчалъ неохотно и спѣшилъ перевести разговоръ на другое. То, что̀ ему разсказывала Александра Михайловна, онъ слушалъ съ плохо скрываемою скукою и раздраженіемъ. И часто Александра Михайловна замѣчала въ его глазахъ тотъ угрюмый, злобный огонекъ, который появлялся у него въ послѣднія недѣли при упоминаніи о Ляховѣ.

Между тѣмъ къ Ляхову Андрей Ивановичъ относился теперь безъ прежней злобы. Когда Ермолаевъ пришелъ его провѣдать и сообщилъ, что Ляховъ проситъ позволенія посѣтить его, то Андрей Ивановичъ только пожалъ брезгливо плечами и отвѣтилъ, что, если хочетъ, пусть приходитъ. Ляховъ пришелъ разъ и послѣ этого сталъ ходить каждое воскресенье. Приходилъ онъ всегда съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей и держался назади, сконфуженно теребя въ рукахъ шапку. Андрей Ивановичъ, неестественно улыбаясь, разговаривалъ съ нимъ, и обоимъ было неловко.

Не мысль объ исторіи съ Ляховымъ мучила Андрея Ивановича. Вся эта исторія казалась ему теперь безконечно мелкою и пошлою, мстить онъ больше не хотѣлъ, и Ляховъ возбуждалъ въ немъ только гадливое чувство. Андрей Ивановичъ страдалъ гораздо сильнѣе прежняго, но страдалъ совсѣмъ отъ другого,—отъ нахлынувшихъ на него трезвыхъ думъ.

О, эти трезвыя думы!.. Андрей Ивановичъ всегда боялся ихъ. Холодныя, цѣпкія и безпощадныя, онѣ захватывали его и тащили въ темные закоулки, изъ которыхъ не было выхода. Думать Андрей Ивановичъ любилъ только во хмелю. Тогда мысли текли легко и плавно, все вокругъ казалось простымъ, радостнымъ и понятнымъ. Но теперь думъ нельзя было утопить ни въ винѣ ни въ работѣ; а между тѣмъ эта смерть, такъ глупо и неожиданно представшая передъ Андреемъ Ивановичемъ, поставила въ немъ все вверхъ дномъ.

И думы ползли одна за другою, злыя и безотрадныя, и Андрей Ивановичъ не могъ ихъ отогнать... Прожилъ онъ сорокъ лѣтъ и все безсознательно ждалъ чего-то. Эта чадная, тошнотная жизнь не могла тянуться вѣчно. Онъ ждалъ, — вотъ явится что-то, что высоко подниметъ его надъ этою жизнью, прійдетъ большое счастье, въ которомъ будетъ кипучая жизнь, и борьба, и просторъ. А между тѣмъ всему конецъ, впереди—одна смерть, а назади — жизнь дикая и пьяная, въ которой настоящую радость, настоящее счастье давала только водка. Какъ онъ пилъ! И какъ всѣ они пили! Когда не хватало денегъ на водку, они пили въ мастерской спиртный лакъ. Чтобъ уберечь лакъ, хозяинъ прибавлялъ въ него анилиновой синьки, но они пили и съ синькою, были готовы пить съ чѣмъ угодно. Они калѣчили и отравляли свое тѣло, отравляли душу, и все шло къ чорту. А какъ было иначе жить? На что было беречь душу? На то, чтобы ходить на народныя гулянья, пить тамъ чай и качаться на качеляхъ? Эка радость!..

Андрею Ивановичу вспоминался Барсуковъ и та картина смерти, о которой онъ разсказывалъ; умираетъ рабочій и думаетъ: «Для чего онъ все время трудился, выбивался изъ силъ, — для чего онъ жилъ? Онъ жилъ, а жизни не видѣлъ... Какая же была цѣль его существованія?»

И онъ тоже, Андрей Ивановичъ, — онъ жилъ, а жизни не видѣлъ. А между тѣмъ ему казалось, онъ способенъ былъ бы жить,—жить широкою, сильною жизнью, полною смысла и радости; казалось, что для этого у него были и силы душевныя и огонь. И ему страстно хотѣлось увидѣть Барсукова или Щепотьева, поговорить съ ними долго и серьезно, обсудить все «до самыхъ основныхъ мотивовъ». Но Щепотьевъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, Барсуковъ былъ высланъ изъ Петербурга.

Александра Михайловна посѣщала Андрея Ивановича каждый день. Она приносила ему вина, фруктовъ, всего, чѣмъ пытался Андрей Ивановичъ разжечь свой пропавшій аппетитъ. Занятый своими мыслями, Андрей Ивановичъ не задавался вопросомъ, какъ она все это достаетъ. Онъ привередничалъ, сердился, требовалъ то того, то другого. Но однажды, когда Александра Михайловна, входя въ палату, остановилась у дверей и вступила въ разговоръ съ сестрою милосердія, Андрей Ивановичъ, глядя издали на жену, былъ пораженъ, до чего она похудѣла и осунулась.

— Ты все еще на фабрикѣ работаешь?—спросилъ Андрей Ивановичъ, когда она поставила ему на столъ бутылку елисеевскаго лафита. И горячая нѣжность шевельнулась въ его душѣ.

— Пока на фабрикѣ, — устало отвѣтила Александра Михайловна.—Ужъ не знаю, нужно будетъ чего другого поискать. Работаешь, а все безъ толку... Семидаловъ къ себѣ зоветъ, въ фальцовщицы. Говоритъ, всегда дастъ мнѣ мѣсто за то, что ты у него въ работѣ потерялъ здоровье. Научиться можно въ два мѣсяца фальцовать; все-таки больше заработаешь, чѣмъ на пачкахъ.

Андрей Ивановичъ ужаснулся. Условія жизни и работы фальцовщицъ были ему слишкомъ хорошо извѣстны. Все остальное свиданіе онъ былъ молчаливъ и задумчивъ.

Когда Александра Михайловна пришла на слѣдующій день, Андрей Ивановичъ долго молчалъ, не въ силахъ заговорить отъ охватившаго его волненія. Наконецъ сказалъ:

— Знаешь, Шурочка... Я всю ночь про тебя думалъ... Я много съ тобою поступалъ неправильно... Какъ я тебѣ теперь помогу? Я не знаю, что̀ тебѣ дѣлать. Только одинъ мой завѣтъ тебѣ,—не поступай къ намъ въ мастерскую: тамъ гибель для женщины...

— Что̀ же дѣлать?

Андрей Ивановичъ въ тоскѣ потеръ руки.

— Что̀? Я не знаю...

Въ концѣ апрѣля Андрей Ивановичъ умеръ. Хоронили его на Смоленскомъ кладбищѣ. Было воскресенье. Большинство товарищей присутствовало на похоронахъ, въ ихъ числѣ Ляховъ. Они на рукахъ донесли гробъ Андрея Ивановича до могилы. Тутъ же, на свѣже-насыпанной могилѣ, Александра Михайловна поставила четверть водки, и справлены были поминки.

Похоронили Андрея Ивановича на самомъ концѣ кладбища, въ одномъ изъ послѣднихъ разрядовъ. Былъ хмурый весенній день. Въ колеяхъ дорогъ стояла вода, по откосамъ бѣлѣлъ хрящеватый снѣгъ, покрытый грязнымъ налетомъ; деревья были голы, мертвая буро-желтая трава покрывала склоны могилъ, въ проходахъ гнили прошлогодніе листья.

Но не смертью и не уныніемъ дышала природа. Отъ земли шелъ теплый, мягкій, живой запахъ. Сквозь гніющіе коричневые листья пробивались ярко-зеленыя стрѣлки, почки на деревьяхъ наливались. Въ чащѣ весело стрекотали дрозды и воробьи. Вездѣ кругомъ все двигалось, шуршало, и тихій воздухъ былъ полонъ этимъ смутнымъ шорохомъ пробуждавшейся молодой, бодрой жизни.

1899.

II.

Конецъ Александры Михайловны.

(Честнымъ путемъ).

I.

Александра Михайловна кончила фальцовать листы «Петербургскаго Вѣстника». Она сровняла съ боковъ стопку сфальцованныхъ листовъ и устало облокотилась объ нее.

За сосѣднимъ верстакомъ Грунька Полякова, крупная дѣвушка съ пунцовыми губами и низкимъ лбомъ, шила дефектныя книги. Она, не торопясь, шила и посвистывала сквозь зубы, какъ будто не работала, а только старалась чѣмъ-нибудь убить время: за шитье дефектныхъ книгъ платятъ не сдѣльно, а поденно. Александра Михайловна искоса слѣдила за Поляковой.

— Что̀ это, какая вамъ всегда легкая работа! —не вытерпѣла она.

Полякова медленно повернула голову и небрежно оглядѣла Александру Михайловну.

— Я больная, у меня ревматизмъ въ рукахъ.

— Больная... — Александра Михайловна помолчала. — Вы, можетъ-быть, больная, зато вы есть одна. А у другихъ, можетъ, ребенокъ есть, его надо поить-кормить.

— Какъ кому судьба.

— И вовсе судьба тутъ ни при чемъ. Дѣло тутъ отъ мастера зависитъ, а не отъ судьбы.

— Отъ мастера? Что̀-о вы?.. Отъ какого-такого мастера?

Полякова нарочно повысила голосъ. Мимо какъ разъ проходилъ мастеръ Василій Матвѣевъ. Онъ услышалъ вопросъ Поляковой и внимательно покосился на нихъ. Александра Михайловна поспѣшно отошла прочь.

На круглыхъ часахъ надъ дверью мастерской пробило четыре. У бокового окна работала за верстакомъ пріятельница Александры Михайловны, Таня Капитанова. Солнце свѣтило въ окно, Таня непрерывно наклонялась и выпрямлялась. Когда она наклонялась, ея голова съ пушистыми золотыми волосами попадала въ полосу свѣта и какъ будто вся вспыхивала сіяніемъ.

Александра Михайловна подошла и сказала:

— Пора чай пить.

— Сейчасъ кончу!—торопливо отвѣтила Таня.

Устало понурившись, Александра Михайловна съ удовольствіемъ и завистью смотрѣла на ея работу. Таня была лучшею работницею мастерской. Захвативъ со стопки большой печатный листъ, она сгибала его на папкѣ, съ неуловимою быстротою взглянувъ на номера, и проводила по сгибу костяжкою. Листъ какъ будто самъ собою сгибался, какъ только его касались тонкіе пальцы Тани. При второмъ сгибѣ мелькалъ столбецъ цифръ, при третьемъ—какая-то картинка, сложенный листъ летѣлъ влѣво, а въ это время со стопки уже скользилъ на папку новый.

Таня сбросила съ папки послѣдній сфальцованный листъ.

— Ну, пойдемте!

— Счастливая ты, Таня!—вздохнула Александра Михайловна.

Въ работѣ наступилъ перерывъ. Дѣвушки сидѣли кучками по четыре-пять человѣкъ и пили чай. Въ раскрытыя окна несло жаромъ іюньскаго дня, запахомъ известки и масляной краски.

Александра Михайловна и Таня пили чай вмѣстѣ съ двумя другими работницами,—вдовою переплетнаго подмастерья Фокиною и блѣдною пожилою дѣвушкою Дарьей Петровною. Александра Михайловна, сгорбившись, сидѣла на табуреткѣ, испытывая пріятное ощущеніе отдыха. Она ужъ третій мѣсяцъ работала въ мастерской, но все еще при каждомъ перерывѣ ей хотѣлось отдыхать долго-долго, безъ конца.

— Что̀ за исторія такая! — задумчиво сказала она.—Все мнѣ Васька Матвѣевъ трудную работу даетъ. Напоила его кофеемъ, угостила,—думала, легче станетъ. Недѣлю давалъ шитье въ прорѣзку, фальцовку на уголъ, а потомъ опять все пошло по-старому.

Фокина усмѣхнулась.

— А вы какъ же думали? Вы думали, угостили разъ, и готово дѣло! У него положеніе: поставишь угощеніе,—будетъ тебѣ хорошая работа на недѣлю.

— Вотъ такъ та̀къ!—Александра Михайловна скорбно задумалась.—Что̀ же это такое? Четыре человѣка ихъ, мастеровъ. Вишневка, кофей, пирожки,—рубль шестьдесятъ семь копеекъ мнѣ обошлось. Четверть фунта кофею выпили, два фунта сахару съѣли; что̀ съѣли, что̀ по карманамъ себѣ напихали... Неужто мало имъ?

— А вы ихъ одна, что ли, угощаете?—желчно возразила Фокина.—Разъ-то, другой, всякая угоститъ; кому же они трудную работу будутъ давать?

— Такъ вѣдь, Господи, я не о томъ, что трудная! Пускай

и трудную работу даютъ, а чтобъ только правильно дѣлали, не обижали людей.

Таня гордо сказала:

— А я вотъ никого ни разу не угощала! И не стану угощать, безъ нихъ справлюсь.

— А я тебѣ, Танечка, вотъ что̀ скажу,—медленно произнесла Дарья Петровна: — не гордися! Погордишься, милая, погордишься, а потомъ пожалѣешь. Разореніе тебѣ какое, что ли, мастера уважить? А сила у него большая.

— Какъ же это мнѣ быть теперь?—въ печальномъ недоумѣніи спросила Александра Михайловна:—девять-десять рублей зарабатываешь въ мѣсяцъ, что̀ же это? Развѣ на такія деньги проживешь съ ребенкомъ?

— Вы вотъ что̀: попросите себѣ у Василія Матвѣева приклейку,—посовѣтовала Дарья Петровна.—Вы ужъ третій мѣсяцъ работаете, вамъ давно пора приклейку давать. А это работа выгодная. Вонъ-онъ Ѳедька идетъ, можетъ, онъ знаетъ; спросите, есть ли сейчасъ приклейка.

У Дарьи Петровны было смиренное, желто-блѣдное лицо, и она съ ненужною угодливостью заглядывала въ глаза тому, съ кѣмъ говорила.

Александра Михайловна остановила проходившаго брошюранта и ласково спросила:

— Не знаешь, Ѳедя, есть сейчасъ у мастера приклейка?

— Сколько угодно! «Русская поэзія», съ портретами. Десять тысячъ экземпляровъ.

Въ дверь заглянулъ изъ коридора переплетный подмастерье Ляховъ. Онъ быстро вошелъ въ комнату, схватилъ Ѳедьку за плечо и грозно спросилъ:

— Тебѣ чего тутъ нужно?

— Чего... А вамъ чего?—съ недоумѣніемъ пробормоталъ Ѳедька.

Ляховъ поднесъ къ его носу свой крѣпкій кулакъ.

— Я тебѣ, негодяй, всѣ зубы твои повыбью!.. Пошелъ прочь, не смѣть съ Александрой Михайловной разговаривать!!

— Эге!—Ѳедька весело усмѣхнулся и, поднявъ брови, съ любопытствомъ метнулъ взглядъ на Александру Михайловну.

— Господи, что̀ же это такое!—воскликнула Александра Михайловна.—Василій Васильевичъ, вы съ ума сошли, что ли?

— Я никакому мужчинѣ не позволю говорить съ Александрой Михайловной! Еще разъ увижу тебя,—изувѣчу!—крикнулъ Ляховъ и свирѣпо выкатилъ глаза.

— Да что̀ же это, Господи! Василій Васильевичъ, я къ хозяину пойду! Какъ вы смѣете меня позорить?

— Такъ вотъ, помни!

Ляховъ еще разъ выразительно потрясъ кулакомъ передъ носомъ пятившагося Ѳедьки и, не глядя на Александру Михайловну, вышелъ.

Улыбающійся Ѳедька въ юмористическомъ ужасѣ продолжалъ пятиться къ верстакамъ.

Александра Михайловна сидѣла красная и сконфуженная.

— Ну что же это такое, скажите, пожалуйста! Вотъ ужъ второй мѣсяцъ не даетъ мнѣ покою. Пристаетъ вездѣ, позоритъ, просто проходу никакого нѣту!.. И чего онъ ко мнѣ привязался!

— Вездѣ только про васъ и говоритъ, такой безстыдникъ!— сочувственно-негодующе сказала Дарья Петровна.—Влюбленъ, говоритъ, не могу жить безъ нея... Это женатый-то человѣкъ! Такой стыдъ!

— Намедни пришелъ къ намъ, — усмѣхнулась Фокина:— разсказываетъ про свою любовь, плачетъ,—спьяну, конечно. Если, говоритъ, Александра Михайловна меня не удовлетворитъ, я, говоритъ, какъ только листья осыпятся, повѣшусь въ Петровскомъ паркѣ. «Чего же,—я говорю,—ждать? Это и теперь можно».—«Нѣтъ, говоритъ, когда листья осыпятся».

— А еще былъ другъ покойнику Андрею Ивановичу!—укоризненно вздохнула Александра Михайловна, и чуть замѣтная самодовольная улыбка пробѣжала по ея губамъ.

Дѣвушки кончали пить чай и принимались за работу. Въ огромной живой машинѣ начинали шевелиться ея части, и вскорѣ она пошла въ ходъ быстрымъ, ровнымъ темпомъ.

Александра Михайловна вошла въ комнату мастера. Василій Матвѣевъ, высокій, грузный мужчина съ мясистымъ лицомъ, наклонясь надъ верстакомъ, накалывалъ листы. Онъ оглядѣлъ Александру Михайловну своими косящими глазами и молча продолжалъ работать.

Александра Михайловна сказала:

— Василій Матвѣевъ! Я работу кончила, дай мнѣ приклейку!

Мастеръ продолжалъ молча накалывать.

— Василій Матвѣевъ!

— Да подожди ты, видишь, занятъ я!—грубо огрызнулся онъ.

Александра Михайловна, стиснувъ зубы, смотрѣла на его красное, потное лицо. Три недѣли назадъ Василій Матвѣевъ ущипнулъ ее въ руку около плеча, и она сурово оттолкнула его. «Ишь, недотрога какая выискалась!»—ядовито замѣтилъ онъ и съ тѣхъ поръ сталъ во всемъ тѣснить ее. Только ту недѣлю, когда Александра Михайловна напоила его кофеемъ, онъ былъ немножко ласковѣе.

Василій Матвѣевъ, не спѣша, продолжалъ работать. Александра Михайловна сердито спросила:

— Скоро, что ли? Мнѣ нѣтъ время ждать.

— Приклейку,—проворчалъ мастеръ.—Тебѣ рано приклейку, напортишь.

— Нѣтъ, не рано. Приклейка черезъ полтора мѣсяца полагается, а я ужъ третій мѣсяцъ работаю.

— Приклейку... Мастеру уваженія не доказываешь, а тоже, приклейку ей давай... Что̀ нынче съ Грунькой говорила?

— Да что̀, Василій Матвѣевъ, развѣ не правду я сказала? Однѣмъ все легкую работу даете, другимъ все трудную. А вѣдь жить-то всѣмъ нужно...

— Нѣту сейчасъ приклейки, ступай!—оборвалъ Василій Матвѣевъ.

Лѣвая щека Александры Михайловны задергалась.

— Нѣтъ, есть приклейка, я знаю: «Русская поэзія»... Я къ хозяину пойду.

Мастеръ молчалъ. Александра Михайловна рѣшительно пошла къ выходу.

— Тамъ, въ углу,—буркнулъ Василій Матвѣевъ.

Она воротилась.

— Это вотъ?.. Какую картинку взять?

— Пушкина портретъ. Тысячу возьми, не больше.

— На какую страницу приклеивать?

— Да отстань ты, пожалуйста, не мѣшай!.. Пятьдесятъ шестая страница.

Александра Михайловна вышла. Внутри у нея кипѣло отъ злобы: десять минутъ ушло на переговоры, а онъ отлично знаетъ, какъ дорого время при сдѣльной работѣ. Но ей было пріятно, что она все-таки добилась своего. Александра Михайловна распустила пачку портретовъ, смазала ихъ клеемъ и принялась за работу.

Кругомъ стоялъ непрерывный шелестъ отъ сворачиваемыхъ листовъ. Слышно было, какъ подъ поломъ стучалъ въ переплетномъ отдѣленіи газомоторъ.

— Ишь, вѣдьма-то наша, уѣзжать собирается!—сказала рядомъ Манька, бойкая дѣвочка лѣтъ шестнадцати.

Гавриловна, худая старуха въ грязной, отрепанной юбкѣ, стояла у печки и съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ лицомъ стучала въ нее своею костяжкою.

— Стучитъ, чтобъ помело подавали!—засмѣялась другая дѣвочка, Дунька.

— Тара-та-тамъ! Тара-та-тамъ!.. Тара-та-та-та-тамъ! —

хрипло напѣвала полоумная Гавриловна, нелѣпо изогнувъ руки, и кружилась около печки на одномъ мѣстѣ.

Манька спросила:

— Ты чего, тетенька, вертишься?

— Я, милая, молода была, много польку танцовала, все въ одну сторону. Теперь раскручиваюсь... Тара-та-тамъ! Тара-та-тамъ!..

— Что̀ это за безобразіе!—сердито крикнула Фокина.—Работать мѣшаетъ... Иди на мѣсто, слышишь ты!

— И вправду, что̀ это!—сказала Александра Михайловна.—Работать нужно, а она развлекаетъ. Вѣдь нельзя же, люди дѣломъ заняты!

Гавриловна молча стала къ станку, поклонилась въ поясъ стопкѣ листовъ и принялась фальцовать. Минуты двѣ она молча работала, потомъ вдругъ повернулась къ Фокиной и громко крикнула:

— Чортъ тебя зашиби большимъ камнемъ! Бѣлуга астраханская!

Дѣвочки прыснули.

— Провались ты проваломъ, лопни твой животъ! Чтобъ къ тебѣ ночью домовой на постель влѣзъ!

— Хо-хо-хо!—засмѣялись брошюранты.

Брошюрантъ Егорка крикнулъ:

— Къ ней самой, братцы, онъ каждую ночь лазаетъ!

Гавриловна обрушилась бранью на него. Брошюранты смѣялись и изощрялись въ ругательствахъ, поддразнивая Гавриловну. На каждую ихъ сальность она отвѣчала еще большею сальностью. Это было состязаніе, и каждая сторона старалась превзойти другую. Дѣвочки, радуясь перерыву въ работѣ, слушали и смѣялись.

Къ вечеру Александра Михайловна вклеила картины. Она сдѣлала работу въ два часа; за тысячу приклеекъ двадцать копеекъ,—хорошо!.. Довольная, она понесла работу къ мастеру.

Василій Матвѣевъ раскрылъ книжку, посмотрѣлъ и равнодушно сказалъ:

— Не на то мѣсто приклеила.

Александра Михайловна испуганно глядѣла на него.

— Какъ не на то? Ты же мнѣ самъ сказалъ,—на пятьдесятъ шестую страницу!

— Куда лицомъ вклеила, видишь? Я тебѣ говорилъ, что ты этого еще не можешь. «Отъ Пушкина до Некрасова»,—на эту сторону нужно было, къ заглавію.

И онъ насмѣшливо смотрѣлъ своими косящими глазами, у которыхъ нельзя было поймать взгляда. И Александрѣ Ми-

хайловнѣ казалось,—онъ потому и можетъ быть такъ жестокъ, что его душа загорожена отъ людскихъ глазъ.

— Такъ ты бы мнѣ такъ и сказалъ,—къ пятьдесятъ седьмой страницѣ!—произнесла она обрывающимся голосомъ.

— Ну, ну, что̀ я, глупѣе тебя, что ли? Говорилъ, нельзя тебѣ еще приклейку давать... Ступай, отклеивай.

Александра Михайловна, убитая, воротилась къ верстаку; хотѣлось схватить, порвать всю работу, душили безсильныя слезы: полъ-дня уйдетъ теперь на то, чтобъ аккуратно отклеить картины и снова вклеить ихъ на мѣсто.

Она вяло взяла въ руки ножъ и принялась за отклейку.

II.

Пробило восемь часовъ, мастерскую отперли. Александра Михайловна сунула опостылѣвшую работу подъ верстакъ и побрела домой.

Зина, семилѣтняя дочь Александры Михайловны, дремала на кровати.

— Вставай! — угрюмо сказала Александра Михайловна.— Картошку разогрѣла?

— Разогрѣла.

— Принеси.

Зина принесла изъ кухни разогрѣтый жареный картофель, оставшійся отъ обѣда. Придвинули столикъ къ кровати, стали ужинать. Поѣли невкуснаго разогрѣтаго картофеля, потомъ стали пить чай; Зинѣ Александра Михайловна намазывала на хлѣбъ тонкій слой масла, сама ѣла хлѣбъ безъ масла.

— Что̀ это? — сурово спросила Александра Михайловна и взяла Зину за локоть.—Что̀ это? Господи! Гдѣ это ты порвала?

Она дернула Зину къ себѣ. Весь рукавъ ея платьица до самаго плеча былъ разодранъ.

— Да что̀ же это такое! Что̀ ты, съ собаками, что ли, грызлась?

Зина захныкала.

— Это мнѣ Васька хозяйкинъ сдѣлалъ!

— Васька хозяйкинъ? Ты тутъ балуешься, а я всю ночь сиди, рукавъ тебѣ зашивай?

Она схватила Зину за волосы и дернула. Зина отчаянно взвизгнула. Александра Михайловна трясла и таскала ее за волосы, а другою рукою изо всѣхъ силъ била по платью и съ радостью ощущала, что Зинѣ, правда, больно, что ея тѣло вздрагиваетъ и изгибается отъ боли.

— Ой! Ой!.. Мама!.. Мама!.. Ой!..—испуганно выкрикивала Зина.

Александра Михайловна еще разъ больно дернула ее за волосы и отпустила. Зина залилась плачемъ.

— Что̀? Будешь теперь помнить?

Въ комнату сходились жильцы. Дѣвушка-папиросница, нанимавшая отъ хозяйки кровать пополамъ съ Александрой Михайловной, присѣла къ столу и хлебала изъ горшечка разогрѣтыя щи. Жена тряпичника, худая, съ бѣгающими, горящими глазами, разстилала на полу войлокъ для ребятъ. Старикъ-кочегаръ сидѣлъ на своей койкѣ и маслянисто-черными руками прикладывалъ къ слезящимся глазамъ примочку.

Александра Михайловна злорадно говорила:

— Ты думала, померъ отецъ, такъ на тебя и управы не будетъ? Мама, дескать, добрая, она пожалѣетъ... Нѣтъ, милая, я тебя тоже сумѣю укротить, ты у меня будешь знать! Ты бѣгаешь, балуешься, а мама твоя съ утра до вечера работаетъ; придетъ домой, хочется отдохнуть, а нѣтъ: сиди, платье тебѣ чини. Вотъ порви еще разъ, ей-Богу, не стану зашивать! Ходи голая, пускай всѣ смотрятъ. Что̀ это, скажутъ, какая безстыдница идетъ!..

Зина ныла и ѣла хлѣбъ съ масломъ.

Поужинали скоро. Всѣ укладывались спать. Изъ сосѣднихъ комнатъ сквозь тонкія переборки доносился говоръ, слышалось звяканье посуды, громкая зѣвота. Папиросница раздѣлась за занавѣскою и легла на постель къ стѣнѣ. Зина вытащила изъ подъ кровати тонкій тюфячокъ, разстелила его у столика и, свернувшись клубкомъ, заснула. Улеглись и всѣ остальные. Александра Михайловна угрюмо придвинула лампочку и стала зашивать разодранный рукавъ Зинина платья.

На душѣ было мрачно. Она шила и думала, и отъ всего, о чемъ думала, на душѣ становилось еще мрачнѣе. Шить ей было трудно: руки одеревянѣли отъ работы, глаза болѣли отъ постояннаго вглядыванія въ помера страницъ при фальцовкѣ; по черному она ничего не видѣла, нитку ей вдѣла Зина. Это въ двадцать-то шесть лѣтъ! Что̀ же будетъ дальше?.. И голова постоянно кружится, и въ сердцѣ болитъ, по утрамъ тяжелая, мутная тошнота...

Въ ушахъ все слышался шелестъ сворачиваемыхъ листовъ и мѣрный стукъ газомотора подъ поломъ. Мысль обращалась на мастерскую, и Александрѣ Михайловнѣ представлялось, какъ все тамъ быстро движется, торопится, старается, а надъ этой суетой тяжело лежитъ что-то холодно-жадное и равнодушное, и только оно одно имѣетъ пользу отъ этой суеты;

а что̀ отъ нея имъ всѣмъ? Стараешься, выбиваешься изъ силъ, а должаешь все больше, живешь, какъ нищая; совѣстно пройти мимо мелочной лавки, питаться приходится одною картошкою. И для чего тогда вся эта работа, всѣ униженія, волненія? А уйти некуда. И дальше впереди будетъ то же. Попала она въ темную яму, и нѣтъ изъ нея выхода. Нѣтъ и друзей, которые бы протянули руку.

Встало передъ Александрой Михайловной конфузливое, бѣлесое лицо эстонца-слесаря Лестмана. Онъ былъ другъ покойнаго Андрея Ивановича и первое время поддерживалъ ее деньгами. Но три недѣли назадъ Лестманъ неожиданно сдѣлалъ ей предложеніе выйти за него замужъ; Александра Михайловна отказала сразу, рѣшительно, съ неожиданною для нея самой быстротою; какъ будто тѣло ея вдругъ возмутилось и, не дожидаясь ума, поспѣшно отвѣтило: «нѣтъ! нѣтъ!». До тѣхъ поръ она словно не замѣчала, что этотъ участливый, тускло-сѣрый человѣкъ—мужчина, но, когда онъ заговорилъ о любви, онъ вдругъ сталъ ей противно-чуждъ. Лестманъ пересталъ помогать Александрѣ Михайловнѣ, но каждую недѣлю, въ субботу или воскресенье, приходилъ къ ней и—скромный, застѣнчивый—сидѣлъ, пилъ чай и скучно разговаривалъ. Глаза его какъ будто закрылись, и онъ пересталъ замѣчать ея нищету. И Александрѣ Михайловнѣ было странно, какъ это она раньше принимала отъ него деньги и не понимала, что ни съ того ни съ сего никто не станетъ давать ихъ.

Кругомъ дышали, храпѣли и бормотали во снѣ люди. Комната медленно наполнялась удушливою, прѣлою вонью. Лампочка съ надтреснутымъ стекломъ тускло свѣтила на наклоненную голову Александры Михайловны. За послѣдніе мѣсяцы, послѣ смерти Андрея Ивановича, она сильно похудѣла и похорошѣла: исчезла распиравшая ее полнота, на дѣтски-чистый лобъ легла дума, лицо стало одухотвореннымъ и серьезнымъ.

Она шила, и мрачная тоска все тяжелѣе налегала на душу. Напрасно она старалась найти что-нибудь, отъ чего бы встрепенулась душа и съ ожиданіемъ взглянула впередъ. На что ни наталкивались мысли, все было черно и безнадежно... Завтра получка. Что̀ ей придется получить? Рублей пять за двѣ недѣли. Видно, нѣтъ другого выхода: придется смириться передъ мастеромъ, пойти на уступки; нужно будетъ почаще угощать его, чтобъ давалъ работу получше... Негодяй подлый! Она со злобою вспомнила, какъ онъ насмѣшливо смотрѣлъ на нее своими косящими глазами, у которыхъ нельзя было поймать взгляда. Знаетъ свою силу!.. И отъ полученной обиды снова заныло въ душѣ.

Александра Михайловна стала раздѣваться. Еще сильнѣе пахло удушливою вонью, отъ нея мутилось въ головѣ. Александра Михайловна отвернула одѣяло, осторожно сдвинула къ стѣнѣ вытянувшуюся ногу папиросницы и легла. Она лежала и съ тоскою чувствовала, что долго не заснетъ. Отъ папиросницы пахло селедкою и застарѣлымъ, грязнымъ пòтомъ; по зудящему тѣлу ползали клопы, и въ смутной полудремотѣ Александрѣ Михайловнѣ казалось,—кто-то тяжелый, липкій наваливается на нее,и давитъ грудь, и дышитъ въ ротъ спертою вонью.

III.

На слѣдующій день послѣ обѣда Александра Михайловна, въ накинутомъ на плечи большомъ платкѣ, вошла въ комнату мастера и приперла за собою дверь. Василій Матвѣевъ, съ холоднымъ, деревяннымъ лицомъ, молча слѣдилъ за нею.

Александра Михайловна весело и привѣтливо заговорила:

— Вотъ, Василій Матвѣевъ, у меня сегодня большой праздникъ, хочу тебя угостить!

Она достала изъ-подъ платка полубутылку портвейна и завернутыя въ бумагу пять кондитерскихъ пирожныхъ.

Лицо Василія Матвѣева смягчилось.

— Хорошее дѣло, хорошее дѣло! Не забываешь мастера. Другой разъ и онъ тебѣ можетъ пригодиться.

Онъ всталъ, покосился на припертую дверь и вдругъ быстро наклонилъ къ Александрѣ Михайловнѣ лицо съ забѣгавшими глазами.

— Приходи нынче послѣ работы, вмѣстѣ винцо разопьемъ.

И Александра Михайловна почувствовала, какъ его жирная рука взяла ее подъ грудь.

— Ахъ, ты, негодяй!—Она изо всей силы ударила его по рукѣ.—Подлецъ ты этакій, какъ ты смѣешь?!

Василій Матвѣевъ отшатнулся.

— Чтò такое? Въ чемъ дѣло?—невинно и громко спросилъ онъ.—Чтò тебѣ нужно?

Звенящимъ отъ слезъ голосомъ Александра Михайловна кричала:

— Я честная женщина, а ты смѣешь меня за передъ хватать?

Въ косыхъ глазахъ Матвѣева еще бѣгалъ блудливый огонекъ, но лицо уже было сурово и холодно.

— Ты чтò, чтò ты тутъ скандалишь?—повысилъ онъ голосъ, наступая на Александру Михайловну.—Чтò это ты такое принесла мнѣ? Ступай вонъ!

— Негодяй! Подлецъ!—Александра Михайловна вышла изъ комнаты.

Красная, съ блестящими глазами, она быстро подошла къ верстаку, спрятала бутылку и остановилась, неподвижно глядя на свою работу.

— Что̀ это у васъ тамъ было? Чего это онъ?—съ жаднымъ любопытствомъ спрашивала Манька.

— Не твое дѣло!—рѣзко отвѣтила Александра Михайловна, не поворачивая головы. Она кусала губы, чтобъ сдѣлать себѣ больно и не дать прорваться рыданіямъ.

Кругомъ стоялъ непрерывный шорохъ сворачиваемыхъ листовъ, работа кипѣла, молчаливая и напряженная. Съ разбросанныхъ по верстаку портретовъ смотрѣли курчавые Пушкины, всѣ въ пледахъ и съ скрещенными руками, всѣ съ желчными, безучастными къ происшедшему лицами.

— У-у, милая моя!—раздалось въ сторонѣ.

Гавриловна приплясывала передъ верстакомъ и горячо прижимала къ груди только-что сшитую большую веленевую книгу; потомъ она положила ее на четыре другихъ, уже сшитыхъ книги, отодвинула пачку и низко, въ поясъ поклонилась ей и что-то бормотала.

Въ мастерскую, въ сопровожденіи Василія Матвѣева, вошелъ хозяинъ, Викторъ Николаевичъ Семидаловъ. Дѣвушки оставили работу и съ любопытствомъ слѣдили за нимъ: было большою рѣдкостью, когда хозяинъ заглядывалъ въ брошюровочную.

Оба прошли прямо къ верстаку Александры Михайловны. Василій Матвѣевъ разводилъ руками и говорилъ:

— Невозможно, Викторъ Николаевичъ, углядѣть! Такой народъ, просто наказаніе! Вотъ, извольте сами посмотрѣть!

Онъ полѣзъ подъ верстакъ и вытащилъ вино.

— Изволите видѣть?

Хозяинъ, мрачный, какъ туча, смотрѣлъ на Александру Михайловну.

— Скажите, пожалуйста, вы не знали, что спиртные напитки запрещается вносить сюда? Я принялъ васъ въ память вашего мужа, помогалъ вамъ, но это вовсе не значитъ, что вы у меня въ мастерской можете дѣлать, что̀ вамъ угодно.

Александра Михайловна, блѣдная, съ сжатыми губами, молчала, опустивъ глаза.

— Я и не зналъ, что вы выпиваете!—съ усмѣшкою прибавилъ хозяинъ.—Да еще какіе напитки дорогіе,—портвейнъ! А я думалъ, вы нуждаетесь... Слушайте: въ первый и послѣдній разъ я васъ прощаю, но смотрите, если это повторится еще разъ...

Онъ пренебрежительно оглядѣлъ ее и вышелъ. Прислонившись къ сосѣднему верстаку, стоялъ вихрастый, курносый мастеръ надъ дѣвушками переплетнаго отдѣленія, Сугробовъ.

— Ты недавно тутъ работаешь?—спросилъ онъ, когда хозяинъ и Матвѣевъ вышли.

— Третій мѣсяцъ,—машинально отвѣтила Александра Михайловна.

— Ну, не выдержать тебѣ,—съ состраданіемъ произнесъ онъ.—Бѣги лучше прочь, погубишь себя!

И онъ пошелъ къ себѣ внизъ. Александра Михайловна неподвижно стояла передъ верстакомъ. Подошли Дарья Петровна и Фокина. Дарья Петровна спросила:

— Что̀ это онъ на васъ? Вѣдь вино-то вы ему купили? Что̀ такое случилось?

— Такъ... Все равно...

— Мало, что ли, показалось ему?

Фокина испытующе взглянула на Александру Михайловну и усмѣхнулась.

— Отъ такой красивенькой дамочки ему не портвейна нужно!

Дарья Петровна высоко подняла брови и украдкою бросила на Александру Михайловну быстрый взглядъ.

— Вотъ мерзавецъ!—сочувственно вздохнула она.

У Александры Михайловны запрыгали губы.

— Уйду я отсюда!

Дарья Петровна помолчала.

— Куда уйти-то? Вы думаете, лучше у другихъ? А я вамъ скажу, можетъ, еще хуже. Тутъ хоть хозяинъ добрый, не гонится за этимъ, а вонъ у Коникова,—тамъ прямо иди къ нему дѣвушка въ кабинетъ.

— Какого Коникова? Конюховъ фамилія его,—поправила Фокина.—На Пятнадцатой линіи.

— Ай Конюховъ? Ну, Конюховъ, что ли.

Дарья Петровна опять помолчала, взглянула на Александру Михайловну и еще разъ сочувственно вздохнула.

Александра Михайловна съ страннымъ чувствомъ слушала ихъ. То, что̀ случилось, было неслыхано-возмутительно. Всѣ глаза должны были загорѣться, всѣ души вспыхнуть негодованіемъ. Между тѣмъ сочувствіе было вялое, почти дѣланое, и отъ него было противно.

Она возвращалась домой глубоко-одинокая. Была суббота. Фальцовщицы и подмастерья, съ получкою въ карманѣ, весело и торопливо расходились отъ воротъ въ разныя стороны. Дѣвушекъ поджидали у воротъ кавалеры,—писаря, литографы,

наборщики. У всѣхъ были чуждыя лица, всѣ были заняты только собою, и Александрѣ Михайловнѣ казалось,—лица эти такъ же мало способны освѣтиться сочувствіемъ къ чужой бѣдѣ, какъ безучастныя лица бумажныхъ Пушкиныхъ.

Громко и весело разговаривая, Александру Михайловну обогнала кучка дѣвочекъ-подростковъ. Впереди, съ лихимъ лицомъ, шла Манька. Подъ накинутымъ на плечи платкомъ гибко колебался ея тонкій, полудѣтскій станъ. У панели, рядомъ съ ломовыми дрогами, на кучѣ старыхъ рельсовъ спалъ ломовикъ. Манька громко крикнула:

— Дядя, зачѣмъ спишь?!

Дѣвочки расхохотались.

Ломовикъ поднялъ взлохмаченную голову, молча поглядѣлъ дѣвушкѣ вслѣдъ и снова опустилъ голову на рельсы.

— Вотъ бы ему бабу здоровую подложить подъ бокъ, было бы ему тепло!—говорила Манька, быстро идя дальше.—Аа-чхи!!—вдругъ громко сдѣлала она, какъ будто чихая, въ лицо двумъ стоявшимъ у панели парнямъ.

Парни пустили ей вслѣдъ сальную остроту. Дѣвочки со смѣхомъ свернули за уголъ.

«Какая все помойная яма!»—съ тупымъ отвращеніемъ думала Александра Михайловна. И она вспоминала, какъ хорошо и чисто жилось ей, когда былъ живъ Андрей Ивановичъ.

Спускались бѣлыя сумерки. У ренсковаго погреба, кого-то поджидая, стояла Таня, оживленная и веселая, со своими золотящимися, пушистыми волосами. Изъ погребка вышелъ красивый, статный гвардейскій матросъ. Таня взяла его подъ руку.

— Вотъ что: килекъ не надо, будетъ селедка. Лучше винограду купимъ.

Морякъ поклонился Александрѣ Михайловнѣ. Это былъ женихъ Тани, Журавлевъ. Они пошли подъ руку черезъ улицу къ колоніальному магазину. Александра Михайловна смотрѣла вслѣдъ, смотрѣла, какъ они тѣсно прижимались другъ къ другу, и еще сильнѣе чувствовала свое одиночество.

IV.

Назавтра, въ воскресенье, Александра Михайловна лежала подъ вечеръ на кровати. Ей теперь вообще хотѣлось много лежать, а вчера она къ тому же заснула, когда уже разсвѣло: въ сосѣдней комнатѣ пьяные водопроводчики подрались съ сапожникомъ, били его долго и жестоко; залитаго кровью, съ мотающеюся, безчувственною головою, сапожника свезли въ

больницу, а водопроводчиковъ отвели въ участокъ. Потомъ воротился домой тряпичникъ, тоже пьяный, и сталъ бить свою жену; она ругалась и какъ будто нарочно задирала его, а онъ билъ ее еще жесточе.

Въ комнатѣ никого не было. Взрослые разошлись, дѣти играли на дворѣ.

Громкій голосъ спросилъ въ коридорѣ:

— Здѣсь Колосова живетъ, Александра Михайловна?.. Эй, есть кто тутъ?

Александра Михайловна поспѣшно поднялась съ постели, застегивая на груди кофточку. Въ комнату вошелъ Ляховъ, съ тросточкой въ рукѣ.

— Здравствуйте!.. Вотъ такъ квартира,—нигдѣ никого нѣтъ!

Александра Михайловна холодно отвѣтила:

— Здравствуйте!

— Моя жена не у васъ?

— Нѣтъ тутъ вашей жены.

— Нѣту... Гм!..

Ляховъ сѣлъ на качавшійся стулъ и, играя тросточкою, внимательно оглядывалъ обстановку.

— Вашъ покойный мужъ былъ глупъ! — неожиданно сказалъ онъ.

Александра Михайловна заволновалась.

— Василій Васильевичъ, если вы по-хорошему пришли, то такъ, а нѣтъ, то лучше ступайте отсюда!

— Онъ былъ глупъ. Онъ васъ не умѣлъ цѣнить. Если бы онъ былъ немножко поумнѣе, онъ бы васъ холилъ, на рукахъ носилъ бы. Онъ бы понималъ, какая у него хорошая жена. А онъ васъ только обижалъ.

Ляховъ странными, что-то таящими въ себѣ глазами оглядывалъ Александру Михайловну, и она, волнуясь, сама того не замѣчая, оправляла юбку и нащупывала пальцами, всѣ ли пуговицы застегнуты на груди.

— Бросьте мастерскую, приходите ко мнѣ жить, — продолжалъ Ляховъ и придвинулся со стуломъ къ кровати.—Я вамъ буду платить каждый мѣсяцъ тридцать два рубля. Катьку прогоню, дамъ ей отдѣльный паспортъ. Я безъ васъ не могу жить.

Александра Михайловна, все больше волнуясь, встала и подошла къ окну.

— Я не понимаю, Василій Васильевичъ, какъ вамъ не стыдно это говорить! Вѣдь вы были другъ Андрею Ивановичу, онъ васъ любилъ...

— Онъ былъ подлецъ, завистникъ! Онъ меня нарочно не-

редъ смертью женилъ на Катькѣ, по злобѣ, чтобъ вы мнѣ не достались.

Александра Михайловна засмѣялась.

— Неужели? Скажите, пожалуйста!.. Мы ее, кажется, совсѣмъ напротивъ,—отговаривали итти за васъ.

— Я для того только и въ больницу ходилъ къ Колосову, чтобъ посмотрѣть, скоро ли онъ сдохнетъ, — вызывающе сказалъ Ляховъ.

— Василій Васильевичъ, уходите отсюда вонъ. Я васъ не желаю слушать!

— Зачѣмъ вы къ окну ушли?

Ляховъ тяжело дышалъ, съ тѣмъ же страннымъ, готовящимся къ чему-то лицомъ. Онъ всталъ и подошелъ. Отъ него пахло коньякомъ. Александра Михайловна старалась подавить вдругъ охватившую ее дрожь. Ляховъ, блѣдный и насторожившійся, съ бѣгающими глазами, стоялъ, загораживая ей дорогу отъ окна. Задыхаясь, она поспѣшно заговорила:

— Василій Васильевичъ, что̀ же это будетъ? Раньше въ мастерской и на улицѣ не давали мнѣ проходу, а теперь ужъ ко мнѣ на квартиру приходите? Сами подумайте, развѣ же такъ можно!

— Я вамъ сказалъ, что я васъ люблю. А что̀ я разъ сказалъ, отъ того ужъ никогда не отступлюсь. Все равно, вы мнѣ достанетесь, покою вамъ не будетъ... Я своего добьюсь...

Ляховъ теперь тоже задыхался. Крѣпкій, съ мускулистымъ затылкомъ, онъ смотрѣлъ въ лицо Александрѣ Михайловнѣ замутившимися, тупо-безпощадными, какъ у звѣря, глазами. И Александра Михайловна поняла,—отъ этой животной, жестокой силы ей не защититься ни убѣжденіями ни мольбами.

Въ дверяхъ показался высокій, широкоплечій Лестманъ. Онъ снялъ съ головы котелокъ и застѣнчиво приглаживалъ ладонью бѣлесые волосы.

— Иванъ Карлычъ, здравствуйте! — громко сказала Александра Михайловна и съ неестественнымъ оживленіемъ пошла къ нему навстрѣчу мимо Ляхова.

Ляховъ обернулся. Глаза его насмѣшливо вспыхнули.

— А-а, явленныя мощи! Что̀ такъ долго не являлись? Тебя ужъ тутъ заждались. Съ утра ждутъ,—что̀ это милый не приходитъ?.. Мѣстечко-то, значитъ, занято! Та-акъ!..

Онъ засмѣялся, надѣлъ шляпу и, не прощаясь, вышелъ.

Александра Михайловна радушно говорила:

— Садитесь, Иванъ Карлычъ! Сейчасъ будемъ чай пить!

Она все еще не могла справиться съ бившею ее дрожью. Лестманъ съ недоумѣніемъ слѣдилъ за нею.

— Такой нахалъ этотъ Ляховъ, просто я не понимаю!— сказала она. — Съ самаго того времени, какъ Андрей Ивановичъ померъ, не даетъ мнѣ нигдѣ проходу. Въ мастерской пристаетъ, на улицѣ, на квартирѣ вотъ... И придумать не могу, какъ мнѣ отъ него отдѣлаться!

Лестманъ покачалъ головою.

— Онъ сегда былъ нахалъ. Это не было корошо, что вашъ мужъ уже давно его не прогонялъ.

Александра Михайловна сходила за кипяткомъ и заварила чай. Лестманъ молча сталъ пить. Отъ его приглаженныхъ, словно полинявшихъ волосъ, отъ плоскаго лица съ рѣдкою бородкою несло безнадежно-трезвою скукою.

— Что это у васъ, Иванъ Карлычъ, рука завязана?—спросила Александра Михайловна.

— Это я себѣ руку зарѣзалъ на работѣ... Фельдшеръ посыпалъ какимъ-то пульверомъ, и еще больше заболѣла. Только я понялъ, что фельдшеръ неправильно сдѣлаетъ. «Нѣтъ, я думаю, надо не такъ». Взялъ спермацетной мази, снапса и вазелина, сдѣлалъ мазь, положилъ на тряпку, и все сдѣлалось здоровое. Теперь уже можно работать, а раньше эту цѣлую недѣлю я не работалъ.

— А у васъ какъ, платятъ, когда заболѣешь?

— Если докторъ записку даетъ, тогда платятъ семьдесятъ пять копеекъ за каждый день. У насъ докторъ очень добрый, всѣмъ даетъ, а только я не хотѣлъ брать. Мастеръ сегда сердится за это. Лучше же я не буду брать, тогда онъ мнѣ будетъ давать корошую работу.

Александра Михайловна вздохнула.

— Видно, вездѣ мастера обижаютъ рабочаго человѣка!

— А вамъ и теперь всегда даютъ плохую работу? — осторожно спросилъ Лестманъ.

— Плохую. Такъ тѣснитъ мастеръ, просто я не знаю. Ужъ думаю, не перейти ли въ другую мастерскую.

Лестманъ медленно мигнулъ, и въ бѣлесыхъ глазахъ проползло что-то. Александра Михайловна прикусила губу и замолчала. Ей стало ясно: да, онъ ждетъ, чтобъ она совсѣмъ запуталась и чтобъ тогда пошла къ нему. И ей вдругъ представилось: гдѣ-нибудь въ темной глубинѣ моря сидитъ большая, лупоглазая рыба и разѣваетъ широкій ротъ, и ждетъ, когда подплыветъ мелкая рыбешка, чтобъ слопать ее...

— Вы сколько же теперь заработаете? — осторожно выпытывалъ Лестманъ.

Александра Михайловна стала врать.

— Да зарабатываю, собственно, ничего. Двадцать рублей,

а когда постараешься,—двадцать пять. Жить можно, ничего, а только все-таки обидно, — зачѣмъ они неправильно поступаютъ!

Она низко наклонилась надъ чашкою, чтобъ Лестманъ не видѣлъ ея лица, а сама думала: «всѣмъ, всѣмъ имъ нужно одного—женскаго мяса: душу чужую по дорогѣ съѣдятъ, только бы добраться до него»... Она рѣзко и неохотно стала отвѣчать на вопросы Лестмана, но онъ этого не замѣчалъ. Помолчитъ, выпьетъ стаканъ чаю и разскажетъ, какъ онъ въ Тапсѣ собиралъ муравьиныя яйца для соловьевъ.

— Нужно взять двѣ ольховыхъ палочки, сдирать съ нихъ кожицу и въ воскресенье утромъ положить крестомъ на муравьиную кучу. Всѣ муравьи уйдутъ. Можно эти яйца продавать, фунтъ стоитъ восемьдесятъ пять копеекъ.

И опять молчитъ.

Наконецъ онъ всталъ уходить. Александра Михайловна проводила его до выхода, воротилась и сѣла къ окну. Смутныя мысли тупо шевелились въ мозгу, она не старалась ихъ поймать и съ угрюмою, бездумною сосредоточенностью смотрѣла въ окно. Темнѣло. Въ комнату сходились жильцы, за перегородкою пьяные водопроводчики играли на гармоникѣ. Александра Михайловна надѣла на голову платочекъ и вышла на улицу.

Въ сумеркахъ по панелямъ проспекта двигалась праздничная толпа, конки, звеня и лязгая, черными громадами катились къ мосту. Проходили мужчины, — въ картузахъ, фуражкахъ, шляпахъ. У всѣхъ были животныя, скрыто-похотливыя и безпощадныя въ своей похотливости лица. Толпа двигалась, одни лица смѣнялись другими, и за всѣми ими таилась та же прячущаяся до случая, не знающая пощады мысль о женскомъ мясѣ.

Александра Михайловна свернула въ боковую улицу. Здѣсь было тише. Еще сильнѣе, чѣмъ всегда, она ощущала въ тѣлѣ что-то тоскливо-сосущее; чего-то хотѣлось, что-то было нужно, а что,—Александра Михайловна не могла опредѣлить. И она думала, отъ чего это постоянное чувство, — отъ голода ли, отъ не дававшихъ покоя думъ, или оттого, что жить такъ скучно и скверно? На углу тускло свѣтилъ фонарь надъ вывѣскою трактира.

Стыдясь самой себя, Александра Михайловна подумала:

«Зайти развѣ выпить?»

Она постояла, внимательно оглядѣлась по сторонамъ и тихонько скользнула въ дверь.

Народу въ трактирчикѣ было немного. За среднимъ столомъ,

подъ лампой-молніей, три парня-штукатура пили чай и водку; у окна сидѣла за чивомъ пожилая, крупная женщина съ черными бровями. Александра Михайловна пробралась въ уголъ и спросила водки.

Молодой штукатуръ, съ пухлымъ лицомъ и большимъ, какъ у рыбы, ртомъ, обнималъ своего сосѣда и цѣловался съ нимъ.

— Пущай же объ насъ люди говорятъ, что мы худо поступаемъ!.. Пущай. Одинъ истинный Богъ надъ нами! Алешка, вѣрно я сказалъ?.. Ярославецъ, еще бутылочку!

— Ваня! Будетъ, не надо!

— Ну, «будетъ»!

— Не надо!

— Эй, еще бутылочку!

— Ваня, не разсчитывай!

Чернобровая женщина, держа кружку за ручку, съ враждебнымъ вниманіемъ слушала ихъ.

Половой поставилъ передъ Александрой Михайловной графинчикъ, она налила рюмку и выпила. Водка захватила горло, обожгла желудокъ и пріятнымъ тепломъ разлилась по жиламъ. Какъ будто сразу во всемъ тѣлѣ что-то подправилось, понурая спина выпрямилась, и стало исчезать обычное ощущеніе, что чего-то не хватаетъ.

— Нѣтъ, не буду больше пить! — рѣшительно произнесъ Алешка. Онъ взялъ съ сосѣдняго стола «Петербургскій Листокъ», хотѣлъ-было начать читать и положилъ назадъ на столъ.—Не стòитъ браться!—сказалъ онъ.

Чернобровая женщина, все такъ же враждебно глядя на него, громко спросила:

— Почему не стòитъ браться за литературу? Литература издается для просвѣщенія! Въ ней пишутъ сотрудники, умные люди! Какъ же это за нее не стòитъ браться?

Штукатуры оглянулись и продолжали разговарить. Чернобровая женщина обратилась къ Александрѣ Михайловнѣ.

— Вотъ какой народъ здѣсь въ Петербургской губерніи! Самый дикій народъ, самый грубый! Поѣзжайте вы въ Архангельскую губернію или Ярославскую. Вотъ тамъ такъ развитой народъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. А въ Смоленской губерніи!.. Оттуда такое письмо тебѣ пришлютъ, что любо читать. А здѣсь, конечно, обломы всѣ, только что въ человѣческой кожѣ. Какъ они говорятъ: «эва! пущай!..»

Черезъ часъ Александра Михайловна вмѣстѣ съ чернобровой женщиной выходила изъ трактира. Александра Михайловна рыдала и била себя кулакомъ въ грудь.

— Я честная женщина, я не могу!—твердила она.—Уйду,

уйду, отъ всѣхъ уйду!.. Жить хочешь, такъ потеряй себя... Все терпѣть, терпѣть!.. Куда же уйти-то мнѣ, Господи?

Волосы ея выбивались изъ-подъ платка, она качала растрепанною головою, а чернобровая женщина своимъ громкимъ, увѣреннымъ голосомъ говорила:

— Это іезуитское правило, — всякій способъ оправдываетъ свое средство!.. Іезуитское нормальное состояніе...

V.

Въ понедѣльникъ утромъ разсыльный положилъ передъ Александрой Михайловной двѣ толстыя пачки веленевыхъ листовъ.

— Подожди, что̀ это такое? Почему мнѣ два листа? Всѣмъ по одному дано.

— Мнѣ какое дѣло, велѣно!—И разсыльный пошелъ дальше.

— Я не возьму, неси назадъ къ мастеру, мнѣ не надо!

За веленевые листы платятъ почти столько же, сколько за обыкновенные; между тѣмъ фальцовать веленевую бумагу много труднѣе: номеровъ страницъ не видно даже на свѣтъ, приходится отгибать углы, чтобъ номеръ пришелся на номеръ; бумага ломается, при сгибаніи образуются складки.

Александра Михайловна пошла въ контору къ хозяину. Тамъ былъ и Василій Матвѣевъ.

— Викторъ Николаевичъ, позвольте узнать, почему мнѣ дали два листа «Европейской флоры»? Всѣмъ по одному дано фальцовать, Поляковой ничего, а мнѣ два.

Семидаловъ вопросительно взглянулъ на Василія Матвѣева. Онъ развелъ руками и суетливо наклонился къ хозяину.

— Такъ пришлось, Викторъ Николаевичъ, ничего не подѣлаешь. Нужно же кому-нибудь дать, поровну на всѣхъ не подѣлишь.

— Вотъ Поляковой бы ты и далъ, — сказала Александра Михайловна.

Матвѣевъ покосился на нее.

— У Поляковой другая работа есть.

— Да-а, другая работа! Шитье въ прорѣзку!

— Это все равно! — поучающе произнесъ хозяинъ. —Такую трудную работу нужно всѣмъ дѣлить поровну, она права. Работа на работу не приходится, нужно такъ распредѣлять, чтобъ никому не было обидно. Я вамъ это сколько разъ говорилъ. Вы знаете, я люблю, чтобы все дѣлалось справедливо.

Александра Михайловна съ торжествомъ воротилась въ мастерскую. Слѣдомъ вошелъ Василій Матвѣевъ. Онъ медленно

обошелъ работавшихъ, потомъ остановился около Александры Михайловны.

— Ты хозяину жаловаться! Посмотримъ, много ли выгадаешь. Хочешь выше мастера быть?.. Ладно!

Черезъ два дня шить въ проколку эту же «Флору» досталось опять Александрѣ Михайловнѣ. Раздачею шитья завѣдывалъ Соколовъ, одинъ изъ помощниковъ Василія Матвѣева. Александра Михайловна пошла къ нему объясняться. Соколовъ грубо крикнулъ:

— Что̀ это тутъ за королева объявилась?.. Шей, что̀ даютъ, и не разсуждай!

— Мнѣ, милый мой, разсуждать нечего, а я къ хозяину пойду,—спокойно возразила Александра Михайловна и отправилась въ контору.

Хозяинъ выслушалъ Александру Михайловну и нахмурился.

— Знаете, голубушка, нельзя же все ужъ такъ поровну дѣлить. Работа разная бываетъ, приходится иногда и потяжелѣе работу сдѣлать.

Съ этихъ поръ, завидѣвъ входящую въ контору Александру Михайловну, Семидаловъ сталъ уходить. Первое время послѣ ея поступленія въ мастерскую онъ покровительствовалъ ей «въ память мужа», передъ которымъ чувствовалъ себя въ душѣ нѣсколько виноватымъ. И его раздражало, что на этомъ основаніи она предъявляетъ требованія, какихъ ни одна дѣвушка не предъявляла, и что къ ней нужно относиться какъ-то особенно, не такъ, какъ къ другимъ.

Вообще въ конторѣ совсѣмъ иначе относились къ дѣвушкамъ, чѣмъ къ переплетнымъ подмастерьямъ. Съ подмастерьями считались, ихъ требованія принимались во вниманіе. Требованія же дѣвушекъ вызывали лишь негодующее недоумѣніе, и онѣ находились въ полной власти Василія Матвѣева съ помощниками. Подмастерья получали расчетъ каждую недѣлю, дѣвушки—черезъ двѣ недѣли. Подмастерья имѣли законныя расчетныя книжки, дѣвушкамъ заработокъ вписывался въ простыя тетрадки. Иногда, просматривая списки съ платою, хозяинъ находилъ, что такая-то дѣвушка заработала слишкомъ много, вычеркивалъ девять рублей и вмѣсто нихъ ставилъ восемь.

— Попробовалъ бы онъ съ нами такъ-то, мы бы ему показали!—смѣялись подмастерья, когда дѣвушки разсказывали имъ про это.

И Александра Михайловна не могла понять, потому ли такъ покорны дѣвушки, что имъ нѣтъ управы на контору, или потому и нѣтъ управы, что онѣ такъ покорны. Она саднящими руками вкалывала иглу въ плотную, какъ кожа, веленевую

бумагу и съ глухою ненавистью слѣдила за Василіемъ Матвѣевымъ: жирный, краснорожій, надувшійся дарового кофе съ вишневкою, онъ прохаживался между верстаками, отдуваясь и рыгая. Какъ будто баринъ расхаживалъ среди своихъ крѣпостныхъ. А дѣвушки, ругавшія его за глаза, въ глаза были предупредительны и почтительны.

Мастерская становилась Александрѣ Михайловнѣ все противнѣе. Противна была и сама работа, и шедшая отъ залежавшихся листовъ пыль, и тянувшій съ лѣстницы запахъ варившагося внизу клея. Противны были люди кругомъ. Брошюранты, работавшіе вперемежку съ дѣвушками, нарочно говорили при нихъ сальности и вызывали ихъ на сальные отвѣты. Но противнѣе всего было, когда дѣвушки ссорились между собою. А ссорились онѣ часто, изъ-за каждаго пустяка. И тогда одна бросала въ лицо другой грязныя, вонючія оскорбленія и громко уличала ее, что она живетъ на содержаніи у ретушера Образцова, а кромѣ того бѣгаетъ ночевать къ Володькѣ-водопроводчику. Безстыдно разсказывались невѣроятныя вещи о подброшенныхъ и задушенныхъ дѣтяхъ, о продажѣ себя за бутылку пива. Мастера и брошюранты, засунувъ руки за пояса блузъ, толпились вокругъ и, довольные, покатывались со смѣху; дѣвочки-подростки съ жаднымъ любопытствомъ слушали, блестя глазами. А поссорившіяся, какъ пьяныя, не чувствовали своего униженія и продолжали перебрасываться смрадными словами.

Больше всего Александру Михайловну поражало, что среди дѣвушекъ не было рѣшительно никакихъ товарищескихъ чувствъ. Всѣ знали, что Грунька Полякова, любовница Василія Матвѣева, передаетъ ему обо всемъ, что̀ дѣлается и говорится въ мастерской,—и все-таки всѣ разговаривали съ нею, даже заискивали. И Александра Михайловна вспоминала, какъ покойный Андрей Ивановичъ съ товарищами жестоко, до полусмерти, избилъ однажды, на праздникѣ иконы, подмастерья Гусева, наушничавшаго на товарищей хозяину.

Вообще Александра Михайловна часто вспоминала теперь Андрея Ивановича и удивлялась, что не замѣчала раньше, какой онъ былъ умный и хорошій. Въ его мысляхъ, прежде чуждыхъ ей и далекихъ, какъ мысли книги, она теперь чувствовала правду, живую и горячую, какъ кровь. Ей понятнымъ становилось его страстное преклоненіе передъ товариществомъ, тоска по слабости этого товарищества въ жизни. Почему, напр., дѣвушки втайнѣ относятся другъ къ другу, какъ къ врагамъ, когда всѣмъ имъ было бы лучше, если бы онѣ держались дружно? И Александра Михайловна пробовала говорить имъ это, убѣждать, но, какъ только доходило до дѣла,

она чувствовала, что и самой ей приходится плюнуть на все, если не хочетъ остаться ни при чемъ.

Привезутъ изъ типографіи новые листы. Всѣ дѣвушки насторожатся, глаза безпокойно бѣгаютъ. Нельзя зѣвать, нужно узнать, выгодная ли работа; если выгодная,—нужно добыть ее или выклянчить у мастера. Листы обернуты картузною синею бумагою и обвязаны бечевкою. Дѣвушки толпятся вокругъ, безпокойно шушукаются, разспрашиваютъ другъ друга. Входитъ мастеръ.

— У кого работа на исходѣ?—спрашиваетъ онъ.

— У меня вся,—отзывается Александра Михайловна.

Таня испуганно шепчетъ:

— Зачѣмъ говорите? Молчите! Я смотрѣла: бумага толстая-претолстая, и на свѣтъ номера не видать!

Разсыльный кладетъ передъ Александрой Михайловной пахнущую типографскою краскою кипу.

— Зачѣмъ говорите, не узнавши?—съ сожалѣніемъ поучаетъ ее Таня.—Вы такъ всегда будете съ плохой работой.

— Да какъ же узнаешь-то?—раздраженно возражаетъ Александра Михайловна и, глотая слезы, глядитъ на толстую кипу, за которую опять получитъ гроши.

— А вы раньше спросите дѣвушку, которая цензурные экземпляры фальцовала. Или вотъ, какъ мы сейчасъ сдѣлали: надорвали на уголкѣ картузную бумагу и подсмотрѣли. Развернуть нельзя, тогда ужъ не позволятъ отказаться, а такъ никто не замѣтитъ, что надорванъ уголъ, а замѣтятъ, — скажутъ: мужикъ вносилъ, угломъ зацѣпилъ за косякъ. Тутъ, знаете, если смирной быть, только одни обьѣдки будутъ доставаться.

Таня нравилась Александрѣ Михайловнѣ все больше. Всегда она была предупредительная, всегда готовая на помощь. Онѣ теперь работали за однимъ верстакомъ, и Таня обучала Александру Михайловну пріемамъ работы, показывала, какими способами добывать ее. Возьметъ, напр., выгодную работу у Василія Матвѣева, потомъ идетъ наверхъ къ Соколову. Соколовъ отказываетъ:—«Тебѣ пусть Матвѣевъ даетъ».—«У него нѣту, онъ къ тебѣ послалъ». Наберетъ работы себѣ и Александрѣ Михайловнѣ и сложитъ все подъ верстакъ. Когда же грозитъ невыгодная работа, или когда Василій Матвѣевъ тянетъ выдачу, отговариваясь недосугомъ, онѣ достанутъ изъ-подъ верстака запасную работу и дѣлаютъ ее.

— Какъ ты, Танечка, все достать умѣешь! — восхищалась Александра Михайловна.

Таня гордо отвѣчала:

— Тутъ иначе нельзя. Отъ косоглазаго справедливости развѣ дождешься? Всякую пакость сдѣлаетъ, особенно намъ съ вами, что мы его презираемъ, не уступаемъ ему. Вы знаете, какъ къ нему въ комнату ни зайдешь, — сейчасъ начинаетъ: пойди съ нимъ на любовь... Съ боровомъ этимъ жирнымъ! Такой дуракъ! Думаетъ, не обернемся безъ него. Какъ же!

Александра Михайловна вздохнула.

— Тебѣ-то вотъ хорошо. Работаешь ты легко, на свѣтѣ одна,—много ли тебѣ нужно? А вотъ какъ мнѣ-то! Дѣвочку надо кормить, работать никакъ не приноровлюсь. Ужъ такъ другой разъ тяжело, просто я не знаю.

Таня молча теребила и сгибала уголъ бракованаго листа. Поколебавшись, она заговорила:

— «Много ли нужно»... Я вамъ, Александра Михайловна, всю правду скажу: мнѣ много-много денегъ нужно! Мнѣ сто рублей нужно, вотъ сколько. Потому я такъ и стараюсь. Вы знаете, осенью Петя кончаетъ службу, нужно какого-нибудь дѣла искать. Надумалъ онъ поступить въ артельщики, въ биржевую артель. Дѣло отличное, пятьдесятъ рублей жалованья, доходы есть. А только нужно залогъ въ двѣсти рублей; для начала можно сто,—другіе сто изъ жалованія будутъ вычитать. Вотъ видите, сколько мнѣ нужно. Восемьдесятъ рублей я ужъ скопила, еще двадцать осталось. Богъ дастъ, въ три мѣсяца всѣ сто будутъ готовы, и на свадьбу еще останется. Я бы и еще скорѣе набрала, да нужно тоже Петѣ помогать; вы знаете, какъ плохо въ солдатахъ жить безъ денегъ... Поступитъ въ артель, и сейчасъ же женимся; мастерскую брошу...

И, забывая о работѣ, она безъ конца говорила о своей любви и ожидаемой жизни.

VI.

Была середина іюля. Пора стояла глухая, заказы въ мастерскую поступали вяло. Хозяинъ распустилъ всѣхъ дѣвушекъ, которыя работали въ мастерской меньше пяти лѣтъ; въ ихъ числѣ были уволены Александра Михайловна и Таня. Онѣ поступили на кондитерскую фабрику Крымова и К°, на Васильевскомъ островѣ.

Въ обширныхъ подвалахъ сотни дѣвушекъ и женщинъ чистили крыжовникъ и вишни, перебирали клубнику, малину, абрикосы. Отъ ягодъ въ подвалахъ стоялъ веселый лѣтній запахъ, можно было на мѣстѣ ѣсть ягоды до отвалу, и платили по шестьдесятъ копеекъ въ день. Но это была временная работа, черезъ двѣ недѣли она прекратилась.

Александра Михайловна стала искать швейной работы. Она все надѣялась найти дѣло, съ котораго можно будетъ жить. Въ Старо-Александровскомъ рынкѣ ей дали на пробу сшить полдюжины рубашекъ съ воротомъ въ двѣ петли, по гривеннику за рубашку. Она заняла у Тани швейную машину, шила два дня, потратила двѣ катушки нитокъ. Въ рынкѣ съ нею расплатились по восемь копеекъ за рубашку.

— Вы же по десять отдавали! — возмутилась Александра Михайловна.

Хозяинъ холодно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, это не подойдетъ. Желаете по восемь копеекъ,— извольте, шейте. А по десять намъ не подходитъ.

— Подходитъ, не подходитъ, а отдавали за десять и должны по десять заплатить!

— Василій, убери товаръ!—вздохнулъ хозяинъ и взялся за жестяной чайникъ.

Александра Михайловна, прикусивъ губу, въ упоръ смотрѣла на веснущатое, худощавое лицо хозяина.

— Ну, прощай, разживайся съ моихъ двѣнадцати копеекъ!

— Добраго здоровья!—лѣниво отозвался хозяинъ, отхлебывая изъ стакана желтый чай.

Александра Михайловна возвращалась домой по Невскому. Былъ Ильинъ день. Солнце сѣло; на концѣ проспекта въ золотистой дымкѣ зари темнѣлъ адмиралтейскій шпицъ. Александра Михайловна вяло шла, — униженная, раздраженная. Она подсчитала: за два дня, за вычетомъ катушекъ, она заработала тридцать шесть копеекъ... Спускались прозрачныя, душныя сумерки. По панелямъ двигались гуляющіе, коляски и пролетки съ нарядными людьми проносились на острова. Изъ раскрытыхъ дверей магазиновъ несло прохладою, запахомъ закусокъ и фруктовъ; за зеркальными стеклами красовались на блюдахъ огромныя рыбы въ гарнирѣ, паштеты, заливныя. Александра Михайловна угрюмыми, волчьими глазами смотрѣла на все, и въ душѣ взмывала злоба.

Навстрѣчу медленнымъ, раскачивающимся шагомъ шла дѣвушка, поглядывая на встрѣчныхъ мужчинъ. Въ рукахъ былъ розовый зонтикъ, розовая кофточка плотно облегала корсетъ. Александра Михайловна, въ отрепанной юбкѣ, съ поношеннымъ платкомъ на головѣ, внимательно оглядывала ее. Глаза ихъ встрѣтились. Изъ-подъ наведенныхъ черныхъ бровей взглядъ дѣвушки съ презрительнымъ вызовомъ отбросилъ отъ себя полный отвращенія взглядъ Александры Михайловны. Александра Михайловна остановилась и долго, съ пристальнымъ, гадливымъ любопытствомъ, смотрѣла вслѣдъ.

На углу Владимирской дѣвушку нагналъ высокій господинъ въ цилиндрѣ. Онъ близко заглянулъ ей въ лицо и что-то сказалъ. Они сѣли вмѣстѣ на извозчика и покатили по Литейному. Александра Михайловна медленно пошла дальше.

«Просто все это дѣлается!—съ негодующею усмѣшкою думала она. — Оглядѣли, какъ корову, взяли и повезли. И она спокойно ѣдетъ и позволитъ дѣлать съ собою, что̀ угодно. Тварь безстыдная!..»

Александра Михайловна думала такъ, а сама потихоньку косилась на свое отраженіе въ зеркальныхъ стеклахъ магазиновъ: у нея красивое лицо, съ мягкими и густыми русыми волосами, красивая фигура. Если бы затянуться въ корсетъ, надѣть изящную розовую кофточку, на нее заглядывались бы мужчины.

И одновременно два слоя мыслей шли черезъ ея голову, какъ, бываетъ, по небу идутъ, не мѣшаясь, два слоя облаковъ. Однѣ мысли—ясныя и малоподвижныя—говорили, какъ позорно для женщины продавать первому встрѣчному то, чего никому нельзя продавать. Другія мысли, мутныя и тяжелыя, быстро шли по низу, у нихъ не было ясныхъ очертаній, и онѣ говорили, что все это, напротивъ, очень просто: у женщины есть что-то, что̀ тянетъ къ себѣ мужчинъ, за что они щедрѣе и охотнѣе всего даютъ деньги; и нужно этимъ пользоваться, глупо терпѣть, — для чего? Отчего не продавать и этого? И можно тогда бросить мастерскую, гдѣ пахнетъ пылью и вареным клеемъ, гдѣ брошюранты говорятъ сальности и ходитъ, рыгая, краснорожій Василій Матвѣевъ... Александра Михайловна съ тайнымъ удовольствіемъ прислушивалась къ этимъ мыслямъ и въ то же время съ гадливымъ презрѣніемъ вспоминала, какъ спокойно сидѣла въ пролеткѣ дѣвушка, которую увозившій ее къ себѣ незнакомый человѣкъ обнималъ за талію.

Темнѣло. Въ воздухѣ томило, съ юга медленно поднимались тучи. Легкая пыль пробѣгала по широкой и бѣлой Дворцовой площади, быстро проносилась коляска, упруго прыгая на шипахъ. Александра Михайловна перешла Дворцовый мостъ, Биржевой. По берегу Малой Невы пошли бульвары. Подъ густою листвою пахло травою и лѣсомъ, отъ каналовъ тянуло запахомъ стоячей воды. Въ полутьмѣ слышался сдержанный смѣхъ, стояли смутные шорохи, чуялись любовь и счастье.

На югѣ вспыхнула синяя, безшумная молнія. Улицы становились странно-тихими, только бѣлая пыль изрѣдка кружилась. Александра Михайловна присѣла на скамейку. Никогда раньше такъ страстно не хотѣлось ей счастья — неслыхано-

большого, вольнаго и бурливаго. Гульнуть, развернуться такъ, чтобъ насквозь прожгло горячимъ огнемъ и душу и тѣло. Чтобы вихремъ вынесло ее изъ этой унизительной, грязной и скучной жизни. Ей казалось, теперь она начала понимать тѣ приступы мучительной, рвущейся куда-то тоски, которая такъ часто охватывала Андрея Ивановича. Раньше она только недоумѣвала передъ ними: было бы въ домѣ тихо и мирно, хватало бы на жизнь денегъ,—чего жъ еще? Его же этотъ тихій миръ и давилъ. И казалось ей,—теперь и ее бы этотъ миръ не удовлетворилъ. Хотѣлось чего-то другого, чего,—все равно, но только чтобъ подняться надъ этою жизнью.

Александра Михайловна воротилась домой. Былъ десятый часъ вечера. Зина спала. Въ душной комнатѣ тускло горѣла лампа. Жена тряпичника, въ рваной рубашкѣ, сидѣла на постели и ругалась черезъ перегородку съ хозяйкою. Сегодня праздникъ; скоро воротится тряпичникъ, безмѣрно-пьяный; опять она начнетъ ругать его, и онъ, какъ собачонку, загонитъ ее подъ кровать и будетъ бить тамъ кочергой; а когда онъ наконецъ устанетъ и заснетъ, она выползетъ изъ-подъ кровати и со стономъ будетъ отдирать запекшуюся въ крови рубашку отъ избитаго тѣла... Уйти бы куда-нибудь! Александра Михайловна рѣшила пойти къ Танѣ.

Таня жила на томъ же дворѣ, въ другомъ флигелѣ. Она выбѣжала на звонокъ,—сіяющая, радостная. И вдругъ глаза потухли, лицо потемнѣло.

Александра Михайловна сконфуженно спросила:

— Я не во-врѐмя?

— Нѣтъ... пожалуйста... — отвѣтила Таня упавшимъ голосомъ.

Въ маленькой чердачной комнатѣ, съ косымъ потолкомъ и окошечкомъ сбоку, было чисто и дѣвически-уютно. По карнизамъ шли красиво-вырѣзанные фестончики изъ бѣлой бумаги, на высокой постели лежали двѣ большія, обшитыя кружевами, несмятыя подушки. Подушки эти клались только на день, для красоты, а спала Таня на другой подушкѣ, маленькой и жесткой.

За столомъ сидѣла пріятельница Тани, портниха Прасковья Ѳедоровна. На столѣ ворчалъ потухавшій самоваръ, стояла бутылка водки, кильки и колбаса.

Таня, въ черной юбкѣ и сѣрой шелковой кофточкѣ, была неестественно оживлена, говорлива, и глаза ея блестѣли.

— Давайте, выпьемъ!—предложила она.—Для кого приготовлено, тотъ не пришелъ,—и не надо! Безъ него обойдемся!

Онѣ выпили по рюмкѣ и стали закусывать.

— Ты Петра Иваныча ждала?—спросила Александра Михайловна.

— Кого ждала, того нѣту! — засмѣялась Таня, выскребая изъ склизкой кильки коричневыя внутренности.

Потомъ вдругъ перестала смѣяться и замолчала.

— Второй ужъ разъ что-то не приходитъ,—задумчиво сказала она. — И прошлое воскресенье задаромъ прождала. Что̀ это, ужъ не знаю. Скучно что-то. Думается, — можетъ, онъ такъ себѣ только, за глупостями гнался! Повозился, свое получилъ—и прочь...—Таня молчала, размазывая вилкою внутренности нетронутой кильки.—Не должно бы этого быть, ему сто рублей нужны, чтобъ въ артель внести, а въ нынѣшнее время развѣ легко такую невѣсту найти? А только видѣла я недавно, шелъ онъ съ одного двора, говоритъ, — тетка больная, а мнѣ думается, не отъ Ѳеньки ли папиросницы онъ шелъ?.. Ну, выпьемъ еще!—лихо предложила она и налила по второй рюмкѣ.

Прасковья Ѳедоровна запротивилась.

— Ну, Танечка, что̀ ты! Больно ужъ скоро!

— Ничего, а то съ первой чтой-то закуска въ ротъ не идетъ. Рюмочки маленькія.

— Вы когда же насчетъ свадьбы думаете?—спросила Прасковья Ѳедоровна.

— Думали подъ Филипповки вѣнчаться.

Прасковья Ѳедоровна вздохнула:

— И наша тогда же свадьба будетъ.

— А вы тоже замужъ выходите?—спросила ее Александра Михайловна.

— Да.

— За кого?

— За портного одного. За кого же портнихѣ выходить! — засмѣялась она.

— Такой противный! — замѣтила Таня. — Хромой, носъ на сторону, рожа — вотъ!

Она смѣшно скосила губы и подперла пальцемъ носъ на сторону. Всѣ засмѣялись.

— Хорошій человѣкъ?

— Не знаю, я его мало видѣла, — равнодушно отвѣтила Прасковья Ѳедоровна.

Александра Михайловна помолчала.

— Что̀ жъ вамъ спѣшить? Погодили бы, приглядѣлись. Знаете, другой разъ бываетъ: поспѣшишь, а потомъ пожалѣешь.

— Работать трудно, — устало произнесла Прасковья Ѳедо-

ровна.—Мастерская у хозяйки темная, все глаза болятъ. Профессоръ Донбергъ вылѣчилъ, а только сказалъ, чтобъ больше не шить, а то ослѣпнешь.

— А можетъ, и у мужа придется шить?

Прасковья Ѳедоровна оживилась.

— Та работа легкая. Мужское платье всегда выгодно шить. А дамская работа, вы знаете, какая капризная: чтобъ платье и отдѣлка подъ тонъ были, чтобъ жанръ соблюсти, чтобъ фасонъ подходилъ къ лицу. Учительница — она требуетъ, чтобъ фасонъ былъ серьезный. Душенькѣ какой-нибудь — ей шикъ надобенъ.

— Бываетъ такъ: выйдешь не подумавши, а потомъ другого полюбишь, — задумчиво проговорила Александра Михайловна.

Прасковья Ѳедоровна хитро улыбнулась, скользнула взглядомъ въ сторону и, покраснѣвъ, искоса взглянула на Александру Михайловну.

— Да я и сейчасъ люблю!

И далекій отблескъ глубоко-скрытаго, стыдящагося чувства слабо освѣтилъ ея лицо.

— Что̀ жъ за него не идете?

— Да онъ меня не любитъ.

— А онъ знаетъ, что вы его любите?

— Можетъ, и не знаетъ... А зачѣмъ къ намъ не ходитъ? Любилъ бы, такъ ходилъ.

Ея худое лицо съ большими черными глазами продолжало свѣтиться, на губахъ легла дѣвически-застѣнчивая улыбка.

— Нѣтъ, мой совѣтъ, подождали бы,—повторила Алекса́ндра Михайловна.

— Теперь ужъ нельзя: обручальныя кольца куплены... А только не дай Богъ, чтобъ тотъ на обрученіе или на свадьбу ко мнѣ попалъ,—то-то мнѣ будетъ стыдно!

Прасковья Ѳедоровна задумалась. Отблескъ съ ея лица исчезъ.

— Знаете, какія мнѣ иногда глупости приходятъ въ голову? — медленно проговорила она.

— Какія?

Прасковья Ѳедоровна помолчала и удивленно раскрыла глаза.

— Зачѣмъ жить!

— Да что̀ вы?

— Ей-Богу! — съ улыбкою подтвердила она.

Таня, засунувъ руки межъ колѣнъ, блестящими отъ хмеля глазами смотрѣла вдаль.

— Ну, будетъ, что̀ тамъ!.. Скучно!—вдругъ сказала она.— Давайте что-нибудь веселое дѣлать. Эхъ, музыки нѣту, я бы потанцовала!

Я на горку шла,
Тяжело несла,
Уморилась, уморилась,
Уморилася!..

Она уперлась рукою въ бокъ и заплясала, веселая и удалая, притопывая каблуками.

— Ну, ну, пойте!—настойчиво приказывала Таня, стараясь разсѣять налегавшую на всѣхъ тучу тоски.

Уморилась, уморилась,
Уморилася!..

Она кружилась, притопывала ногами и вздергивала плечомъ, совсѣмъ какъ деревенская дѣвка, и было смѣшно видѣть это у ней, затянутой въ корсетъ, съ пушистою, изящною прическою. Александра Михайловна и Прасковья Ѳедоровна подпѣвали и хлопали въ тактъ ладошами. У Александры Михайловны кружилась голова. Отъ вольныхъ, удалыхъ движеній Тани становилось на душѣ вольно, и вырастали крылья, и казалось,—все пустяки, и жить на свѣтѣ вовсе не такъ ужъ скучно.

— Дернемъ еще!—снова предложила Таня и быстро налила рюмки.

Прасковья Ѳедоровна отказалась.

— Дернемъ! — лихо отвѣтила Александра Михайловна, съ влажными губами, часто и дробно смѣясь.

Въ головѣ ея закружилось сильнѣе, становилось все веселѣе и вольнѣе; она подтопывала Танѣ, хлопала въ тактъ ладошами и подпѣвала: «эхъ!.. эхъ!..».

Запыхавшаяся Таня опустилась на кровать рядомъ съ Прасковьей Ѳедоровной и обняла ее.

— Ну, Парашенька, ты намъ теперь спой!

Прасковья Ѳедоровна, задумчиво смотрѣвшая въ окно, улыбнулась.

— Что-то мнѣ и самой захотѣлось!

Она стала пѣть.

Пѣла она цыганскіе романсы и съ цыганскимъ пошибомъ. Голосъ у нея былъ звучный и сильный, казалось, ему было тѣсно въ комнатѣ, онъ бился о стѣны, словно стараясь раздвинуть ихъ.

Дай упиться
И насладиться
Жизнью земной
Вмѣстѣ съ тобой!..

Александра Михайловна сидѣла у окна. Въ раскрытое окно рвался вѣтеръ и обвѣвалъ разгорѣвшееся лицо. За березами палисадника теперь почти непрерывно вспыхивали синія безшумныя молніи. Прасковья Ѳедоровна пѣла, задорно обрывала одни слова и съ нѣгою растягивала другія.

Предательскій звукъ поцѣлуя
Разы-дался въ ночи-ной тишинѣ...

Пѣсня жгла жаждою страсти и ласкъ. И пѣсня эта, и шедшіе изъ тьмы шорохи, и разогрѣтая хмелемъ кровь,—все томило душу, и хотѣлось сладко плакать. Но тяжело лежала въ душѣ мутная тоска и не давала подняться свѣтлымъ слезамъ.

— Спой «Пару гнѣдыхъ»,—вдругъ попросила Таня.

Прасковья Ѳедоровна улыбнулась.

— Ну, Таня, что̀ ты? Мнѣ плакать не хочется!

— Ну, спой! Параша, спо-ой!..—настойчиво и нетерпѣливо повторила Таня.

— Вотъ какая... упрямая. Ну, хорошо!

Прасковья Ѳедоровна запѣла. Пѣла она о томъ, какими раньше хорошими лошадьми были эти гнѣдыя. «Ваша хозяйка въ старинные годы много имѣла хозяевъ сама... Юный корнетъ и сѣдой генералъ, — каждый искалъ въ ней любви и забавы...» И вотъ она состарилась и грязною нищенкою умираетъ въ углу. И та же пара гнѣдыхъ, теперь тощихъ и голодныхъ, везетъ ее на кладбище.

Тихо туманное утро въ столицѣ,
По улицѣ медленно дроги ползутъ...

Голосъ пѣвицы вдругъ оборвался, она замолчала. Александра Михайловна низко опустила голову. Мутная тоска вздымалась съ душевнаго дна, душила свѣтлыя слезы; и другія слезы, горькія, какъ полынь, подступали къ горлу.

— Что̀ это, слезы выступаютъ! Вотъ смѣшно!—засмѣялась Прасковья Ѳедоровна, быстро утерла глаза и продолжала:

Въ гробѣ сосновомъ останки блудницы,
Пара гнѣдыхъ еле-еле везутъ...
Кто жъ провожаетъ ее на кладбище?
Нѣтъ у нея... ни друзей, ни... родныхъ...

И опять голосъ ея оборвался. Александра Михайловна всхлипнула. Таня наклонилась надъ столомъ, сжавъ руками виски. И сидѣли онѣ всѣ трое и, уткнувшись въ руки, ревѣли, не стыдясь другъ друга, и каждая думала о себѣ...

Александра Михайловна воротилась домой поздно, пьяная и печальная. Въ комнатѣ было еще душнѣе, пьяный тряпич-

никъ спалъ, раскинувшись на кровати; его жидкая бороденка уморительно торчала кверху, на лицѣ было смѣшеніе добродушія и тупого звѣрства; жена его, какъ тѣнь, сидѣла на табуреткѣ, растрепанная, почти голая и страшная; лѣвый глазъ не былъ виденъ подъ огромнымъ, раздувшимся синякомъ, а правый горѣлъ, какъ уголь. По крышѣ барабанилъ крупный дождь.

Александра Михайловна подняла спавшую Зину и цѣловала ее и плакала.

VII.

Въ этомъ году Семидаловъ праздновалъ на Успеніе двадцатипятилѣтіе существованія своего переплетно-брошюровочнаго заведенія.

Наканунѣ всѣхъ дѣвушекъ заставили съ обѣда мыть, чистить и убирать мастерскія. Онѣ ворчали и возмущались, говорили, что онѣ не полы мыть нанимались, да и поломойки моютъ полы за деньги, а ихъ заставляютъ работать даромъ. Однако всѣ мыли, злыя и угрюмыя отъ унизительности работы и несправедливости.

Торжество началось молебномъ. Впереди стоялъ вмѣстѣ съ женою Семидаловъ, во фракѣ, съ привѣтливымъ, готовымъ на ласку лицомъ. Его окружали конторщики и мастера, а за ними толпились подмастерья и дѣвушки. Послѣ молебна фотографъ, присланный по заказу Семидалова изъ газетной редакціи, снялъ на дворѣ общую группу, съ хозяиномъ и мастерами въ центрѣ.

Странно было видѣть, какъ вѣжливо и предупредительно разговаривалъ теперь Семидаловъ съ фальцовщицами,—совсѣмъ какъ съ дамами своего круга. Онѣ, принаряженныя, пріятно улыбались и на его шутки тоже отвѣчали шутками. Александра Михайловна, съ завитою гривкою на лбу, такъ же пріятно улыбаясь, разговаривала съ нимъ, какъ съ добрымъ знакомымъ, и старалась незамѣтно прикрыть рукою заштопанный локоть на своей парадной кофточкѣ.

— Ну, господа, прошу покорно закусить!—объявилъ Семидаловъ.

Одинъ столъ былъ накрытъ въ конторѣ для хозяина, мастеровъ и конторщиковъ, другой — внизу для подмастерьевъ, третій—въ брошюровочной для дѣвушекъ. Фальцовщицы поднялись наверхъ и нерѣшительно толклись вокругъ стола. Среди бутылокъ стояли на большихъ блюдахъ два огромныхъ нарѣзанныхъ пирога, кругомъ на тарелкахъ пестрѣли закуски.

— Съ чѣмъ пирогъ-то?

— Съ визигой.

— Ишь, на икону всегда только водку и пиво ставятъ, а сегодня и наливка и вино... И сардинки тоже.

— Это какъ же, сюда и дѣтей своихъ можно приводить?— спросила Александра Михайловна Таню.

У стола, неизвѣстно откуда, появились дѣти всѣхъ возрастовъ и жались къ своимъ матерямъ.

— Д-да... Не гонятъ,—отвѣтила Таня.

— Эхъ, Зину я не привела, не знала! — вздохнула Александра Михайловна.

Толпа дѣвушекъ всколыхнулась и подтянулась. Вошелъ Семидаловъ въ сопровожденіи конторщика, Василія Матвѣева и газетнаго репортера. Матвѣевъ поспѣшно налилъ въ маленькую рюмку рябиновки и подалъ на тарелкѣ хозяину. Семидаловъ взялъ рюмку, поднялъ ее въ уровень съ плечомъ и обратился къ дѣвушкамъ съ рѣчью. Василій Матвѣевъ тѣмъ временемъ наливалъ въ рюмки дѣвушекъ водку и наливку. Хозяинъ говорилъ что-то чувствительное насчетъ ихъ совмѣстной работы въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, насчетъ того, что интересы его работницъ всегда были ему такъ же дороги, какъ и его собственные; просилъ и впредь со всякою нуждою прямо и откровенно обращаться къ нему. Дѣвушки слушали и безпокойно косились на столъ, высматривая закуску.

Хозяинъ кончилъ, перечокался съ дѣвушками и вышелъ. Вдругъ какъ будто вѣтромъ колыхнуло дѣвушекъ и бросило всѣхъ къ столу. Александра Михайловна получила толчокъ въ бокъ и посторонилась; столъ скрылся за жадно наклоненными спинами и быстро двигавшимися локтями. Фокина съ злымъ, рѣшительнымъ лицомъ проталкивалась изъ толпы, держа въ рукахъ бутылку портвейна и тарелку съ тремя большими кусками пирога. Гавриловна хватала бутылку съ англійской горькой, Манька жадно ѣла сардинки изъ большой жестянки.

— Да полегче же, господа! Что̀ это за безобразіе!—возмущались голоса.

Полякова сердито кричала Манькѣ:

— Ты что̀ всѣ сардинки забрала? Съѣла пару, и передай дальше, возьми чего другого!

Александра Михайловна, прислонившись къ верстаку, изумленно смотрѣла. Въ дверяхъ стоялъ старый конторщикъ и хохоталъ, глядя на свалку у стола. Снизу, пережевывая закуску, поднялись подмастерья, заглядывали въ дверь и посмѣивались.

Къ Александрѣ Михайловнѣ подошла Таня съ двумя кусками пирога на тарелкѣ.

— Вы что же не берете ничего?

— Я подожду, когда онѣ возьмутъ, — сдержанно отвѣтила Александра Михайловна.

Таня улыбнулась.

— Тогда вамъ ничего не достанется. Вотъ вамъ кусокъ, давайте вмѣстѣ ѣсть.

Столъ опустѣлъ. Фальцовщицы, спиною другъ къ другу, поѣдали по угламъ добычу и одѣляли ею приведенныхъ дѣтей.

— Это у васъ всегда такъ?—спросила удивленная Александра Михайловна.

Таня, закусивъ губу, съ презрѣніемъ оглядывала дѣлившихъ добычу дѣвушекъ и смѣявшихся въ дверяхъ подмастерьевъ.

— Тутъ, у дѣвушекъ, всегда. Въ переплетной, у подмастерьевъ, тамъ все честь-честью дѣлается: выпьютъ, закусятъ, потомъ опять выпьютъ. А здѣсь—только моргни, все расхватаютъ. Такія жадины, боятся, какъ бы кому больше не досталось. Другая тутъ поѣстъ, еще внизъ идетъ, къ подмастерьямъ. Тѣ ее, конечно, гонятъ прочь: «Чего тебѣ тутъ? Вамъ тамъ наверху накрыто!..»

Закуски были съѣдены, напитки выпиты. Столы отодвинули въ сторону, явились подмастерья. Начались танцы. Пожилыя работницы уходили съ дѣтьми домой.

Александра Михайловна выпила только маленькую рюмку наливки, и ей не хотѣлось веселиться. Въ большія окна смотрѣлъ туманный день и блѣднымъ свѣтомъ отражался на полу. Александра Михайловна вглядывалась въ давно приглядѣвшіяся лица дѣвушекъ, и въ тускло-бѣломъ, трезвомъ свѣтѣ дня ихъ хмельныя лица казались отвратительными. Она видѣла, какъ подмастерья разговаривали и шутили съ дѣвушками, какъ обхватывали ихъ и прижимали къ туловищу, когда танцовали: никогда бы они такъ не держались съ женами и дочерьми своихъ товарищей... Александра Михайловна вспоминала Андрея Ивановича, вспоминала исчезнувшую изъ Петербурга Елизавету Алексѣевну и ея знакомыхъ, и казалось ей: и она и всѣ кругомъ живутъ и двигаются въ какой-то глубокой, темной ямѣ; наверху брезжитъ свѣтъ, яркими огоньками загораются мысль, честь и гордость, а онѣ копошатся здѣсь внизу, въ сырой тьмѣ, ко всему равнодушныя, чуждыя свѣту, какъ мокрицы.

И передъ Александрой Михайловной встала гордая голова Андрея Ивановича. Какъ хорошо было жить тогда, какъ хорошо было чувствовать надъ собою его сильную и увѣренную въ себѣ волю...

Темнѣло. Переплетный подмастерье Генрихсенъ, толстый и усатый, отдуваясь, танцовалъ съ Поляковой русскую. Кругомъ смотрѣли и смѣялись. Снизу поднялся сильно-пьяный Ляховъ. Блѣдный, съ падающими на лобъ волосами, онъ пошатывался на мѣстѣ и выглядывалъ кого-то въ толпѣ танцующихъ.

Александра Михайловна поспѣшно подошла къ Танѣ.

— Что̀, Танечка, смотрѣть? Будетъ! Пойдемъ лучше, пройдемся.

Онѣ вышли на улицу. Туманъ сталъ еще гуще. Какъ будто громадный, толстый слой сырой паутины спустился на городъ и опуталъ улицы, дома, рѣку. Огни фонарей свѣтились тускло-желтыми пятнами, дышать было тяжело и сыро.

— Да, недаромъ покойникъ Андрей Ивановичъ презиралъ женщинъ, — задумчиво сказала Александра Михайловна. — Смотрю я вотъ на нашихъ дѣвушекъ и думаю: вѣрно вѣдь онъ говорилъ. Пойдетъ дѣвушка на работу,—безстыдная станетъ, водку пьетъ. Андрей Ивановичъ всегда говорилъ: дѣло женщины—хозяйство, дѣти... И умиралъ, говорилъ мнѣ: «Одинъ завѣтъ тебѣ, Шурочка: не иди къ намъ въ мастерскую!» Онъ зналъ, что̀ говорилъ, онъ очень былъ умный человѣкъ...

Онѣ перешли Тучковъ мостъ и свернули на бульваръ Средняго проспекта. Александра Михайловна мечтательно разсказывала:

— Бывало, когда живъ былъ, хорошо все это такъ было, тихо, весело... Въ будни дома сидишь, шьешь на дѣвочку, на мужа. Въ праздникъ пирогъ спечешь, коньяку купишь; онъ увидитъ, обрадуется. «Вотъ, скажетъ, Шурочка, молодецъ! Дай, я тебя поцѣлую!» Коньякъ онъ, можно сказать, обожалъ... Вечеромъ вмѣстѣ въ Зоологическій, бывало, поѣдемъ... Хорошо, Танечка, замужемъ жить. О деньгахъ не думаешь, никого не боишься, одинъ тебѣ хозяинъ—мужъ. Никому въ обиду тебя не дастъ... Вотъ бы тебѣ поскорѣй выйти!

— Я скоро выйду.

— Да ну? — Александра Михайловна заглянула въ улыбавшееся лицо Тани.—Петра Иваныча видаешь?

— Какъ же! Съ тѣхъ поръ, какъ, помните, вы у меня были, три раза приходилъ. Дура я такая, Богъ знаетъ что̀ тогда подумала. А у него вправду тетка хворала, больше ничего. Недавно даже померла, хоронилъ въ воскресенье... Сядемъ здѣсь!

Онѣ сѣли на скамейку бульвара около шестой линіи. Окна магазиновъ были темны, только въ мелочныхъ лавочкахъ свѣтились огни. По бульвару двигалась праздничная толпа. Заморосилъ мелкій дождь. Туманная паутина насѣдала на го-

родъ и становилась все гуще. Электрическій фонарь на перекресткѣ, сіяя яркимъ огнемъ, шипѣлъ и жужжалъ, какъ будто громадная голубая муха запуталась въ туманной паутинѣ и билась, не въ силахъ вырваться.

— Августъ мѣсяцъ теперь, — сказала Таня. — Въ октябрѣ или ноябрѣ вѣнчаться будемъ, онъ самъ сказалъ. Отбудетъ службу и сейчасъ же въ артельщики, ему ужъ обѣщали. И сто рублей къ тому времени будутъ готовы.

— Ну, дай тебѣ Богъ!

Таня оживилась.

— А правда, Александра Михайловна, красивый онъ? Всякій, кто ни посмотритъ, удивляется. Изъ всей команды его напередъ ставятъ на смотрахъ. Всѣ дѣвушки на него заглядываются. А онъ говоритъ: «Никого мнѣ не надо, только тебя, говоритъ, одну я люблю...» И, знаете, я вамъ ужъ всю правду скажу: я беременна отъ него. Третій мѣсяцъ... Ребеночекъ будетъ у насъ. Правда, смѣшно?

Она не стыдилась, гордая своей любовью. Она радостно улыбалась и разсказывала, разсказывала безъ конца. На пушистыхъ золотыхъ волосахъ осѣли мелкія капельки дождя, отъ круглаго лица вѣяло счастьемъ. И казалось, сквозь холодный осенній туманъ свѣтится теплая, счастливая весна. Александра Михайловна разспрашивала, давала совѣты, и на душѣ ея тоже становилось тепло и чисто.

Ярко-синій огонь въ фонарѣ шипѣлъ и жужжалъ, и безсильно бился, плотно охваченный мутнымъ туманомъ.

— Ну, Танечка, домой пора. Пойдемъ!

Онѣ встали. Мимо со смѣхомъ прошла компанія изъ двухъ дѣвушекъ и трехъ кавалеровъ. Въ темнотѣ блеснули золотыя буквы на черно-оранжевомъ околышѣ матросской фуражки.

Таня дрогнула и остановилась.

— Петька! — крикнула она, быстро повернулась и пошла догонять компанію.

Александра Михайловна стояла и ждала. Вдали, въ туманѣ, что-то вдругъ колыхнулось. Темные силуэты заметались, взмахивая руками. Александра Михайловна поспѣшно пошла туда.

Таня стояла, прислонясь спиною къ стѣнѣ дома и опустивъ голову, а высокая дѣвушка въ шляпѣ съ краснымъ перомъ била ее по лицу. Компанія стояла въ отдаленіи и смотрѣла. Дѣвушка лихо повернулась и, гордо неся голову, пошла къ своимъ.

— Погоди же ты, Петька! — всхлипнула Таня.

— Что-о?!

Дѣвушка быстро воротилась къ Танѣ и снова сильно, съ

размаху, стала сверху бить ее по лицу. Прохожій парень весело гаркнулъ:

— Бе-ей!

Собиралась толпа

— Баба бабу!.. Вотъ такъ ловко! — смѣялись въ толпѣ.

Дѣвушка громко крикнула:

— Еще просишь? Просишь, что ль, еще?

Таня стояла, закрывъ лицо руками.

— Дово-ольно!—всхлипнула она, втягивая носомъ лившуюся кровь.

Дѣвушка пошла къ компаніи, и они съ громкимъ смѣхомъ исчезли въ туманѣ.

VIII.

Въ началѣ сентября работа въ мастерской кипѣла. Наступилъ книжный и учебный сезонъ, въ громадномъ количествѣ шли партіи учебниковъ. Теперь кончали въ десять часовъ вечера, мастерскую запирали на ключъ и раньше никого не выпускали. Но выпадали вечера, когда дѣлать было нечего, а дѣвушекъ все-таки держали до десяти: мастера за сверхурочные часы получали по пятнадцати копеекъ въ часъ, и они въ это время, тайно отъ хозяина, работали свою частную работу, — заказъ писчебумажнаго магазина на школьныя тетради.

Былъ такой вечеръ. Дѣвушки — злыя, раздраженныя—слонялись по мастерской безъ дѣла. Только Грунька Полякова не спѣша фальцовала на уголъ объявленія о санатогенѣ, — работа легкая и выгодная,—да шили книги двѣ дѣвушки, надняхъ угостившія Матвѣева мадерой.

Александра Михайловна забыла оставить дома поужинать Зинѣ; на душѣ у нея кипѣло: дѣвочка ляжетъ спать не ѣвши, а она тутъ, неизвѣстно для чего, сидитъ, сложа руки. Въ комнатахъ стоялъ громкій говоръ. За верстаками хихикала Манька, которую прижалъ къ углу забредшій снизу подмастерье Новиковъ. Гавриловна переругивалась съ двумя молодыми брошюрантами; они хохотали на ея безстыдныя фразы и подзадоривали ее, Гавриловна дѣлала свирѣпое лицо, а въ морщинистыхъ углахъ черныхъ губъ дрожала самодовольная улыбка.

Александра Михайловна вошла въ комнату мастера и рѣшительно сказала:

— Василій Матвѣевъ, давай работы! А нѣтъ работы, такъ отпусти: у меня ребенокъ дома ждетъ.

— Да сейчасъ же, сейчасъ привезутъ листы, сказано вамъ!—нетерпѣливо-увѣщавающимъ голосомъ возразилъ Василій Матвѣевъ.—Мужикъ ужъ часъ назадъ въ типографію поѣхалъ.

— И вовсе никуда мужикъ не поѣхалъ! А въ десять часовъ скажешь: «видно, задержали его, идите домой»... Отпусти... Василій Матвѣевъ!

— Чтой-то ты, Колосова, много разговариваешь!

Онъ удивленно поднялъ на нее свои тусклые, косые глаза. Было въ нихъ спокойствіе, и увѣренное сознаніе силы, и нетерпѣливая скука, какъ отъ привязавшейся ничтожной мухи. И противно и жутко стало Александрѣ Михайловнѣ: сколько власти надъ ними дано этому человѣку! Закусивъ губу, она молча вышла вонъ.

У окна сидѣла Таня и, облокотившись о подоконникъ, задумчиво смотрѣла сквозь стекла на темную улицу. Александра Михайловна подсѣла къ ней. Таня очнулась отъ задумчивости и привычнымъ движеніемъ оправила свои пушистые волосы.

— А Фокина, вѣдьма, разглядѣла, подлая, что я беременна. Сейчасъ спрашиваетъ меня: «что̀ это ты, Танечка, словно полнѣешь въ таліи?» Ужъ по всей мастерской раструбила.

— Э, наплевать!

Таня гордо встрепенулась.

— Да понятное дѣло, плевать! Очень нужно!..—Она замолчала и опять стала смотрѣть въ окно.—А ко мнѣ вчера Петя приходилъ, прощенія просилъ.

— Долго собирался! Двѣ недѣли цѣлыхъ! — усмѣхнулась Александра Михайловна.

— Ему стыдно было, не смѣлъ... Говоритъ, очень ему тогда было жалко меня, а только совѣстно было передъ товарищами заступиться... Это Ѳенька-папиросница была.

— Хорошъ молодецъ! Говоритъ, — любитъ, а совѣстно заступиться!

— Нѣтъ, Александра Михайловна, вы такъ не говорите. Онъ хорошій. Зачѣмъ вы объ немъ такъ плохо понимаете? Конечно, всѣмъ завидно,—всякой лестно такого красавца отбить. А онъ этой Ѳеньки-шлюхи больше и видѣть не можетъ. Только, говоритъ, скопишь сто рублей,—и женимся.

— А знаешь, Танечка, что̀ мнѣ думается? Не любитъ онъ тебя. Любилъ бы, не говорилъ бы все про деньги.

Таня тоскливо повела плечами.

— Александра Михайловна, да какъ же вы не понимаете? Вѣдь ему, правда, деньги нужны, безъ залога въ артель не принимаютъ. Какъ же жить будемъ?.. Хорошо еще, пока за-

логъ берутъ небольшой; а скоро, говорятъ, семьсотъ рублей будутъ требовать. Очень ужъ много желающихъ... — Она поспѣшно прервала себя: — Батюшки, вѣдь сегодня суббота! А лампадка не оправлена, не зажжена!..

Таня взобралась на верстакъ, перекрестилась и стала оправлять лампадку. Мимо проходилъ брошюрантъ Егорка. Онъ протянулъ руку горстью по направленію къ стоявшей на цыпочкахъ Танѣ, подмигнулъ и сдѣлалъ неприличный жестъ. Брошюранты засмѣялись. Таня оглянулась и, покраснѣвъ, быстро протянула руку, чтобы оправить юбку. Рука задѣла за лампадку, лампадка перекувырнулась и дугою полетѣла на верстакъ. Зазвенѣло разбившееся стекло, осколки посыпались на полъ. Таня соскочила съ верстака.

— Ахъ, батюшки!—въ испугѣ воскликнула она.

Зеленое масло, перемѣшанное съ нагаромъ, пролилось на стопку ярко-раскрашенныхъ обложекъ. Отъ обгорѣлаго фитиля расплывались пятна на дѣвочку и собаку въ зелени и на красное заглавіе: «Приключенія Амишки»; уголъ высокой стопки медленно впитывалъ въ себя грязное масло.

Василій Матвѣевъ вышелъ изъ своей комнаты.

— Что̀ случилось?—Онъ подошелъ къ верстаку, взглянулъ на залитую стопку и строго нахмурился. — Кто это сдѣлалъ?

Таня отвѣтила:

— Я.

— Та-акъ... — Василій Матвѣевъ сталъ перебирать стопку и вздохнулъ.—Придется перепечатывать тебѣ! Вотъ, пятьсотъ штукъ залила!

Таня обомлѣла.

— Сколько же это будетъ стоить?

— Въ восемь красокъ печатана. Рублей пятьдесятъ заплатишь... Пойти, хозяину показать.

Онъ лѣниво пошелъ назадъ въ свою комнату. Дарья Петровна испуганно зашептала:

— Пойди поговори съ нимъ! Можетъ, что̀ можно сдѣлать, хозяинъ не узна̀етъ... А скажетъ,—готово дѣло, придется тебѣ на свой счетъ печатать.

— И вправду иди скорѣй!—сказала Фокина.

Дарья Петровна въ ужасѣ качала головою.

— Пятьдесятъ рублей, — что̀ же это, Господи!

Таня съ испуганнымъ, растеряннымъ лицомъ пошла къ мастеру. Черезъ двѣ минуты она воротилась. Блѣдная, съ большими, сразу впавшими глазами, она припала къ верстаку и зарыдала.

— Что̀ онъ сказалъ тебѣ? — спрашивала Александра Михайловна.

— Подлецъ, негодяй грязный!.. Негодяй, негодяй, негодяй!..

— Да что онъ сказалъ-то тебѣ?

— Могу, говоритъ, сдѣлать, что хозяинъ ничего не узнаетъ... Оо-о!.. Мерзавцы подлые!..

Таня быстро подняла голову, глаза блеснули. Громко и раздѣльно она сказала:

— Поѣдемъ, говоритъ... въ баню съ тобой!—И, зарыдавъ, снова припала грудью къ верстаку.

— Въ баню, говоритъ, поѣдемъ! — передала Александра Михайловна окружающимъ. Бѣшеная злоба сдавила ей дыханіе. Хотѣлось, чтобъ кто-нибудь громко, изступленно крикнулъ: «дѣвушки, да докуда же мы будемъ терпѣть?!»—и чтобъ всѣмъ вбѣжать къ Матвѣеву, повалить его и бить, бить эту поганую тушу ногами, стульями, топтать каблуками... Дарья Петровна съ сожалѣніемъ смотрѣла на Таню, глаза Фокиной мрачно горѣли.

Таня рыдала, не глядя на окружающихъ. Гавриловна цинично усмѣхнулась и махнула рукою.

— Э, ступай, чего тамъ! Тоже, подумаешь... Авось, не лужа, останется и для мужа!

Вошелъ Василій Матвѣевъ, красный, съ злыми глазами.

— Ты что тутъ на меня врешь? — злобно обратился онъ къ Танѣ.

Таня, прижимая руки къ груди, въ упоръ смотрѣла на Матвѣева.

— Подлецъ ты, подлецъ, Василій Матвѣевъ!

— Вамъ что тутъ нужно, чего толчетесь?—крикнулъ Матвѣевъ на дѣвушекъ.—Ступай, берись за работу! Что за безпорядокъ!

Фокина грубо спросила:

— За какую работу-то браться?

— Аль все нѣту еще? Ну, значитъ, не готовы листы въ типографіи. Можно шабашить.

Дѣвушки стали расходиться. Таня рыдала, припавъ къ верстаку. Александра Михайловна положила руку на ея плечо.

— Ну, Таня, будетъ! Что ужъ такъ убиваться! Вѣдь прибавилъ, небось, мастеръ. Ну, двадцать пять, тридцать рублей вычтутъ; работаешь ты хорошо, скоро наверстаешь.

Таня въ тоскѣ заломила руки.

— Александра Михайловна, милая! Мнѣ спѣшить нужно! Еще годъ пройдетъ, — не женится на мнѣ Петя. Ребенокъ у меня будетъ, а онъ легкій сердцемъ, закрутятъ его. Другую невѣсту найдетъ съ приданымъ, за такого всякая пойдетъ. Теперь не женится,—броситъ...

Она замолчала, широко раскрытыми, красными и опухшими глазами глядя передъ собою.

— Уу, подлецъ грязный!—съ отвращеніемъ всхлипнула она, и трепетъ пробѣжалъ по ея тѣлу.

И она продолжала неподвижно смотрѣть передъ собою. И вдругъ подняла на Александру Михайловну свое распухшее, жалкое лицо.

— Скучно мнѣ, Александра Михайловна... Милая!.. Такъ скучно!.. — ломающимся отъ слезъ голосомъ воскликнула она и схватились за руку Александры Михайловны,—крѣпко, какъ будто стараясь удержаться за нее.

Задыхаясь, Александра Михайловна заговорила:

— Таня, слушай! Не бойся, я тебѣ все устрою!.. Не бойся, иди домой, вотъ увидишь, все выйдетъ по-хорошему... Я къ тебѣ нынче же приду, жди меня, слышишь?.. Вотъ увидишь, какъ все будетъ хорошо... Не бойся!—радостно повторяла она.

Александра Михайловна вышла въ прихожую и поспѣшно одѣлась. Внизу слышенъ былъ говоръ спускавшихся по лѣстницѣ дѣвушекъ. Александра Михайловна догнала ихъ.

— Дѣвушки, слушайте!—одушевленно заговорила она. — Давайте, соберемъ межъ себя деньги и поможемъ Танѣ!

Дарья Петровна растерянно взглянула на нее и смѣшалась.

— Правда, дѣвушки!—убѣждала Александра Михайловна.— Ну, что̀ сто̀итъ! По рублю, по два всякая можетъ дать. Не помремъ съ голоду изъ-за рубля. А ей помощь будетъ... Всѣ надъ Ваською Матвѣевымъ посмѣемся.

Фокина, покручивая головою, молча смотрѣла въ глаза Александрѣ Михайловнѣ и вдругъ громко расхохоталась.

— Ловко придумала!.. У меня вотъ пять ребятъ, — нужно ихъ накормить, ай нѣтъ?.. Выдумала... Очень нужно!

Другая дѣвушка враждебно возразила:

— Рубль! Для бѣднаго человѣка рубль много значитъ, если онъ нуженъ.

— Ничего, пускай съѣздитъ въ баньку, попарится съ мастеромъ! За баню не платить, все экономія!—сказала Гавриловна и хрипло засмѣялась.

IX.

Александра Михайловна возвращалась домой съ Дарьей Петровной. Ее поразило: не только никто не откликнулся на ея призывъ, а, напротивъ, послѣ перваго взрыва возмущенія, явилась даже какъ будто вражда къ Танѣ. Никто даже не обрѣзалъ Гавриловну за ея гнусныя слова. За что все это?..

Возбужденіе Александры Михайловны смѣнилось усталостью, на душѣ было обычное тупое отвращеніе ко всему.

Дарья Петровна угодливо заглядывала Александрѣ Михайловнѣ въ глаза и своимъ смиреннымъ голосомъ говорила:

— Знаете, гдѣ жъ у насъ что̀ собрать! Вѣдь сами всѣ въ родѣ какъ бы нищія живутъ. А у ней вонъ, у Танечки, говорятъ, не одна ужъ десятка припасена.

Александра Михайловна молчала. Онѣ проходили по Большому проспекту мимо трактира.

— Зайдемъ, выпьемъ полбутылочки, — предложила Дарья Петровна, какъ будто стараясь чѣмъ-нибудь загладить свой отказъ.

— Нѣтъ, мнѣ домой пора, дѣвочка ждетъ! Она сегодня еще не ужинавши.

— Вы не стѣсняйтесь! У меня сейчасъ деньги есть, другой разъ вы меня угостите. А дѣвочка все равно ужъ заснула.

Александра Михайловна колебалась: домой итти,—придется зайти къ Танѣ. А что̀ она ей теперь скажетъ?.. Александра Михайловна согласилась.

Онѣ вошли въ трактиръ. Александра Михайловна прошла въ заднюю комнату, конфузливо опустивъ лицо. Подали водку. Онѣ выпили по рюмкѣ.

Наверху ухалъ и гудѣлъ орга̀нъ. Около окна сидѣлъ стройный студентъ-медикъ и читалъ «Стрекозу». Полная, высокая дѣвушка въ пышной шляпѣ пила за сосѣднимъ столикомъ пиво и громко переговаривалась черезъ комнату съ другою дѣвушкою, сидѣвшею у печки.

Дарья Петровна налила рюмки. Онѣ снова выпили. Александра Михайловна вздохнула.

— Эхъ, жалко мнѣ Таню!

Дарья Петровна подняла на нее глаза и улыбнулась медленною, загадочною улыбкою.

— Ничего-то вы, милая Александра Михайловна, не знаете, ничего не понимаете! Знаете, я вамъ по секрету скажу: рано, поздно, все равно не миновать Танечкѣ косоглазаго... Поглядите сами, развѣ съ нашей работы можно честно прожить? Не она первая, не она послѣдняя.

Александра Михайловна широко раскрыла глаза. Дарья Петровна продолжала:

— Я вамъ всю правду скажу: всѣ такъ дѣлаютъ. Вѣдь Василій Матвѣевъ у насъ все равно что хозяинъ, сами знаете. Хочетъ — дастъ жить, не хочетъ — изморитъ работою, а получишь грошъ. И вездѣ такъ, вездѣ мастеру надъ дѣвушками власть дана. А ѣсть-то всякой хочется. Вѣдь человѣкъ

для того и живетъ, чтобъ ему полегче было. Поступитъ дѣвушка,—ну, сначала, конечно, бодается, пока силъ хватаетъ, а потомъ и уступитъ. Что̀ жъ дѣлать, если свѣтъ нынче сталъ такой нехорошій?

Дарья Петровна снова наполнила рюмки и выпила свою. Александра Михайловна, не шевелясь, смотрѣла на нее.

— Хорошо вотъ, вы такая гордая, настойчивая, — льстиво говорила Дарья Петровна.—А много ли у насъ такихъ? Грунька Полякова, сами знаете, и сейчасъ живетъ съ нимъ. Маньку два раза къ себѣ увозилъ. Съ Гавриловной когда-то годъ цѣлый жилъ. А Фокина вотъ,—на что ужъ непоклонная, а сколько разъ къ нему хаживала, какъ помоложе была... Я вамъ правду скажу: которая дѣвушка замужняя или помогу имѣетъ со стороны, ну, та можетъ куражиться. А нѣтъ помоги, что̀ жъ подѣлаешь? Вонъ у Фокиной пятеро ребятъ, всѣхъ одѣнь-обуй; какъ тутъ куражиться?

— И вы, вы тоже уступали ему?!

— Я... я-то?.. Я-то нѣтъ... Зачѣмъ я ему буду уступать?

— Господи, и какъ не стыдно! — Александра Михайловна глядѣла ей въ глаза и качала головою.

Дарья Петровна хмелѣла. Въ ея смиренныхъ глазахъ мелькнули ненависть и вызовъ.

— Что̀ жъ—«стыдно»? Со стыдомъ, милая, сыта не будешь!.. Еще поглядимъ, какъ другія-то всякія себя соблюдутъ...

Новое что-то, широкое и страшное, раскрывалось передъ Александрой Михайловной. Такъ вотъ оно что̀! Вотъ отчего всѣ были такъ странно равнодушны, когда она сообщала о приставаніяхъ къ ней мастера, вотъ почему была словно тайная радость, когда Таня попала въ бѣду.

Обѣ замолчали. Александра Михайловна залпомъ выпила свою рюмку. Въ головѣ шумѣло, передъ глазами было смиренное, желто-блѣдное, ничего не выражавшее лицо Дарьи Петровны. И жутко было это отсутствіе выраженія послѣ того, что̀ она сейчасъ говорила.

Наверху попрежнему ухалъ и звенѣлъ орга̀нъ. Полная дѣвушка въ пышной шляпѣ переговаривалась съ нарумяненною дѣвушкою, сидѣвшею у печки.

— Ты вчера именинница была?—спрашивала нарумяненная дѣвушка.

— Нѣтъ, меня вправду Матреной звать, а не Лизаветой. А это я студента одного надула, чтобъ подарокъ мнѣ сдѣлалъ. Я двѣнадцать разъ въ году именинницей бываю, и на Вѣру-Надежду-Любовь, и на Катерину, и на Зинаиду, и на Наталью... Вотъ подвязки подарилъ; говоритъ, три рубля отдалъ. Вретъ, конечно, не больше полутора заплатилъ.

Полная дѣвушка, не стѣсняясь, подняла юбку выше колѣна и показала новыя ярко-красныя подвязки.

Она говорила громкимъ, немного сиплымъ голосомъ, съ веселою улыбкою, и видно было, что говоритъ она не для подруги, а для студента.

Студентъ опустилъ «Стрекозу» и смотрѣлъ на дѣвушку. Она спросила его:

— Правда, яркія?

Дарья Петровна зашептала:

— Это Матрешка Грушева, тоже въ нашей мастерской была. Какъ бы не узнала. Такая безстыдная, нахальная. Заговоритъ при всѣхъ, оконфузитъ передъ людями.

— Вотъ, студенты-медики! Такой это народъ, — ничего не боятся!—сказала полная дѣвушка, обращаясь къ подругѣ. — Въ воскресенье ночевала я у одного на Введенской улицѣ; проснулась ночью, хвать,—прямо рукой за *стелетъ* зацѣпила! Кости сухія висятъ, щелкаютъ,—такія страсти! И спятъ себѣ, не боятся ничего. То-то живодеры!.. И шутки тоже любятъ шутить. Намедни идемъ мы три дѣвки, всѣ пьяныя вдрызгъ, «мама» сказать не можемъ. Взяли насъ студенты, повезли куда-то. Пьяна я была, ничего не помню, не знаю, что̀ они съ нами дѣлали, Только проснулась, вижу — холодный кто-то рядомъ. Зажгла спичку, — мертвецъ!.. Въ анатомическій завезли насъ, подлецы! Кожа содрана, руки скрючены. У меня весь хмель соскочилъ. Намъ бы три ступеньки вверхъ подняться, они всѣ тамъ были, а мы—внизъ, да поскорѣе домой. Не знаю, какъ добралась, рукавъ весь въ крови испачканъ, карбовкой пахнетъ.

Она оглядѣла всѣхъ, медленно улыбаясь. Дарья Петровна поспѣшно наклонилась лицомъ надъ скатертью. Александра Михайловна слушала съ пристальнымъ, дѣтскимъ любопытствомъ, стыдясь и удивляясь, какъ она все это можетъ разсказывать. Дѣвушка подмѣтила выраженіе ея взгляда, увидѣла бѣдную, отрепанную одежду сосѣдокъ и продолжала, рисуясь своимъ безстыдствомъ:

— А все-таки люблю студентовъ, — хорошій народъ, правильный! Не то, что̀ купцы,—тѣ все жулики. Намедни гуляю по пришпехту, важный купецъ подошелъ,— въ котелкѣ, пальто шевіотовое. Пріѣхалъ со мною ко мнѣ, полбутылки коньяку спросилъ въ два рубля, лимонаду. Ну, думаю, не иначе, какъ онъ мнѣ двадцать пять рублей за ночь заплатитъ. Легли спать. Вижу, хорошій человѣкъ, подвалилась ему подъ бочокъ и заснула. Онъ потихоньку всталъ, одѣлся и удралъ. Слышу, дверь хлопнула. Вскочила,—какъ бѣжать за нимъ? Я совсѣмъ

голая! Люблю, говоритъ, чтобъ дѣвушка со мной голая спала... Такъ и удралъ, ничего не заплативши. И за коньякъ самой пришлось отдать деньги... Ну, да я ему еще отплачу! Кислоты на двадцать копеекъ куплю, пойду гулять, встрѣнусь,—я его сразу узнаю,—да сзади потихоньку все пальто ему и оболью. Въ пятьдесятъ рублей ему моя ночка встанетъ.

Студентъ положилъ газету на колѣни и слушалъ, слегка улыбаясь. Онъ былъ красивый и стройный, съ мягкою русою бородкою.

Дѣвушка оправила пунцовый бантикъ на полной, бѣлой шеѣ и вздохнула.

— До чего я толстѣю! Запонка не сходится, пришлось на самый край перешить пуговку... Вотъ Лёлька, та сухая, какъ кошка; идетъ гулять, за корсетъ полотенце запихиваетъ. А мнѣ этого не надо, у меня все свое, натуральное...

Дѣвушка медленно взглянула на студента.

— Вотъ въ кого бы я влюбилась! Какой хорошенькій, — прелесть!.. Мужчина, пойдемъ со мной! — вполголоса прибавила она.

Студентъ сердито нахмурился и молча взялся за журналъ.

Она пересѣла къ его столу и переставила туда же свою бутылку съ пивомъ. Бутылка студента была уже пуста.

— Я только сегодня въ банѣ была, чистенькая! — сказала дѣвушка и налила изъ своей бутылки пиво въ стаканъ студента.

Студентъ возмутился.

— Не надо, зачѣмъ вы мнѣ наливаете?

— Это моя бутылка, я плачу̀, — успокоила его дѣвушка.

Студентъ выпилъ и, чтобъ отплатить, спросилъ еще бутылку. Дѣвушка отказалась.

— Нѣтъ, больше не стану пить! Я ужъ съ семи часовъ по кабакамъ. Еще много придется, будетъ!.. Ну, цыпочка, вставай, пойдемъ вмѣстѣ.

— Не пойду я! — сердито отвѣтилъ студентъ, сконфуженно косясь по сторонамъ.

Дѣвушка расплатилась и медленною, качающеюся походкою вышла, сверкнувъ въ дверяхъ яркою шляпкою. Студентъ посидѣлъ, поспѣшно всталъ и тоже вышелъ.

— Шкура подлая!—съ ненавистью и отвращеніемъ сказала Дарья Петровна.

Александра Михайловна, пораженная, молчала. Никогда она раньше не думала, чтобъ все это дѣлалось такъ безстыдно и открыто. И именно въ этомъ дерзкомъ, вызывающемъ безстыдствѣ было что-то странно-привлекательное. Она смотрѣла на желто-блѣдное, изсохшее въ работѣ лицо Дарьи Петровны

и сравнивала его съ полнымъ, веселымъ лицомъ ушедшей дѣвушки. Дарья Петровна презираетъ ее, а за что? Всѣ онѣ точно такъ же изъ расчета отдаются мужчинамъ, а хотятъ казаться честными, зато сохнутъ и надрываются въ скучной мастерской, а та — смѣлая, ничего не боится и не стыдится, ушла изъ мастерской, и вотъ живетъ въ безшабашно-веселомъ, угарномъ, яркомъ мірѣ, — шикарною, полною, изящно одѣтою...

Александра Михайловна возвращалась домой. Въ головѣ шумѣло, и въ этомъ шумѣ подплывали къ сознанію уже знакомыя ей, уродливыя, самоё ее пугавшія мысли. Можетъ-быть, потому, что молодой человѣкъ, съ которымъ ушла дѣвушка, былъ красивъ, и въ Александрѣ Михайловнѣ проснулась женщина, но на душѣ было грустно и одиноко. И она думала: проходитъ ея молодость, гибнетъ напрасно красота. Кому польза, что она идетъ честнымъ путемъ?..

И вдругъ смутныя, робко касавшіяся сознанія мысли плавнымъ порывомъ ворвались въ сознаніе, слились въ яркую, смѣлую и радостную отъ своей смѣлости мысль: да! на все наплевать, глупо быть честною! Для чего это надо дорожить собою, видѣть въ себѣ что-то важное, особенное, чему словно и цѣны нѣтъ? Вѣдь все это такъ просто, такъ удивительно просто и ясно! Не видѣть постылой мастерской, жить вольно и красиво, пить вкусный дорогой коньякъ, давать обнимать себя красивымъ молодымъ студентамъ. И день весь будетъ свободный, Зина не будетъ бѣгать безъ призора и ложиться спать голодною... Что̀ въ этомъ плохого?

Было поздно. По пустынному проспекту изрѣдка проходили накрашенныя, разодѣтыя женщины. Ихъ темныя фигуры медленно появлялись изъ мрака. При отблескѣ газовыхъ фонарей грубыя румяна казались веселымъ румянцемъ, сами женщины были прекрасны въ своей таинственности и въ смѣломъ презрѣніи своемъ къ людскому мнѣнію. Александра Михайловна съ тайнымъ замираніемъ долго ходила по проспекту и широкими, дѣтски-любопытствующими глазами провожала каждую женщину: да, онѣ поняли, что все это просто и естественно, и не побоялись пойти на это. И теперь онѣ казались Александрѣ Михайловнѣ близкими и родными.

X.

Въ виду спѣшной работы въ мастерской работали и въ воскресенье до часу дня. У Александры Михайловны съ похмелья болѣла голова, ее тошнило, и все кругомъ казалось

еще сѣрѣе, еще отвратительнѣе, чѣмъ всегда. Таня не пришла. У Александры Михайловны щемило на душѣ, что и сегодня утромъ, до работы, она не провѣдала Таню: проспала, трещала голова, и нужно было спѣшить въ матерскую, пока не заперли дверей. Александра Михайловна рѣшила зайти къ Танѣ послѣ обѣда.

Кругомъ стояло обычное шуршаніе сворачиваемыхъ листовъ, спины дѣвушекъ однообразно сгибались и разгибались. Василій Матвѣевъ возился около обрѣзной машины, обрѣзывалъ какія-то яркія обложки и, обрѣзавъ, тщательно осматривалъ каждую. Александра Михайловна, вся полная воспоминаніемъ о вчерашнихъ признаніяхъ Дарьи Петровны, съ необычнымъ чувствомъ, какъ прозрѣвшая, осматривалась вокругъ. Межъ двигавшихся головъ дѣвушекъ мелькали жирныя плечи и короткая шея Василія Матвѣева. И у него и у нихъ всѣхъ были такія буднично-спокойныя, ничего не выражавшія лица!.. Какъ будто вовсе и не лежало между ними той ужасной, грязной тайны, о которой вчера узнала Александра Михайловна, или какъ будто эта тайна была чѣмъ-то совсѣмъ обычнымъ, что̀ не можетъ ни давить ни мучить.

Выходя въ часъ изъ мастерской, Александра Михайловна слышала, какъ хозяинъ кричалъ въ конторѣ на Василія Матвѣева, а тотъ суетился, разводилъ руками и что-то объяснялъ Семидалову.

Подъ вечеръ Александра Михайловна сидѣла у себя и шила. Вошла Дарья Петровна.

— А-а... Здравствуйте! — Александра Михайловна привѣтливо поднялась.—Садитесь, пожалуйста!.. Чайку позволите?

— Нѣтъ, нѣтъ, не трудитесь! Я къ вамъ только на одну минуточку, спросить хотѣла: гдѣ вы бумазею покупали къ той вонъ кофточкѣ, въ которой на праздникѣ были?

Александра Михайловна сказала.

— Благодарю васъ. Очень ужъ мнѣ рисунокъ приглянулся... Ну, прощайте! Я спѣшу.—Дарья Петровна помолчала.—А Танечка-то наша, слыхали?—вздохнула она.

Александра Михайловна встрепенулась.

— Что̀?

— Вѣдь пошла... къ Васькѣ-то Матвѣеву.

— Не мо-ожетъ быть!

У Александры Михайловны опустились руки, и она медленно сѣла на кровать.

— Вѣрно. Дѣвушки видѣли... И какъ ловко онъ съ обложками обернулся! Какія по краямъ были залиты, обрѣзалъ покороче, и стали, какъ новыя; а которыя больше были залиты, пустилъ въ обрѣзки, а хозяину сказалъ, что изъ типографіи двухъ сотенъ не дослали. Хозяинъ раскричался: «Какъ же

вы не сосчитали?» — «Я, говоритъ, считалъ, да вы меня позвали; а воротился, — мужикъ типографскій ужъ уѣхалъ»... Жалко Танечку нашу, правда?

Она вздохнула, а желтое, смиренное лицо свѣтилось тайною радостью.

— Господи, Господи, что̀ же это такое! — сказала Александра Михайловна. — То-то я сегодня утромъ шла, смотрю, какъ будто на той сторонѣ Таня идетъ; кутаетъ лицо платкомъ, отвертывается... Нѣтъ, думаю, не она. А выходитъ, къ нему шла... И какой со мною грѣхъ случился! — стала она оправдываться передъ собою. — Хотѣла къ ней утромъ зайти, не поспѣла, дѣвочка задержала. А послѣ работы зашла, ужъ не было ея дома...

Дарья Петровна ушла. Александра Михайловна сѣла къ окну и задумчиво уставилась на темнѣвшій дворъ.

«Жалко Танечку!» — думала она. Но жалость была больше въ мысляхъ. Въ душѣ съ жалостью мѣшалось брезгливое презрѣніе къ Танѣ. Нѣтъ, она, Александра Михайловна, — она не пошла бы не только изъ-за пятидесяти рублей, а и съ голоду бы помирала... Гадость какая! Она — честная, непродажная. И отъ этой мысли у нея было пріятное ощущеніе чистоты, какъ будто она только-что воротилась изъ бани. Нелегкое это дѣло остаться честной, а она вотъ сохранила себя и всегда сохранитъ...

Пришелъ Лестманъ. Онъ пилъ чай и застѣнчиво крутилъ рѣдкую бородку, а Александра Михайловна, вздыхая, разсказывала ему о происшествіи съ Таней. Ругала Василія Матвѣева, жалѣла Таню, и около губъ чуть замѣтно играла скромно-гордая улыбка.

XI.

— Я... я знаю... Господи, что̀ же это?.. Пустите!.. Я знаю, — задыхаясь, твердила Александра Михайловна и съ смертельно-блѣднымъ лицомъ проталкивалась сквозь толпу. — Городовой, это дѣвушка одна... Я знаю!.. О, Господи!..

Она уже минуты три стояла въ толпѣ, тѣснившейся на набережной. За краемъ гранитнаго спуска медленно плескались длинныя зеленоватыя волны, утреннее солнце глубоко освѣщало ихъ и дѣлало прозрачными, и на этомъ зеленоватомъ, плещущемъ фонѣ неподвижно рисовалось лежавшее на плитахъ тѣло дѣвушки. Мокро-тяжелая черная юбка плотно облегала вытянутыя ноги, острые концы ботинокъ торчали въ стороны. Александра Михайловна подалась впередъ, чтобъ разглядѣть

лицо, и съ смутно-жалостливымъ, жаднымъ любопытствомъ смотрѣла: широкій, чистый лобъ; отъ угла рта по синеватой щекѣ тянулась струйка пѣнисто-темной жидкости. Вдругъ сѣрая шелковая кофточка на выступѣ груди показалась странно-знакомою. Потомъ, вызывая недоумѣніе, стали знакомыми округлость щеки, намокшіе рыжеватые волосы. И загадочно-неизвѣстное, чуждое лицо утопленницы вдругъ превратилось въ знакомое лицо Тани.

— Городовой, я знаю... Господи, Господи!.. — повторяла Александра Михайловна. — Это дѣвушка одна, Капитанова фамилія... Татьяна... О, Боже, что̀ же это?..

Городовой, вынувъ книжечку, записывалъ имя утопленницы и адресъ Александры Михайловны, толпа приставала къ Александрѣ Михайловнѣ съ разспросами, а она, всхлипывая, повторяла: «Господи, Господи!», и, не отрываясь, смотрѣла на Таню. Все въ ней было близко знакомо и все — страшно, необычно, скрытно-чуждо. Вся она была пропитана тайно принятымъ вчера позоромъ и одиночнымъ ужасомъ пошедшей на самоуничтоженіе жизни.

И она лежала на мостовой, неподвижная, жалкая и загаженная. Мокрая юбка плотно облегала раздвинутыя ноги, въ этомъ было что-то особенно-жалкое и беззащитное. Хотѣлось наклониться, оправить юбку, скрыть выставленныя подъ чужіе взгляды ноги. А за гранитнымъ спускомъ все плескались прозрачно-зеленоватыя, длинныя волны, и отъ нихъ вѣяло сырымъ запахомъ водорослей.

Трупъ увезли. Александру Михайловну пригласили въ участокъ, тамъ еще разъ записали все. Она вышла на улицу. Давно было пора итти въ мастерскую, но Александра Михайловна забыла про нее. Она шла, и въ ея глазахъ плескались зеленоватыя, пахнувшія водорослями волны, и темно-пѣнистая струйка тянулась по круглой щекѣ.

Было яркое сентябрьское утро. Солнце золотымъ свѣтомъ заливало дома, магазины и конки. На тѣневой сторонѣ улицъ, вдоль высокихъ домовъ, стояла туманно-синяя дымка. Дворники въ фіолетовыхъ фуфайкахъ мели улицы, по панелямъ шли люди съ равнодушными, не знающими случившагося лицами; они не только не знали о случившемся, они какъ будто не знали и того, какъ страшна жизнь, и какъ безпомощны противъ нея люди.

И опять передъ Александрой Михайловной плескались прозрачно-зеленоватыя волны, и Таня лежала съ плоскими, слипшимися на синеватомъ лбу волосами. Александра Михайловна вспомнила, какъ мѣсяцъ назадъ на этихъ волосахъ, тогда

живыхъ и пушистыхъ, дрожали капельки осенняго дождя, и они золотистымъ сіяніемъ окружали круглое, весенне-счастливое лицо Тани. Она была горда своею любовью и вызывающею непреклонностью, — пришла жизнь, подстерегла и сломила непреклонность, гнусно загадила любовь, загадила и измяла все. И такъ со всѣми ними,—съ дѣвушками, съ женщинами: за то, чтобъ жить, мало отдавать трудъ и здоровье; у нихъ есть еще то, до чего жизнь жестоко-жадна, и она не отступитъ, пока не возьметъ и этого, пока въ ея пахнущую кровью мясную лавочку смирившаяся женщина не принесетъ и своего мяса. А не смирится, будетъ стараться оставить своей душѣ ея дорогое и свое, — то не будетъ ей пощады, и кругомъ станетъ пустыня, гдѣ медленно умираютъ съ голоду и крикъ отчаянія замираетъ безъ отвѣта.

Александра Михайловна вдругъ почувствовала, что вѣдь и сама она давно уже находится въ такой пустынѣ, что она безпомощно бродитъ по ней, а жизнь немигающимъ, злымъ, какъ у индюшки, глазомъ слѣдитъ за нею и ждетъ. Всталъ передъ нею Ляховъ съ тупо-безпощаднымъ, жаднымъ до нея лицомъ, всталъ Лестманъ съ проползающимъ въ бѣлесыхъ глазахъ осторожнымъ ожиданіемъ, Василій Матвѣевъ съ косящими глазами, у которыхъ нельзя поймать взгляда... Все это сливалось въ одинъ безпощадно-похотливый глазъ, и мимо проносились дѣвушки-работницы въ отрепанныхъ юбкахъ, выплывавшія изъ мглы проспекта женщины съ накрашенными лицами, плачущая надъ пѣсней о гнѣдыхъ Прасковья Ѳедоровна и Таня съ синеватымъ лицомъ, съ ногами, плотно охваченными мокрою юбкою... И казалось Александрѣ Михайловнѣ: вотъ-вотъ подхватитъ и ее, и унесетъ, и замѣшаетъ въ этотъ потокъ опозоренныхъ, продавшихся за право жизни женскихъ тѣлъ.

Она вышла къ набережной. Широкая синяя рѣка лѣниво и равнодушно плескалась подъ солнцемъ, забывъ, что сдѣлала сегодня ночью. И такъ же равнодушно смотрѣли ряды каменныхъ громадъ, сверкавшіе за рѣкою въ голубомъ туманѣ. Александра Михайловна сѣла на скамейку. Ею овладѣла смертельная усталость. Сгорбившись, съ опустившимися плечами, она тупо смотрѣла вдаль. На что ей надѣяться? Мрачно и пусто было впереди, и безысходный ужасъ былъ въ этой пустотѣ.

«А зачѣмъ было такъ плохо поминать и Лестмана?» — вдругъ мелькнуло у нея въ головѣ.

И осторожно, стараясь не натолкнуться въ мысляхъ на возраженія, Александра Михайловна продолжала думать: «Онъ не то, что другіе; за нехорошимъ онъ не гонится, все хочетъ сдѣлать по-честному...»

XII.

Въ десятыхъ числахъ ноября на Васильевскомъ островѣ, въ одной изъ квартирокъ огромнаго, грязнаго дома за Малымъ проспектомъ, шелъ свадебный пиръ. Гармоника играла кадриль, столъ былъ заставленъ пивными бутылками и бутербродами, въ воздухѣ стоялъ русскій, нѣмецкій и эстонскій говоръ. Александра Михайловна, съ завитою гривкою на лбу и въ корсетѣ, танцовала со своимъ шаферомъ, переплетнымъ подмастерьемъ Генрихсеномъ. За два мѣсяца, какъ она не работала въ мастерской, она сильно располнѣла, особенно въ нижней части лица, синіе глаза смотрѣли спокойно и довольно.

Александра Михайловна говорила Генрихсену:

— Онъ смирный, трезвый. О дѣвочкѣ моей обѣщаетъ заботиться. А въ мастерской оставаться было невозможно: мастеръ притѣсняетъ, дѣвушки, сами знаете, какія. Житья нѣтъ женщинѣ, которая честная. Мнѣ еще покойникъ Андрей Ивановичъ говорилъ, предупреждалъ, чтобъ не итти туда. И правда, сама увидѣла я: тамъ работать — значитъ потерять себя.

— Ну, да, ка-анешна! Ну, да!—соглашался толстякъ Генрихсенъ и, ухвативъ Александру Михайловну за талію, устремлялся навстрѣчу визави.

Въ головѣ у Александры Михайловны кружилось отъ выпитаго пива. Она смотрѣла, какъ толстый Генрихсенъ, отдуваясь, вытанцовывалъ соло, и вспоминала, какъ онъ, такъ же отдуваясь, танцовалъ на праздникѣ иконы русскую. Вспоминались ей грязь и позоръ мастерской, вспоминались бурливо, какъ въ самоварѣ, кипѣвшія въ мозгу думы о жизни и порывы къ борьбѣ съ нею. Тихое спокойствіе охватывало душу и радость, что не нужно больше думъ и борьбы. Вставали лица дѣвушекъ-подругъ, на сердцѣ шевелилось брезгливое презрѣніе къ нимъ, и Александра Михайловна съ гордостью думала: «Кто захочетъ, у кого есть въ душѣ совѣсть, та всегда останется честною».

Кадриль кончилась. Къ Александрѣ Михайловнѣ подсѣлъ Лестманъ, въ бѣломъ галстукѣ и шершавомъ черномъ сюртукѣ. Громадныя руки торчали изъ короткихъ рукавовъ. Онъ обнималъ Александру Михайловну за плечи, заглядывалъ въ лицо.

— Сурочка, какъ я тебя люблю! — въ пьяномъ восторгѣ твердилъ онъ, и жмурился, и въ сотый разъ лѣзъ цѣловаться.

1903.

НА ПОВОРОТѢ.

I.

Токарева встрѣтили на вокзалѣ его сестра Таня и фельдшерица земской больницы, Варвара Васильевна Изворова. Токаревъ оглядывалъ Таню и въ десятый разъ повторялъ:

— Вотъ ужъ не ждалъ-то, что увижу тебя здѣсь!

Варвара Васильевна сказала:

— А какая досадная вещь вышла!.. Я вамъ писала, директоръ банка обѣщалъ мнѣ немедленно дать вамъ мѣсто въ банкѣ, какъ только пріѣдете. Вчера захожу къ нему,—оказывается, онъ совсѣмъ неожиданно уѣхалъ за границу. Въ Карлсбадѣ у него опасно заболѣла дочь. Спрашивала я помощника директора, ему онъ ничего не говорилъ объ васъ... Такая досада! Придется вамъ ждать, пока воротится директоръ.

Варвара Васильевна говорила извиняющимся голосомъ, какъ будто была виновата въ неожиданномъ отъѣздѣ директора. Токаревъ улыбнулся ея тону.

— Такъ вѣдь не на годъ же уѣхалъ директоръ?

— Нѣтъ, конечно. На мѣсяцъ, самое большее — на два. А покамѣстъ, знаете что̀? Поѣдемте къ намъ въ деревню. Я съ завтрашняго числа получаю въ больницѣ отпускъ, нынче или завтра пріѣдутъ изъ деревни лошади.

Токаревъ радостно воскликнулъ:

— Варвара Васильевна, да вѣдь это превосходно! Чего жъ вы за меня огорчаетесь? Пожить въ деревнѣ, лучшаго я бы и самъ для себя не придумалъ...

Подошелъ носильщикъ съ вещами.

— Куда прикажете извозчика брать?

Токаревъ, веселый и оживленный, взялъ ремни съ пледомъ.

— Какая у васъ тутъ есть гостиница недорогая?

— Ну вотъ еще, зачѣмъ гостиница?—встрепенулась Таня.— Остановишься у насъ въ колоніи.

Токаревъ поднялъ брови.

— Въ колоніи?.. Посмотримъ, что̀ за колонія!

Они вышли изъ вокзала. Варвара Васильевна сказала:

— Поѣзжайте, господа! А мнѣ нужно еще забѣжать въ больницу, сдѣлать двѣ перевязки. Я сейчасъ буду у васъ.

Токаревъ и Таня сѣли на извозчика и поѣхали къ городу. Солнце садилось, надъ шоссе стояла золотистая пыль, и самъ воздухъ казался отъ нея золотымъ. Токаревъ, улыбаясь, смотрѣлъ на Таню.

— Разскажи ты мнѣ толкомъ, какъ ты сюда попала. Въ февралѣ въ послѣдній разъ написала изъ Петербурга и послѣ этого какъ въ воду канула.

— Я тебѣ говорила, всю весну мы пробыли тутъ на голодѣ, въ Артемьевскомъ уѣздѣ. Ну, я тебѣ скажу,—и насмотрѣлись! Жутко вспомнить. До іюня пробыли тамъ, и все просадили, у кого какія были деньги; то-есть, понимаешь, ни гроша ни у кого не осталось! Ну вотъ и пошли въ Томилинскъ.

— Пошли?

— Гдѣ шли, гдѣ на товарномъ поѣздѣ ѣхали... Очень было весело! Здѣсь раздобыли работы,—кто по статистикѣ, кто уроковъ. Живемъ всѣ вмѣстѣ,—цѣлый, братъ, домъ нанимаемъ! За три рубля съ мѣсяцъ. Вотъ увидишь, славные подобрались ребята.

— Я кое-что слышалъ о твоей дѣятельности на голодѣ. Въ вагонѣ я разговорился съ однимъ земскимъ врачомъ,—Разсудинъ, кажется, фамилія. Онъ мнѣ много разсказывалъ про тебя.

— Разсудинъ? Что̀, что̀ онъ говорилъ? — быстро спросила Таня и съ любопытствомъ подняла голову. Ея большіе глаза самолюбиво заблестѣли.

Токаревъ лукаво улыбнулся.

— Однимъ словомъ, одобрялъ. А передавать не стану,— загордишься... А скажи ты мнѣ лучше вотъ что̀: когда ты уѣхала на голодъ?

— Въ мартѣ мѣсяцѣ.

— Какъ же ты съ экзаменами устроилась? Перешла на слѣдующій курсъ?

— Я ужъ зимою вышла съ курсовъ.

— Вы-ышла? — протянулъ Токаревъ и замолчалъ. — Почему?—коротко спросилъ онъ.

— На что они мнѣ! Курсы важны только вначалѣ, чтобъ пріобрѣсти знакомства, попасть въ извѣстную среду. А разъ это ужъ есть, то что̀ въ нихъ?

Токаревъ потемнѣлъ.

— Странно!.. Курсы, во всякомъ случаѣ, даютъ систематическое знаніе.

Таня разсмѣялась.

— Систематическое знаніе!.. Дипломъ они даютъ, а не систематическое знаніе. Мнѣ не шестнадцать лѣтъ, я и безъ профессорской указки сумѣю пріобрѣсти знанія.

— Я не понимаю, вѣдь тебѣ всего одинъ годъ оставался до окончанія!—раздраженно сказалъ Токаревъ.—Что бы тебѣ помѣшалъ дипломъ? Кто знаетъ, что можетъ случиться въ будущемъ,—почему его не имѣть на всякій случай?

— Господи, какъ это скучно, — о будущемъ думать! Не боюсь я никакого будущаго, всегда сумѣю прожить и безъ диплома. Вѣдь тебѣ вотъ тоже оставался всего годъ до диплома,—не получилъ, и что жъ? Большая отъ этого бѣда?

Токаревъ нахмурился и молчалъ.

Пролетка переваливалась изъ ямы въ яму по немощеной, изрытой промоинами улицѣ. Подъ заборами, въ бурьянѣ, валялись дохлыя кошки и арбузныя корки. Пролетка остановилась у покосившихся воротъ небольшого дома. На скамеечкѣ сидѣлъ подслѣповатый, бритый старикъ въ жилеткѣ и желѣзныхъ очкахъ. Таня крикнула:

— Иванъ Финогенычъ, пожалуйста, откройте намъ ворота!

Старикъ оглядѣлъ пролетку и молча пошелъ отпирать. Они въѣхали на заросшій муравкою дворъ. Въ его углу, около садовой калитки, стоялъ крохотный флигелекъ. На крыльцо вышли два студента.

Токаревъ и Таня сошли наземь. Таня сказала:

— Знакомьтесь, господа! Это мой братъ, я вамъ о немъ говорила.

Студенты, немного стѣсняясь, назвали себя и пожали Токареву руку.

— Шеметовъ.

— Борисоглѣбскій.

Шеметовъ, стройный парень въ синей рубашкѣ, исподлобья взглянулъ на Токарева.

— Давайте-ка, я вамъ снесу. — Взялъ изъ его рукъ чемоданъ и удивился.—У-ухъ, тяжелый какой!

Огромный Борисоглѣбскій крутилъ на подбородкѣ жесткіе черные волосики. Запкаясь, онъ спросилъ:

— Чай будете пить? Сейчасъ запалимъ самоварчикъ!

Вошли черезъ сѣнцы въ тѣсную комнату съ грязными, полуоборванными обоями. Вездѣ валялись книги. Къ стѣнѣ были пришпилены булавками портреты Маркса, Чернышевскаго и Горькаго.

Шеметовъ ушелъ за булками и закусками. Борисоглѣбскій возился въ сѣнцахъ съ самоваромъ.

Таня сѣла на кровать.

— Ну, вотъ тебѣ наша колонія!.. Третьяго, Вегнера, еще нѣту,—ушелъ куда-то...

Она помолчала.

— Ну, разскажи же, что̀ ты подѣлывалъ въ Пожарскѣ?

У Токарева еще не совсѣмъ прошло враждебное чувство къ Танѣ. Онъ неохотно отвѣтилъ:

— Да нечего разсказывать. Пріѣхалъ туда изъ ссылки, служилъ въ управленіи желѣзной дороги, ты знаешь. Прослужилъ годъ, штаты сократили, я и остался на мели.

— Ну, а что̀ за народъ тамъ?

— Никакого «народу» нѣтъ, одни лишь обыватели. Скука, тишь, только книгами и спасался. Совершенно мертвый городишко.

Воротился изъ булочной Шеметовъ. Въ сѣнцахъ раздался его ворчливый голосъ:

— Несчастное дитя природы, онъ все тутъ съ самоваромъ киснетъ!.. Пусти!

— Погоди, углей надо подкинуть, — возразилъ Борисоглѣбскій.

— Уйди, постылый! «Углей»! Углей довольно, нужно сапогомъ раздуть... Вотъ такъ! Видалъ? Э, какъ пошла!.. «Угле-ей»!..

Таня слушала, улыбаясь.

— Милый парень этотъ Шеметовъ! Смотритъ исподлобья, голосъ свирѣпый, а такая мягкая, деликатная душа. На голодѣ Вегнеръ заболѣлъ у насъ сыпнымъ тифомъ. Посмотрѣлъ бы ты, какъ онъ за нимъ ухаживалъ: словно мать.

Самоваръ подали. Сѣли пить чай.

Пришла Варвара Васильевна вмѣстѣ съ Вегнеромъ. Невысокій и сутулый, съ впалою грудью, Вегнеръ съ застѣнчивою улыбкою пожалъ руку Токарева и молча сѣлъ за чай.

Варвара Васильевна съ торжествомъ объявила:

— Сейчасъ спасла Вегнера отъ расторгуевскихъ собакъ!.. Подхожу къ углу, вижу,—собаки его окружили, заливаются, а онъ стоитъ и собирается примѣнить свой способъ. Еле успѣла ему помѣшать.

Всѣ засмѣялись. Токаревъ спросилъ:

— А что̀ это за способъ?

— У него свой особенный способъ есть отпугивать собакъ, самый вѣрный. Если бросится собака, нужно только присѣсть на корточки и грозно взглянуть ей въ глаза,— она сейчасъ же подожметъ хвостъ и убѣжитъ.

— Только никакъ онъ себѣ грознаго взгляда не можетъ выработать,—замѣтилъ Шеметовъ.

— Въ этомъ-то его и горе!.. Недавно, на голодѣ, пошелъ онъ къ лавочнику покупать соли для своей столовой. Выскочила громадная собака; онъ присѣлъ на корточки и грозно взглянулъ ей въ глаза, а она какъ цапнетъ его за носъ!

Вегнеръ съ улыбкой качалъ головою.

— Какъ все точно! Я только говорилъ вамъ, что слышалъ на голодѣ отъ одного понамаря о такомъ способѣ. А вы каждый день разсказываете, какъ будто все это и вправду было,—даже знаете, что̀ именно я шелъ покупать къ какому-то лавочнику.

— И завтра будетъ разсказано такъ же!—неумолимо сказала Варвара Васильевна.

Темнѣло. Смѣнили второй самоваръ. Въ маленькія окна тянуло изъ сада росистою свѣжестью и запахомъ спѣлыхъ вишенъ. Токаревъ взялъ со стола продолговатую сѣренькую книжку и сталъ просматривать. Это были протоколы недавняго ганноверскаго съѣзда нѣмецкой соціалъ-демократической партіи.

Таня заглянула, какую онъ взялъ книжку.

— Вотъ! Правда, характерно? Весь съѣздъ цѣликомъ былъ посвященъ книжонкѣ Бернштейна!.. Нечего было больше дѣлать!

Токаревъ перевертывалъ страницы книжки и сдержанно возразилъ:

— По-моему, Бернштейнъ надъ очень многимъ заставляетъ задуматься.

Таня изумилась.

— Господи, Володя! Ну надъ чѣмъ онъ можетъ заставить задуматься! Вѣдь это просто банкротъ,—успокоившійся, присмирѣвшій и трусливый! И вѣдь до чего онъ гаденько-труслив: у него даже не хватаетъ мужества прямо отречься отъ прежнихъ «мечтаній»...

— Не вижу у него трусости. Напротивъ, нужно было большое мужество, чтобъ выступить съ такою книгою. И ни отъ какихъ мечтаній онъ не отказывается, онъ возстаетъ только противъ трескучихъ фразъ.

Вегнеръ слегка покраснѣлъ и, пощипывая бородку, спросилъ:

— Но этого-то вы не будете отрицать, что онъ филистеръ до мозга костей?

— Я этого не отрицаю,—поспѣшно сказалъ Токаревъ.—Но это нисколько не мѣшаетъ быть его книгѣ по существу глубоко-вѣрною. Филистерство остается при авторѣ, а въ книгѣ

его все-таки больше настоящаго, реалистическаго марксизма, чѣмъ въ правовѣрномъ марксизмѣ.

Таня насмѣшливо улыбнулась.

— Удивительное дѣло! Ты согласенъ, что онъ насквозь пропитанъ филистерствомъ; какъ же это филистерство можетъ не отражаться на самой сути его построеній? Какъ будто филистерство — это такъ себѣ, маленькій придатокъ, который не стоитъ ни въ какой связи съ остальнымъ!

Споръ разгорѣлся жестокій. Вмѣшались другіе, и было столько мнѣній, сколько спорящихъ. Таня спорила рѣзко, насмѣшливо, не брезгала софизмами и переиначиваніемъ словъ противниковъ. Ея большіе глаза съ суровою враждою смотрѣли на Токарева и на всѣхъ, кто хоть сколько-нибудь высказывался за ненавистнаго ей Бернштейна. Было ужъ за полночь, въ комнатѣ стоялъ душный табачный дымъ, а въ окна тянуло свѣжею и глубокою тишиною спавшей ночи.

Варвара Васильевна взглянула на часы и всполошилась.

— Господи, мнѣ ужъ давно пора въ больницу! Съ двѣнадцати часовъ начинается мое дежурство, а теперь ужъ двадцать минутъ перваго. Прощайте, господа!

Она поспѣшно надѣла шляпу, протянула руку Токареву.

— Приходите завтра, я съ двѣнадцати часовъ буду свободна.—И быстро ушла.

— Ну, пора бы ужъ и спать,—сказалъ Токаревъ.—Правду говоря, голова трещитъ съ дороги.

Онъ безпомощно оглядѣлся: гдѣ его могутъ тутъ положить?

— Мы вамъ сейчасъ устроимъ постель! — сказалъ Шеметовъ и всталъ.

Таня опять стала милою и радушною. Она воскликнула:

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! У васъ тутъ клоповъ много. Онъ у меня наверху будетъ спать, а я пойду ночевать къ Варѣ... Пойдемъ, Володя!

По крутой лѣсенкѣ изъ сѣнецъ они поднялись наверхъ. Въ крохотной комнаткѣ было жарко отъ желѣзной крыши и душно, какъ въ банѣ. Книги и статистическіе листки валялись на полу, на стульяхъ, на кровати. На столѣ лежала черная юбка. Таня поспѣшно повѣсила ее на гвоздь.

— Ну, вотъ тебѣ комната!.. Тебѣ не будетъ жестко спать?— спросила Таня и пощупала рукою свою кровать.

Токаревъ былъ пріятно возбужденъ споромъ и общей атмосферой, отъ которой ужъ сталъ отвыкать. Онъ разсѣянно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, ничего!

— Ну, спи!.. Прощай!

Таня пошла къ двери. Вспомнила что-то и остановилась.

— Да, вотъ что̀! Не возьмешься ли ты обдѣлать тутъ одно дѣльце?

Токаревъ насторожился.

— Что̀ такое?

— Видишь ли... Какое впечатлѣніе произвела на тебя Варвара Васильевна?

— Право, не могу сказать: я ее слишкомъ мало видѣлъ.

— Она очень живой чоловѣкъ и дѣльный. Между тѣмъ вотъ ужъ третій годъ киснетъ тутъ въ Томилинскѣ, въ больницѣ, — отслуживаетъ земскую стипендію. Ей положительно невозможно здѣсь оставаться, необходимо перетащить ее въ Петербургъ.

— Ну да... Но что̀ же я тутъ могу сдѣлать?

— Видишь ли, мнѣ говорила Варя, ты зналъ въ Петербургѣ ея двоюродную сестру Засѣцкую; она кончила на фельдшерскихъ курсахъ двумя годами раньше Вари. Такъ вотъ, эта Засѣцкая теперь замужемъ здѣсь за членомъ управы Будиновскимъ, — либеральный земецъ, вліятельный человѣкъ. Познакомься съ ними, они какъ-разъ третьяго-дня пріѣхали на недѣлю изъ деревни. Ты человѣкъ солидный. Подѣйствуй на Будиновскаго, уговори его, чтобъ Варѣ сократили срокъ службы въ земствѣ.

— Она что̀ же, сама хочетъ этого?

— Ей ничего объ этомъ и говорить не нужно! Она такая щепетильная, ни за что не согласится.

— Вотъ странно! Какое же мы имѣемъ право безъ ея разрѣшенія хлопотать за нее?

— Ахъ, ты, Господи! — Таня досадливо передернула плечами и быстро прошлась по комнатѣ.—Ну, я не знаю,—какъ хочешь, а здѣсь ей невозможно оставаться. Я прямо не могу съ этимъ примириться!

— Провѣдать Засѣцкую я не прочь, мнѣ интересно повидать ее. Но хлопотать за Варвару Васильевну безъ ея разрѣшенія,—это, по-моему, безцеремонно прежде всего по отношенію къ ней же самой... А скажи, пожалуйста, я и не зналъ, что Варвара Васильевна получала стипендію; вѣдь ея родители—богатые люди, имѣютъ имѣніе подъ Томилинскомъ.

— Да, только оно все въ долгахъ, усадьба разваливается, отецъ сильно въ карты играетъ. Они только наружно богаты... Ну, однако прощай! Спи!.. Такъ завтра мы все-таки пойдемъ къ Будиновскимъ.

Таня ушла. Токаревъ сѣлъ на окно, закурилъ папиросу. Росистый садъ, облитый луннымъ свѣтомъ, словно замеръ.

Было очень тихо. Только изрѣдка полно и увѣсисто шлепалось о землю упавшее съ дерева яблоко. Вдали кричали пѣтухи.

Варвара Васильевна произвела на Токарева довольно блѣдное и расхолаживающее впечатлѣніе. А между тѣмъ въ Пожарскѣ и раньше—въ Вятской губерніи — онъ думалъ о ней съ сладкимъ и захватывающимъ чувствомъ. Въ Петербургѣ они были хорошо знакомы. Время стояло горячее, волна общественнаго настроенія начинала подниматься все выше; они не замѣтили, какъ сближеніе ихъ стало чѣмъ-то бо̀льшимъ, чѣмъ дружба. Однажды вечеромъ вдругъ, въ неожиданномъ порывѣ, Токаревъ высказалъ Варварѣ Васильевнѣ то, что̀ онъ къ ней чувствовалъ; Варвара Васильевна рѣзко и испуганно отшатнулась и съ этого времени стала все больше замыкаться и отдаляться отъ Токарева. А между тѣмъ онъ чувствовалъ, что и она любитъ его... Вскорѣ Токарева арестовали, потомъ сослали въ Вятскую губернію. Они все время переписывались, и въ этой перепискѣ образъ Варвары Васильевны дѣлался для него все свѣтлѣе, чище и дороже. Теперь, увидѣвъ ее, онъ почувствовалъ разочарованіе. Идеальный образъ, увеличенный разстояніемъ, одѣлся плотью и превратился въ обыкновенную дѣвушку,—къ тому же блѣдную, похудѣвшую и постарѣвшую; только лицо ея, строгое и красивое, немножко подходило къ прежней мечтѣ.

Токаревъ началъ раздѣваться. Сѣлъ на кровать, чтобъ снять штиблеты, уперся въ нее руками—и остановился.

— Одна-ако!.. — Онъ поднялъ одѣяло и простыни. На сосновыхъ подставкахъ лежали три неоструганныхъ доски, покрытыя тонкимъ солдатскимъ сукномъ,—и больше ничего; это была вся постель.

Токаревъ расхохотался. Онъ вспомнилъ, какъ Таня спрашивала: «не жестко будетъ тебѣ?»

— Да, «не жестко»!—громко сказалъ онъ, щупая ладонью твердыя доски. Охватило горячее умиленіе къ Танѣ; видимо, ей самой это, дѣйствительно, не жестко; она заботилась, чтобъ ему было поудобнѣе, онъ сказалъ: «не будетъ жестко»,—и она успокоилась.

Токаревъ развязалъ свои ремни, уложилъ на доски пальто, подушки, пледъ, все, что̀ было въ комнатѣ изъ Таниной одежды, и кое-какъ устроилъ сносную постель. Все улыбаясь, онъ потушилъ свѣчу и легъ.

Прошелъ часъ, другой, — Токаревъ не могъ заснуть. Было душно, кусали комары и мошки, жесткія Танины простыни терли тѣло. Наложенныя вмѣсто тюфяка вещи образовали въ

постели бугры, и никакъ нельзя было удобно улечься. Хотѣлось пить, а воды не было. Токаревъ лежалъ, потный, угрюмый и злой, и вспоминалъ свою уютную квартиру въ Пожарскѣ. Опять онъ бездоменъ, будущее темно и невѣрно, и что хорошаго можетъ онъ ждать отъ этого будущаго?..

II.

Въ широкомъ коридорѣ больницы пахло валеріанкой и мятой. Таня постучала въ небольшую бѣлую дверь. Отвѣта не было. Она отворила дверь. Комната была пуста.

— Ну, такъ я и думала! Вари еще нѣтъ! А ужъ второй часъ. Навѣрное, помогаетъ кому-нибудь управляться. Я положительно не видывала, чтобъ человѣкъ когда-нибудь такъ работалъ. Съ утра до ночи возится съ больными, всѣ служащіе выѣзжаютъ на ней и сваливаютъ на нее всю работу, а она и въ усъ себѣ не дуетъ.

Комната была большая и чистая, два окна выходили въ больничный садъ.

Токаревъ сѣлъ въ кресло и закурилъ папиросу. Таня пропилась по комнатѣ, остановилась передъ этажеркою и стала пересматривать книги. За дверью тонкій женскій голосъ спросилъ:

— Варенька, вы у себя?

Таня поморщилась.

— Ея нѣтъ здѣсь!

Въ комнату, съ книжкою въ рукахъ, вошла молодая дѣвушка въ сѣромъ платьѣ, — блѣдная, съ круглыми, странно-свѣтлыми голубыми глазами. Токаревъ поднялся съ кресла.

— Здравствуйте, Татьяна Николаевна! Варенька скоро придетъ?

— Не знаю я,—хмуро отвѣтила Таня.

Дѣвушка растерянно поглядывала на Токарева. Таня пробурчала:

— Мой братъ! Ольга Петровна Темпераментова!

Темпераментова почтительно пожала руку Токарева.

— Я очень рада, мнѣ Варенька столько разсказывала про васъ! Она ужасно рада, что вы перебираетесь изъ Пожарска въ Томилинскъ... Я эти дни какъ разъ вспоминала объ васъ: я вотъ читаю Варенькину книжку, Энгельса, «О происхожденіи семьи», съ вашею надписью ей... Какая книжка, просто замѣчательно! Такъ глубоко, такъ ясно все изложено!.. Какъ неопровержимо доказывается правильность экономическаго матеріализма!..

Слова сыпались, какъ мелкія горошины,—ровныя, круглыя и сухія. На душѣ сразу стало сухо и пусто. Токаревъ слушалъ, стараясь изобразить на лицѣ вниманіе, Таня сѣла къ окну и стала читать. А Ольга Петровна, со своими растерянными, странно-голубыми глазами, продолжала высыпать свое восхищеніе отъ книжки.

Пришла наконецъ Варвара Васильевна. Она сняла больничный халатъ, поспѣшно вышла и воротилась съ горячимъ кофейникомъ. Сидѣлка внесла подносъ съ чашками.

— Ну, слава Богу! Свободна!—облегченно вздохнула Варвара Васильевна и сѣла на кровать.

— Долгонько вы «освобождались»! — съ улыбкою замѣтилъ Токаревъ.

Темпераментова влюбленными глазами слѣдила за Варварой Васильевной.

— Вѣдь вы не знаете, Варенька такая добросовѣстная! Всѣмъ ей нужно помочь, за всѣмъ присмотрѣть. Главный докторъ прямо говоритъ, что ею держится вся больница...

— Варя, пойдемте сейчасъ къ Будиновскимъ! — прервала Таня.—Володя хотѣлъ бы повидать Марью Михайловну.

— Отлично! Сейчасъ послѣ кофе и пойдемъ!

Сѣли пить кофе. Ольга Петровна сыпала своимъ пустымъ разговоромъ, время шло томительно и угнетающе. Всѣ поспѣшили кончить.

Вышли на улицу. Таня шла, нахмуренная и злая.

— По-моему, это прямо профанація Энгельса—давать его читать такимъ госпожамъ! Не понимаю, чего вы возитесь съ нею! Вѣдь пять минутъ пробыть съ нею—это каторга!

— Скучновата она, вѣрно, — согласилась Варвара Васильевна.—Да и навязчива немножко. А все-таки она очень хорошій человѣкъ... и несчастный. Съ утра до ночи бѣгаетъ по урокамъ, на ея рукахъ больной отецъ и цѣлая куча сестренокъ; изъ-за этого не пошла на курсы...

На тихой Старо-Дворянской улицѣ сѣрѣлъ широкій домъ съ большими окнами. Густые ясени черезъ заборъ сада раскинули надъ тротуаромъ темный навѣсъ. Варвара Васильевна позвонила. Вошли въ прихожую. Въ дверяхъ залы появилась молодая дама въ свѣтлой блузѣ,—бѣлая и полная, съ красивыми синими глазами.

— А-а, Варенька! Рѣдкій гость! — Она радостно поцѣловалась съ Варварой Васильевной. Потомъ съ недоумѣвающею улыбкою прищурила близорукіе глаза на Токарева.

— Не узнаёте, Марья Михайловна?—улыбнулся Токаревъ.

— Ахъ, Господи, да это Владимиръ Николаевичъ! Я слы-

шала отъ Вареньки, что вы перебираетесь въ Томилинскъ.. Какъ же вы измѣнились! Ну, здравствуйте, здравствуйте!— Она крѣпко, нѣсколько разъ пожала руку Токарева. — Пойдемте, господа, въ кабинетъ... Боря, иди сюда! Къ намъ гости!

Мягко ступая легкими лѣтними башмаками, изъ кабинета медленно вышелъ высокій, плотный господинъ съ русою бородкою, остриженною клинышкомъ. Марья Михайловна перезнакомила всѣхъ. Вошли въ просторный, прохладный кабинетъ.

— Это Токаревъ, Владимиръ Николаевичъ... Я тебѣ часто разсказывала про него. Пріятелями были въ Петербургѣ.

На дубовомъ письменномъ столѣ въ порядкѣ лежали книги и бумаги. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь жалюзи, весело играли на зеленомъ сукнѣ стола и на яркой бронзѣ письменныхъ принадлежностей. У оконъ величественныя латаніи, нѣжныя ареки и кенціи переплетали узоры своихъ листьевъ. Въ кабинетѣ было комфортно и уютно.

— Я слышалъ, вы переселяетесь къ намъ въ Томилинскъ?— медленно спросилъ Будиновскій, глядя на Токарева спокойными, серьезными глазами.

Онъ сталъ разспрашивать Токарева о его прежней жизни, слушалъ и сочувственно кивалъ головою. Токаревъ разсказывалъ, а самъ приглядывался къ Марьѣ Михайловнѣ. Въ Петербургѣ, курсисткой, она была тоненькая и худенькая, съ большими, чудесными глазами, полными безпокойства и вопроса. Теперь глаза смотрѣли мягко и удовлетворенно. Красивое, полное тѣло подъ легкою блузою дышало тихимъ покоемъ.

— Да, Варвара Васильевна, я вамъ хотѣлъ сообщить, — вспомнилъ Будиновскій.—Вы простите меня, но я вашего заявленія до свѣдѣнія управы не довелъ.

Варвара Васильевна нахмурилась и холодно сказала:

— Очень жаль! Въ такомъ случаѣ я сама напишу предсѣдателю.

— Вотъ, Владимиръ Николаевичъ, подѣйствуйте хоть вы на Варвару Васильевну,—съ улыбкою обратился Будиновскій къ Токареву.—Весною на земскомъ собраніи мы единогласно постановили выразить Варварѣ Васильевнѣ благодарность за ея сердечное и добросовѣстное отношеніе къ больнымъ въ нашей больницѣ. Послали ей соотвѣтственную бумагу, а она въ отвѣтъ подала мнѣ заявленіе, что не нуждается въ нашей благодарности... Ну какъ можно это дѣлать?

— А какъ можно благодарить человѣка за то, что онъ исполняетъ взятыя на себя обязанности? — рѣзко возразила Варвара Васильевна. — Благодарятъ за самое обыкновенное исполненіе своихъ обязанностей! Да вѣдь это дико! Этакъ

скоро дождешься еще благодарности за то, что не обворовываешь больныхъ и не берешь съ нихъ взятокъ!

Будиновскій улыбался, забавляясь ея негодованіемъ.

— Мы благодарили васъ именно за особенное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, а не за обычное, формальное: отзвонилъ, и съ колокольни долой!

— Ну, не стоитъ объ этомъ говорить! Дѣло само по себѣ слишкомъ ясно. Я работаю вовсе не для вашего земскаго собранія, и мнѣ рѣшительно все равно, одобряетъ оно меня или порицаетъ.

Въ ея голосѣ зазвенѣли слезы обиды. Она быстро прошлась по кабинету и, закусивъ губу, остановилась у окна. Будиновскій посмѣивался, Токареву тоже было немножко смѣшно. Таня слушала, внимательно насторожившись, глаза ея блестѣли; у нея создавался новый планъ.

Вошла горничная и доложила, что подано кушать. Марья Михайловна встала.

— Господа, пойдемте обѣдать!

Направились въ столовую. Таня отстала отъ другихъ и остановила Будиновскаго.

— Борисъ Александровичъ, мнѣ нужно съ вами поговорить.

Будиновскій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Таню и любезно сказалъ:

— Пожалуйста! Въ чемъ дѣло?

— Видите ли... Вы сейчасъ разсказывали, какъ довольна управа службою Варвары Васильевны. Ей еще годъ нужно отслуживать стипендію... Нельзя ли, во вниманіе къ ея выдающейся дѣятельности, устроить такъ, чтобъ простить ей этотъ годъ?

Будиновскій, наклонивъ голову, внимательно слушалъ.

— Я не совсѣмъ васъ понимаю... Зачѣмъ ей это нужно?

— Затѣмъ, что тогда она можетъ уѣхать отсюда,—въ Петербургъ, напримѣръ. Ее только отслуживаніе стипендіи и удерживаетъ здѣсь.

— Я этого не зналъ.

Будиновскій въ замѣшательствѣ погладилъ рукою бороду и медленно прошелся по кабинету.

— Откровенно говоря, мнѣ сдѣлать это чрезвычайно неудобно. Вы знаете, Варвара Васильевна—двоюродная сестра моей жены. На меня и такъ всѣ косятся за мой послѣдній докладъ о недостаткахъ постановки народнаго образованія въ нашей губерніи; если же я предложу сдѣлать, что вы желаете, то всѣ скажутъ, что я «радѣю родному человѣку».

— Господи, стоитъ на это обращать вниманіе!

— Очень даже стòитъ,—серьезно возразилъ Будиновскій.

— Чтò же теперь дѣлать?—Таня задумалась.—Вотъ чтò: тогда познакомьте меня съ какимъ-нибудь другимъ вліятельнымъ членомъ управы.

«Вотъ неугомонная!»—подумалъ Будиновскій и неохотно отвѣтилъ:

— Сейчасъ всѣ разъѣхались изъ города. Раньше осени, все равно, ничего нельзя сдѣлать.

— Господа! Идите же обѣдать!—крикнула изъ столовой Марья Михайловна.

Таня быстро сказала:

— Только, пожалуйста, не говорите Варѣ о нашемъ разговорѣ.

Они пошли въ столовую. По тарелкамъ ужъ была разлита ботвинья съ розовыми ломтиками лососины и прозрачными кусочками льда. На концѣ стола сидѣлъ рядомъ съ бонной шестилѣтній сынъ Будиновскихъ, въ матроскѣ, съ мягкими, длинными и кудрявыми волосами. Онъ съ любопытствомъ глядѣлъ на Токарева и вдругъ спросилъ:

— Зачѣмъ у тебя синія очки?

— Ахъ, Кока, ну чтò тебѣ за дѣло?—разсмѣялась Марья Михайловна.—У дяди глазки болятъ.

— Глазки болятъ... Тогда нужно компрессы,—увѣренно сказалъ Кока.

— Какой опытный окулистъ!—улыбнулся Будиновскій Токареву.

Марья Михайловна вздохнула.

— Да, тутъ станешь опытнымъ!.. Всю эту зиму онъ у насъ прохворалъ глазами; должно-быть, простудился прошлымъ лѣтомъ, когда мы ѣздили по Волгѣ. Пришлось къ профессорамъ возить его въ Москву... Такой комичный мальчуганка!—Она засмѣялась.—Представьте себѣ: ѣдемъ мы по Волгѣ на пароходѣ, стоимъ на палубѣ. Я говорю: «Ну, Кока, я сейчасъ возьму папу за ноги и брошу въ Волгу!..» А онъ отвѣчаетъ: «Ахъ, мама, пожалуйста, не дѣлай этого! Я ужасно не люблю, когда папу берутъ за ноги и бросаютъ въ Волгу!..»

Всѣ разсмѣялись. Кока, ухмыляясь, оглядывалъ смѣющихся.

Въ передней раздался звонокъ. Вошелъ красивый студентъ въ сѣрой тужуркѣ, съ нимъ молодая дѣвушка, — розовая, съ длинною косою. Это пріѣхали за Варварой Васильевной изъ деревни ея братъ Сергѣй и сестра Катя.

Сергѣй, только-что вошелъ, быстро спросилъ:

— Получила отпускъ?

— Получила!

— Чудесно! Значитъ, ѣдемъ!

— Сережа, Катя! Садитесь скорѣй, ѣшьте ботвинью!—сказала Марья Михайловна.

Пришедшіе поздоровались. Сергѣй крѣпко и радостно пожалъ руку Токареву, — видимо, онъ ужъ слышалъ о немъ отъ сестры.

— А мы съ Катей пріѣхали, сунулись къ тебѣ,—обратился Сергѣй къ Варварѣ Васильевнѣ. —Тебя нѣту, сидитъ только дѣвица эта... Какъ ее? Съ психологической такой фамиліей. Сказала, что вы сюда пошли... Ну, а ты, пишъ, какъ поживаешь?—спросилъ онъ Коку.—Дифтеритомъ не заразился еще? Пора бы, братъ, пора бы тебѣ схватить хорошій дифтеритикъ!

— Ахъ, Сережа, ну что̀ это такое?! — воскликнула Марья Михайловна.

— Нѣтъ, ей-Богу, слѣдовало бы ему заразиться! Живутъ въ деревнѣ, мать—по образованію фельдшерица, и не позволяетъ бабамъ приносить къ себѣ больныхъ ребятъ,—заразять ея Коку!

Марья Михайловна заволновалась.

— Ну, Сережа, мы лучше объ этомъ не будемъ говорить! Я не могу заниматься общественными дѣлами. Женщина, имѣя дѣтей, должна жить для нихъ, — это мое глубокое убѣжденіе.

Сергѣй изумленно вытаращилъ глаза.

— Какое же это общественное дѣло—каломелю или хинину дать ребенку?

— Мы дѣлаемъ для народа все, что̀ можемъ. Благодаря Борису, въ нашемъ уѣздѣ прибавлено восемь новыхъ фельдшерскихъ пунктовъ, увеличена сумма, отпускаемая на лѣкарства... Мы за это имѣемъ право не подвергать опасности Коку. Я могу жертвовать собою, а не ребенкомъ... Владимиръ Николаевичъ, что̀ жъ вы себѣ лафиту не наливаете? Боря, налей Владимиру Николаевичу... Нѣтъ, право, эта молодежь — такая всегда прямолинейная!—обратилась она къ Токареву.— Недавно продали мы наше мценское имѣніе, — только одни расходы съ нимъ. Сережа смѣется: будете, говоритъ, теперь стричь купоны?.. Я рѣшительно не понимаю,—что̀ жъ дурного въ томъ, чтобъ купоны стричь? Почему это хуже, чѣмъ хозяйничать въ имѣніи?

— Я ничего противъ купоновъ не имѣю,—возразилъ Сергѣй съ легкой улыбкою. — Но Борису Александровичу не восемьдесятъ лѣтъ, чтобъ сидѣть на ворохѣ бумагъ и рѣзать купоны.

— Это все равно. Мы не имѣемъ права рисковать капиталомъ.

— Почему такъ?

Марья Михайловна поправила кольца на бѣлыхъ, мягкихъ пальцахъ.

— Деньги отъ мценскаго имѣнія цѣликомъ должны остаться для Коки.

Послѣ цыплятъ подали мороженое, потомъ кофе. Сергѣй перешептывался съ Таней. Будиновскій курилъ сигару и своимъ медленнымъ, слегка меланхоличнымъ голосомъ разсказывалъ Токареву объ учрежденномъ имъ въ Томилинскѣ обществѣ трезвости.

— А какую прекрасную публичную лекцію въ пользу этого общества прочелъ у насъ недавно Осьмериковъ, Алексѣй Кузьмичъ!—обратилась Марья Михайловна къ Токареву.—О рентгеновскихъ лучахъ... Это учитель гимназіи нашей, — такой талантливый человѣкъ, удивительно! И какъ его дѣти любятъ! Вотъ, если бы у насъ все такіе учителя были, я бы не боялась отдать Коку въ гимназію.

— Дѣйствительно, удивительно дѣти его любятъ!—сказала Варвара Васильевна. — Весною встрѣтилась я съ нимъ на улицѣ, идетъ въ цѣлой толпѣ гимназистиковъ. Разговариваю съ нимъ, а мальчуганъ сзади стоитъ и тихо, любовно гладитъ его рукою по рукаву... Такъ жалко его, бѣднягу,—въ злѣйшей чахоткѣ человѣкъ.

— Только ужасно долго онъ лекцію эту читалъ, — улыбнулась Марья Михайловна. — Два часа безъ перерыву! Хоть и демонстраціи были, а все-таки утомительно слушать два часа подъ рядъ.

— Да, у насъ вообще не привыкли долго слушать,—сказалъ Токаревъ. — Вотъ въ Германіи, тамъ простой рабочій слушаетъ рѣчь или лекцію три-четыре часа подъ рядъ, и ничего, не устаетъ.

— Такъ это почему? Они сидятъ себѣ, пьютъ пиво и слушаютъ; женщины вяжутъ чулки... Когда чѣмъ-нибудь занимаешься, всегда легче слушать. Да вотъ, напр., мы иногда съ Борисомъ читаемъ по вечерамъ «Русское Богатство». Я читаю, а онъ слушаетъ и рисуетъ лошадиныя головки. Это очень помогаетъ слушать.

Сергѣй расхохотался.

— Ч-чортъ знаетъ что̀ такое!.. Лошадиныя головки... А вѣдь остроумно вы это придумали!

Онъ смѣялся самымъ искреннимъ, веселымъ смѣхомъ. Будиновскій сконфузился и нахмурился.

— Ну, Маша, что̀ ты такое разсказываешь? Просто, я вожу машинально карандашомъ по листу, а по твоему разсказу выходитъ такъ, что безъ лошадиныхъ головокъ я и слушать не могу.

Марья Михайловна стала оправдываться.

— Нѣтъ, я только говорю, что это все-таки помогаетъ сосредоточиваться. Вѣдь правда, какъ-то легче слушать!

Сергѣй нѣсколько разъ замолкалъ и опять прорывался смѣхомъ. Таня скучала. Варвара Васильевна перевела разговоръ на другое.

Опять раздался звонокъ. Вошелъ господинъ невысокаго роста и худой, съ большою, остриженною подъ гребешокъ головою и оттопыренными ушами; лицо у него было коричневаго, нездороваго цвѣта, лѣтній пиджакъ болтался на костлявыхъ плечахъ, какъ на вѣшалкѣ.

— А-а, Алексѣй Кузьмичъ!—привѣтливо протянула Марья Михайловна.—Вотъ легокъ на поминѣ! А мы только-что говорили о вашей лекціи. Всѣ отъ нея положительно въ восторгѣ.

— Угу! — пробурчалъ Осьмериковъ и подошелъ поздороваться,—подошелъ, втянувъ наклоненную голову въ поднятыя плечи, какъ будто ждалъ, что Марья Михайловна сейчасъ ударитъ его по головѣ палкою.

— Ну, здравствуйте! — сказалъ онъ сиплымъ голосомъ, сѣлъ и нервно провелъ рукой по стриженой головѣ.—А я слышалъ отъ Викентія Францевича, что вы пріѣхали, вотъ забѣжалъ къ вамъ... Да, вотъ что̀! Кстати!—Осьмериковъ тусклыми глазами уставился на Сергѣя.—Скажите, вы не знаете, Коломенцевъ Александръ кончаетъ въ этомъ году?

— Ужъ кончилъ, кажется,—небрежно отвѣтилъ Сергѣй.—Даже при университетѣ оставленъ.

— А-а! — хрипло произнесъ Осьмериковъ.—Дай Богъ, дай Богъ!

— Ну, не знаю, чего тутъ «дай Богъ». Вѣдь это полнѣйшая бездарность!

Осьмериковъ своимъ сиплымъ, срывающимся голосомъ возразилъ:

— Зато работникъ! Это гораздо важнѣе! Для жизни нужны работники, а не одаренные люди... Охъ, ужъ эти мнѣ одаренные люди! Вы мнѣ, пожалуйста, не говорите про нихъ! Я имъ ничего не довѣрю, никакого дѣла,—вашимъ «одареннымъ людямъ».

— Одн-нако! — удивился Сергѣй. — Ужъ что̀-что̀ другое, а бездарность-профессоръ—это нѣчто прямо невозможное.

— Да вѣдь свѣточей-то среди нихъ—всего два-три процента, не больше!—воскликнулъ Осьмериковъ.—А остальные... Вотъ я недавно былъ въ Москвѣ на физико-математическомъ съѣздѣ. Ужасъ, ужасъ!.. У-ужасъ!—Онъ поднялся съ мѣста и быстро оглядѣлся по сторонамъ.—Гдѣ люди? Нѣту ихъ! Профессоръ математики, ученый человѣкъ, европейская величина, а заставь его поговорить съ ребенкомъ,—онъ не можетъ! Слишкомъ самъ онъ большая величина. Ребенокъ для него—логариѳмъ! Вотъ этакая коробочка, въ которую нужно запихивать знанія,—пихай! Извольте видѣть? Во-отъ-съ!.. А я вамъ скажу: умный человѣкъ не тотъ, кто умѣетъ логически мыслить, а тотъ, кто понимаетъ чужую логику и умѣетъ въ нее войти!.. Вотъ иной разъ у меня же въ классѣ. Толкуешь, толкуешь мальчишкѣ,—никакъ не возьметъ въ толкъ. Кто виноватъ? Я! Я не поймалъ его логики!.. Вызовешь другого мальца: ты понялъ? — Понялъ!—Ну, ступай съ нимъ за доску, объясни ему тамъ... И объяснитъ! А я вотъ, старый дуракъ, не сумѣлъ!

Онъ снова быстро сѣлъ на стулъ и придвинулся съ нимъ къ столу. Сергѣй неохотно возразилъ:

— Такъ вотъ, вѣдь вы, именно, и доказываете, что педагогомъ можетъ быть только одаренный человѣкъ.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, я этого не доказываю! Нужно быть только добросовѣстнымъ работникомъ, не смотрѣть на жизнь свысока, не презирать ея! Не презирать чужой души, не презирать чужой логики!

Осьмериковъ говорилъ быстро, нервно и глядѣлъ на Сергѣя тусклыми, какъ будто безцвѣтными, и въ то же время проницательными глазами.

— Бездарный работникъ именно на это-то и не способенъ,—сказалъ Сергѣй.

— Почему нѣтъ? Почему нѣтъ?

— Потому что онъ слишкомъ преклоняется передъ...

— Почему нѣтъ?

— ...передъ собственной логикой. Она для него—все.

— Намъ нужны «большія дѣла», на малыя мы плюемъ... Почему нѣтъ?

Осьмериковъ снова порывисто всталъ и началъ оглядываться, какъ будто собирался немедленно уйти, потомъ опять сѣлъ.

— «Одаренные люди»!.. О, Господи! Избави нашу жизнь отъ одаренныхъ людей! Они-то все и баламутятъ, они-то и мѣшаютъ нормальному теченію жизни!.. Вотъ, я вамъ прямо скажу: вы — одаренный человѣкъ. Я все время видѣлъ это, когда вы были моимъ ученикомъ. И тогда же я сказалъ себѣ:

для жизни отъ васъ проку не будетъ!.. Васъ вотъ въ прошломъ году исключили изъ московскаго университета, черезъ годъ исключатъ и изъ юрьевскаго. И кончите вы жизнь мелкимъ чинушей въ акцизѣ или сопьетесь съ кругу. Почему? Потому что намъ нужно «большое дѣло», обыденный, будничный трудъ для насъ скученъ и пошлъ, къ «най-мальчикамъ» мы питаемъ органическое отвращеніе!

— Вѣрно! Прямо органическое отвращеніе питаю!

Осьмериковъ обрадовался.

— Ну во-отъ! Не правда, что?.. Сѣрые, обыденные люди для васъ не существуютъ, они для васъ—вотъ тутъ, подъ диваномъ!.. Милый мой, дорогой! Жизнь жива сѣрыми, тусклыми людьми, ея большое дѣло творится изъ малаго, скучнаго и ничтожнаго!

Таня встала.

— Мнѣ пора итти!—сказала она.—Нужно еще поспѣть въ статистическій комитетъ.

— Господа! Пойдемте, намъ вѣдь тоже ужъ давно пора!—обратился Сергѣй къ остальнымъ.

III.

Они вышли. Вечерѣло. Вдали еще шумѣлъ городъ, но уже чувствовалась наступающая тишина. По бокамъ широкой и пустынной Старо-Дворянской улицы тянулись домики, тонувшіе въ садахъ. Отъ широкой улицы они казались странно-маленькими и низенькими.

— Кто этотъ грибъ?—спросила Таня.

Сергѣй усмѣхнулся.

— Осьмериковъ-то?.. «Чистая душа»!.. Вѣдь, дѣйствительно, вся душа свѣтится! Но сколько онъ народу среди учениковъ перепортилъ своею чистою душою!

— Какъ душно съ ними!—Таня быстро повела плечами.—И какое все кругомъ маленькое, низенькое, смирное! Совсѣмъ вотъ, какъ эти домики... И ариѳметика и чувства—все какое-то особенное: малое больше большого, сѣрое ярче краснаго.

— А какъ вы нашли Марью Михайловну?—обратилась Варвара Васильевна къ Токареву.

— Какая она стала... мягкая и бѣлая!—улыбнулся Токаревъ.

— Страшно! Страшно, какъ человѣкъ мѣняется!—задумчиво сказала Варвара Васильевна.—Вѣдь одно лишь имя осталось отъ прежняго. Что значитъ семья и дѣти!..

— Да,—вздохнулъ Сергѣй:—много я видалъ семейныхъ счастій, и нахожу, что на свѣтѣ ничего нѣтъ тухлѣе семейнаго счастья.

— И это положительно что-то роковое лежитъ въ женщинѣ,— продолжала Варвара Васильевна;—ребенокъ заслоняетъ отъ нея весь большой міръ... Нѣтъ, страшно, страшно!.. Никогда бы не пошла замужъ!

Таня съ неопредѣленною улыбкою возразила:

— Я не знаю,—отчего? Все зависитъ отъ самого же человѣка. Я бы вышла, если бы захотѣла.

— Совершенно съ вами согласенъ!—рѣшительно сказалъ Сергѣй.—Люди устраиваютъ себѣ тухлятину. Виноваты въ этомъ только они сами. Почему отсюда слѣдуетъ, что нужно давить себя, связывать, взваливать на себя какія-то аскетическія ограниченія? Разъ это—потребность, то она свята, и бѣжать отъ нея стыдно и смѣшно... Эхъ, ночь какая будетъ! Господа, чуете? Давайте, выѣдемъ сегодня же! Лошади отдохнули, а ночи теперь лунныя, свѣтлыя... Заберемъ всю колонію съ собою и поѣдемъ!

У Тани разгорѣлись глаза.

— Вотъ это славно!.. Имъ всѣмъ полезно будетъ отдохнуть: въ Питерѣ жили чортъ знаетъ какъ, на голодѣ сами голодали, а тутъ ужъ совсѣмъ пооблѣзли... Превосходно! Всѣ и поѣдемъ!

Когда они пришли въ колонію, тамъ всѣ сидѣли за работой. Сергѣй объявилъ:

— Ну, ребята, одѣвайтесь! Ѣдемъ въ деревню!

— Да ну-у?—просіялъ Борисоглѣбскій.—Вотъ такъ здорово!.. Серьезно?

Сергѣй молча оглядѣлъ его и сдѣлалъ сконфуженную рожу.

— Прости, братъ Митрычъ! Я пошутилъ!

Таня оживленно говорила:

— Статистику заберемъ съ собою, и тамъ можно будетъ работать. А деревня, говорятъ, чудесная! Славно недѣльку проживемъ!

Митрычъ слабо свистнулъ и съ торжествующимъ видомъ запрыгалъ по комнатѣ, неуклюже поднимая ножищи въ большихъ сапогахъ.

— Чай, и простокваша есть у васъ тамъ?.. Собирайся, ребята!

— Ишь, зачуялъ простоквашу, взыгралъ!.. Ну, забирайте вашу статистику, одѣвайтесь. А я пойду на постоялый, велю закладывать лошадей.—Сергѣй ушелъ.

Варвара Васильевна сказала:

— Только, господа, еще одно: нужно будетъ и Ольгу Петровну взять съ собою, Темпераментову.

Таня скорбно уронила руки и застонала.

— Ну, Таня, ну что̀ же дѣлать? Пускай и она немного отдохнетъ. Вѣдь совсѣмъ, бѣдная, заработалась за зиму!

— Отрава!—вздохнулъ Митрычъ.—Аппетита къ жизни лишаетъ человѣка! А что оно, конечно, того... Нужно же и дѣвчонкѣ отдохнуть, это вѣрно!

Въ девятомъ часу вечера изъ города выѣхалъ запряженный тройкою тарантасъ, биткомъ набитый народомъ. Сидѣли на козлахъ, на приступочкахъ, вездѣ. Сергѣй правилъ.

— Селедки, селедки моченыя!—тонкимъ голосомъ кричалъ Шеметовъ, когда навстрѣчу попадались проѣзжіе мужики.

Тарантасъ выкатилъ на мягкую дорогу. Заря догорѣла, взошла луна. Лошади бѣжали бойко, Сергѣй ухалъ и свисталъ, въ тарантасѣ спорили, пѣли, смѣялись.

Была глухая ночь, когда гости пріѣхали въ Изворовку. Ихъ не ждали. Встала хозяйка, Конкордія Сергѣевна Изворова, суетливая, радушная старушка. Подали молока, простокваши, холодной баранины. Сонныя дѣвки натаскали въ гостиную свѣжаго сѣна и постелили гостямъ постели. Ужъ свѣтало, когда всѣ,—оживленные, веселые и смертельно-усталые,—залегли спать и заснули мертвецки.

IV.

Изворовка была старинная барская усадьба,—большая и когда-то роскошная, но теперь все въ ней разрушалось. На огромномъ домѣ крыша проржавѣла, штукатурка облупилась, службы разваливались. Великолѣпенъ былъ только садъ,—тѣнистый и заросшій, съ кирпичными развалинами оранжерей и банъ. Самъ Изворовъ, Василій Васильевичъ, съ утра до вечера пропадалъ въ полѣ. Онъ былъ работникъ, хозяйничалъ усердно, но все, что̀ вырабатывалъ съ имѣнія, проигрывалъ въ карты.

Жизнь для гостей текла привольная. Вставали поздно, купались. Потомъ пили чай и расходились по саду заниматься. На скамейкахъ аллей, въ бесѣдкахъ, на землѣ подъ кустами, вездѣ сидѣли и читали,—въ одиночку или вмѣстѣ. Послѣ завтрака играли въ крокетъ или въ городки, слушали Катину игру на рояли. Вечеромъ уходили гулять и возвращались поздно ночью. Токаревъ чувствовалъ себя очень хорошо въ молодой компаніи и наслаждался жизнью.

Прошла недѣля. Завтра «колонія» должна была уѣзжать. На прощаніе рѣшили итти куда-нибудь подальше и прогулять всю ночь. Былъ шестой часъ вечера. Токаревъ и студенты сидѣли съ простынями подъ «ближними елками» и ждали, когда выкупаются барышни. День былъ очень жаркій и тихій, въ воздухѣ парило.

Сергѣй крикнулъ:

— Эй, дѣвицы! Скорѣй! Прохлаждаются себѣ ужъ два часа, а тутъ кисни... Эй, барышни! Потопли вы тамъ, что ли?

Отъ террасы быстро прошла по дорожкѣ Таня съ простынею на плечѣ и книгою подъ-мышкой.

— Тэ-тэ-тэ!.. Татьяна Николаевна! Это что̀ же, вы только еще идете купаться?

Таня быстро отвѣтила:

— Я въ одну минуту буду готова, только одинъ разъ окунусь.

— Слушай, Таня, вѣдь это невозможно!—раздраженно сказалъ Токаревъ.—Вѣдь кричали тебѣ купаться,—нѣтъ, сидѣла и читала, а знаешь, что люди ждутъ. А когда кончаютъ, теперь идешь. Еще полчаса ждать!

— Ну, вотъ увидишь, я съ ними въ одно время ворочусь.— И Таня прошла.

Токаревъ прикусилъ губу, стараясь не показать своего раздраженія. Какъ разъ вчера утромъ онъ проспалъ и шелъ купаться, когда тамъ уже купались, а Таня сидѣла подъ елками и ждала. Она энергично воспротивилась и не пустила его,— «по одиночкѣ будете ходить, такъ цѣлый день придется тутъ ждать!..» А сегодня сама дѣлаетъ то же самое...

Шеметовъ сидѣлъ на столѣ и лѣниво раскачивалъ ногами.

— Чортъ возьми, голова трещитъ! Обломъ этотъ Митрычъ въ восемь часовъ сегодня поднялъ... Слушай, Сережка, убери ты его, пожалуйста, отъ насъ въ другую комнату, я съ нимъ, съ подлецомъ, не могу спать.

Митрычъ, осклабивъ лицо, посмѣивался.

— Ты же самъ вчера просилъ разбудить тебя.

— А сегодня утромъ я тебя просилъ не будить... Чортъ знаетъ, какъ восемь часовъ,—хватаетъ и стаскиваетъ съ постели. Этакая свинья!

— А ужъ Сашка-то тутъ извивается!—засмѣялся Вегнеръ.— «Осторожнѣе, ты меня запуталъ!..» «Ой, Митрычъ, оставь, я очень похудѣлъ!..» Богъ знаетъ, что̀ говоритъ, и самымъ серьезнымъ, озабоченнымъ тономъ.

— Потѣха у насъ... того... бываетъ съ ними по утрамъ!— обратился Митрычъ къ Токареву.—Вечеромъ просятъ будить: это, говорятъ, развратъ,—спать до полудня. Ну, я и стараюсь. Значитъ, стащишь Сашку съ постели, онъ ругается, а потомъ вдругъ вскочитъ и бросится нѣмца стаскивать.

Шеметовъ сердито говорилъ:

— Нѣтъ, я, главное, не понимаю, для чего будить! Невыспавшійся человѣкъ не въ состояніи работать; что̀ же онъ?

Будетъ только сидѣть надъ книгой и клевать носомъ. Это все равно, что пустымъ ведромъ воду черпать!

— Гм...—Сергѣй задумался.—А ты полагаешь, что обыкновенно воду черпаютъ полнымъ ведромъ?

— Полнымъ, пустымъ,—мнѣ все равно! Я вашихъ глупыхъ пословицъ вовсе не желаю знать!

— Онъ вообще насчетъ пословицъ и цитатъ любитель,—замѣтилъ Вегнеръ.—Вчера вдругъ провозглашаетъ:

На свѣтѣ много есть, мой другъ Горацiо,
Чего нехитрому уму не выдумать и ввѣкъ!

Увѣряетъ, что это Шекспиръ сказалъ...

Сергѣй заоралъ:

— Эй, вы, дѣвицы! Скоро вы?!

Отъ пруда донесся голосъ Тани:

— Сейча-асъ!

Но тамъ все слышались плескъ воды и смѣхъ.

Токаревъ кипѣлъ. Что̀ за безцеремонность! Она даже и не считаетъ нужнымъ поторопиться!.. Вообще за эту недѣлю у Токарева много накопилось противъ Тани. Прiѣхавшая съ ними изъ Томилинска Темпераментова была, дѣйствительно, невыносимо скучна, но такъ третировать человѣка, какъ третировала ее Таня, было положительно невозможно. Больше же всего Токарева возмущало въ Танѣ ея невыносимое «разгильдяйство»: она прiѣхала сюда, не взявъ съ собою изъ одежды рѣшительно ничего,—«не сто̀итъ возиться», а тутъ безъ церемонiи носила бѣлье и платья Варвары Васильевны и Кати. Такъ же она относилась и къ чужимъ деньгамъ: Токаревъ изъ своего скуднаго заработка въ Пожарскѣ высылалъ ей въ Петербургъ денегъ, чтобъ дать возможность кончить курсы; ни разу она не отказалась отъ денегъ, хотя могли же быть у нея хоть иногда кой-какiе заработки; этою весною она вышла съ курсовъ, ничего ему даже не написала, а деньги отъ него продолжала получать.

Наконецъ со стороны пруда раздалось:

— Идите!.. Можно!

Барышни поднимались по тропинкѣ. Таня сказала Токареву:

— Ну, видишь, въ одно время кончила со всѣми!

Онъ ничего не отвѣтилъ и прошелъ мимо.

Горячее солнце играло на глади большого пруда, старыя ивы на плотинѣ свѣшивали вѣтви къ водѣ. Отъ берега шли мостки къ купальнѣ, обтянутой ветхою, посѣрѣвшею парусиною, но всѣ раздѣвались на берегу, на лавочкахъ подъ большою березою.

Шеметовъ и Сергѣй лѣниво раздѣлись и остались сидѣть на скамейкѣ. Вегнеръ ужъ давно былъ въ водѣ. Маленькій и юркій, онъ, какъ рыба, нырялъ и плескался посрединѣ пруда. Шеметовъ спросилъ:

— Слушай, нѣмецъ, вода теплая?

— «Пріятная»!—значительно крикнулъ Вегнеръ.

— Гм...—Шеметовъ взошелъ на мостки и попробовалъ ногою воду.—Да-а, «пріятная»!..

Борисоглѣбскій стоялъ на берегу,—огромный, мускулистый и голый, обросшій жесткими черными волосами, съ странно-щурившимися безъ очковъ глазами. Протянувъ руку впередъ, онъ пѣлъ своею глубокою, рычащею октавою:

Проклятый міръ!
Презрѣнный міръ!
Несчастный,
Ненавистный мнѣ...

Ой, чортъ!..

Шеметовъ съ мостковъ брызнулъ въ него водою. Борисоглѣбскій серьезно сказалъ:

— Ну, что за свинья! Вѣдь холодная она, вода-то!—Онъ потеръ себѣ бокъ и продолжалъ:

Несчастный,
Ненавистный мнѣ міръ!..

Сергѣй перемигнулся съ Шеметовымъ и Вегнеромъ, съ невиннымъ видомъ вошелъ въ воду,—и на Митрыча полился цѣлый дождь брызгъ.

— Чер-рти!!—зарычалъ Митрычъ и ринулся на нихъ. Вегнеръ и Сергѣй, какъ лягушки, бросились въ воду, Шеметовъ передъ носомъ Митрыча захлопнулъ дверь купальни и заперся на крючокъ. Митрычъ, сильный, какъ медвѣдь, плавалъ плохо и въ водѣ чувствовалъ себя неувѣренно

— Погодите вы, черти! Выйдете на берегъ, я васъ каждаго заставлю «Проклятый міръ» спѣть!

Шеметовъ изъ купальни крикнулъ:

— Ребята! Заключимъ противъ него общій морской союзъ!

— Идетъ!—отозвался съ середины пруда Сергѣй.—Лѣзь въ воду, Сашка!

— Да вода, братъ, холодная!

Борисоглѣбскій на берегу пѣлъ:

Сражался я, искалъ я смерти,
Но остался живъ...

Сергѣй и Вегнеръ тихо, стараясь не шумѣть, подплывали къ купальнѣ.

— Ой, подлецы!.. Карау-улъ!!—завопилъ вдругъ въ запертой купальнѣ Шеметовъ, подъ хохотъ другихъ голосовъ. Сергѣй и Вегнеръ нырнули въ купальню и обрызгали Шеметова.

— Ой!.. Погодите, мнѣ вамъ что-то нужно сказать!—кричалъ Шеметовъ, а вода бурлила въ купальнѣ, и брызги взлетали высоко вверхъ.

Дверь хлопнула, и Шеметовъ бомбою вылетѣлъ на берегъ.

И будешь ты царицей мі-і-іра,
Подруга первая моя...—

рявкнулъ Борисоглѣбскій и, широко разставивъ руки, обла пилъ Шеметова.

Шеметовъ серьезнымъ, озабоченнымъ тономъ говорилъ:

— Ой, Митрычъ, погоди! Что̀ мнѣ тебѣ нужно сказать!.. Поосторожнѣе, пожалуйста, я запутался!

— Онъ запутался! — смѣялись въ купальнѣ.

— Пой: «Проклятый міръ!»

— Убирайся къ чорту!.. Ахъ, ты, кутья несчастная!

Шеметовъ ловко дернулся и обхватилъ Борисоглѣбскаго. Началась борьба. Шеметовъ, ловкій и стройный, искусно увертывался отъ попытокъ Митрыча сломить ему спину. Тѣла переплелись, напрягшіяся крѣпкія мышцы оставляли на кожѣ красные слѣды. Митрычъ съ силою налегъ на Шеметова, тотъ увернулся и брякнулъ Митрыча наземь, но Митрычъ ужъ на землѣ подмялъ его подъ себя.

Задыхаясь, онъ навалился на Шеметова.

— А-а, братъ!.. Ну, пой: «Проклятый міръ!»

И запустилъ ему свой толстый большой палецъ подъ ребра

— Бо-ольно, Митрошка!

— Пой: «Проклятый міръ!»

— Ой-ой!.. Кишки выдавишь, свинья!

— Пой,—сейчасъ пущу!.. «Прокля-атый міръ!..»

Шеметовъ неистово завопилъ:

— «Проклятый міръ!»

— «Презрѣ-ѣнный міръ!.. Несчастный!..» — подсказывалъ Борисоглѣбскій и ворочалъ пальцемъ подъ ребрами Шеметова.

— «Презрѣнный міръ!..» Ой, Митрофанъ проклятый, саврасъ безъ узды!..

Митрычъ мрачно и сосредоточенно подсказывалъ:

— «Несча-астный!.

— «Несча-астный!..»

— Морской союзъ идетъ на континентъ,—крикнулъ Сергѣй.

Онъ и Вегнеръ выскочили изъ воды и вцѣпились въ Митрыча.

Четыре тѣла слились въ общую кучу. Они возились и барахтались на травѣ. Мелькало красное, напряженное лицо Митрыча и его огромныя мускулистыя руки, охватывавшія сразу двоихъ, а то и всѣхъ троихъ. Токаревъ сидѣлъ на скамейкѣ, смѣялся и смотрѣлъ на борьбу. Ему бросилось въ глаза злобно-нахмуренное лицо Сергѣя, придавленнаго къ землѣ локтемъ Митрыча. Наконецъ Борисоглѣбскаго подмяли подъ низъ, и всѣ трое навалились на него.

Все еще со злымъ лицомъ, Сергѣй запустилъ ему палецъ въ животъ и крикнулъ:

— Пой: «Проклятый міръ!»

— «Прокля-атый міръ!» — покорно заоралъ Митрычъ, — такъ дико, что галки на ивахъ всполыхнулись и съ крикомъ полетѣли прочь.

— Дальше.

— «Презрѣ-ѣнный міръ!.. Несчастный!.. Ненавистный мнѣ міръ!..»

Его выпустили. Всѣ поднялись, — красные, взлохмаченные, задыхающіеся. Шеметовъ поглаживалъ ладонью бока и возмущался.

— Этакая гнусная привычка! Чуть что̀, сейчасъ палецъ подъ девятое ребро,—радъ, что анатомію знаетъ,—и пой ему: «Проклятый міръ!..» Да, можетъ-быть, я въ этотъ моментъ совсѣмъ не расположенъ пѣть?

— Скоты этакіе! Самому мнѣ все брюхо разворочали! — сказалъ Митрычъ.

— Ну, ребята, довольно возиться!—объявилъ Шеметовъ.— Нужно купаться. Чуръ, не брызгаться... — Онъ вздохнулъ. — Только у меня что-то ужъ и охота прошла въ воду лѣзть!

— А раньше бо-ольшая охота была!—засмѣялся Вегнеръ.

— Молчи ты, плюгашъ паршивый! Предатель! Я съ тобою и разговаривать не хочу... Владимиръ Николаевичъ! — обратился онъ къ Токареву.—Пойдемте въ купальню, какъ полагается приличнымъ людямъ.

Онъ взялъ Токарева подъ руку и важно прошелъ съ нимъ въ купальню.

— Ишь, всю купальню замочили! Порядочному человѣку и выкупаться нельзя!

— Ну, вправду, ребята, чуръ не брызгаться! Будетъ! — сказалъ Борисоглѣбскій.

Вегнеръ и Сергѣй поплыли на ту сторону пруда. Митрычъ три раза окунулся въ купальнѣ и вылѣзъ въ прудъ.

— У-у, несъ твою голову отверти! Хорошо!

Онъ въ восторгѣ гоготалъ, подпрыгивалъ и окунался до

плечъ. Токаревъ тоже влѣзъ въ воду. Только Шеметовъ стоялъ, опираясь о перекладину купальни, и болталъ ногою въ водѣ. Онъ ворчливо говорилъ:

— Ключи у васъ здѣсь какіе-то бьютъ на днѣ, что ли? Вода какая холодная!

— Лѣзь, Сашка, а то опять обрызгаю!—крикнулъ съ того берега Сергѣй.

— Я те «обрызгаю»! — погрозился Шеметовъ и вздохнулъ.—Нѣтъ, ей-Богу, я нахожу это прямо безнравственнымъ: зачѣмъ я буду насиловать свое тѣло? Я и безъ того прозябъ, инстинктъ тянетъ меня согрѣться, а какой-то нелѣпый долгъ повелѣваетъ лѣзть въ холодную воду.

Митрычъ стоялъ по грудь въ водѣ и мылилъ себѣ голову. Шеметовъ встрепенулся, тихонько соскользнулъ въ купальню и исчезъ подъ водою.

— У-у-уй!!!—завопилъ Митрычъ и шарахнулся къ берегу.

Изъ воды вынырнуло смѣющееся лицо Шеметова.

— Ну, братъ, напугалъ ты меня! Я думалъ — ракъ!

— «Ра-акъ»... Будешь ты впередъ «Проклятый міръ» заставлять меня пѣть?

Сергѣй крикнулъ:

— Ну, ребята, одѣвайся! Скорѣй! А то поздно будетъ!

Они одѣлись и пошли къ дому.

На широкой каменной террасѣ, заросшей дикимъ плющомъ, кипѣлъ самоваръ. Всѣ ужъ пили чай. Конкордія Сергѣевна растирала деревянною ложкою горчицу въ глиняной мискѣ.

Катя выставила изъ-за самовара свое розовое, молодое лицо и лукаво спросила:

— Какую это вы, Шеметовъ, пѣсню пѣли на берегу?

Шеметовъ вздохнулъ:

— Это мы съ Митрычемъ спѣвались. Дуэтъ изъ «Демона». Онъ Демона пѣлъ, а я Тамару,—томно сказалъ онъ.—А что, хорошо? Производитъ эстетическое впечатлѣніе?

— Прелестно! Производитъ.

— То-то!—проворчалъ Шеметовъ.—А вы думали, что только вы способны доставлять эстетическое наслажденіе, разыгрывая своихъ Шопенгауэровъ?

Катя расхохоталась и въ восторгѣ забила въ ладоши. Варвара Васильевна невинно спросила:

— А это хорошій композиторъ — Шопенгауэръ?

— Онъ Шопена хотѣлъ сказать! — засмѣялась Катя.

И всѣ засмѣялись. Шеметовъ презрительно оглядывалъ ихъ.

— Смѣются!.. Какъ будто композиторы бываютъ только въ области музыки!

— А гдѣ жъ они еще бываютъ? — спросилъ Вегнеръ.

— Гдѣ! Да хоть въ философіи. Среди твоихъ нѣмцевъ есть цѣлый рядъ философовъ-композиторовъ, — напримѣръ, тотъ же Шопенгауэръ, Ницше... Платонъ...

— Да Платонъ вовсе не нѣмецъ.

— Поэтому я объ немъ и не говорю. Вотъ еще—Фихте...

— Ну, ну, припомни, какихъ ты еще философовъ слышалъ, — засмѣялся Сергѣй. — Вали: Гегель, Лейбницъ, Шеллингъ, Кантъ...

Шеметовъ сердито отвѣтилъ:

— Нѣтъ, они были сухими раціоналистами. Въ нихъ не было этого... порыва, экстаза, что ли...

— Какой нахалъ! — вздохнулъ Вегнеръ.

— А какимъ голосомъ говоритъ свирѣпымъ, какъ будто хочетъ смертоубійство совершить!—воскликнула Варвара Васильевна.

— Я самымъ обыкновеннымъ голосомъ говорю.

— Да, обыкновеннымъ! — сказала Катя. — Мама, смотри, онъ тебѣ голову скуситъ! Налей ему поскорѣе чаю, умилостивь его!

— А, чтобъ васъ Богъ любилъ!—смѣялась Конкордія Сергѣевна, разливая въ стаканы чай.

Всѣ усердно ѣли и пили. Пришелъ Василій Васильевичъ, загорѣлый старикъ въ большихъ сапогахъ и парусиновомъ пиджакѣ. Конкордія Сергѣевна налила ему чай въ большую фарфоровую кружку съ золотыми иниціалами. Василій Васильевичъ сталъ пить, не выпуская изъ рукъ черешневаго мундштука съ дымящеюся папиросою. Онъ молча слушалъ разговоры, и подъ его сѣдыми усами пробѣгала легкая, скрытая усмѣшка.

Таня встала.

— Ну, господа, напились? Пойдемте!

— Идемъ!

V.

Быстрымъ шагомъ они шли по дорогѣ среди ржи. Солнце садилось въ багровыя тучи. Небо было покрыто тяжелыми, лохматыми облаками, на югѣ стояла синеватая муть. Безвѣтренный, неподвижный воздухъ какъ будто замеръ въ могильной тишинѣ.

Сергѣй, съ страннымъ, нервнымъ блескомъ въ глазахъ, радостно потеръ руки.

— Гроза будетъ! Чуется въ воздухѣ!

— Господа, пойдемте подальше!—оживленно сказала Таня.—

Ведите, Сергѣй Васильевичъ!.. Да поскорѣе, господа, что̀ такъ медленно?

Катя засмѣялась:

— Медленно! И такъ почти бѣжимъ!

— Правда, гроза будетъ? — встрепенулась Темпераментова.—Такъ тогда лучше воротиться, захватить калоши; а то всѣ утонемъ.

Шеметовъ проворчалъ:

— Отъ утопленія калоши не могутъ спасти.

Ольга Петровна радостно засмѣялась и поправилась:

— Не отъ утопленія, а чтобъ ноги не промочить.

Митрычъ неуклюже шагалъ по пыли своими большими сапогами. Слегка заикаясь, онъ заговорилъ:

— Не только не спасутъ калоши, а въ нихъ и топиться ходятъ. У насъ въ селѣ, гдѣ мой батька псаломщикомъ служилъ, былъ попъ, у него сынъ, въ семинаріи учился со мною. Смирный былъ мальчишка, того... Скромный. Ну, ладно. Вотъ разъ попалъ онъ въ компаніи на ярмарку,—то, другое, и напился вдрызгъ, до ризъ положенія; не знаетъ, какъ домой попалъ. Утромъ проснулся, — голова трещитъ, лохматый; лежитъ и стонетъ: «Олёна, а Олёна! Подай мои колоши!..» У насъ тамъ, въ Олонецкой губерніи, на о̀ говорятъ. Вышелъ на дворъ, вцѣпился въ волосы... «О, позоръ, позоръ!.. Гдѣ мои колоши? Пойду, утоплюся!..»

Катя вдругъ воскликнула:

— Господа, посмотрите, что̀ наверху дѣлается!

Тучи, — низкія, причудливо - лохматыя, — горѣли по всему небу яркими красками. Надъ головою тянулось большое, расплывающееся по краямъ облако ярко-краснаго цвѣта, далеко на востокѣ нѣжно розовѣли круглыя облачка, а ихъ перерѣзывала черно-лиловая гряда тучъ. Облако надъ головою все краснѣло, какъ будто наливалось кроваво-краснымъ свѣтомъ. Небо, покрытое странными, клубящимися тучами, выглядѣло необычно и грозно.

— Смотрите, господа, смотрите, какое у Митрыча красное лицо, — засмѣялась Катя.

— Да у васъ еще краснѣе, — возразилъ Шеметовъ.

— У всѣхъ, у всѣхъ! Господа, посмотрите другъ на друга! И дорога и все!

Лица были алыя, дорога и рожь казались облитыми кровью, а зелень пырея на межахъ выглядѣла еще зеленѣе и ярче. На югѣ темнѣло, по ржи изрѣдка проносилась быстрая нервная рябь. Потянуло прохладою, груди бодро дышали.

— Впередъ, господа, впередъ! —торопила Таня.—Эхъ, славно!

Они шли какъ разъ навстрѣчу надвигавшимся съ юга тучамъ. Тамъ поблескивала молнія, и слышалось глухое ворчаніе грома. Облако надъ головою сузилось, вытянулось и стало лиловымъ. Всѣ облака наверху стали темнѣть.

Варвара Васильевна сказала:

— А тамъ-то какая идиллія, посмотрите!

На сѣверѣ, на бирюзово-синемъ небѣ, бѣлѣли легкія облачка, все тамъ было такъ тихо, мирно и спокойно...

— Туда посмотрѣть и потомъ сразу обернуться сюда, — совсѣмъ два различныхъ міра.

Далеко на дорогѣ взвилось большое облако пыли и окутало сѣрѣвшія надъ рожью крыши деревни. Видно было, какъ на горѣ вдругъ забилась старая лозина. Вѣтеръ рванулъ, по ржи побѣжали большія, раскатистыя волны. И опять все стихло. Только слышалось мирное чириканье птичекъ. Вдали протяжно свистнула иволга.

— Господа, не присядемъ ли мы здѣсь на минутку?—сказала Ольга Петровна.

У перекрестка дороги шелъ угломъ невысокій валъ, отгораживавшій мужицкіе коноплянники. По ту сторону дороги высился запущенный садъ, сквозь плетень виднѣлись заросшія дорожки и куртины.

Таня враждебно оглядѣла Темпераментову.

— Ну вотъ еще!.. Дальше, господа, дальше пойдемъ!

Токаревъ рѣшительно сказалъ:

— Нѣтъ, я тоже усталъ, присядемъ!

— Ну что̀ жъ, присядемъ, — согласилась Варвара Васильевна.

Ольга Петровна, Катя и Вегнеръ устало опустились на валъ.

— Погодите! Давайте тогда большинствомъ голосовъ рѣшимъ,—предложила Таня.

Токаревъ возмутился:

— Я рѣшительно не понимаю, какъ такія вещи можно рѣшать большинствомъ голосовъ! Я удивляюсь, у тебя нѣтъ самаго элементарнаго чувства товарищества! Многіе устали, не могутъ итти, а ты хочешь большинствомъ голосовъ заставить ихъ тащиться за собою!

— Да о чемъ тутъ говорить? Отдохнемъ немного, того... покуримъ, и пойдемъ дальше,—примирительно произнесъ Митрычъ и сѣлъ.

И всѣ сѣли. Таня презрительно повела головою.

— Эхъ, вы, ползучіе люди!

Она продолжала стоять и жадно глядѣла въ надвигавшіяся тучи

Черно-синія, тяжелыя, онѣ медленно нарастали, поблескивая молніями. Громъ доносился ужъ совсѣмъ явственно. За полверсты, на склонѣ горы, вдругъ бѣшено забилась и зашумѣла роща, и этотъ шумъ было странно слышать рядомъ съ неподвижнымъ, молчащимъ садомъ. Вскорѣ заревѣлъ и онъ; деревья заметались, сверкая изнанкою листьевъ.

Сергѣй продекламировалъ:

Ночь будетъ страшная, и буря будетъ злая,
Сольются въ мракъ и гулъ и небо, и земля...

Токаревъ удивился.

— Сергѣй Васильевичъ, вы знаете Фета?

Удивился и Сергѣй.

— А почему бы мнѣ его не знать? Очень даже его люблю!

— Сережа, прочти все стихотвореніе, — коротко сказала Варвара Васильевна, подперевъ подбородокъ и глядя вдаль.

Таня стояла и жадно дышала бодрымъ, прохладнымъ вѣтромъ.

— Господи, я положительно этого не могу понять!.. Тутъ настоящая, живая гроза идетъ, а они сидятъ и стихи читаютъ про грозу!.. А ну васъ! Шеметовъ, пойдемте впередъ! Мы воротимся.

— Идемъ!—Шеметовъ вскочилъ.

— А, чортъ! Я тоже съ вами! Чего тутъ киснуть?—Сергѣй тоже вскочилъ.

Они втроемъ пошли по дорогѣ навстрѣчу вѣтру. На югѣ сверкали яркіе зигзаги молній, громъ доносился громко, но довольно долго спустя послѣ молній. Далеко на дорогѣ, на свинцовомъ фонѣ неба, бился подъ вѣтромъ легкій свѣтло-желтый шарфъ на головѣ Тани и ярко пестрѣли красная и синяя рубашки Сергѣя и Шеметова.

Митрычъ лежалъ на животѣ и жевалъ сухую былинку.

— А гроза-то замѣшкается!—лѣниво сказалъ онъ.

Тучи, дѣйствительно, какъ будто остановились, вѣтеръ упалъ. Наверху вяло двигались клочковатыя облака,—сѣрыя, безсильныя. Наступила тишина,—природа словно подозрительно прислушивалась. Потомъ вдругъ все оживилось. Птицы беззаботно зачирикали.

Варвара Васильевна глядѣла на неподвижныя тучи.

— Господи, да вѣдь онѣ вправду остановились!

— А тѣ-то, несчастные! — засмѣялась Катя. — Смотрите: стоятъ и ждутъ!

Митрычъ зычно крикнулъ:

— Эй-эй, ребята! Спектакль отложенъ, ворочайтесь!

Прошло пять минутъ, десять. Воздухъ и небо были неподвижны. Таня, Сергѣй и Шеметовъ повернули назадъ.

— А что̀, хорошая гроза?—спросила Катя.

Шеметовъ повалился на траву.

— О, позоръ, позоръ! Гдѣ мои колоши? Пойду, утоплюся!

— Ну, свалился!—возмутилась Таня.—Вставайте же, господа, пойдемте наконецъ! Неужели еще не отдохнули?

Встали и пошли дальше. Темнѣло. Тучи на югѣ висѣли неподвижно, помигивая молніями. Дорога, обогнувъ овсы, шла въ густой давыдовскій лѣсъ.

Варвара Васильевна заговорила:

— Эхъ, славная вещь гроза! Люблю ее! Странное она производитъ впечатлѣніе; она такъ поднимаетъ, въ ней есть что-то такое увѣренное, несомнѣнное и творческое... Кажется,—здѣсь, подъ грозой, не можетъ быть никакихъ раздумій и колебаній; все, что̀ будешь дѣлать, будетъ хорошо, нужно, и будетъ какъ разъ то, что̀ и слѣдовало дѣлать. А какъ это хорошо,—дѣйствовать, не раздумывая, когда тебя подхватитъ и понесетъ впередъ большая, могучая сила!..

— Оно такъ теперь и есть,—сказала Таня.

Варвара Васильевна помолчала.

— Гдѣ жъ оно есть? Такъ, на минуту, намъ показалось-было, что что-то есть. Но это оказалось миражемъ. Опять все замутилось, опять темно; все по-обычному мелко, вяло и слабо. И нѣтъ, нѣтъ того прилива, который бы подхватилъ людей цѣликомъ, нѣтъ бодрящаго воздуха, въ которомъ бы и слабые крѣпли, и падали бы сомнѣнія, и росъ бы духъ. Дорога была найдена, но она оказалась книжною.

Таня воскликнула:

— Господи, «книжною»!.. Варя, вы, значитъ, совсѣмъ слѣпы, вы ничего не видите кругомъ!

— Я все, мнѣ кажется, вижу. Робкіе, слабые намеки на что-то... Помнится, Достоевскій говоритъ о вѣчномъ русскомъ «скитальцѣ»-интеллигентѣ и его драмѣ. Недавно казалось, что вопросъ наконецъ рѣшенъ, скиталецъ перестаетъ быть скитальцемъ, съ низовъ навстрѣчу ему поднимается огромная стихія. Но развѣ это такъ? Конечно, сравнительно съ прежнимъ есть разница, но разница очень небольшая: мы попрежнему остаемся царями въ области идеаловъ и безпріютными скитальцами въ жизни.

Сергѣй раздраженно пожалъ плечами.

— Что̀ ты такое городишь? Я рѣшительно ничего не понимаю! — Лицо его, съ тѣхъ поръ, какъ они съ Таней и Шеметовымъ воротились къ перекрестку, было злое и сѣрое.

— Я говорю, что у насъ все хорошо и стройно только въ теоріи. Вотъ мы идемъ вмѣстѣ и разговариваемъ,—люди все благомыслящіе и единомыслящіе. Наши идеалы велики и свѣтлы, мы горды собою и своимъ міросозерцаніемъ. Но столкнешься съ жизнью,—и все это тускнѣетъ, и все становится такимъ маленькимъ и жалкимъ по своей безпочвенности... И жизнь говоритъ: «Ты горда собою, и горда по праву, и какъ ты можешь поступаться всею полнотою и правдою твоихъ идеаловъ? Но вмѣстѣ съ этимъ,—а можетъ-быть, какъ разъ вслѣдствіе этого,—ты слѣпа и неумѣла, и жизнь тебя отметаетъ»... Иногда мнѣ почти кажется, что я слышу прежнее страшное: «не суйся!..»

Таня хотѣла возразить, но Варвара Васильевна продолжала:

— И вотъ возникаютъ вопросы: итти на два или на десять шаговъ впереди стихійнаго движенія? Сами эти вопросы подлы, подлы до самой сути, они оскорбительны для меня и ставятъ меня въ фальшивое положеніе: я не могу отрекаться отъ самой себя. Но то,—могучее, стихійное,—оно меня не признаётъ, а во мнѣ нѣтъ силы, я—ничто, если не захочу признать этого стихійнаго и его стихійности.

— Чортъ знаетъ, что̀ такое! — возмутилась Таня. — Вотъ такъ вопросы! На два, на десять шаговъ впередъ! Что̀ мнѣ за дѣло до этого? Я хочу итти полнымъ шагомъ, и плевать мнѣ на все и на всѣхъ! Кто отстанетъ, — догоняй, а этакъ, какъ начнутъ всѣ одинъ къ другому приноравливаться, то всѣ и будутъ топтаться на мѣстѣ!

Сергѣй въ восторгѣ воскликнулъ:

— Браво, Татьяна Николаевна! Вотъ! Вотъ это самое и есть! Все стихійность, стихійность... Еще новый богъ какой-то, передъ которымъ извольте преклоняться! На себя нужно разсчитывать, а не на стихійность! Стану я себя отрицать, какъ же! Чорта съ два!.. Смѣлѣе нужно быть, нужно итти на свой собственный рискъ и полагаться на собственныя силы, — только! Будь она проклята, эта стихійность!

— Вѣрно, вѣрно!—согласился и Борисоглѣбскій.—Что̀ она мнѣ за указъ, стихійность эта? Злость у меня тутъ есть здоровенная (онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь),—ну, и ладно. Больше мнѣ ничего не нужно!

Шеметовъ ворчливо возразилъ:

— Ну, и тѣшьтесь въ такомъ случаѣ бирюльками, гарцуйте со своею злостью въ безвоздушномъ пространствѣ! А я не понимаю и не признаю, что̀ подлаго въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ говоритъ Варвара Васильевна. Да, весь вопросъ именно въ томъ,—на два или на десять шаговъ впередъ? Для

меня стихійность только и дорога, самый важный, самый главный вопросъ,—какъ къ ней примкнуть. А вы—кучка гарцующихъ, и будете себѣ гарцовать, пока, совершенно независимо отъ васъ, къ вамъ подойдутъ низы... Вы сколько ужъ времени,—тридцать, сорокъ лѣтъ гарцуете?..

Они шли теперь по лѣсной полянѣ, среди лѣса. Вокругъ поляны тѣснились темные, кудрявые дубы, отъ нихъ поляна имѣла спокойный и серьезный видъ. Тучи на югѣ все росли и темнѣли, но вѣтру не было, и стояла глухая тишина.

Токаревъ молча шелъ и задумчиво слушалъ. На душѣ было тяжело: всѣ спорили горячо и страстно, вопросы спора, видимо, имѣли для нихъ жизненный, кровный интересъ. Онъ старался и себя настроить на такой ладъ, но мысль оставалась холодною, и онъ чувствовалъ себя чуждымъ и постороннимъ.

Подошелъ Сергѣй и сказалъ:

— Люблю я эти споры! Мысль жива,—работаетъ и ищетъ... А какъ нѣсколько-то лѣтъ назадъ: всѣ вопросы рѣшены, все распредѣлено по ящичкамъ, на ящички наклеены марксистскіе ярлыки. Сиди да любуйся. Вѣдь это — гибель для ученія, смерть!.. Только и оставалось, что спорить съ народниками; другъ съ другомъ не о чемъ было и говорить...

— А что, господа, кобылка тутъ не пробѣгала?

— Фу, чортъ!..—Сергѣй нервно отскочилъ въ сторону.

Въ сумеркахъ стоялъ сгорбленный мужикъ съ растеряннымъ лицомъ, въ накинутомъ на плечи зипунѣ.

— Вотъ испугалъ-то!—Сергѣй улыбнулся, стыдясь за свой испугъ.—Какая кобылка?

— Пѣгая кобылка, сбѣгла съ ночного, — что съ нею подѣялось!.. Не иначе, какъ по этой дорогѣ побѣгла... Горе какое!

— Нѣтъ, тутъ не видно было,—сказала Варвара Васильевна.

— Э-эхъ!—Старикъ почесалъ въ волосахъ.—Главное дѣло, конь-то молодой, дороги домой не знаетъ, только на Казанскую купленъ...

Шеметовъ сердито говорилъ:

— Возмутительнѣе всего эти инсинуаціи, на которыхъ вы выѣзжаете! Споръ тутъ вовсе не о принципѣ, а только о фактѣ. Какъ обстоитъ дѣло? По-вашему? Нашъ рабочій классъ, дѣйствительно, горитъ яркимъ, сознательнымъ революціоннымъ огнемъ? Ну, и слава Богу, это — самое лучшее, чего и мы хотимъ. Но только суть-то въ томъ, что вы ошибаетесь.

Они пошли дальше. Варвара Васильевна осталась стоять съ мужикомъ. Таня возражала:

— Тутъ весь вопросъ именно въ принципѣ. Вопросъ въ этомъ оппортунизмѣ, «практичности», довольствѣ малымъ...

— Кто проповѣдуетъ ваше довольство? — грубо спросилъ Шеметовъ и вдругъ остановился. Онъ поднялъ брови и, словно что̀ вспомнивъ, оглянулся назадъ.—Что̀ это онъ про кобылку-то говорилъ?.. Чортъ знаетъ что̀ такое! Идутъ девять здоровенныхъ молодцовъ, судьбы отечества рѣшаютъ... Пойдемте, поможемъ ему!

— Пойдемте, господа! — убѣждающе сказала Варвара Васильевна.

Сергѣй встряхнулся.

— Идемъ!.. Эй, дядя! Какая, говоришь, кобылка твоя? Пѣгая?

— Пѣгая, батюшка, пѣгая... Я чего боюсь-то? Ночь подходитъ, непогода, а въ лѣсу у насъ тутъ волки,—задерутъ лошадь.

— Говоришь, въ эту сторону побѣжала?

— Въ эту, въ эту!

— Ну, ладно. Ты самъ откуда,—дернопольскій? Такъ ступай, мы тебѣ приведемъ кобылку твою.

— Самоувѣренно!—засмѣялась Варвара Васильевна.

Мужикъ обрадовался.

— Подсобить хотите? Ну, дай вамъ Богъ... Пойдемте! Ужъ больно трудно одному-то!

— Пойдемъ, ребята, большимъ кругомъ въ эту сторону,— сказалъ Сергѣй.—Чуръ, перекликаться! Сходиться у мостика въ лощинкѣ, передъ сторожкой.

Всѣ разбрелись по лѣсу. Лѣсъ зазвенѣлъ смѣхомъ и криками. На западѣ было еще свѣтло, но кругомъ становилось все темнѣе. Средь полной тишины, тучи на югѣ росли медленно и увѣренно.

Токаревъ продирался сквозь чащу орѣшника, оступаясь о пеньки и буреломъ. Слѣва раздались крики и смѣхъ Шеметова и Митрыча.

— Нашли-и-и...—донесся справа голосъ Сергѣя.

— Нашли?—крикнулъ слѣва Шеметовъ.

— Нашли вы?

— Мы-то не нашли, а ты нашелъ?

— Нѣтъ, не нашелъ.

— Чего же ты кричишь: «нашли»?

— Я васъ спрашивалъ!

— Дуракъ!..

Лѣсъ вдали глухо зашумѣлъ. По вершинамъ деревьевъ бурнымъ порывомъ пронесся вѣтеръ. Токаревъ шелъ впередъ

и старался не сбиться съ направленія. Сначала онъ усердно глядѣлъ по сторонамъ, потомъ пересталъ и шелъ лѣниво, постукивая тросточкою по стволамъ. Крики и ауканья становились все отдаленнѣе.

Токаревъ подумалъ: «еще заблудишься тутъ!..». Лѣсъ вылъ и шумѣлъ подъ налетѣвшимъ вихремъ. Желтые листья и сучки падали на землю. Вдали глухо рокоталъ громъ.

Чаща стала свѣтлѣть. Токаревъ вышелъ на край какой-то лощинки. Внизу вился болотистый ручей, заросшій осокою. Квакали лягушки. По косогору шла дорога, и виднѣлся мостикъ. Этотъ, что ли?..

По дорогѣ усталою походкою спускались Варвара Васильевна и Ольга Петровна. Токаревъ направился къ нимъ.

— Не нашли?

— Нѣтъ. Нужно будетъ дальше итти. Только подождемъ, чтобъ всѣ собрались... Ау-уу!!...

Вдали откликнулись. Вѣтеръ буйно вылъ по лѣсу, глухой шумъ деревьевъ то росъ, то ослабѣвалъ, и по глухому шуму струями проносилось рѣзкое шипѣніе ближнихъ деревьевъ. Подошли еще Вегнеръ и Катя, потомъ Борисоглѣбскій.

Вдругъ ярко блеснула молнія, небо какъ будто растрескалось и съ оглушительнымъ грохотомъ посыпалось на землю. Изъ кустовъ неслышно вышелъ Шеметовъ. Онъ кивнулъ на небо и сказалъ:

— «Отецъ, слышишь, рубитъ, а я отвожу!»

— Не нашли лошадь?

— Чортъ ее найдетъ! — проворчалъ Шеметовъ и сѣлъ на мостикъ.

Молніи ярко-бѣлыми стрѣлами сыпались на лѣсъ, громъ яростно катался по небу изъ конца въ конецъ, лѣсъ ревѣлъ и бился. На югѣ было жутко-темно. Ольга Петровна стояла съ блѣдною улыбкою и старалась побороть страхъ.

На косогорѣ, среди дубовыхъ кустовъ, появился Сергѣй. Молнія ярко освѣтила его кумачную рубашку. Въ бѣшеномъ восторгѣ онъ кричалъ:

— Го-го-го-го!.. Слышите, ребята? Вонъ какъ гремитъ!.. Варька, слышишь?!..

Вѣтеръ рвалъ на немъ рубашку, лицо было безумное и восторженное

— Позоръ всѣмъ слабымъ и малодушнымъ! Позоръ тѣмъ, кто передъ лицомъ грозы отрицаетъ идущую грозу!.. Идетъ она, идетъ! Видите вы ее теперь,—вы, робкіе, сомнѣвающіеся?.. Пришла жизнь, пришла борьба и просторъ! Слава бурѣ!..

— Го-го-го-го!—раздался изъ чащи голосъ Тани.

— Татьяна Николаевна, сюда! Наша взяла! Пришла гроза!.. Слава борцамъ, слава всѣмъ друзьямъ грозы...

Таня, въ развѣвающейся юбкѣ, быстро спустилась къ мостику. Она упоенно дышала вѣтромъ, глаза блестѣли. Поспѣшно она спросила:

— Ну, что̀, не нашли?

— Нѣтъ.

— Такъ чего жъ вы сидите? Пойдемте дальше!.. Правда, какъ хорошо?—съ счастливою улыбкою обратилась она къ Токареву.

Токаревъ молча кивнулъ головою, хотя находилъ, что кругомъ становится довольно-таки неуютно.

— Ну, идемъ, господа! Вставайте! — торопила Таня.

Шеметовъ проворчалъ:

— Экая неугомонная! Куда вставать-то? Очевидно, лошадь украли и увели. Станетъ васъ конокрадъ ждать!

— Ну, все-таки, поищемъ еще!—сказала Варвара Васильевна.—Очень ужъ мужика жалко.

— Навѣрное, кобыла сама ужъ домой пришла, — замѣтилъ Борисоглѣбскій.

— А что найти-то, конечно, ужъ не найдемъ теперь,—согласился Сергѣй.

— «Позоръ всѣмъ сомнѣвающимся и малодушнымъ!»—иронически повторила его слова Варвара Васильевна.

— Э, чортъ! Вѣрно, пойдемъ дальше!.. Что̀ за позоръ! Бабы насъ ведутъ впередъ.

По дорогѣ забили первыя крупныя капли дождя. Варвара Васильевна украдкой внимательно посмотрѣла на Токарева и сказала:

— Только вотъ что̀: зачѣмъ всѣмъ итти? Многіе устали. Тутъ сейчасъ за бугромъ сторожка, можно зайти отдохнуть; тѣмъ болѣе, дождь начинается.

— Господа, да зайдемте всѣ! — заговорилъ Токаревъ.—Ну что̀ за охота мокнуть подъ дождемъ! Пройдетъ дождь, тогда и пойдемъ опять искать.

Таня ядовито возразила:

— А тогда ты скажешь, что мокро, ноги промочишь.

Токаревъ нахмурился и замолчалъ.

— Пойдемте, я васъ проведу въ сторожку, — предложила Варвара Васильевна.

— Ну, господа, а мы пойдемъ дальше,—сказала Таня.

— Го-го-го! На выносъ возьмемъ гору!—крикнулъ Сергѣй. Онъ, Шеметовъ и Митрычъ вмѣстѣ съ Танею быстро взбѣжали на косогоръ.

Вегнеръ съ завистью глядѣлъ вслѣдъ убѣгавшимъ.

— Нѣтъ, я отдохну, усталъ.

Варвара Васильевна провела Токарева, Катю, Вегнера и Ольгу Петровну къ лѣсной сторожкѣ. Къ нимъ навстрѣчу вышелъ лѣсникъ, — худощавый, съ краснымъ носомъ, въ пиджакѣ. Варвара Васильевна сказала:

— Ну, прощайте пока!

— Варвара Васильевна, да передохните же и вы!—возмутился Токаревъ. — Вы блѣдны, какъ полотно, — видимо, вы страшно устали!

— Э, пустяки! Это такъ кажется!

Она исчезла въ темнотѣ. Токаревъ обратился къ лѣснику.

— А что̀, любезный, хорошо бы самоварчикъ поставить; найдется у васъ?

— Найдется, помилуйте!.. Сейчасъ поставимъ. А мы за то винца потомъ выпьемъ за ваше здоровье.

Рѣзко блеснула молнія. Какъ пушечный залпъ, прокатился громъ. Дождь хлынулъ. Онъ шуршалъ по соломенной крышѣ, журчащими ручьями сбѣгалъ на землю. Изъ чернаго лѣса широко потянуло свѣжею, сырою прохладою.

Въ сторожку постучались. Вошелъ мужикъ, у котораго убѣжала лошадь. Вода струилась по его шапкѣ, лицу и зипуну. Катя спросила:

— Не нашли?

— Нѣтъ, барышня! Ужъ и въ деревню сбѣгалъ, не воро̀тилась ли... Нѣту!

Онъ устало опустился на лавку. Подали самоваръ, стали пить чай. Тараканы бѣгали по стѣнамъ, въ щели трещалъ сверчокъ, на печи ровно дышали спящіе ребята. Громъ гремѣлъ теперь глуше, молніи вспыхивали синимъ свѣтомъ, дождь продолжалъ лить.

Пришли Сергѣй и Шеметовъ. Съ обоихъ вода лила ручьями, на сапогахъ налипли кучи грязи, оба были злы. Сергѣй сказалъ:

— Нѣтъ, Татьяна Николаевна — это, положительно, ненормальный человѣкъ! Ужъ Варя, и та созналась, что невозможно найти; а она: «а я все-таки найду!».

Шеметовъ сердито засмѣялся.

— Нѣтъ, вѣдь правда, нелѣпо! Въ двухъ шагахъ ничего не видно, — по этакому лѣсищу ищи лошадь ощупью!.. И Митрыча несчастнаго запрягла, кряхтитъ, а претъ за нею слѣдомъ.

Пришла и Варвара Васильевна. Было уже двѣнадцать часовъ. Молча пили чай, разговоръ не вязался. Всѣ были вялы

и думали о томъ, что по грязи, мокротѣ и холоду придется тащиться домой верстъ восемь. Варвара Васильевна, блѣдная, бодрилась и старалась скрыть прохватывавшую ее дрожь. Сергѣй и Шеметовъ сидѣли въ облипшихъ рубашкахъ, взлохмаченные и хмурые, какъ мокрые пѣтухи.

За темными окнами могуче загудѣлъ басъ Митрыча.

— Эй, ребята! Вы здѣсь?.. Выходите встрѣчать, нашли!

Всѣ бросились къ выходу. Въ темнотѣ бѣлѣла лошадь, Митрычъ держалъ ее за оборотъ. Таня, бодрая, оживленная, вбѣжала въ сѣни.

— А что? Нашла?—торжествующе обратилась она къ Сергѣю и Шеметову.—Я говорила, что найду!

Сергѣй развелъ руками и низко склонилъ голову.

— Преклоняюсь!

Таня сіяла дѣтскою, смѣшною гордостью.

— Ну и молодецъ же вы, Таня! — радостно воскликнула Варвара Васильевна.

Мужикъ кланялся.

— Ужъ вотъ, барышня, спасибо вамъ! Вѣкъ за васъ буду Бога молить! Пошли вамъ Господь добраго здоровья!

— И вѣдь какъ все вышло!—разсказывала Таня.—Идемъ,— что-то въ сторонѣ бѣлѣетъ. Митрычъ говоритъ: рѣка!.. Все-таки свернули. А это она! Стоитъ на полянкѣ и щиплетъ траву.

Мужикъ взялъ изъ рукъ Митрыча оборотъ и радостно повторялъ:

— Нашли, нашли!

Таня и Митрычъ выпили остывшаго чаю. Токаревъ расплатился съ лѣсникомъ. Двинулись въ обратный путь.

Усталые и продрогшіе, всѣ вяло тащились по разсклизшей, грязной дорогѣ. На сѣверѣ громоздились уходившія тучи и глухо грохоталъ громъ. Надъ лѣсомъ, среди прозрачно-бѣлыхъ тучекъ, плылъ убывавшій мѣсяцъ. Было сыро и холодно, востокъ свѣтлѣлъ.

Лѣсъ остался назади. Митрычъ и Шеметовъ стали напѣвать маршъ. Пошли ровнымъ шагомъ, въ ногу. Такъ итти оказалось легче. Отъ ходьбы постепенно размялись, опять раздались шутки, смѣхъ.

Когда они пришли въ Изворовку, солнце уже встало. Сергѣй и Катя обыскали буфетъ, напили холодныя яйца въ смятку и полкувшина молока. Всѣ жадно принялись ѣсть. Въ свѣтѣ солнечнаго утра лица выглядѣли сѣрыми и помятыми, глаза странно блестѣли.

Варвара Васильевна, уходившая къ себѣ въ комнату, воро-

тилась радостная и оживленная, съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ.

— Владимиръ Николаевичъ, вы помните по Петербургу Тимоѳея Балуева?

— Какъ же!—отвѣтилъ Токаревъ.

— Онъ пишетъ, что изъ ссылки ѣдетъ въ Екатеринославъ и по дорогѣ, отъ поѣзда до поѣзда, заѣдетъ ко мнѣ въ Томилинскъ. Шестого августа, на Преображеніе. Хотите его видѣть?

— Конечно!

Таня спросила

— Кто это?

— Рабочій, слесарь. Замѣчательно хорошій человѣкъ, — сказала Варвара Васильевна.

У Тани загорѣлись глаза.

— Я тоже хочу его увидѣть.

— Да всѣмъ, всѣмъ нужно его повидать, — рѣшилъ Сергѣй.—Хоть у Вари всѣ люди—замѣчательно-хорошіе люди, а все-таки интересно.

— Ну, а теперь спать!—объявила Варвара Васильевна. — Еле на ногахъ стою.

VI.

Назавтра Шеметовъ, Борисоглѣбскій, Вегнеръ и Ольга Петровна уѣхали въ Томилинскъ. Таня осталась погостить еще.

Жизнь теперь потекла болѣе спокойная. Токаревъ попрежнему наслаждался погодой и деревенскимъ привольемъ. Отношенія его съ Варварой Васильевной были какъ будто очень дружественныя. Но, когда они разговаривали наединѣ, имъ было неловко смотрѣть другъ другу въ глаза. То давнишнее, петербургское, что̀ раздѣлило ихъ, стѣною стояло между ними, они не могли перешагнуть черезъ эту стѣну и сдѣлать отношенія простыми. А между тѣмъ Варвара Васильевна становилась Токареву опять все милѣе.

Дни шли. Варвара Васильевна съ утра до вечера пропадала въ окрестныхъ деревняхъ, лѣчила мужиковъ, принимала ихъ на дому съ чернаго хода. Сергѣй ушелъ въ книги. Таня тоже много читала, но начинала скучать.

Токареву она нравилась все меньше. Его поражало, до чего она узка и одностороння. Съ нею можно было говорить только объ опредѣленныхъ вещахъ и вопросахъ, все остальное ей было скучно, чуждо и представлялось пустяками. Поведеніе Тани, ея манера держаться также возмущали Токарева. Она совершенно не считалась съ окружающими; Конкордія Сер-

гѣевна, напримѣръ, съ трудомъ могла скрывать свою антипатію къ ней, а Таня на это не обращала никакого вниманія. Вообще, какъ замѣтилъ Токаревъ, Таня возбуждала къ себѣ въ людяхъ либо рѣзко-враждебное, либо ужъ горячо-сочувственное, почти восторженное отношеніе; и онъ сравнивалъ ее съ Варварой Васильевной, которая всѣмъ, даже самымъ чуждымъ ей по складу людямъ, умѣла внушить къ себѣ мягкую любовь и уваженіе.

Пятаго августа Варвара Васильевна, Токаревъ, Таня, Сергѣй и Катя отправились въ Томилинскъ, чтобъ повидать проѣзжаго гостя Варвары Васильевны.

Они сѣли въ поѣздъ. Дали третій звонокъ. Поѣздъ свистнулъ и сталъ двигаться. Начальникъ станціи, съ толстымъ, бородатымъ лицомъ, что-то сердито кричалъ сторожу и указывалъ пальцемъ на конецъ платформы. Тамъ сидѣли и лежали среди узловъ человѣкъ десять мужиковъ, въ лаптяхъ и пыльныхъ зипунахъ. Сторожъ, съ злымъ лицомъ, подбѣжалъ къ нимъ, что-то крикнулъ и вдругъ, размахнувъ ногою, сильно ударилъ сапогомъ лежавшаго на узлѣ старика. Мужики испуганно вскочили и стали поспѣшно собирать узлы.

— Господи, да что̀ же это такое?!—воскликнула Таня.

Поѣздъ уходилъ. Таня и Токаревъ высунулись изъ окна. Мужики сбѣгали съ платформы. Сторожъ, размахнувшись, ударилъ одного изъ нихъ кулакомъ по шеѣ. Мужикъ втянулъ голову въ плечи и побѣжалъ быстрѣе. Изогнувшійся дугою поѣздъ закрылъ станцію.

Подошла Варвара Васильевна, блѣдная, съ трясущимися губами.

— За что это? Что̀ тамъ случилось.

Токаревъ, тоже блѣдный и возмущенный, отвѣтилъ:

— Не знаю.

Сидѣвшій рядомъ мастеровой объяснилъ:

— «Что̀ случилось»!.. Значитъ, улеглись мужички на неуказанное мѣсто. Ну, ихъ покорнѣйше и попросили посторониться.

Варвара Васильевна, прикусивъ губу, ушла на свое мѣсто. Таня стояла, злобно нахмурившись, и молча смотрѣла въ окно. Токаревъ вздохнулъ.

— Да, легко все это у насъ дѣлается!

— И подѣломъ имъ, сами виноваты! Господи, ихъ бьютъ, а они только подставляютъ шеи и бѣгутъ... О, эти мужики!..

Въ глазахъ Тани была такая ненависть, такое безпощадное презрѣніе къ этимъ избитымъ людямъ, что она стала противна Токареву. Онъ отвернулся; въ душѣ шевельнулась глухая

вражда, почти страхъ къ чему-то дико-стихійному и чуждому, что̀ насквозь проникало все существо Тани.

— Ну, чортъ съ ними, сто̀итъ еще объ нихъ говорить! — Таня передернула плечами и снова стала смотрѣть въ окно.

Заря догорала. Поѣздъ гремѣлъ и колыхался. Въ душномъ, накуренномъ вагонѣ было темно, стоялъ громкій говоръ, смѣхъ и пѣсни.

Таня сказала:

— Да, Володя, вотъ что̀! Какъ хочешь, а нужно будетъ въ Томилинскѣ предпринять еще что-нибудь, чтобъ Варя уѣхала отсюда.

Токаревъ махнулъ рукою.

— Ну, пошло̀!.. Я не понимаю, чего ты берешь на себя какую-то опеку надъ Варварой Васильевной.

— Да неужели же ты не видишь, что̀ съ нею дѣлается? Вѣдь положительно живьемъ разрушается человѣкъ: какое-то колебаніе, сомнѣніе во всемъ, полное невѣріе въ себя... Очевидно, ея дѣятельность ее не удовлетворяетъ.

Токаревъ пожалъ плечами.

— Откуда это очевидно? Я не говорю про Варвару Васильевну, я ее слишкомъ мало знаю,—но, вообще говоря, человѣкъ можетъ не вѣрить въ себя совсѣмъ по другимъ причинамъ. Онъ можетъ признавать данную дѣятельность самою высокою и нужною, и все-таки не вѣрить въ себя... Ну, хотя бы просто потому, что чувствуетъ себя не въ силахъ отдаться этой дѣятельности,—произнесъ онъ съ усиліемъ.

Таня удивилась.

— Какъ это такъ? Дѣятельность самая высокая и нужная,— и не можешь ей отдаться! Очевидно, значитъ, есть другая дѣятельность, болѣе высокая и болѣе нужная.

— Таня, меня прямо поражаетъ, до чего ты узко смотришь! Возьмемъ какую угодно дѣятельность. Пусть она будетъ самая высокая, самая нужная, — все, что̀ хочешь. Да только нѣтъ у меня силъ отдаться ей!

— Очевидно, значитъ, ты не совсѣмъ вѣришь въ нее.

— Ну, слушай, Таня! Поставимъ вопросъ грубо, карикатурно. Скажемъ, я страстно люблю шампанское, устрицы. Умомъ я вполнѣ понимаю, что есть дѣла несравненно выше уничтоженія устрицъ и шампанскаго, да меня-то больше тянетъ къ устрицамъ и шампанскому.

— Тогда нечего и ломать себя: пей шампанское и ѣшь устрицы.

Подошелъ Сергѣй и молча сѣлъ около нихъ на ручку скамейки. Токаревъ спросилъ:

— Такъ что, если бы тебя больше всего тянуло къ такой «дѣятельности», то ты съ спокойною душою и отдалась бы ей?

— По-моему, это ужасно скучно; но если бы тянуло, — конечно, отдалась бы.

— Господи, до чего все это эгоистично! — возмутился Токаревъ. — Ну гдѣ же, гдѣ же у тебя хоть какой-нибудь нравственный регуляторъ, хоть какой-нибудь критерій? Сегодня скучно жить для себя, завтра станетъ скучно жить для другихъ. Неужели ты не понимаешь, сколько въ этомъ эгоизма? Что̀ хочется, то и дѣлай!.. Тебѣ даже совершенно непонятно, что могутъ быть люди, которые считаютъ своимъ долгомъ дѣлать не то, что̀ хочется, а что̀ признаютъ полезнымъ, нужнымъ для жизни.

Вмѣшался Сергѣй:

— Но вопросъ въ томъ, — насколько имъ это удается? Я не понимаю, почему вы такъ возмущаетесь эгоизмомъ. Дай намъ Богъ только одного, — побольше именно эгоизма, — здороваго, сильнаго, жаднаго до жизни. Это гораздо важнѣе, чѣмъ всякаго рода «долгъ», который человѣкъ взваливаетъ себѣ на плечи; взвалитъ — и идетъ, кряхтя и шатаясь. Пускай бы люди начали дѣйствовать *изъ себя*, свободно и безъ надсада, не ломая и не насилуя своихъ склонностей. Тогда настала бы настоящая жизнь.

— Воображаю, какая бы настала жизнь! — сдержанно усмѣхнулся Токаревъ.

— Хорошая бы жизнь настала! И погибъ бы безвозвратно ея главный врагъ — скука. Потому что вотъ съ чѣмъ эгоизмъ никогда не захочетъ примириться, — со скукою!

Токаревъ съ улыбкою поднялъ брови:

— Скука... Вы серьезно думаете, что главный врагъ жизни — это, дѣйствительно, скука?

— Безусловно! Скука сто̀итъ всякихъ лишеній, униженій, длинныхъ рабочихъ дней и тому подобнаго... «Скучно»! Вѣдь отъ этого «скучно» люди сходятъ съ ума и кончаютъ съ собою, это «скучно» накладываетъ свою изсушающую печать на цѣлыя историческія эпохи. Вырваться изъ жизненной скуки, — вотъ самая главная задача современности. И суть не въ томъ, чтобъ человѣкъ вырвался изъ этой скуки, а чтобъ люди вырвались изъ нея. А для этого что̀ нужно? Нужно, чтобъ вокругъ ключомъ била живая общественность, чтобъ жизнь цѣликомъ захватывала душу, чтобъ эта жизнь была велика и сильна, полна борьбы и свѣта... Вотъ что̀ нужно, чтобъ ощущалъ человѣкъ, а не необходимость какого-то «долга»... Долгъ! Въ сосѣдствѣ съ долгомъ самъ воздухъ начинаетъ скисаться и пахнуть плѣсенью.

Таня слушала съ разгорѣвшимися глазами.

— Все это очень легко говорить... — началъ Токаревъ, но въ это время въ вагонѣ поднялся шумъ и крикъ.

Толстый господинъ, въ грязномъ парусиновомъ пиджакѣ и сѣромъ картузикѣ съ блестящимъ козырькомъ, оралъ:

— Сволочь ты, негодяй!!. Я отставной поручикъ Пыльскаго гренадерскаго полка, а ты мнѣ смѣешь «ты» говорить?.. Подлецъ!

Мастеровой въ чуйкѣ, съ блѣднымъ, зеленоватымъ лицомъ, мирно-было заговорившій съ сердитымъ господиномъ, въ первую минуту опѣшилъ.

— Я тебя, мерзавца, сейчасъ велю высадить изъ поѣзда!.. Подлецъ, пьяница!..

Мастеровой медленно и громко протянулъ:

— Я думалъ, это пушки, анъ это — лягушки!

Кругомъ засмѣялись.

— Молчать!!! — гаркнулъ толстый господинъ. — Дуракъ!

— Не бывалъ, братъ, ты умнымъ человѣкомъ, коли я дуракъ. Ишь ты какой! Ясный козырекъ нацѣпилъ себѣ и думаетъ, — хозяинъ! Мнѣ на твой ясный козырекъ наплевать!

— Ах-хъ, ты, мер-рзавецъ! — возмутился про себя господинъ и высунулся изъ окна, какъ бы высматривая, скоро ли остановится поѣздъ, чтобъ позвать жандарма.

— Плюю я на твой ясный козырекъ, вотъ такъ: тьфу! Мастеровой плюнулъ на полъ. — Плюю и попираю ногами!

Рядомъ сидѣлъ подгородный мужикъ. Онъ съ усмѣшкою сказалъ:

— Буде вамъ! Чѣмъ все ругаться, лучше прямо подраться!

— Вѣрно! Мнѣ ндравится ваше слово! Я васъ уважаю!.. А сказать что-нибудь противъ меня ясному козырьку энтому, — не позволю! Не желаю молчать!.. Извините меня, пожалуйста! Прошу извиненія!

Мужикъ зѣвнулъ.

— Тутъ колокольцовъ нѣту, звенѣть не на чемъ.

Толстый господинъ подергивалъ головою и продолжалъ выглядывать въ окно.

— Не желаю молчать! — волновался мастеровой. — Онъ меня растревожилъ, а я его не безпокоилъ!.. Слышь ты, козырекъ! Я сознаюсь, что ты — дуракъ! Понялъ ты это слово?

Поѣздъ остановился у полустанка. Толстый господинъ поспѣшно вышелъ, черезъ минуту воротился съ жандармомъ. Указалъ на мастерового и коротко сказалъ:

— Вотъ! Убери его!

Жандармъ подошелъ къ мастеровому и рѣшительно взялъ его за рукавъ.

— Вставай!

Мастеровой оторопѣло глядѣлъ:

— Что̀ такое? Въ чемъ дѣло?

— Но, но, вставай! Нечего!

— Да что̀ вы? За что вы меня?

Таня вскипѣла.

— Послушайте, жандармъ, за что вы его высаживаете? Онъ ничего не дѣлалъ!

— Мы всѣ можемъ быть свидѣтелями, — прибавилъ Токаревъ. — Этотъ господинъ самъ же первый началъ. На весь вагонъ сталъ кричать и ругать его.

Грозно и выразительно толстый господинъ сказалъ жандарму:

— Я тебѣ заявляю, что онъ мнѣ нанесъ оскорбленіе!

Токаревъ спокойно возразилъ:

— Всѣ въ вагонѣ слышали, что вы первый стали наносить ему оскорбленія.

Токаревъ былъ одѣтъ чисто и прилично, гораздо приличнѣе толстаго господина. Жандармъ въ нерѣшительности остановился.

— Жандармъ! Я тебѣ повторяю: возьми его!.. Онъ пьянъ!

— Нѣтъ, я не пьянъ! Вы меня оскорбили, а я васъ не тревожилъ!

Жандармъ шепнулъ Токареву:

— Вы не извольте безпокоиться! Я его только въ другой вагонъ переведу.

Въ пріятномъ и спокойномъ ощущеніи силы, которую давалъ ему его приличный костюмъ, Токаревъ громко возразилъ:

— Да съ какой стати? Мы вамъ всѣ заявляемъ, что этотъ господинъ самъ началъ первый скандалить. Почему вы его не переводите?

— А то, можетъ, ваше благородіе, вы сами перейдете? — почтительно-увѣщавающимъ голосомъ обратился жандармъ къ толстому господину.

Господинъ грозно крикнулъ:

— Я тебѣ въ послѣдній разъ повторяю: убери его!

Жандармъ растерянно пожалъ плечами:

— Да вѣдь вотъ... Всѣ свидѣтельствуютъ, что вы же сами начали.

— Ахъ, та-акъ!.. — зловѣще протянулъ господинъ. — Ну, хорошо, ступай!.. Хорошо, хорошо! Можешь итти!.. Мы это еще увидимъ! Ступай, нечего!

Жандармъ съ извиняющимся лицомъ мялся на мѣстѣ. Вагоны двинулись. Онъ соскочилъ на платформу.

— Тутъ еще скоро, пожалуй, изобьютъ тебя! — возмущенно

сказалъ толстый господинъ, взялъ свой чемоданъ и пошелъ въ другой вагонъ.

Торжествующій мастеровой стоялъ, пошатываясь, и смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Фью-у! — слабо свистнулъ онъ и махнулъ рукою вдогонку. — Нѣтъ, ей-Богу, чудачокъ! — обратился онъ къ Танѣ и лихо покрутилъ головою. — Молчи, говоритъ, дуракъ!.. А? Почему такое? Не желаю молчать!.. Благороднаго человѣка я уважаю всегда! А коли со мною поступаютъ сурьезно, — не могу терпѣть! Такой ужъ карахтеръ у меня... строгій! Намедни мастеръ говоритъ намъ: «Вотъ что̀, ребята! Послѣ Спаса за каждый приборъ на двѣ копейки меньше будемъ платить»... Какъ такъ? Нѣтъ, я говорю, я не желаю!.. Мнѣ не копейка нужна. Что̀ копейка? Я на нее плюю! — Онъ досталъ затасканный кошелекъ, вынулъ пятиалтынный и бросилъ его наземь. — Вотъ! Не нужно мнѣ, пускай тутъ лежитъ! А зачѣмъ онъ неправильно поступаетъ? Не желаю, говорю, уйду отъ васъ, больше ничего!

— А вы гдѣ работаете?

— Мы-то? А вонъ за бугромъ зданіе пыхтитъ... Мы — токари по металлу. Мѣдь, свинецъ, желѣзо, — это у насъ называется металлъ... По-нашему, по-мастеровому!

Поѣздъ гремѣлъ и колыхался. Въ вагонахъ зажгли фонари. Таня сидѣла въ уголкѣ съ мастеровымъ и оживленно бесѣдовала. Мастеровой конфиденціально говорилъ:

— Я, милая моя барышня, желаю жить, чтобъ было посправедливому, чтобъ обиды мнѣ не было! Я этого не желаю терпѣть — никогда! А за деньгами я не гонюсь... Я вотъ выпилъ, — и больше ничего!

Паровозъ оглушительно и протяжно засвистѣлъ. Въ темнотѣ замелькали огни томилинскихъ пригородовъ. Всѣ поднялись и стали собираться.

Поѣздъ остановился. Затиснутые въ сплошной толпѣ, Токаревъ, Сергѣй, Варвара Васильевна и Катя вышли на подъѣздъ.

— А гдѣ же Таня? — спохватилась Варвара Васильевна.

Сергѣй посмѣивался:

— Она съ мастеровымъ пошла.

— Да не можетъ быть! — воскликнулъ Токаревъ.

— Вѣрно! Я видѣлъ: онъ себѣ взвалилъ узелокъ на плечи, она рядомъ съ нимъ. Прямо съ платформы сошли, мимо вокзала.

У Токарева опустились руки.

— Чортъ знаетъ, что̀ такое!

Онъ въ колебаніи остановился посреди улицы. Въ стороны

тянулись боковыя улицы, заселенныя мастеровщиною,—черныя, зловѣщія, безъ единаго огонька.

— Нужно ее отыскать! Это положительно ненормальный человѣкъ: дѣвушка, ночью, одна, идетъ съ пьянымъ, незнакомымъ человѣкомъ, сама не знаетъ, куда!

Сергѣй засмѣялся:

— Ищи вѣтра въ полѣ! Ей-Богу, молодчина Татьяна Николаевна!

Они пришли къ Варварѣ Васильевнѣ. Подали самоваръ сѣли пить чай. Сергѣй говорилъ:

— Нѣтъ, ей-Богу, люблю Татьяну Николаевну! Это пролетарій до мозга костей! Никакія условности для нея не писаны, ничѣмъ она не связана, ничего ей не нужно...

Токаревъ угрюмо возразилъ:

— По-моему, это не пролетарій, а психически-больной человѣкъ, и ей необходимо лѣчиться.

Таня пришла къ двѣнадцати часамъ ночи, — оживленная, радостная, съ блестящими глазами. Токаревъ былъ такъ возмущенъ, что даже не сталъ ей ничего говорить, и сидѣлъ молча, насупившійся и грустный. Таня не обращала на него вниманія.

VII.

Назавтра, къ тремъ часамъ, Токаревъ и студенты пришли къ Варварѣ Васильевнѣ. Тимоѳей Балуевъ ужъ сидѣлъ у нея. Тани не было: она въ одиннадцать часовъ ушла къ своему вчерашнему знакомцу и еще не возвращалась.

Балуевъ, въ черной блузѣ, съ застегнутыми у кистей рукавами, сидѣлъ за столомъ, держалъ на разставленныхъ пальцахъ блюдечко и пилъ чай въ прикуску. Токаревъ радостно подошелъ.

— Ну, Тимоѳей Степанычъ, здравствуйте! — Они обнялись и крѣпко поцѣловались три раза накрестъ.

— Не думалъ я, что и васъ тутъ увижу! — сказалъ Балуевъ и въ замѣшательствѣ провелъ большою рукою по густымъ волосамъ.

Сергѣй, Шеметовъ, Борисоглѣбскій и Вегнеръ назвали себя и почтительно пожали его руку. Токаревъ глядѣлъ на загорѣлое, обросшее лицо Балуева.

— Какъ вы измѣнились! Встрѣтилъ бы васъ на улицѣ, не узналъ бы.

— Да... Да и я бы васъ не призналъ.

— Что же, постарѣлъ?

— Пооблиняли какъ-то... На видъ!

Варвара Васильевна сказала:

— Ну, садитесь, господа! Пейте чай, закусывайте!

Сѣли къ столу. Токаревъ спросилъ:

— Вы куда же теперь направляетесь?

— Въ Екатеринославъ ѣду. Тамъ товарищи посулились на заводъ пристроить. Тутъ, значитъ, нужно было Варвару Васильевну повидать. А между прочимъ вотъ и васъ встрѣтилъ... Ну, а вы какъ?

Онъ говорилъ не спѣша, поднявъ брови, и внимательно глядѣлъ на Токарева своими маленькими глазами. Студенты и Катя украдкою приглядывались къ Балуеву.

Разговоръ, какъ обыкновенно, вначалѣ вязался плохо. Понемногу сталъ оживляться. Рѣчь зашла объ одномъ изъ вопросовъ, горячо обсуждавшихся въ послѣднее время въ кружкахъ и дѣлившихъ единомысленныхъ недавно людей на два рѣзко-враждебныхъ лагеря. Токаревъ спросилъ Балуева, слышалъ ли онъ объ этомъ вопросѣ и какъ къ нему относился.

— Какъ же, слышалъ. Книжки тоже кой-какія читалъ объ этомъ... — Балуевъ помолчалъ. — Думается мнѣ, не съ того конца вы подходите къ дѣлу. Оно гладко пишется въ книжкахъ, логически, а только книжка, знаете, она больше по верхамъ крутится, больно много сразу захватить хочетъ. Оно то, да не то выходитъ. Смотришь въ книжку,—вотъ какіе вопросы. И въ волосы изъ-за нихъ вцѣпиться радъ всякому. А кругомъ поглядишь, — что̀ такое? И вопросы другіе, и совсѣмъ изъ-за другого ссориться надо.

Необычно-тихимъ и смирнымъ голосомъ Сергѣй возразилъ:

— Но позвольте, вѣдь книжки основываются на той же жизни, на тѣхъ же жизненныхъ фактахъ.

— Вѣрно! «Факты»... Что̀ такое факты? Я вотъ гляжу въ окошко, вижу, лошадь упала, и говорю: «тутъ дорога склизкая, — пожалуйста, не спорьте со мною; самъ видалъ, какъ лошадь упала». А на дорогѣ этой, можетъ, пыли по щиколку, а лошадь потому упала, что нога подвернулась. Оно, видите ли, коли на факты въ окошко смотрѣть, то и факты-то оказываются фальшивыми. А изъ этихъ фактовъ здоровеннѣйшій гвоздь сдѣлаютъ да въ голову его тебѣ и вгоняютъ... Намедни былъ я нелегально въ Питерѣ, встрѣтился съ однимъ пріятелемъ старымъ.—«Ты, спрашиваетъ, кто?»—«Я? (Подъ густыми усами Балуева мелькнула улыбка). Али не узналъ? Слесарь Тимоѳей!»—«Нѣ-ѣтъ, я не о томъ. Ты человѣкъ какихъ взглядовъ?»—«Я, говорю... рабочій!»

Всѣ поспѣшили громко и дружно разсмѣяться.

— Вотъ и ходитъ человѣкъ съ гвоздемъ въ головѣ. И вѣдь не въ окошко самъ глядитъ, все кругомъ видитъ глазами, — а нѣтъ! Гвоздь въ головѣ сидитъ крѣпко.

Поднялся общій споръ. Приводились «факты», соображенія. Балуевъ, положивъ на столъ руку ладонью внизъ, медленно и спокойно возражалъ. И шестеро спорившихъ были слабы передъ нимъ, какъ будто они стояли въ колеблющемся и уходящемъ изъ-подъ ногъ болотѣ, а онъ среди нихъ — на твердой кочкѣ.

— А о книжкѣ я только что̀ говорю? Словъ нѣтъ, она вещь полезная, необходимая, — кто жъ станетъ спорить? А только вѣдь нужно и ее съ толкомъ читать, — одно взялъ, другое бросилъ. А у насъ какъ? Сшилъ себѣ человѣкъ кафтанъ изъ взглядовъ и надѣваетъ. А кафтанъ-то ему, можетъ, совсѣмъ и не впору. Вотъ намедни одинъ товарищъ мой пишетъ изъ Москвы брату своему, мальчонкѣ: Вася, говоритъ, учись, думай, читай книжки, чтобъ ты могъ стать «борцомъ за страдающихъ и угнетенныхъ»... Во-отъ! Я думаю, больно ужъ много книжекъ самъ онъ начитался, мозги обмозолилъ себѣ.

Сергѣй въ восторгѣ воскликнулъ:

— Великолѣпно!

Вскочилъ и быстро заходилъ по комнатѣ. Митрычъ довольно ухмылялся. Остальные недоумѣвали. Токаревъ осторожно спросилъ:

— Что̀ жъ вы тутъ находите смѣшного? По-моему, письмо это, напротивъ, чрезвычайно трогательно.

— Нѣтъ, что̀ жъ смѣшного... Очень даже благородно! А только... За себя будь борцомъ, и то ладно. А то: мнѣ самому, дескать, ничего не надо, я вотъ только насчетъ «страдающихъ»... Недавно мнѣ тоже одинъ человѣкъ совсѣмъ это самое говоритъ...

Токаревъ пожалъ плечами:

— Я все-таки васъ не понимаю!

— ...одинъ человѣкъ, — образованный, интеллигентный. И притомъ состоятельный: чай пьетъ съ булками. Говоритъ: мнѣ ничего не нужно, мнѣ самому хорошо; я, говоритъ, если готовъ работать, то готовъ работать для другихъ... По моимъ взглядамъ, это ужъ не интеллигентный человѣкъ.

— Но почему же, почему? — настойчиво спросилъ Токаревъ.—Дѣятельность эгоистическая, т.-е. только для себя, по необходимости будетъ всегда узкою и темною. Высшая нравственность, напротивъ, заключается именно въ самопожертвованіи, когда человѣкъ не видитъ отъ этого выгоды для самого себя. *Самопожертвованіе*! Какъ я могу жертвовать собою для

самого себя? Напротивъ, чѣмъ меньше мои собственные интересы направляютъ мою дѣятельность, тѣмъ она будетъ чище, выше, свѣтлѣе. Вѣдь это совершенно ясно!

Балуевъ, поднявъ брови, слушалъ. Въ глазахъ его появилось что-то напряженное и растерянное. Онъ началъ возражать. Споръ становился все отвлеченнѣе. И чѣмъ отвлеченнѣе онъ становился, тѣмъ все болѣе книжными и шаблонными становились выраженія Балуева. Повѣяло сѣрою скукою и теоретическою «неинтересностью». Токаревъ и Варвара Васильевна возражали все бережнѣе и осторожнѣе, стараясь не припирать его къ стѣнкѣ. Балуевъ всталъ. Быстро теребя бороду, онъ заходилъ по комнатѣ и запинающимся, неувѣреннымъ голосомъ приводилъ свои, бившія мимо цѣли, возраженія.

Сергѣй своимъ твердымъ, самоувѣреннымъ голосомъ вмѣшался въ споръ и сталъ защищать высказанный Балуевымъ взглядъ. Споръ сразу оживился, сдѣлался глубже, ярче и интереснѣе; и по мѣрѣ того, какъ онъ отрывался отъ осязательной дѣйствительности, онъ становился все ярче и жизненнѣе. Балуевъ же, столь сильный своею неотрывностью отъ жизни, былъ теперь тусклъ и сѣръ. Онъ почти пересталъ возражать. Горячо и внимательно слушая Сергѣя, онъ только сочувственно кивалъ головою на его возраженія.

Споръ началъ падать. Всѣмъ еще милѣе и симпатичнѣе сталъ Балуевъ, съ его серьезнымъ, напряженно-вдумывающимся лицомъ, какое у него было во время спора. Варвара Васильевна сказала:

— Тимоѳей Степанычъ, вашъ чай совсѣмъ остылъ. Дайте, я вамъ налью свѣжаго.

— А вотъ сейчасъ! Я этотъ допью! — Балуевъ поспѣшно допилъ чай и протянулъ стаканъ Варварѣ Васильевнѣ. Сергѣй предупредительно взялъ стаканъ и передалъ сестрѣ.

— Скажите, Тимоѳей Степанычъ,—спросилъ онъ:—какъ вы стали вотъ такимъ? Вы учились въ какой-нибудь школѣ?

— До двадцати лѣтъ я и грамотѣ не зналъ. Пріѣхалъ въ Питеръ обломъ-обломомъ. Потомъ ужъ самоучкой выучился.

— А что̀ васъ заставило научиться?

Балуевъ улыбнулся.

— Хотѣлъ самъ французскіе ро̀маны читать. Очень ужъ они меня заинтересовали. На квартирѣ у насъ, какъ воротимся съ работы, одинъ парнишка громко намъ «Молодость Генриха Четвертаго» читалъ: всю бы ночь слушалъ. Выучился я, значитъ, сталъ читать. Много прочелъ французскихъ ро̀мановъ, тоже вотъ фельетонами зачитывался въ «Пе-

тербургской Газетѣ» и «Петербургскомъ Листкѣ». Даже нарочно для нихъ въ Публичную Библіотеку ходилъ. Ну, а потомъ поступилъ я въ вечернюю трехклассную школу, кончилъ тамъ, — послѣ этого, конечно, получилъ довольно широкій умственный горизонтъ.

Слушатели украдкою переглянулись. Выраженіе у всѣхъ вызвало умиленіе.

— И вѣдь вотъ штука какая любопытная!—улыбнулся Балуевъ.—Помню, читалъ я «Рокамболя»; два тома прочелъ, а дальше не могъ достать; ужъ такая меня взяла досада! Что съ нимъ дальше, съ этимъ Рокамболемъ, случится? Хоть иди на деньги покупай книжку, ей-Богу!.. Ну, ладно. Прошло года четыре. Ужъ Добролюбова прочелъ, Шелгунова, Глѣба Успенскаго. Вдругъ попадается мнѣ продолженіе... Желанный! Забралъ я книжку домой, думаю,—ужъ ночь не посплю, а прочту. Сталъ читать,—пятьдесятъ страницъ прочелъ и бросилъ. Такая глупость, такая скучища!.. А все-таки добромъ я ее помяну всегда, она меня читать пріучила. Эти Рокамболи, вы знаете,—они большое дѣло дѣлаютъ!.. Ну, а часъ-то который сейчасъ?—обратился онъ къ Варварѣ Васильевнѣ.

Варвара Васильевна вздохнула:

— Пора итти, а то на поѣздъ опоздаете! А можетъ-быть, останетесь до завтра?

— Нѣтъ, нельзя, нужно спѣшить! Спасибо на угощеніи. Прощайте!

Въ своей черной блузѣ, въ пыльныхъ, отрепанныхъ сапогахъ, онъ обошелъ столъ, протягивая всѣмъ широкую руку. Катя робко поднялась и—розовая, съ внимательными, почтительными глазами — ждала. Балуевъ протянулъ ей руку. Она вложила въ эту грубую, мозолистую руку свою бѣлую, узкую руку и крѣпко пожала ее. Глаза засвѣтились умиленіемъ и радостнымъ смущеніемъ.

Балуевъ взялъ со стула свой узелокъ и вышелъ въ сопровожденіи Варвары Васильевны.

Всѣ сидѣли молча. Варвара Васильевна воротилась.

— Какъ онъ однако измѣнился!—задумчиво произнесъ Токаревъ.—И какой онъ крѣпкій, цѣльный,—прямо, кряжистый какой-то!

— Да. Ничего нѣтъ похожаго на прежнее, — сказала Варвара Васильевна. — Помните, раньше? Горячій, пылкій, — но совсѣмъ, какъ желторотый галчонокъ; разинулъ клювъ, и пихай въ него, что хочешь. Ну, а теперь...

Вегнеръ печально спросилъ:

— А теперь?.. По-моему, это положительно ужасно! Такое

отрицаніе теоріи—гибель и смерть рѣшительно всему. Мы это поймемъ, но поймемъ слишкомъ поздно.

— Да, печальная штука! — согласился Сергѣй. — Но еще печальнѣе, что покоряетъ это, пригнетаетъ какъ-то... Сила чуется.

Дверь быстро раскрылась. Вошла Таня, — запыхавшаяся, раскраснѣвшаяся. Оглядѣла комнату.

— Уѣхалъ уже?

— Уѣхалъ, конечно.

— Ахъ, ты, Господи! Ну, что это!.. Что, что онъ разсказывалъ? — жадно обратилась она къ Варварѣ Васильевнѣ и Сергѣю.

— Любопытный парень!.. — Съ медленною улыбкою Сергѣй неподвижно глядѣлъ въ окно.—Какъ это онъ ловко выразился насчетъ обмозоленныхъ книжкою мозговъ! Чортъ его знаетъ, какой-то совсѣмъ особенный душевный строй!

Таня быстро прошлась по комнатѣ и рѣшительно сказала:

— Слушайте, Митрычъ! Теперь пять минутъ шестого, поѣздъ отходитъ безъ четверти шесть. Поѣдемъ на извозчикѣ на вокзалъ. Вы меня познакомите съ нимъ.

— Что жъ, поѣдемъ!

Они оба вышли.

VIII.

Въ дверь раздался стукъ.

— Войдите!

Вошелъ больничный фельдшеръ Антонъ Антонычъ, въ бѣломъ халатѣ и розовомъ крахмальномъ воротничкѣ. Былъ онъ блѣденъ, на вспотѣвшій лобъ падала съ головы жирная и мокрая прядь волосъ.

— Варвара Васильевна, Никанора привезли: взбѣсился!

— Да что вы?!. Никаноръ? Взбѣсился-таки?

— Въ телѣгѣ привезли изъ деревни, связаннаго... Я, изволите видѣть, дежурный, а доктора нѣтъ. Ужъ не знаю, снимать ли его съ телѣги, или доктора подождать. Больно ужъ бьется, страшно подойти. За докторомъ-то я послалъ.

Варвара Васильевна быстро надѣвала бѣлый халатъ.

— Ну вотъ еще,—ждать! Что жъ ему, такъ связаннымъ и лежать?.. Пойдемте!

Они поспѣшно вышли.

Оставшіеся вяло молчали. Было очень жарко. Сергѣй сидѣлъ у окна и читалъ «Русскія Вѣдомости».

— Духота какая!.. Давайте, господа, на лодкѣ покатаемся! — предложилъ Шеметовъ.

— Что жъ, поѣдемъ.

— Только, господа, подождемте Татьяну Николаевну,—сказала Катя.

Сергѣй сердито возразилъ:

— Ну вотъ еще! Ждать ее!.. Она, можетъ-быть, только къ ночи воротится!

Лицо его было теперь нервное и раздраженное. Токаревъ усмѣхнулся.

— Я готовъ пари держать, что она съ нимъ сѣла въ вагонъ, чтобъ проѣхать пару станцій!

Гдѣ-то съ силою хлопнула дверь. Въ больничномъ коридорѣ тяжело затопали ноги. Кто-то хрипло выкрикивалъ безсвязныя слова и хохоталъ. Слышался громкій и спокойный голосъ Варвары Васильевны, отдававшей приказанія. Шумъ замеръ на другомъ концѣ коридора.

Варвара Васильевна вошла въ комнату. Катя со страхомъ спросила:

— Что это такое? Правда, бѣшеный человѣкъ?

— Да. Ужасно жалко его! Такой славный былъ мужикъ,— мягкій, деликатный, просто удивительно! И жена его, Дуняша, такая же... Его три мѣсяца назадъ укусила бѣшеная собака. Лежалъ въ больницѣ, потомъ его отправили въ Москву, для прививокъ. И вотъ, все-таки взбѣсился! Буянитъ, бьется, — пришлось помѣстить въ арестантскую.

Сергѣй всталъ.

— Ну, господа, идемъ. Будетъ ждать! Варя, хочешь съ нами? Мы ѣдемъ на лодкѣ.

— Отлично! Идемте.

Они вышли на улицу. У Токарева все еще стоялъ въ ушахъ дикій хохотъ больного. Онъ поморщился.

— А должно-быть, тяжелое впечатлѣніе производятъ такіе больные.

Варвара Васильевна опустила глаза и глухо отвѣтила:

— Не знаю, на меня они рѣшительно никакого впечатлѣнія не производятъ. Вотъ, ушла оттуда, и на душѣ ничего не осталось. Какъ будто его совсѣмъ и не было.

Въ городскомъ саду, гдѣ отдавались лодки, по случаю праздника происходило гулянье. По пыльнымъ дорожкамъ двигались нарядныя толпы, оркестръ въ будкѣ игралъ вальсъ «Невозвратное время». Токаревъ сторговалъ лодку, они сѣли и поплыли вверхъ по теченію.

Городской садъ остался назади, по берегамъ тянулись маленькіе домики предмѣстья. Потомъ и они скрылись. По обѣ стороны рѣки стѣною стояла густая, высокая осока, и за нею

не было ничего видно. Солнце сѣло, западъ горѣлъ алымъ свѣтомъ.

Шеметовъ, какъ столбъ, стоялъ на скамейкѣ и смотрѣлъ вдоль рѣки. Катя сказала:

— Сережа, Вегнеръ! Столкните, пожалуйста, Шеметова въ воду: онъ мнѣ заслоняетъ видъ.

Сергѣй, молчаливый и нахмуренный, сидѣлъ на кормѣ и не пошевелился. Вегнеръ сдѣлалъ движеніе, какъ будто собирался толкнуть Шеметова. Шеметовъ исподлобья выразительно взглянулъ на него и грозно засучилъ рукавъ.

— Посмотрю, кто на это рѣшится!

Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду ни въ купеческомъ!..

Онъ стоялъ въ ожиданіи, сжимая кулаки. Потомъ сѣлъ и самодовольно сказалъ:

— Вотъ что̀ значитъ во̀-время привести подходящій стихъ! Никто не осмѣлился!

Токаревъ гребъ и задумчиво глядѣлъ себѣ въ ноги. Балуевъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Онъ испытывалъ смутный стыдъ за себя и пренебреженіе къ окружающимъ. Въ головѣ проносились воспоминанія изъ студенческаго времени. Потомъ припомнилась сцена изъ ибсеновскаго «Гинта». Задорный Перъ Гинтъ схватывается въ темнотѣ съ невидимымъ существомъ и спрашиваетъ его: «кто ты?» И голосъ Великой Кривой отвѣчаетъ: «Я — я сама! Можешь ли и ты это сказать про себя?...»

Шеметовъ острилъ и шутливо пикировался съ Катей. Варвара Васильевна и Вегнеръ смѣялись. Сергѣй молчалъ и съ скучающимъ, брезгливымъ видомъ смотрѣлъ на нихъ.

— А Сережа сидитъ, какъ будто уксусу съ горчицей наѣлся! — засмѣялась Катя.

Сергѣй сумрачно отвѣтилъ:

— Не вижу, чему смѣяться. Ваши остроты нахожу ужасно неостроумными.

Вдругъ Катя насторожилась:

— Что̀ это?

Далеко въ осокѣ отрывисто и грустно ухала выпь, — странными, гулкими звуками, какъ будто въ пустую кадушку.

— Выпь, — коротко сказалъ Сергѣй.

— Какіе оригинальные у нея звуки! Что-то такое загадочное.

Шеметовъ невинно спросилъ Сергѣя:

— А что̀ такое выпь... рыба или птица?

Сергѣй молча отвернулся, наклонился съ кормы и опустилъ руку въ воду.

— Это онъ выпь хочетъ выловить, показать намъ! — догадался Шеметовъ.

— Нѣтъ, братъ, выпь ловить я тебя самого въ воду спущу! — злобно отвѣтилъ Сергѣй.

Варвара Васильевна засмѣялась:

— Нѣтъ, Сережѣ положительно нужно дать валерьянки! Его сегодня какая-то блоха укусила.

Сергѣй обратился къ Токареву:

— Владимиръ Николаевичъ, дайте мнѣ погрести!

Онъ сѣлъ на весла и яро принялся грести. Лодка пошла быстрѣе. Сергѣй работалъ, склонивъ голову и напрягаясь, весла трещали въ его рукахъ. Онъ гребъ минутъ съ десять. Потомъ остановился, отеръ потъ съ раскраснѣвшагося лба и вдругъ съ сконфуженною улыбкою сказалъ:

— Однако какой изъ меня со временемъ выйдетъ поскудный старичишка!

Всѣ засмѣялись.

— Чортъ знаетъ, что̀ такое!.. — Сергѣй помолчалъ и задумчиво заговорилъ: — Ужасно гнусное впечатлѣніе оставила во мнѣ сегодняшняя встрѣча! Можетъ ли быть что-нибудь противнѣе? Сидитъ онъ, — спокойный, увѣренный въ себѣ. А мы вокругъ него, — млѣющіе, умиленные, лебезящіе. И какое характерное съ нашей стороны отношеніе: мягкая снисходительность съ высоты своего теоретическаго величія и въ то же время чисто-холопское пресмыканіе передъ нимъ. Какъ же! Вѣдь онъ — «носитель»! А мы — что̀ мы такое? Пустота, которая стыдится себя и тоскуетъ по немъ, «носителѣ». Жизнь, дескать, только тамъ, а тамъ ты чужой, органически не связанъ... Какая гадость! Почему онъ такъ гордо несетъ свою голову, живетъ самъ собою, а я только вздыхаю и поглядываю на него? Въ концѣ концовъ, я самъ по себѣ историческій фактъ. Я — интеллигентъ. Что̀ жъ изъ того? Я не желаю стыдиться этого, я желаю признать себя. Онъ хорошъ, не спорю. Я вѣрю въ него и уважаю его. Но прежде всего хочу вѣрить въ себя.

— А этой вѣры нѣтъ и не можетъ быть, — грустно возразила Варвара Васильевна.

Сергѣй вызывающе спросилъ:

— Почему это? Чѣмъ я хуже его? Какая между нами разница?

— Та разница, что ты вотъ и теперь уже сталъ поскудпымъ старичишкой, — ворчливо сказалъ Шеметовъ.

Сергѣй хотѣлъ что-то возразить, но нахмурился и замолчалъ. Онъ снова взялся за весла и сталъ усиленно грести.

Было уже совсѣмъ темно, когда они воротились къ пристани. Въ городскомъ саду народу стало еще больше. Въ пыльномъ мракѣ, среди вѣтвей, блестѣли разноцвѣтные фонарики, музыка гремѣла.

На улицахъ было пустынно и тихо. Стояла томительная духота, пахло известковою пылью и масляною краской. Сергѣй все время молчалъ. Вдругъ онъ сказалъ:

— Прощайте, господа, я пойду на вокзалъ. Поѣду съ ночнымъ поѣздомъ: не стóитъ ждать до завтра!

— Сережа, можно, и я съ тобой? — спросила Катя.

Сергѣй хмуро отвѣтилъ:

— Какъ хочешь.

Они простились и пошли къ вокзалу.

IX.

Шеметовъ и Вегперъ повернули къ себѣ. Токаревъ пошелъ съ Варварой Васильевной проводить ее до больницы. Звѣзды ярко мерцали, гдѣ-то далеко стучала трещетка ночного сторожа. Варвара Васильевна и Токаревъ шли по тихой улицѣ, и шаги звонко отдавались за домами.

Оба задумчиво молчали. Сегодняшняя встрѣча пробудила въ нихъ давнишнія воспоминанія, они не перекинулись ни словомъ, но оба знали и чувствовали, что думаютъ объ одномъ и томъ же.

Вдругъ Варвара Васильевна остановилась:

— Стойте, чтò такое?

На той сторонѣ улицы изъ раскрытыхъ оконъ неслись звуки скрипки и рояля. Играли «Легенду» Венявскаго.

У Токарева забилось сердце. «Легенда»... Пять лѣтъ назадъ онъ сидѣлъ однажды вечеромъ у Варвары Васильевны, въ ея убогой комнатѣ на Пескахъ; за тонкою стѣною студентъ консерваторіи игралъ эту же «Легенду». На душѣ сладко щемило, охватывало поэзіей, страстно хотѣлось любви и свѣтлаго счастья. И кàкъ это тогда случилось, Токаревъ самъ не зналъ, — онъ схватилъ Варвару Васильевну за руку; задыхаясь отъ волненія и счастья, высказалъ ей все, — высказалъ, какъ она безконечно дорога ему, и какъ онъ ее любитъ.

Изъ оконъ широко лились пѣвучіе, жалующіеся звуки «Легенды». Токаревъ взглянулъ на Варвару Васильевну. Она стояла не шевелясь, съ блестящими глазами, и жадно слушала. Гдѣ-то вдали съ грохотомъ прокатились дрожки, потомъ за-

стучала трещетка ночного сторожа. Варвара Васильевна нетерпѣливо прошептала:

— Господи, какъ мѣшаютъ!

Вдали смолкло, и опять по тихой улицѣ поплыли широкіе, царственные звуки. Лицо у Варвары Васильевны стало молодое и прекрасное, глаза свѣтились. И Токаревъ почувствовалъ, — это не музыка приковала ее. Въ этой музыкѣ онъ, Токаревъ, изъ далекаго прошлаго говорилъ ей о любви и счастьѣ, ея душа тянулась къ нему, и его сердце горячо билось въ отвѣтъ.

Музыка прекратилась. Варвара Васильевна быстро двинулась дальше.

— Пойдемте! Другого не нужно слушать!

И опять за тихими домами отдавались шаги, и звѣзды мерцали въ темномъ небѣ.

— Помните, Варвара Васильевна?.. — началъ Токаревъ.

Оживленная и счастливая, она поспѣшно прервала его:

— Да, да... Только не нужно объ этомъ говорить... Какъ хорошо кругомъ, какъ звѣзды блестятъ!..

Они подошли къ воротамъ больницы.

— Зайдите. Напьемся чаю.

Въ ея комнатѣ было темно. Токаревъ зажегъ лампу.

— Посидите, я сейчасъ схожу въ кухню за кипяткомъ...— Варвара Васильевна что-то вспомнила и въ колебаніи помолчала. — Или вотъ что̀, — заговорила она извиняющимся голосомъ: — подождите минутъ пять, я только схожу, провѣдаю сегодняшняго больного.

— Варвара Васильевна, да это же невозможно! Ну, пожалуйста, я васъ прошу. — Онъ сжалъ ея руку въ своихъ рукахъ. — Пожалуйста, оставьте на сегодня всѣхъ больныхъ! Вѣдь вы въ отпускѣ, тамъ у васъ есть дежурные фельдшера.

— Я въ одну минуту сбѣгаю. Видите, сегодня дежурный Антонъ Антонычъ: онъ съ десяти часовъ заляжетъ спать и не встанетъ до утра. А больной тяжелый, ему, можетъ-быть, что-нибудь нужно... Я сейчасъ ворочусь!

— Ну, а можно мнѣ съ вами пойти?

— Отлично! Пойдемте!

Они пошли по коридору. Варвара Васильевна тихо открыла дверь въ арестантскую. Въ задней ея половинѣ, за рѣшеткою, сидѣлъ на полу больной. По эту сторону стоялъ больничный служитель Иванъ, — блѣдный, съ широко открытыми глазами. Маленькая лампочка горѣла на стѣнѣ. Варвара Васильевна шопотомъ спросила служителя:

— Ну, что̀ Никаноръ?

— Послѣ обѣда ничего былъ. Докторъ ему лѣкарство далъ, онъ заснулъ... А теперь вотъ сидитъ, глазами ворочаетъ, да вдругъ какъ начнетъ головою биться объ рѣшетку!.. Все пить проситъ.

— А лѣкарство вечеромъ давали ему?

— Н-нѣтъ...

Варвара Васильевна и Токаревъ подошли къ рѣшеткѣ. Въ полумракѣ сидѣлъ на полу огромный человѣкъ. Онъ сидѣлъ сгорбившись, съ свѣсившимися на лобъ волосами, и раскачивалъ головою. Варвара Васильевна мягко сказала:

— Здравствуйте, Никаноръ! Какъ поживаете?

Больной медленно поднялъ голову и пристально оглядѣлъ Варвару Васильевну. На темной бородѣ клочьями висѣла подсыхавшая пѣна. Онъ хрипло отвѣтилъ:

— А какъ!.. Видно, не больно хорошо!

— Вы меня знаете?

— Ну, а какъ же не знаю!

— Кто же я?

— Вы-то? Барышня наша. — Онъ помолчалъ и задумчиво потеръ ладонью край лба. — Скажите вы мнѣ, Бога ради, — какъ я сюда попалъ?

— Вы въ больницѣ. Вамъ было худо, и потому васъ привезли сюда!

— Худо? — Больной задумался. — Да, да, я что-то сильно безобразилъ. Но что̀ я дѣлалъ, — не знаю.

— Ничего вы не безобразили. Просто у васъ сильно болѣла голова, такъ сильно, что вы были безъ памяти. Ну, конечно, когда человѣкъ безъ памяти, то и мечется... Хотите пить? Я вамъ сейчасъ дамъ.

— А рѣшетка зачѣмъ?... Нѣтъ, видно, сильно я безобразилъ, коли за рѣшетку посадили меня, какъ звѣря.

Онъ уныло опустилъ голову. Лицо стало грустное и хорошее.

— Посадили васъ за рѣшетку, чтобъ вы не убѣжали, если опять будете безъ памяти, — только для того. Поправитесь, и пойдете себѣ домой.

Больной вдругъ спросилъ:

— А гдѣ моя жена?

— Дома.

— А скажите... Она жива?

— Конечно, жива и здорова.

— А ребята?

— И ребята тоже.

— Гм... — Больной нахмурился и понурилъ голову. — Да скажите же вы мнѣ, — что̀ такое со мною было? — Онъ на-

чиналъ волноваться. — Я помню, я что-то сильно безобразилъ. Вотъ вы говорите, жена моя Дуняша здорова... Отчего же ея тутъ нѣту?

— Никаноръ, какой вы, право, странный! Вѣдь вы же знаете, у нея въ деревнѣ хозяйство, дѣти, скотина. Не можетъ же она все бросить и итти къ вамъ. Ну, справитъ дѣла, утромъ и придетъ васъ провѣдать.

— Утромъ... Нѣтъ, это вы меня обманываете!.. Что̀ съ женой? — вдругъ коротко и рѣшительно спросилъ онъ. — Я ей что-нибудь сдѣлалъ? Убилъ ее? Не обманывайте вы меня, Бога ради!

— Ну, Никаноръ, если вы мнѣ не вѣрите, то я уйду. Мнѣ, наконецъ, обидно: я никогда не лгу, а вы вотъ мнѣ не вѣрите.

Больной внимательно слушалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходите, я вѣрю... Ну, а васъ, барышня, я не обидѣлъ? Помнится, я вамъ что-то худое сдѣлалъ.

— Да нѣтъ же, голубчикъ, ничего вы мнѣ не сдѣлали!.. Будетъ разговаривать, вамъ это вредно... Иванъ, сходите къ смотрителю и принесите бутылку пива.

Иванъ вышелъ. Больной сидѣлъ на тюфякѣ, свѣсивъ голову. Лицо его поблѣднѣло, онъ дышалъ часто и поверхностно.

— Эхъ, вотъ тутъ больно, — сказалъ онъ и показалъ подъ ложечку: — дыхать не даетъ. А пить охота...

— Вотъ сейчасъ принесутъ пиво, вы выпьете, и вамъ станетъ легче.

Срывающимся голосомъ онъ вдругъ спросилъ:

— Скажите, барышня, я... бѣшеный?

Варвара Васильевна разсмѣялась.

— Ну, что̀ за глупости! Какой же вы бѣшеный? У васъ просто горячка, больше ничего. Я сейчасъ пойду поить васъ, — развѣ бы я пошла, если бы вы были бѣшеный?

Больной замолчалъ. Мутные глаза смотрѣли изъ полумрака на Варвару Васильевну. Вдругъ онъ сказалъ:

— Я сейчасъ во всю силу буду стучать въ дверь!

— Зачѣмъ?

Онъ вызывающе отвѣтилъ:

— А чтобъ Дуняша пришла!

— Я же вамъ говорила, сейчасъ ей некогда. Она придетъ завтра утромъ, а если что̀ задержитъ, — въ полдни ужъ непремѣнно.

— «Въ по-олдни»... Ну, теперь я вижу, все вы врете. Говорили, — утромъ, а теперь ужъ на полдни перешли!.. Нѣтъ, видно, ея и въ живыхъ-то нѣту... Пустите меня, я къ ней пойду! — крикнулъ онъ, всталъ и подошелъ къ рѣшеткѣ.

— Ну, Никаноръ, если такъ, то прощайте! Я вамъ передаю ея же слова, а вы не вѣрите. Если не вѣрите, то нечего и толковать.

— Нѣтъ, постойте, не уходите. Вы скажите только,—придетъ она?

— Придетъ.

— Ей-Богу?

— Ей-Богу.

— Ну, ладно, буду ждать. А только... Коли она не придетъ, буду такъ безобразить, что... И васъ не послушаю, никого!— Больной помолчалъ.—Коли не придетъ, увидите, что̀ будетъ! Я попрошу васъ къ себѣ сюда...—зловѣще протянулъ онъ.

— Зачѣмъ?

— А тогда узна̀ешь, зачѣмъ!.. Значитъ, вы только утѣшали меня, обманывали!..

Больной волновался все больше. Въ тоскѣ онъ потеръ рукою подъ ребрами.

— Эхъ, какъ больно тутъ!.. Дайте мнѣ пить! Я пить хочу.

Въ арестантскую на цыпочкахъ вошелъ служитель Иванъ съ бутылкою пива.

— Вотъ, извольте!..—Въ смутномъ ужасѣ онъ покосился на больного и зашепталъ:—Только я, барышня, ни за что не пойду съ вами! Хоть сейчасъ съ мѣста сгоните!

Варвара Васильевна спросила:

— Антонъ Антонычъ у себя?

Она вышла съ Токаревымъ въ коридоръ. Токаревъ ощущалъ въ спинѣ быструю, мелкую дрожь. Онъ спросилъ:

— Но вѣдь бѣшеные, кажется, не могутъ пить?

— Нѣтъ, пиво имъ иногда удается проглотить.

По коридору шелъ заспанный Антонъ Антоновичъ, въ своихъ розовыхъ воротничкахъ и пиджакѣ.

— Антонъ Антонычъ, Никаноръ пить проситъ. Не поможете ли вы мнѣ его напоить?

Фельдшеръ остановился, поднялъ брови и забѣгалъ глазами по потолку.

— Мм-м... Знаете, что̀? Подождемте лучше доктора, онъ вѣдь скоро придетъ.

— Какое же «скоро»? Онъ приходитъ въ девять утра, а теперь только часъ ночи.

— Нѣтъ, знаете... Онъ сегодня раньше придетъ.

— Ну, Антонъ Антонычъ, это вы сочиняете! Почему онъ сегодня раньше придетъ?.. Скажите, поможете вы мнѣ или нѣтъ?

Антонъ Антонычъ замялся.

— Знаете... я боюсь! А ну, какъ онъ меня укуситъ! Съ докторомъ хоть въ огонь пойду, а безъ него я... извините, боюсь!

— Какъ хотите!.. Дѣло только въ томъ, что одной трудно его напоить.

Варвара Васильевна бѣглымъ взглядомъ скользнула по лицу Токарева. Токаревъ внимательно смотрѣлъ на фельдшера и съ невиннымъ видомъ игралъ ключикомъ отъ часовъ.

Фельдшеръ помолчалъ и спросилъ:

— Ну, а если я не пойду, то что̀ будетъ?

— Что̀ будетъ! Ничего особеннаго. Пойду одна.

Фельдшеръ съ изумленіемъ оглядѣлъ ее.

— Ну, Варвара Васильевна... Какъ это — одна? Это невозможно!

— А что̀ же я буду дѣлать? Больной проситъ пить, а я стану уговаривать его ждать до утра?

Варвара Васильевна пошла назадъ. Фельдшеръ шелъ за нею слѣдомъ.

— Барышня, вы подумайте, вѣдь это невозможно! Да и на что пить ему? Онъ все равно не выздоровѣетъ, помретъ къ завтраму,—съ пивомъ ли, безъ пива ли...

Варвара Васильевна, не слушая, говорила:

— Нужно будетъ морфія всыпать въ пиво.

Она вошла въ арестантскую. Фельдшеръ, странно соня носомъ, въ волненіи прошелся по коридору. Подошелъ къ Токареву, развелъ дрожащими руками:

— Я, знаете... не могу этого... У меня жена молодая, ребенокъ маленькій...

И, быстро повернувшись, снова пошелъ по коридору. Токаревъ видѣлъ, какъ онъ бормоталъ что-то подъ носъ и размахивалъ руками.

Варвара Васильевна высыпала въ жестяную кружку порошокъ и налила пиво. За рѣшеткою темнѣла въ полумракѣ огромная, лохматая фигура больного. Онъ сидѣлъ сгорбившись и въ забытьѣ качалъ головою. Служители и сидѣлки толпились въ первой комнатѣ, изрѣдка слышался глухой вздохъ. Токаревъ, прислонясь къ косяку коридорной двери, крѣпко стискивалъ зубы, потому что челюсти дрожали.

Варвара Васильевна подошла къ рѣшеткѣ.

— Никаноръ, вы хотѣли пить. Я войду, напою васъ. Хорошо?

Онъ пробормоталъ:

— Хорошо.

— Ну, а можно мнѣ къ вамъ одной войти, вы не обидите меня?

Больной съ удивленіемъ поднялъ глаза.

— Что̀ вы, барышня? Вы меня поить будете, а я обижать! Нѣтъ, вы не опасайтесь!

— Ну, хорошо... Иванъ, отоприте замокъ!

Иванъ снова зашепталъ:

— Только я, барышня, ни за что не пойду съ вами! Да и вы бы тоже, барышня... Вѣдь въ его душу не влѣзешь!

Варвара Васильевна нетерпѣливо повторила:

— Да отпирайте же!

Стало тихо. Иванъ дрожащими руками совалъ ключъ, но не могъ попасть въ замо̀къ. Больной неподвижно сидѣлъ на тюфякѣ и съ загадочнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на толпу за рѣшеткой.

Въ дверяхъ коридора появился фельдшеръ. Съ широко открытыми, страдающими глазами, онъ остановился на порогѣ, крѣпко вцѣпившись пальцами въ локти. Иванъ продолжалъ лязгать ключомъ по замку̀. Варвара Васильевна, блѣдная и спокойная, съ сдвинутыми тонкими бровями, ждала съ кружкою въ рукахъ.

Фельдшеръ пробормоталъ:

— Нѣтъ... Нѣтъ... Господи!... Простите меня, я не могу!...

Онъ странно-молитвенно поднялъ кверху руки, повернулся и съ поднятыми руками пошелъ по коридору прочь.

Замо̀къ два раза звонко щелкнулъ. Рѣшетчатая дверь открылась. Всѣ замерли. Варвара Васильевна вошла къ больному. Вдругъ словно сила какая подхватила Токарева. Онъ протолкался сквозь толпу и тоже вошелъ за рѣшетку.

Варвара Васильевна сказала:

— Ну, Никаноръ, давайте пить!

Больной зашевелился и поспѣшно отеръ ладонью усы.

— Дайте мнѣ руку, держите меня!

Токаревъ вполголоса сказалъ Варварѣ Васильевнѣ:

— Позвольте, я подержу.

Она быстро взглянула на него. Блѣдное лицо вспыхнуло радостью, и засвѣтившіеся глаза съ горячею ласкою остановились на Токаревѣ. Больной говорилъ:

— За обѣ руки держите! А то я боюсь, не зашибить бы барышню... Эй, вы! — обратился онъ къ толпѣ. — Подержите кто-нибудь!

Иванъ на цыпочкахъ вошелъ въ дверь и, широко улыбаясь, взялъ больного за руку. Токаревъ держалъ другую руку. Держалъ и смотрѣлъ на подсохшіе клочья пѣны, висѣвшіе въ спутанной, темной бородѣ больного.

Больной жадно поглядѣлъ на кружку съ холоднымъ пивомъ и вздохнулъ.

— Эхъ, выпить-то я не смогу!.. Я воду въ ротъ, а меня какъ будто кто за горло схватитъ.

Варвара Васильевна сказала:

— Да это не вода, это пиво. Вы не бойтесь, пиво всякій всегда можетъ выпить, оно совсѣмъ легко идетъ въ горло... Ну, откройте ротъ!

Больной неувѣренно раскрылъ ротъ. Варвара Васильевна влила въ него ложку пива.

— Ну, вотъ! Отлично! Глотайте, вы непремѣнно проглотите!—спокойно и увѣренно твердила Варвара Васильевна.

Больной закрылъ глаза, постарался проглотить, но судорога сдавила ему горло. Въ мучительныхъ усиліяхъ побороть ее, онъ весь изогнулся назадъ, выкатывалъ глаза, рвался изъ рукъ державшихъ. Потомъ вдругъ сѣлъ и облегченно вздохнулъ: онъ проглотилъ.

— Не ушибъ ли я васъ? — спросилъ онъ, передохнувъ.— Кажись, руками я шибко махалъ; не задѣлъ ли кого?

Варвара Васильевна радостно отвѣтила:

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойся, милый, никого ты не задѣлъ! Вотъ теперь ты самъ видишь, что можешь пить... Ну, еще ложку!

— Дай вамъ Богъ добраго здоровья!.. Ну, Господи, благослови!

Больной, хотя съ значительными усиліями, но выпилъ еще двѣ ложки. Облегченный и успокоенный, онъ сказалъ:

— Теперь, Богъ дастъ, засну.

Всѣ вышли отъ него. Въ коридорѣ къ Варварѣ Васильевнѣ подошелъ фельдшеръ. Онъ виновато и подобострастно заглянулъ ей въ глаза.

— Я, право, Варвара Васильевна, не могъ пойти! Вѣдь я не одинъ, вы знаете; у меня жена молодая, ребенокъ... Знаете, хотѣлъ-было пойти, и вдругъ — какъ видѣніе встало передъ глазами: Дашенька, а на рукахъ ея младенецъ! И голосъ говоритъ: «не ходи!..» Не ходи, не ходи!.. Какая-то сила невидимая держитъ и не пускаетъ!

Варвара Васильевна добродушно засмѣялась.

— Ну, что объ этомъ говорить теперь! Видите, кое-какъ сладилось дѣло. Покойной ночи!

Она и Токаревъ вошли въ ея комнату. На подносѣ стоялъ большой жестяной чайникъ съ кипяткомъ, и чай былъ уже заваренъ. Токаревъ со смѣхомъ говорилъ:

— Боже мой, какой чудакъ этотъ вашъ Антонъ Антонычъ!.. Посмотрѣли бы вы на его физіономію, когда Иванъ отпиралъ замокъ!.. Да, Варвара Васильевна, кстати: отчего вы прямо

не обратились ко мнѣ, чтобъ я вамъ помогъ? Я сначала не рѣшался предложить свои услуги, думалъ, для этого нуженъ спеціалистъ. Ну, а вижу, «спеціалисты» всѣ мнутся...

Варвара Васильевна съ счастливою улыбкою наклонилась надъ чайникомъ, слегка поднимая и опуская его крышечку.

— Я въ душѣ была убѣждена, что вы пойдете... Хотя на одну секунду усомнилась.

Токаревъ улыбнулся.

— Это тогда, когда вы говорили въ коридорѣ съ фельдшеромъ?

— Д-да...

— Такъ, Господи, я же вамъ говорю: я не зналъ, гожусь ли я. Вижу, вы ко мнѣ не обращаетесь,—думаю: очевидно, тутъ нужны спеціальныя знанія...

Они долго просидѣли за чаемъ. Не хотѣлось расходиться. Случилось что-то особенное. Вдругъ они стали близки-близки другъ другу. Каждую фразу, каждое слово одного другой принималъ съ горячимъ, любовнымъ вниманіемъ. И глаза встрѣчались теперь свободно.

Уже свѣтало, когда Токаревъ вышелъ изъ больницы. Онъ шелъ улыбаясь, высоко поднявъ голову, и жадно дышалъ утренней прохладой. Какъ будто каждый мускулъ, каждый нервъ обновились въ немъ, какъ будто и сама душа стала совсѣмъ другая. Онъ чувствовалъ себя молодымъ и смѣлымъ, слегка презирающимъ трусливаго Антона Антоныча. И передъ нимъ стояла Варвара Васильевна, какъ она входила въ комнату бѣшенаго, — блѣдная, съ сдвинутыми бровями и спокойнымъ лицомъ,—и какъ это лицо вдругъ освѣтилось горячею лаской къ нему.

X.

Варвара Васильевна и Токаревъ воротились въ Изворовку. Таня заявила, что ужъ отдохнула въ деревнѣ и останется въ Томилинскѣ.

Жизнь въ Изворовкѣ текла тихая, каждый жилъ самъ по себѣ. Токаревъ купался, ѣлъ за двоихъ, катался верхомъ. Варвара Васильевна опять съ утра до вечера возилась съ больными, Сергѣй сидѣлъ за книгами. Общія прогулки предпринимались рѣдко.

Варвара Васильевна какъ будто жалѣла о порывѣ, охватившемъ ее подъ вліяніемъ неожиданно услышанной «Легенды». Она замкнулась въ себѣ и старалась отдалиться отъ Токарева. Токаревъ мучился, нѣсколько разъ пытался заговорить. Въ ея

глазахъ появлялась тогда растерянность. И, прося у Токарева взглядомъ прощенія, она переводила разговоръ на другое. Ему все больше начинало казаться, что Варвара Васильевна, такая на видъ спокойная и ровная, давно уже переживаетъ въ душѣ что-то очень тяжелое. Иногда, случайно увидѣвъ ее одну, онъ поражался, какое у нея было глубоко-грустное лицо.

Съ Сергѣемъ отношенія у него совсѣмъ не ладились. Вначалѣ Сергѣй относился къ Токареву съ любовною почтительностью, горячо интересовался его мнѣніями обо всемъ. Но что дальше, то больше въ его разговорахъ съ Токаревымъ стала проскальзывать ироническая нотка. И Сергѣй становился Токареву все непріятнѣе.

Вообще Сергѣй производилъ на Токарева странное впечатлѣніе. Оба они жили наверху, въ двухъ просторныхъ комнатахъ мезонина. Сергѣй то бывалъ буйно-веселъ, то цѣлыми днями угрюмо молчалъ и не спалъ ночей. Иногда Токаревъ слышалъ сквозь сонъ, какъ онъ вставалъ, одѣвался и на всю ночь уходилъ изъ дому. Отъ Варвары Васильевны Токаревъ узналъ, что Сергѣй страдаетъ чѣмъ-то въ родѣ истеріи, что у него бываютъ нервные припадки.

Прошла недѣля. Тринадцатаго августа, въ воскресенье, были именины Конкордіи Сергѣевны. Съѣхалось много гостей.

Большой столъ былъ парадно убранъ и поверхъ обычной черной клеенки былъ покрытъ бѣлоснѣжною скатертью. Въ окна сквозь зелень кленовъ весело свѣтило солнце. Конкордія Сергѣевна, вставшая со свѣтомъ, измученная кухонною суетою и волненіями за пирогъ, сѣла за столъ и стала разливать супъ.

Сергѣй съ усмѣшкою шепнулъ Токареву:

— Мученица своего ангела! И Варя несчастная тоже запряглась. Съ утра на кухнѣ торчитъ.

Василій Васильевичъ былъ очень оживленъ и говорливъ. Онъ наливалъ въ рюмки зубровку.

— Ну, господа, господа! За здоровье именинницы!

Выпили по рюмкѣ, нѣкоторые по второй. Закусивъ, принялись за бульонъ съ пирогомъ.

Юрасовъ, акцизный ревизоръ съ Анною на шеѣ, съ любезною улыбкою говорилъ Конкордіи Сергѣевнѣ:

— А пріятно этакъ, знаете, на лонѣ природы жить!.. Какой у васъ тутъ воздухъ прелестный!

Конкордія Сергѣевна махнула рукою:

— Эхъ, милый Алексѣй Павловичъ, не говорите! Мы этого воздуха и не замѣчаемъ. Столько хлопотъ, суеты, — гдѣ ужъ тутъ о воздухѣ думать!

— Нѣтъ, знаете... Что̀ жъ суета? Суета вездѣ есть, безъ нея не обойдешься.

— Вотъ только для дѣтей, конечно. Для нихъ, для здоровья ихъ,—вотъ правда, много пользы отъ воздуха.

— Ну да, и для дѣтей... — Юрасовъ взглянулъ на Сергѣя. — Сергѣй Васильевичъ гдѣ теперь, въ юрьевскомъ университетѣ?

Конкордія Сергѣевна сдѣлала скорбное лицо.

— Въ юрьевскомъ, Алексѣй Павловичъ, въ юрьевскомъ... Дай Богъ, чтобъ ужъ тамъ какъ-нибудь кончилъ, объ одномъ только я Богу молю.

— Ну, кончитъ, Богъ дастъ... Молодость, знаете: кровь кипитъ, въ головѣ бродитъ!..—Юрасовъ повелъ сухими пальцами передъ лбомъ.—Этимъ огорчаться не слѣдуетъ; перебродитъ, взгляды установятся, и все будетъ хорошо. Вотъ увидите.

Прикусывая улыбку на красивыхъ губахъ, Сергѣй молча смотрѣлъ на благодушно-снисходительное лицо Юрасова съ отлогимъ лбомъ и глазами безъ блеска.

Юрасовъ продолжалъ:

— И все-таки, что̀ вы тамъ ни говорите, а я отъ души радъ за Василія Васильевича, что онъ бросилъ нашу лямку. Что̀ ему теперь? Ни отъ кого не зависитъ, самъ себѣ хозяинъ, дѣлаетъ, что̀ хочетъ.

Василій Васильевичъ юмористически поднялъ брови и крякнулъ:

— Гм... Я бы съ большимъ удовольствіемъ предоставилъ это удовольствіе вамъ... Нѣтъ, Алексѣй Павловичъ, раньше было лучше. Бывало, придетъ двадцатое число, — расписывайся у казначея и получай жалованье, ни о чемъ не думай. А теперь, — дождь, солнце, морозъ, отъ всего зависишь. А главная наша боль,—народу нѣтъ. Нѣтъ народу!

— Нѣту, нѣту!—вздохнулъ помѣщикъ Пантелѣевъ, плотный, съ маленькимъ лбомъ и жесткими стрижеными волосами. — Положительно невозможно дѣла дѣлать!

— Хоть самъ коси и паши! Всѣ бѣгутъ въ городъ; тамъ хоть за три рубля готовы жить, а тутъ и за пять не хотятъ. А ужъ который остается, такъ такая шваль, что лучше и не связывайся.

— Грубый народъ, пьяный! Воръ-народъ! — поддержалъ Пантелѣевъ.—Вы повѣрите, сейчасъ августъ мѣсяцъ, а у меня еще два скирда необмолоченныхъ стоитъ прошлогодней ржи,— ей-Богу! Нѣтъ рукъ!

Своимъ медленнымъ и спокойнымъ голосомъ заговорилъ Будиновскій:

— Я думаю, господа, вы сами въ этомъ виноваты. Хорошихъ рабочихъ всегда можно достать, если имъ хорошо платить и сносно содержать.

Пантелѣевъ почтительно и съ скрытою враждою исподлобья взглянулъ на него:

— Да, Борисъ Александровичъ, вамъ это легко говорить! Мы бы, можетъ, съ вашими капиталами тоже не жаловались. А то капиталовъ-то у насъ нѣту, а дѣтей семь человѣкъ; всѣхъ обуй-одѣнь, накорми-напои. Вы-то платите отъ излишковъ, а цѣну набиваете. А жить-то, Борисъ Александровичъ, всѣмъ надо-съ,—всѣмъ надо жить!

Горячо заспорили.

Марья Михайловна Будиновская сидѣла рядомъ съ Токаревымъ. Она вполголоса сказала ему:

— Ужасно помѣщики на насъ злобятся! Не могутъ простить, что мы платимъ рабочимъ высокую цѣну. Этотъ самый Пантелѣевъ на земскомъ собраніи такую филиппику произнесъ противъ Бориса... И вообще, я вамъ скажу, типы тутъ! Одинъ допотопнѣе другого! Вотъ Алексѣй Ивановичъ много можетъ вамъ разсказать про нихъ.—Она взглянула на сидѣвшаго рядомъ земскаго врача Голицынскаго.

Загорѣлый, съ угрюмымъ и интеллигентнымъ лицомъ, Голицынскій лѣниво спросилъ:

— Это насчетъ чего?

— Я говорю, что вамъ приходится наблюдать нашихъ дѣятелей въ довольно-таки непривлекательномъ свѣтѣ.

— А-а!..—Голицынскій помолчалъ. — Да вотъ вамъ случай съ коллегой моимъ, врачомъ сосѣдняго участка, — заговорилъ онъ неохотно, какъ будто его заставляли говорить противъ воли.—Зоветъ его въ свой пріютъ для сиротъ земскій начальникъ, гласный. У мальчика оказывается гнойный плевритъ. «Пожалуйста, будьте добры сдѣлать дезинфекцію». — «Дезинфекція не нужна, болѣзнь не заразительная».—«А я требую!» Врачъ пожалъ плечами и уѣхалъ. Земскій пишетъ въ управу бумагу: въ пріютѣ, дескать, открылась заразная болѣзнь, а земскій врачъ отказывается сдѣлать дезинфекцію. Изъ управы запросъ къ врачу,—почему?—«Потому что не было никакихъ основаній исполнять невѣжественныя требованія г. земскаго начальника». Назначается разслѣдованіе,—и результатъ: врача «для улучшенія мѣстныхъ отношеній» переводятъ въ другой участокъ.

Сергѣй съ любопытствомъ спросилъ:

— Ну, а вы что̀ же?

— То-есть что̀ же я?

— Такъ и оставили это? И всѣ врачи уѣзда не вышли въ отставку?

Марья Михайловна воскликнула:

— Ахъ, Господи, Сережа!.. Какой онъ прямолинейный! Обо всемъ судитъ со своей студенческой точки зрѣнія!.. Ну что̀ хорошаго было бы, если бы Алексѣй Ивановичъ ушелъ? Однимъ дѣльнымъ человѣкомъ стало бы у насъ меньше, больше ничего!

Докторъ, наклонившись надъ тарелкой, ворошилъ вилкою оглоданное крыло утки.

— Нѣтъ, дѣло не въ этомъ, — грубовато возразилъ онъ.— Дѣло, изволите видѣть, въ томъ, что куска хлѣба лишишься. А на другое мѣсто пойдешь, будетъ не лучше. Вотъ, — причина простая.

Марья Михайловна, прищурившись, смотрѣла вдаль, какъ будто не слышала признанія доктора. Сергѣй протянулъ:

— Да, это что̀ спорить! Просто!

— Оно, знаете, въ нашей жизни человѣкъ подлѣетъ ужасно быстро, ужа-асно!.. Совсѣмъ особенная философія нужна для нея: надѣнь наглазники, по сторонамъ не оглядывайся и иди съ лямкой по своей колеѣ. А то выскочишь изъ колеи, пойдетъ прахомъ равновѣсіе и... жить не станетъ силы. Изволите видѣть? Не станетъ силы жить!

Сергѣй изумился.

— И вы миритесь съ этой философіей!.. Кругомъ—жизнь, такая яркая, живая и интересная, а вы сознательно надѣваете наглазники и боитесь даже взглянуть на нее!

Докторъ неохотно спросилъ:

— Гдѣ она, яркая-то жизнь? Все сѣро кругомъ, душно и пусто... «Яркая»...

— Да, если такъ дрожать передъ нею и покоряться ей...

— Я не знаю, мнѣ кажется, вы совершенно не возражаете Алексѣю Ивановичу, — заговорилъ Токаревъ, обращаясь къ Сергѣю. —Мысль доктора вполнѣ ясна: въ теоріи непримиримость хороша и даже необходима, но условія жизни таковы, что человѣку волею-неволею приходится съеживаться и становиться въ узкую колею. И мнѣ кажется, это совершенно вѣрно. Какая, спрашивается, польза, чтобы вмѣсто Алексѣя Ивановича у насъ оказался врачъ, который бы лѣчилъ мужиковъ оптомъ: «Эй, у кого животы болятъ? Выходи впередъ. Вотъ вамъ касторка. У кого жаръ? Вотъ вамъ хининъ!»

Сергѣй, поднявъ брови, внимательно смотрѣлъ на Токарева.

— Это въ вашихъ устахъ звучитъ ново!.. Я думалъ, вы согласитесь съ тѣмъ, что непримиримость нужна прежде всего

именно въ жизни, что честные люди должны словомъ и дѣломъ доказывать, что подлость есть подлость, такъ же увѣренно и смѣло, какъ нечестные люди доказываютъ, что подлость есть самая благородная вещь.

Марья Михайловна, обрадованная поддержкою Токарева, возразила:

— Да, только тогда нельзя будетъ жить! И всѣ честные люди будутъ погибать.

Сергѣй усмѣхнулся:

— Будутъ погибать, вѣрно! А вотъ это-то какъ разъ для насъ ужасно непріятно!..

— Ну, Сережа, я тебя не слушаю! — Марья Михайловна засмѣялась и заткнула уши бѣлыми пальцами въ кольцахъ.

Обѣдъ кончился. Перешли въ гостиную. Одни сидѣли, другіе расхаживали по комнатѣ и разсматривали бездѣлушки въ неуклюжихъ стекляныхъ горкахъ. Подали кофе. Передъ домомъ, въ густой липовой аллеѣ, разставляли карточные столы.

Конкордія Сергѣевна сидѣла на диванѣ между женами Юрасова и Пантелѣева, размѣшивала ложечкою кофе и разсказывала:

— У Картамышевыхъ говорятъ мнѣ; «попробуйте жженаго кофею взять, у насъ особеннымъ образомъ жгутъ, всѣ покупатели одобряютъ». Взяла,—гадость ужасная! Просто, кофейная настойка, безъ всякаго вкуса. А я люблю, чтобъ у кофе былъ букетъ...

Съ террасы, потирая руки, вошелъ въ гостиную Василій Васильевичъ:

— Ну, господа, господа! Пора за дѣло! Пожалуйте, столы готовы!

Мужчины и многія дамы поднялись. Василій Васильевичъ спросилъ Токарева:

— А вы въ винтъ не играете?

— Я... мм... играю немножко...

— А-а!.. — Василій Васильевичъ съ уваженіемъ оглядѣлъ его. — Великолѣпно!.. Вотъ вамъ, значитъ, четвертый партнеръ!—обратился онъ къ Марьѣ Михайловнѣ.

Марья Михайловна просіяла и съ ласкою взглянула на Токарева.

— Какъ я рада!

Она сначала какъ будто удивилась, что онъ играетъ.

Спустились съ террасы. Столы въ аллеѣ весело зеленѣли яркимъ сукномъ. Партнерами Марьи Михайловны и Токарева были Пантелѣевъ и акцизный чиновникъ Елкинъ. Усѣлись, вытянули карты. Марьѣ Михайловнѣ вышло сдавать.

Елкинъ, живой старичокъ съ круглыми глазами, говорилъ:

— Ну, я сегодня въ выигрышѣ! Какъ съ дамами играю, всегда выигрываю.—Онъ взялъ карты.—Такъ и есть! Тузъ... другой... третій... четвертый... пятый...

Марья Михайловна засмѣялась. Елкинъ сказалъ:

— Вы что̀ смѣетесь? Давайте пари, что выиграю!

— Давайте!

Вечеръ былъ чудесный, — теплый и тихій. Солнце свѣтило сбоку въ аллею. Нижнія вѣтви липъ просвѣчивали яркою зеленью. Въ полосахъ солнечнаго свѣта золотыми точками плавали мухи. Варвара Васильевна расхаживала по аллеѣ съ женами Елкина и Пантелѣева и занимала ихъ.

Марья Михайловна въ колебаніи смотрѣла въ свои карты:

— Погодите немножко... Гм...—Она помолчала.—Ну... безъ козыря!

— Если говорятъ съ руки: «ну... безъ козыря!»—это значитъ, что всего два туза,—объяснилъ Елкинъ Токареву и рѣшительно сказалъ:—Три безъ козыря!

Марья Михайловна лукаво погрозила пальцемъ:

— Иванъ Яковлевичъ, не зарывайтесь!

— Я вамъ съ начала игры сказалъ, что у меня пять тузовъ... Владимиръ Николаевичъ, карты поближе къ орденамъ,— все вижу.

— Четыре черви!—сказалъ Токаревъ, игравшій съ Марьей Михайловной.

Елкинъ почтительно протянулъ:

— Па-асъ, па-асъ!.. Прикажете раскрыть прикупъ?

Марья Михайловна заволновалась:

— Нѣтъ, нѣтъ, подождите!.. Четыре безъ козыря! Я беру!

Она раскрыла прикупъ, задумалась. Нерѣшительно передала Токареву четыре карты и сказала:

— Ну, посмотрю, поймете ли вы.

Пантелѣевъ ворчливо замѣтилъ:

— Марья Михайловна, такъ нельзя!

— Да я... я ничего не сказала!

— А я вотъ понялъ, что̀ вы сказали!—вызывающе произнесъ Елкинъ.—На ренонсахъ хотите играть!

— Малый въ червяхъ, — объявилъ Токаревъ.

Они сыграли назначенное. Марья Михайловна забрала послѣднюю взятку и радостно заговорила:

— Вы мнѣ говорите «черви», а у меня тузъ и пять фосокъ! Я все-таки колебалась поднимать на пять червей, но думаю: вы сразу сказали четыре черви, значитъ, у васъ масть хорошая... Ну, записывайте, Владимиръ Николаевичъ!

Ея красивое лицо горѣло оживленіемъ. За сосѣднимъ столомъ царило гробовое молчаніе. Тамъ играли Василій Васильевичъ, Будиновскій, докторъ Голицынскій и ревизоръ Юрасовъ съ Анною на шеѣ. Они сидѣли молча, неподвижные и строгіе, и только изрѣдка раздавалось короткое: «пасъ!», «три черви!», «четыре трефы!». Елкинъ почтительно сказалъ:

— Вотъ играютъ! Какъ цари!

Игра шла, веселая и оживленная. Сыграли уже шесть роберовъ. Темнѣло, подали свѣчи и чай.

Токаревъ, увлеченный труднымъ разыгрываніемъ большого шлема съ Елкинымъ, случайно поднялъ глаза. За сосѣднимъ столомъ, лицомъ къ нему, сидѣлъ Василій Васильевичъ, глядя въ карты. Свѣчи освѣщали его лицо, — серьезное и строгое, съ сдвинутыми тонкими бровями... У Токарева прошло по душѣ странное чувство. Что̀ такое? Гдѣ онъ недавно видѣлъ такое же лицо? Ахъ, да!.. Совсѣмъ съ такимъ лицомъ Варвара Васильевна стояла недавно передъ рѣшеткою, въ ожиданіи, когда служитель откроетъ дверь къ бѣшеному...

По аллеѣ прошли въ глубь сада Сергѣй и поблѣднѣвшая Варвара Васильевна. Сергѣй иронически сказалъ:

— Ишь, Владимиръ-то Николаевичъ нашъ! Совсѣмъ акклиматизировался среди «большихъ»!

Токаревъ дрогнулъ и нахмурился.

«Какое скучное ребячество!»—съ тоскою подумалъ онъ.

Въ одиннадцать часовъ подали ужинать. Всѣ шумно сѣли за столъ, веселые и проголодавшіеся. Токаревъ опять сидѣлъ рядомъ съ Марьей Михайловной. Они теперь чувствовали себя совсѣмъ друзьями, шутили, смѣялись. Василій Васильевичъ разлилъ по бокаламъ донское игристое. Стали говорить шутливые тосты, чокаться. Послѣ ужина гости начали разъѣзжаться.

Марья Михайловна, въ верхней кофточкѣ цвѣта ея юбки и въ шляпкѣ, сдѣлавшей ея лицо еще красивѣе, крѣпко пожимала руку Токарева и взяла съ него слово, что онъ пріѣдетъ къ нимъ въ деревню. Подали коляску Будиновскихъ. Красивыя сѣрыя лошади, фыркая, косились на свѣтъ и звякали бубенчиками. Кучеръ въ бархатной безрукавкѣ неподвижно сидѣлъ на козлахъ.

Будиновскіе сѣли, и коляска, звеня бубенчиками, мягко покатилась въ темноту.

Токаревъ вышелъ на террасу. Было тепло и тихо, легкія облака закрывали мѣсяцъ. Изъ темнаго сада тянуло запахомъ настурцій, левкоевъ. Въ головѣ Токарева слегка шумѣло, передъ нимъ стояла Марья Михайловна,—красивая, оживленная,

съ нѣжной бѣлой шеей надъ кружевомъ изящной кофточки. И ему представилось, какъ въ этой теплой ночи катится по дорогѣ коляска Будиновскихъ. Будиновскій сидитъ, обнявъ жену за талію. Сквозь шелкъ и корсетъ ощущается теплота молодого, красиваго женскаго тѣла...

Хорошо бы такъ жить! Вотъ такая жена,—красивая, бѣлая и изящная. Лѣтомъ усадьба съ развѣсистыми липами, бѣлою скатертью на обѣденномъ столѣ и гостями, уѣзжающими въ тарантасахъ въ темноту. Зимою — уютный кабинетъ съ латаніями, мягкимъ турецкимъ диваномъ и большимъ письменнымъ столомъ. И чтобъ все это покрывалось широкимъ общественнымъ дѣломъ, чтобъ дѣло это захватывало цѣликомъ, оправдывало жизнь и не требовало слишкомъ большихъ жертвъ...

XI.

Съ утра пошелъ дождь. Низкія черныя тучи бѣжали по небу, дулъ сильный вѣтеръ. Садъ вылъ и шумѣлъ, въ воздухѣ кружились мокрые желтые листья, въ аллеяхъ стояли лужи. Глянуло непривѣтливою осенью. На ступенькахъ крыльца чернѣла грязь отъ очищаемыхъ ногъ, всѣ были въ теплой одеждѣ.

Насталъ вечеръ. Отужинали. Непогода усиливалась. Въ саду стоялъ глухой, могучій гулъ. Въ печныхъ трубахъ свистѣло. На крышѣ сарая полуоторванный желѣзный листъ звякалъ и трепался подъ вѣтромъ. Конкордія Сергѣевна, въ поношенной блузѣ и съ косынкою на рѣдкихъ волосахъ, укладывала въ спальнѣ бѣлье въ чемоданы и корзины: на-дняхъ Катя уѣзжала въ гимназію. Горничная Дашка, зѣвая и почесывая лохматую голову, подавала Конкордіи Сергѣевнѣ изъ бѣльевой корзины выглаженныя женскія рубашки, юбки и простыни.

Варвара Васильевна, Токаревъ, Сергѣй и Катя сидѣли въ столовой. Горѣла лампа. Скатерть, съ неприбранной послѣ ужина посудой, была усѣяна хлѣбными корками и крошками. Сергѣй, съ какимъ-то особеннымъ блескомъ въ глазахъ, сидѣлъ на окнѣ, засунувъ руки межъ колѣнъ, и хмуро смотрѣлъ въ уголъ.

— Ахъ, ты, гадость какая!—съ отвращеніемъ сказалъ онъ, всталъ и зашагалъ по комнатѣ. — Какъ поскудно на душѣ! Ну и компанія же была у насъ вчера!.. У-у, эти взрослые люди!..

Онъ остановился передъ столомъ.

— Взрослые, «почтенные»... Всю жизнь корпятъ, «трудятся», и даже не спросятъ себя, кому и на что нуженъ ихъ трудъ.

Важно только одно, — чтобъ «заработать» побольше, чтобъ можно было со своею семьею *жить*... А для чего жить?.. А вечеромъ съѣдутся и съ тѣмъ же важнымъ, почтеннымъ видомъ цѣлыми часами бросаютъ на столъ раскрашенныя картонки. И вѣдь всѣ ужасно уважаютъ себя, — какое сознаніе собственнаго достоинства, какая увѣренность въ своемъ правѣ на жизнь! Въ головѣ—пара дрянненькихъ идеекъ, высохшихъ, какъ залежавшійся лимонъ, и это—«установившіеся взгляды». Зачѣмъ думать, искать? Вѣдь это положительно собраніе какихъ-то животныхъ,—тупыхъ, самодовольныхъ, ни надъ чѣмъ не задумывающихся. И среди этихъ животныхъ — «люди»: докторъ, покорно преклоняющійся передъ всякою подлостью, хотя и понимаетъ, что это подлость, Будиновскій съ его великолѣпнымъ либерализмомъ... Я его себѣ иначе теперь не могу представить: жена сидитъ, читаетъ ему умную книжку, а онъ слушаетъ и... рисуетъ лошадиныя головки. Вѣдь въ этихъ лошадиныхъ головкахъ онъ весь цѣликомъ, со всею силою своихъ идеаловъ и умственныхъ запросовъ... Бррр!..

Сергѣй передернулъ плечами и медленно зашагалъ по столовой. Токаревъ стоялъ у печки и крутилъ бородку. Въ душѣ росло глухое раздраженіе. Онъ заговорилъ:

— Меня, Сергѣй Васильевичъ, удивляетъ одно. Вы преисполнены ужаснымъ презрѣніемъ къ бывшимъ у насъ вчера взрослымъ людямъ. Они не удовлетворяютъ вашему представленію о человѣкѣ—страстно ищущемъ, смѣломъ, не дрожащемъ за себя и свое благополучіе. Вы въ этомъ совершенно правы, но только... Развѣ у насъ вчера были какіе-нибудь особенные «взрослые люди», а не самые обыкновенные? Въ общемъ, взрослые люди всѣ таковы, и надъ этимъ стóитъ задуматься. Возьмите хоть такую вещь: среди вашихъ сверстниковъ вы, навѣрное, уважаете множество лицъ, среди же «взрослыхъ» людей лишь трехъ-четырехъ, и то вы ихъ уважаете условно. Вѣдь правда?

— Совершенно вѣрно.

— Ну, вотъ. У меня тоже было много сверстниковъ, заслуживавшихъ глубокаго уваженія, а теперь... теперь они уваженія не заслуживаютъ. Какая этому причина? Та, что двадцать лѣтъ есть не тридцать и не сорокъ, больше ничего. Вамъ двадцать два года. Эко чудо, что у васъ кровь кипитъ, что вамъ хочется подвиговъ, «грозы», самоотверженной дѣятельности, что вы жадно ищете знаній! Въ вашъ возрастъ все это вполнѣ естественно. Но это вовсе не даетъ вамъ права такъ презирать другихъ людей и такъ уважать себя. Вотъ останьтесь такимъ до сорока лѣтъ,—тогда уважайте себя!

Сергѣй сдержанно возразилъ:

— Мнѣ кажется, изъ вашихъ словъ вытекаетъ не этотъ выводъ. Когда я *перестану* быть «такимъ», то я и долженъ перестать уважать себя.

— Нѣтъ, не то! Я говорю, что нужно имѣть *право* предъявлять извѣстныя требованія, хотя бы и самыя законныя, а вы такого права не имѣете. Если десятилѣтній мальчикъ станетъ проповѣдывать взрослому человѣку идеи «Крейцеровой сонаты», мнѣ будетъ только смѣшно, хотя я могу вполнѣ сочувствовать его проповѣди. Какъ можетъ онъ упрекать людей, если *физіологически* не способенъ понять, что̀ такое страсть? Я буду слушать его и думать: погоди, братъ, доживи до двадцати лѣтъ, и тогда мы тебя послушаемъ. То же самое и относительно васъ: я думаю, вамъ съ вашимъ презрѣніемъ слѣдовало бы подождать лѣтъ пятнадцать-двадцать.

Сергѣй, сгорбившись, сидѣлъ на окнѣ, раскачивалъ ногами и съ любопытствомъ смотрѣлъ на Токарева. Токаревъ взволнованно говорилъ:

— Жизнь человѣка, его душа—это страшная и таинственная вещь! За маленькимъ, узкимъ сознаніемъ человѣка стоятъ смутныя, громадныя и непреоборимыя силы. Эти-то постоянно мѣняющіяся силы и формируютъ сознаніе. А человѣкъ воображаетъ, что онъ своимъ сознаніемъ формируетъ и способенъ формировать эти силы... Въ чемъ другомъ, но въ этомъ, мнѣ кажется, невозможно сомнѣваться, и съ фактомъ этимъ приходится мириться. И я лично, напротивъ, глубоко преклоняюсь передъ людьми, которыхъ вы такъ презираете: у нихъ чувство долга, по крайней мѣрѣ, хоть до извѣстной степени регулируетъ и направляетъ эти темныя силы. И тутъ нельзя говорить: «либо все, либо ничего», а нужно быть глубоко благодарнымъ просто за «что-нибудь».

Сергѣй качалъ головою и смотрѣлъ взглядомъ, отъ котораго Токареву было неловко.

— Какъ легко и уютно жить съ такою моралью, — я вамъ положительно завидую! И другихъ можно «глубоко уважать» за ломаный грошъ, да и... самому весь свой основной капиталъ можно ограничить такимъ же грошомъ.

Токаревъ рѣшительно и быстро сказалъ:

— Ну, Сергѣй Васильевичъ, на личности, я думаю, можно бы и не переходить!

— То-есть, позвольте! Вы же сами все время доказываете, что мнѣ всего двадцать лѣтъ. Въ правѣ же и я сказать, что вамъ... перевалило за тридцать! — съ усмѣшкою возразилъ Сергѣй.

— Да, мнѣ перевалило за тридцать. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Къ *себѣ* я могу и даже обязанъ предъявлять самыя высокія требованія, всю жизнь свою я могу оковать долгомъ. Но это не освобождаетъ меня отъ обязанности относиться къ другимъ терпимо и снисходительно. Я понимаю, что жить порядочнымъ человѣкомъ не такъ легко, какъ птицѣ пѣть пѣсни. Кто съ собою борется, кто старается не потерять изъ глазъ идеала, заслуживаетъ уваженія, а не презрѣнія. Я даже больше скажу: наша прямолинейная требовательность, наша ненависть къ компромиссамъ тяжелымъ проклятіемъ лежитъ на всей исторіи нашей интеллигенціи. Это—спеціально-русская черта, европейцу она совершенно непонятна. Лежитъ куча кирпичей. Европеецъ беретъ изъ нея, сколько въ силахъ поднять, и спокойно несетъ къ мѣсту постройки. Русскій слѣдитъ за нимъ съ презрительной усмѣшкой: «смотрите, какой филистеръ, — несетъ всего дюжину кирпичей!» Подходитъ русскій богатырь и взваливаетъ на плечи всю кучу. Еле идетъ, ноги подгибаются, и онъ наконецъ падаетъ, — надорвавшійся, на смерть раздавленный нечеловѣческою тяжестью. Вотъ это герой!.. Подходитъ другой, пробуетъ поднять ношу, и опять-таки, конечно, всю цѣликомъ. Но у него не хватаетъ силъ. Что дѣлать? Онъ въ отчаяніи стоитъ надъ тяжелою грудою: онъ—не работникъ, онъ—лишній человѣкъ,—и пускаетъ себѣ въ лобъ пулю. Вѣдь такое отношеніе къ дѣлу мы видимъ у насъ во всемъ. У каждаго надъ головою виситъ альтернатива: «либо герой, либо подлецъ», середины между этимъ для насъ нѣтъ.

— Ну, теперь мнѣ все совершенно ясно!.. О, да! Удобнѣе всего, конечно, помѣститься въ центрѣ вашей альтернативы. Дескать, ни герой ни подлецъ. Заполучить тепленькое мѣстечко въ надежномъ учрежденіи и дѣлать «посильное дѣло»,— ну, тамъ, жертвовать въ народную библіотеку старые журналы...—Сергѣй поднялъ на Токарева тяжелый взглядъ.—Но неужели вы, Владимиръ Николаевичъ, не замѣчаете, что вы полный банкротъ?

Варвара Васильевна въ негодованіи воскликнула:

— Сережа, это наконецъ гадко! Для чего ты постоянно сейчасъ же сворачиваешь на личности?

— Чортъ возьми, да мнѣ вовсе не интересенъ теоретическій разговоръ! Всѣ любящіе папаши говорятъ то же самое! Меня все время интересуетъ лишь самъ Владимиръ Николаевичъ, о которомъ я раньше имѣлъ совершенно другое представленіе

Токаревъ сдержанно сказалъ:

— Ну, знаете, въ такомъ случаѣ мы лучше прекратимъ разговоръ.—И онъ молча заходилъ по комнатѣ.

Варвара Васильевна, потемнѣвъ, смотрѣла на Сергѣя и старалась остановить его взглядомъ. Сергѣй спокойно заговорилъ, какъ будто ничего не произошло:

— Разныя бываютъ историческія эпохи. Бываютъ времена, когда дѣла улитокъ и муравьевъ не могутъ быть оправданы ничѣмъ. Что̀ подѣлаешь? Такъ складывается жизнь: либо безбоязненность полная, либо—банкротъ, и иди на смарку.

Токаревъ, напѣвая подъ носъ, ходилъ по комнатѣ. Онъ показывалъ, что не слушаетъ Сергѣя и считаетъ разговоръ конченнымъ. Остальные тоже молчали и съ осужденіемъ глядѣли на Сергѣя. Сергѣй зѣвнулъ, заложилъ руки за голову и потянулся.

Катя сказала:

— Сережа, осторожнѣе! Продавишь локтемъ стекло.

Сергѣй помолчалъ. Глаза заблестѣли странно и весело. Онъ высоко поднялъ брови, и лицо отъ этого стало совсѣмъ дѣтскимъ:

— А что̀, вышибу я сейчасъ стекло или нѣтъ?

— Ну, братъ, пожалуйста! Чего добраго, ты и вправду вышибешь!—сказала Варвара Васильевна.

Сергѣй, все такъ же поднявъ брови, съ выжидающею усмѣшкою глядѣлъ на Варвару Васильевну—и вдругъ быстро двинулъ локтемъ. Осколки стекла со звономъ посыпались за окно. Сырой вѣтеръ бѣшено ворвался въ комнату. Пламя лампы мигнуло и длиннымъ, коптящимъ языкомъ забилось въ стеклѣ.

— Господи, Сережа, вѣдь это же невозможно! — Варвара Васильевна поспѣшно схватила лампу и отодвинула въ уголъ.

Токаревъ остановился, съ недоумѣніемъ оглядѣлъ Сергѣя и, пожавъ плечами, снова заходилъ по комнатѣ. Сергѣй съ сконфуженною улыбкою почесалъ въ затылкѣ.

— Чортъ знаетъ что̀ такое! Для чего я это сдѣлалъ?.. Ну, ничего, Варварка, не огорчайся! Мы сейчасъ все это дѣло поправимъ!

Онъ быстро выбросилъ въ садъ осколки стекла, взялъ съ дивана порыжѣлую кожаную подушку и заставилъ окно.

— Видишь, еще лучше: все-таки хоть немножко вентиляція будетъ происходить!

Вошла Конкордія Сергѣевна и недовольно спросила:

— Что̀ это у васъ тутъ за война?

— Войны, мама, никакой не было. Это я хотѣлъ испытать, крѣпки ли у насъ стекла въ окнахъ. Оказывается, никуда не годятся, представь себѣ!

— Окошко разбилъ? Господи ты мой Боже! Ну что̀ это!— Конкордія Сергѣевна, ворча, подошла къ разбитому окну.— Словно мальчикъ какой маленькій! Разыгрался!

Сергѣй обнялъ ее.

— Ничего, мама, завтра покрѣпче стекло вставимъ... А что̀, дашь ты намъ попробовать пастилы, которую сегодня варила?

— Ишь, увивается!—засмѣялась Катя.

Конкордія Сергѣевна съ сердитою улыбкою отвѣтила:

— Не будетъ тебѣ пастилы, не сто̀ишь!.. Вы, дѣтки, ступайте изъ столовой; вонъ какъ въ окно дуетъ, еще простудитесь!.. И какъ это такъ можно? Вѣдь стекло денегъ сто̀итъ! Не маленькій, могъ бы понять. Тридцать-сорокъ копеекъ надо отдать... Пастила еще не остыла, на холодъ поставлена.

Она ушла. Сергѣй молча постоялъ и тоже вышелъ. Токаревъ пожалъ плечами.

— Что̀ за странный человѣкъ!

Катя съ безпокойствомъ взглянула на Варвару Васильевну и грустно сказала:

— Ему что-то сегодня не по себѣ. Я боюсь,—что̀ если съ нимъ сегодня опять что-нибудь случится?

— Ужасно онъ нервный!.. Какъ бы вправду чего не случилось съ нимъ! А тутъ еще вѣтеръ такъ фантастически гудитъ...

XII.

Сергѣй вышелъ изъ столовой и медленно прошелъ черезъ большую, темную залу въ гостиную. Въ ней тоже было темно. Онъ постоялъ, подошелъ къ столу и сѣлъ въ неудобное старинное кресло съ выгнутою спинкою.

Съ самаго утра имъ сегодня владѣла тупая, мутная тоска. Была противна погода, были противны вчерашніе гости. Всего же противнѣе было то, что онъ не можетъ стряхнуть съ себя этой тоски. Раздражительная и злобная, она росла, вздымалась и охватывала, словно душныя испаренія. Съ отвращеніемъ онъ наблюдалъ, какъ въ душѣ шевелилась и дрожала темная, нервная муть, надъ которою онъ былъ невластенъ. Токаревъ сейчасъ тоже говорилъ о «смутныхъ, неподвластныхъ человѣку силахъ, которыя формируютъ сознаніе»... О, этотъ человѣкъ съ отрастающимъ животикомъ и начинающеюся лысиною,—онъ все сумѣетъ повернуть на оправданіе своей заплывающей жиромъ души... И Сергѣй гадливо морщился, что у него можетъ быть хоть что-нибудь общее съ этимъ человѣкомъ.

Въ большой, высокой гостиной было темно. Только свѣтлѣли огромныя окна. Вѣтеръ гудѣлъ не переставая, тучи быстро бѣжали надъ садомъ. Черныя вершины деревьевъ би-

лись и метались подъ вѣтромъ. Стеклянная дверь террасы звякнула, ей въ отвѣтъ слабо, болѣзненно зазвенѣла струна въ роялѣ.

Сергѣй вздрогнулъ и оглянулся. Онъ услышалъ этотъ немолчный, глухой гулъ вѣтра. Гулъ былъ тамъ, снаружи, а кругомъ притаилась тишина. Только стѣнные часы въ залѣ какъ-то особенно громко тикали. Но въ этой тишинѣ все какъ будто жило и таинственно двигалось,.. Опять звякнуло стекло, что-то невидимое со вздохомъ пронеслось въ темнотѣ черезъ комнату и исчезло за шкапомъ. Дверь въ залу слабо скрипнула и зашевелилась. За окномъ, на фонѣ блѣднаго ночного неба, какъ живая, испуганно билась вѣтка. Стало жутко. Сергѣй всталъ и вышелъ изъ гостиной, боясь оглянуться.

Въ столовой еще горѣлъ огонь. У стола, тихо разговаривая, сидѣли Токаревъ и Варвара Васильевна. Сергѣй прошелъ по коридору въ комнату матери. Конкордія Сергѣевна рѣзала на блюдѣ свѣже-сваренную яблочную пастилу и укладывала ее въ банки. У окна, заставленнаго бутылями съ наливкою и ягоднымъ уксусомъ, стояла Катя.

Конкордія Сергѣевна сказала:

— Ну вотъ, теперь вамъ всѣмъ до самыхъ святокъ припасовъ хватитъ!.. Посмотри, Сереженька, какая пастила, — какъ янтарь! Попробуй-ка!

Сергѣй молча взялъ кусокъ и съѣлъ. Чтобъ что-нибудь сказать, онъ спросилъ:

— А ветчину дашь?

— Какъ же! Сегодня утромъ четыре окорока отослала коптить въ городъ... Ну, слава Богу, все уложила!

Она стала увязывать банки. Катя съ робкимъ безпокойствомъ украдкою слѣдила за Сергѣемъ. Конкордія Сергѣевна говорила:

— Какъ вѣтеръ-то гудитъ!.. А рамы всѣ въ щеляхъ, ни одна плотно не закрывается. На стеклахъ всю замазку галки оклевали... Да! Вотъ еще что̀, дѣтки: колбасы я вамъ положу двухъ сортовъ, — польскія и просто жареныя. Жареныя вы ѣшьте раньше, онѣ скоро портятся. Ихъ можно ѣсть холодными, но если разогрѣть, то, конечно, будетъ вкуснѣе. Ѣшьте съ горчицей, это будетъ здоровѣе для желудка.

Сергѣй, съ неподвижными глазами, постоялъ еще немного и молча вышелъ. Катя спросила:

— Сережа, ты куда идешь?

— Наверхъ къ себѣ.

— Можно съ тобой?

Сергѣй замѣтилъ ея любящій, полный безпокойства взглядъ и рѣзко сказалъ:

— Что тебѣ тамъ надо?

Катя замолчала.

Сергѣй вышелъ изъ комнаты, прошелъ темный коридоръ, переднюю, и по узкой, высокой лѣстницѣ поднялся въ мезонинъ.

Наверху было темно. Но въ этой темнотѣ такъ же, какъ въ гостиной, все жило и двигалось. Вѣтеръ въ саду гудѣлъ глухо и непрерывно, то усиливаясь, то ослабѣвая. На дворѣ отрывисто лаяла собака, словно прислушивалась къ собственному лаю, и заканчивала протяжнымъ воемъ. Полуоторванный желѣзный листъ звякалъ на крышѣ сарая. Сергѣй остановился посреди комнаты. Онъ медленно дышалъ и пристально вглядывался въ темноту.

Снаружи что-то невидимое зашуршало по стѣнѣ и быстро пронеслось передъ окнами. Въ углу у окна раздалось слабое, жалобное гудѣніе. Это гудѣніе постепенно становилось все громче. Снова что-то съ шумомъ пронеслось за окнами, вѣтеръ яростно налетѣлъ изъ сада на домъ. Стѣна затрещала. А въ углу ныло все сильнѣе, отчаяннѣе. Теперь тамъ ясно слышались живые, какъ будто человѣческіе стоны. Сергѣй осторожно вглядывался въ уголъ и вдругъ замѣтилъ, что въ правомъ окнѣ створки какъ-то странно стучатъ, — слабо, порывисто и неправильно. Какъ будто кто-то подлетѣлъ снаружи и старался ткрыть окно, нетерпѣливо ерзая по переплету. Сергѣй широко открытыми глазами вглядывался въ окно, — и вдругъ, вздрогнувъ, отскочилъ назадъ: въ щелку рамы раздался злобный, шипящій свистъ...

Задыхаясь, Сергѣй успокаивалъ себя:

— Это вѣтеръ!

А снаружи бѣшено выло и свистало, стѣна колебалась... И вдругъ, сразу, все оборвалось и замолчало. Только далеко гудѣлъ садъ, — глухо, утомленно.

Стало тихо. Смутный ужасъ все сильнѣе охватывалъ Сергѣя. Средь мертвой тишины сзади, въ темномъ углу, кто-то невидимый спокойно сплюнулъ. Сергѣй быстро обернулся: это капнула на полъ капля изъ рукомойника, подъ который забыли подставить тазъ. Опять что-то легкое пронеслось за окнами, и опять слабо, чуть слышно заныло въ углу. Гулъ сада росъ, усиливался, становился ближе. Какъ будто могучая сила неслась изъ сада на домъ. Со всѣхъ сторонъ поплыли странные, неясные звуки, и Сергѣй ужъ не успѣвалъ ихъ объяснять. Окружающее принимало необычный, сверхъестественный характеръ. У окна слабо шевелилось что-то сѣрое, волнующееся. Сзади кто-то тяжело дышалъ. Въ темнотѣ быстро проносились синеватыя искры.

Тѣснило грудь, не хватало дыханія. Ужасъ — безумный, неразсуждающій и тянущій къ себѣ—оковалъ Сергѣя. И казалось ему, — стоитъ шевельнуться, и случится что-то неслыханое, и онъ, потерявъ разумъ, полетитъ въ темную, крутящуюся бездну.

XIII.

Токаревъ и Варвара Васильевна сидѣли вдвоемъ въ столовой. Лампа освѣщала скатерть и неприбранныя тарелки съ объѣдками. Въ саду бушевалъ вѣтеръ. Въ разбитое окно, заставленное подушкою, дуло сырымъ холодомъ. Варвара Васильевна говорила:

— Вы сказали тогда, что за маленькою душою человѣка стоятъ смутныя и громадныя силы, которыя дѣлаютъ съ нами, что̀ хотятъ. Это такъ страшно и, кажется... такая правда!

Она помолчала и, пересиливая себя, заговорила опять:

— Я ужъ нѣсколько лѣтъ замѣчаю это на самой себѣ. Что̀ такое дѣлается? Во мнѣ все словно сохнетъ, какъ сохнетъ вѣтка дерева. Ея форма, весь наружный видъ, — все какъ будто остается прежнимъ, но въ ней нѣтъ гибкости, нѣтъ жизни, она мертва до самой сердцевины. Вотъ такъ и со мною. Какъ будто ничего не измѣнилось. Взгляды, цѣли, стремленія—все прежнее, но отъ нихъ все больше отлетаетъ духъ...

Токаревъ медленно расхаживалъ по комнатѣ и съ удивленіемъ слушалъ. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ Варвара Васильевна переживала что-нибудь подобное. Отъ ея признаній ему становилось легко и радостно, и Варвара Васильевна дѣлалась ближе.

— И что̀ дѣлать, чтобъ удержать прежнее? Я бы ни передъ чѣмъ не остановилась. Но оно прошло, и его не воротишь. Нѣтъ желанія отдать себя всю, цѣликомъ, хотя вовсе собою не дорожишь. Нѣтъ ничего, что̀ дѣйствительно, серьезно бы захватывало, во что готова бы вложить всю душу. Я знаю, въ этомъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, счастье и жизнь, но только во мнѣ этого нѣтъ, и я... я не люблю людей, и ничего не люблю!—Она со страхомъ взглянула на Токарева.

Токаревъ, широко раскрывъ глаза, молча ходилъ. Онъ ждалъ, чтобъ Варвара Васильевна продолжала,—такъ странно было слышать отъ нея это признаніе. Но, опустивъ голову, она молчала.

Токаревъ остановился передъ нею и медленно заговорилъ:

— Вы не любите людей... Я не знаю, кто же тогда можетъ сказать, что любитъ? Мнѣ кажется, вы предъявляете къ себѣ ужъ слишкомъ преувеличенныя требованія. Вы хотите каждаго, перваго встрѣчнаго человѣка любить горячо, такъ сказать, «конкретно», какъ близкаго,—это прямо невозможно. Возьмите такой случай. Я иду ночью по глухой улицѣ и слышу крики: «караулъ!». Если я знаю, что это кричитъ, положимъ, любимая мною дѣвушка, я все забуду и брошусь на помощь. Если же это такъ, неизвѣстно, кто кричитъ, то пойду я очень неохотно, можетъ-быть, даже постараюсь пройти въ сторонкѣ незамѣченнымъ...

Варвара Васильевна удивленно взглянула на Токарева. Онъ какъ будто не замѣтилъ ея удивленія и постарался осторожно сгладить впечатлѣніе отъ своего признанія.

— Допустимъ для ясности, что я даже на это способенъ,— допустимъ, что я прошелъ бы мимо. Все-таки это еще ничего не доказываетъ; на страданія чужого человѣка невозможно отзываться такъ же горячо, какъ на страданія близкаго. Но значитъ ли это, что я не люблю людей? Мнѣ дорого все хорошее, я горячо радуюсь тому, что̀ приноситъ людямъ пользу и счастье, негодую на то, что̀ ихъ давитъ и дѣлаетъ несчастными; при устройствѣ моей личной судьбы я руководствуюсь не собственными выгодами, а тѣмъ, чтобъ мое дѣло было по возможности полезно для людей. Развѣ бы все это было возможно, если бы мнѣ до другихъ не было дѣла?

Варвара Васильевна молчала. Токаревъ прошелся по комнатѣ.

— И главное, — вамъ, *вамъ* обвинять себя въ равнодушіи къ людямъ!.. Эхъ, Варвара Васильевна! Ну, отвѣтьте по совѣсти: если бы нужно было умереть за какое-нибудь хорошее дѣло, — вы-то не пошли бы? Да я голову даю на отсѣченіе, что оказались бы въ первыхъ рядахъ.

Съ блѣдною улыбкою Варвара Васильевна отвѣтила:

— Нѣтъ, я пошла бы... Именно потому, что требовалось бы *умереть*.

Токаревъ опустилъ голову. Жуткое прошло у него по душѣ,—жуткое и отъ смысла ея словъ и что она въ этомъ признавалась. Онъ почувствовалъ, что дальше въ ихъ разговорѣ не будетъ лжи, что и онъ будетъ говорить всю правду, какова бы она ни была. Вѣтеръ бѣшенымъ порывомъ налетѣлъ изъ сада и зазвенѣлъ въ стеклахъ оконъ.

Токаревъ съ усиліемъ сказалъ:

— А что такая холодная любовь, о которой я говорю, не можетъ наполнить жизни,—это, конечно, вѣрно. Говоря правду,

со мною происходитъ то же, что съ вами, только еще въ большей мѣрѣ. Вы вотъ сейчасъ, кажется, удивились, когда я сказалъ, что, слыша крики о помощи, я, можетъ-быть, прошелъ бы мимо. А я чувствую себя даже на это способнымъ. Помните, вы тогда въ больницѣ пошли ночью напоить бѣшенаго мужика? Я неправду сказалъ, что не зналъ, гожусь ли я вамъ въ помощники,—я просто боялся пойти...

Варвара Васильевна смущенно и растерянно подняла глаза и сочувственно закивала головою, какъ бы боясь, чтобъ Токаревъ не подумалъ, что она осуждаетъ его. Радуясь возможности говорить все, не встрѣчая осужденія, онъ продолжалъ:

— Мнѣ вообще тяжело и заглядывать въ себя. Я вижу, во мнѣ исчезаетъ что-то, исчезаетъ страшно нужное, безъ чего нельзя жить. Гаснетъ непосредственное чувство, и его не замѣнить ничѣмъ. Я начинаю все равнодушнѣе относиться къ природѣ. Между людьми и мною все выше растетъ глухая стѣна. Хочется жить для одного себя... Я вотъ теперь много думаю и читаю по этикѣ, стараюсь философски обосновать мораль, конструирую себѣ разныя «категоріи долга». Но въ душѣ я горько смѣюсь надъ собою: почему раньше мнѣ ничего такого не было нужно? Замѣтили ли вы, что вообще у людей дѣйствующихъ мораль поразительно скудна и убога? А вотъ, когда человѣкъ остываетъ, тутъ-то и начинаются у него настойчивыя мысли о морали, о долгѣ. И чѣмъ больше онъ остываетъ, тѣмъ возвышеннѣе становится его мораль и ея обосновка. Долгъ, долгъ!.. Всегда, когда я говорю или думаю о немъ, у меня въ глубинѣ души начинаетъ безпокойно копошиться стыдъ. Какъ будто я собираюсь начать игру съ фальшивою колодою картъ. Долгъ тащитъ человѣка туда, куда онъ не хочетъ итти самъ. Но человѣкъ куда хитрѣе стоящаго надъ нимъ долга и въ концѣ концовъ заставляетъ его тащить себя какъ разъ туда, куда ему хочется. Пройдетъ десять лѣтъ,—я буду видѣть долгъ въ томъ, чтобъ не ссориться съ женою, чтобъ пожертвовать десять рублей на народную библіотеку, или отказаться отъ третьяго блюда въ пользу голодающихъ. Пройдетъ еще десять лѣтъ, начнетъ старѣть тѣло, — и я создамъ себѣ долгъ изъ того, чтобъ отказаться отъ табаку, отъ вина, стать вегетаріанцемъ... И вѣдь ужасно то,—я знаю, это такъ и будетъ! И я буду искренно уважать себя за то, что по мѣрѣ силъ исполняю возложенный на себя долгъ.

Варвара Васильевна, сдвинувъ брови, задумчиво собирала ножомъ хлѣбныя крошки. Токаревъ тихо говорилъ:

— Я изъ всего этого не вижу никакого выхода. Умерло

непосредственное чувство,—умерло все. Его нельзя замѣнить никакимъ божествомъ, никакими философскими категоріями и нормами, никакимъ «я понялъ». Разъ же это такъ, то, конечно, вы въ сущности правы: для чего оставаться жить? Не для того же, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ бичевать себя и множить число «лишнихъ людей»...

— Да. И хорошо тѣмъ, о комъ некому печалиться.

Они становились все ближе другъ къ другу. Съ отдающимся довѣріемъ сообщницы Варвара Васильевна взглянула на Токарева и сказала:

— И удивительная у меня организація! Никакая болѣзнь ко мнѣ не пристаетъ. Какъ-то разъ на вскрытіи Алексѣй Михайловичъ, докторъ нашъ, говоритъ мнѣ: «Осторожнѣе вскрывайте трупъ, больной умеръ отъ гнилокровія». А я порѣзалась...—Она показала большой красный рубецъ на лѣвой ладони.—И хоть бы что! Черезъ двѣ недѣли все зажило. Другой разъ смазывала я зѣвъ дифтеритному ребенку; дифтеритъ былъ очень тяжелый, гангренозный; ребенокъ закашлялся и брызнулъ мнѣ слюною въ глаза; на этотъ разъ, конечно, все вышло нечаянно. Я сейчасъ же не успѣла промыть глазъ,— и все-таки ничего!

Высоко поднявъ брови, Токаревъ неподвижно глядѣлъ на Варвару Васильевну. «*На этотъ разъ, конечно, нечаянно*»... Значитъ, въ первый разъ было *не* нечаянно?.. Такъ вотъ на что способна она, всегда такая ровная и веселая! Стало страшно отъ мыслей, которыя онъ только-что высказывалъ съ такимъ легкимъ сердцемъ. Сидѣвшая передъ нимъ дѣвушка вдругъ стала ему чуждой, чуждой...

Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Потомъ остановился передъ Варварой Васильевной и измѣнившимся голосомъ заговорилъ:

— Все-таки мнѣ кажется, что *вы* меньше всѣхъ другихъ имѣете право такъ поступать. Вамъ жить тяжело, это я теперь вижу. Но я слышалъ, какъ восторженно отзываются объ васъ всѣ, съ кѣмъ вы сталкиваетесь, вижу, какимъ свѣтлымъ лучомъ вы вездѣ являетесь... Какое вы имѣете право уходить изъ жизни только потому, что вамъ самой тяжело? Неужели это не самый грубый эгоизмъ?

Варвара Васильевна пугливо взглянула на него и опустила глаза, жалѣя, что проговорилась. А онъ смотрѣлъ на ея красивый, благородный лобъ, на мягкіе и густые русые волосы,— и рыданья забились въ груди.

Въ столовую вошла Катя.

— Варя, пойдемъ спать! Ужъ первый часъ.

Варвара Васильевна быстро встала.

— Вѣрно, пора! Пойдемъ!

— Какъ этотъ вѣтеръ непріятно дѣйствуетъ на нервы!— Катя нервно повела плечами.—Мнѣ просто жутко итти спать одной. Послушайте-ка, какъ гудитъ!

Непрерывный гулъ стоялъ надъ садомъ,—странный, зловѣщій и сухой, какъ только осенью деревья шумятъ. Вѣтеръ порывами проносился за темными окнами, стволы липъ скрипѣли; въ печной трубѣ слышался шорохъ.

Вдругъ наверху, надъ потолкомъ, раздался глухой стукъ, какъ отъ паденія человѣческаго тѣла. Потомъ застучали ноги объ полъ, и упало еще что-то тяжелое.

Катя быстро подняла голову и нервно вскрикнула:

— Что̀ это тамъ?!

Опять что-то глухо стукнуло надъ потолкомъ, и послышались странные звуки, — не то смѣхъ, не то плачъ. Вѣтеръ сильнѣе завылъ за окномъ. Катя вдругъ разрыдалась.

— Варя, голубушка, это что-то съ Сережей наверху! Онъ съ утра былъ странный... Скорѣе, пойдемте!.. Господи, что̀ съ нимъ такое?!.

Варвара Васильевна вздрогнула.

— Да ну, Катя, что̀ это?.. Что̀ съ нимъ можетъ случиться!

Катя заливалась слезами и твердила:

— Нѣтъ, нѣтъ, пойдемте скорѣе!.. Владимиръ Николаевичъ, подите, посмотрите, что̀ съ нимъ такое!..

Всѣ вышли въ переднюю.

XIV.

Токаревъ и Варвара Васильевна стали подниматься по крутой, скрипучей лѣстницѣ. Было темно. Токаревъ зажегъ спичку. Вдругъ дверь наверху быстро распахнулась, и на порогѣ появилась бѣлая фигура Сергѣя въ нижнемъ бѣльѣ. Волосы были всклочены, глаза горѣли дикимъ, безумнымъ ужасомъ.

— О-о-о-о-о-о-о!!.—кричалъ онъ непрерывнымъ, рыдающимъ воемъ.—Что̀ тебѣ тутъ нужно? Во-онъ!! Черти!..

Варвара Васильевна громко сказала:

— Сережа, что̀ съ тобою? Стыдись!

Сергѣй, согнувшись, держался руками за косякъ двери, глядѣлъ пристальнымъ, безумнымъ взглядомъ въ глаза Токареву и безсмысленно выл.

— Да ну, успокойтесь же, Сергѣй Васильевичъ! Что̀ это въ самомъ дѣлѣ! Какъ вамъ не стыдно?—Токаревъ шагнулъ впередъ.

Сергѣй вздрогнулъ, какъ будто наступилъ на змѣю.

— Вонъ!!!—завопилъ онъ и судорожно затопалъ ногами.

Спичка погасла въ рукахъ Токарева

— Сереженька!—услышалъ онъ за собою робкій, плачущій голосъ Конкордіи Сергѣевны.—Охъ, Владиміръ Николаевичъ, голубчикъ мой, что это съ нимъ?

Дверь наверху захлопнулась.

— Помогите мнѣ взойти!.. Охъ!.. Не видно ничего, темно!.. Что это съ нимъ такое?.. Варенька, ты это? Что съ нимъ?

Конкордія Сергѣевна поднималась по лѣстницѣ, оступаясь въ темнотѣ. У Токарева спичекъ въ коробкѣ больше не было. Варвара Васильевна сказала:

— Принесите скорѣе свѣчку!

Токаревъ поспѣшно спустился внизъ. Въ передней горѣла лампа. Катя, схватившись за голову и склонясь надъ столомъ, истерически рыдала.

— Ну, что Сережа?

— Добудьте скорѣе свѣчку!—Токаревъ былъ блѣденъ, нижняя челюсть его дрожала.

— Да вотъ, возьмите лампу, она здѣсь не нужна.

— Лампу страшно: вышибетъ изъ рукъ,—еще пожару надѣлаетъ.

Катя побѣжала за свѣчой. Токаревъ остановился у стола. Вѣтеръ вылъ на дворѣ. Въ черномъ окнѣ отражался свѣтъ лампы. На газетномъ листѣ желтѣлъ сушившійся хмель. Прусакъ пробѣжалъ по столу, достигъ газетнаго листа, — задумчиво пошевелилъ усиками и побѣжалъ вдоль листа къ стѣнѣ.

Катя принесла свѣчу. Токаревъ поднялся наверхъ. Сергѣй лежалъ на кровати, закутавшись въ одѣяло и повернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Надъ нимъ склонилась Конкордія Сергѣевна, плакала и утирала глаза платкомъ.

— Сереженька, родной мой! Скажи мнѣ, что съ тобою?

Сергѣй, не поворачивая головы, отрывисто отвѣтилъ обычнымъ своимъ голосомъ:

— Да пустяки, ничего не было!

— Варенька, милая, дай ему какихъ-нибудь успокоительныхъ капель!.. Это ты себѣ нервы разстроилъ. Говорила я тебѣ: не занимайся такъ много. Сидишь по ночамъ, вотъ и досидѣлся...

Конкордія Сергѣевна, всхлипывая, подошла къ заваленному книгами столу. Варвара Васильевна шепнула:

— Сережа, выпей чего-нибудь, чтобъ успокоить маму. Я тебѣ принесу.

Сергѣй молча кивнулъ головою. Варвара Васильевна пошла внизъ.

— Вонъ сколько книгъ... Господи! Да вѣдь это совсѣмъ голову себѣ испортишь! Ну, почиталъ немножко, — и довольно, отдохни. А то вѣдь день и ночь, все книги и книги...

Сергѣй, не шевелясь, лежалъ на постели. Вошла Варвара Васильевна съ растворомъ бромистаго калія. Она весело сказала:

— Ну, вотъ тебѣ и успокоительныя капли!.. Сережа, пей!

— Ты бы еще, Сереженька, ледъ себѣ на голову положилъ, — говорила Конкордія Сергѣевна. — Я сейчасъ велю Дашкѣ наколоть.

Токаревъ разсмѣялся.

— Да полноте, Конкордія Сергѣевна! Какой тамъ ледъ! Оставьте его спать!

— Ну, спи, голубчикъ! Господь съ тобою!

Она неувѣренно подошла къ Сергѣю, перекрестила его и поцѣловала. Сергѣй поморщился и закутался въ одѣяло.

Конкордія Сергѣевна и Варвара Васильевна ушли. Токаревъ перешелъ со свѣчою во вторую, свою комнату. Онъ почувствовалъ себя одинокимъ, стало немного страшно. Взялъ книгу и сѣлъ къ столу такъ, чтобъ дверь въ сосѣднюю комнату была на глазахъ.

Онъ скользилъ взглядомъ по строкамъ, но ничего не понималъ. Сергѣй въ сосѣдней комнатѣ заворочался на постели.

— Однакоже и дозу закатила мнѣ Варька!.. Что̀ это, бромъ?

— Да. Ничего, что много. Лучше подѣйствуетъ.

Стало не такъ страшно.

— Соленый какой! Теперь, я знаю, на нѣсколько дней раскиснешь. Помню, разъ пришлось принять, — три дня послѣ этого голова какъ будто тряпками была набита... — Сергѣй помолчалъ и сконфуженно усмѣхнулся.—Чортъ знаетъ, что̀ я такое выкинулъ!

Токаревъ вошелъ въ его комнату.

— Какъ вы себя теперь чувствуете?

— Ничего, — неохотно отвѣтилъ Сергѣй и замолчалъ. — А хорошо, что вы тогда на лѣстницѣ еще одного шагу не сдѣлали. Я бы васъ, ей-Богу, задушилъ!

— Ну ужъ, задушили бы! — улыбнулся Токаревъ и почувствовалъ, что блѣднѣетъ.

Въ глазахъ Сергѣя мелькнулъ насмѣшливый огонекъ, и Токаревъ замѣтилъ это.

Внизу, на лѣстницѣ, раздался шорохъ и тихій скрипъ ступеней. Сергѣй вздрогнулъ и быстро поднялся на постели.

— Что̀ тамъ еще такое?! — Глаза его снова странно загорѣлись.

Очевидно, Конкордія Сергѣевна или Катя подслушивали,

что̀ дѣлается съ Сергѣемъ. Токаревъ взялъ свѣчу и пошелъ, чтобъ попросить ихъ уйти. Но только онъ ступилъ на лѣстницу, какъ Сергѣй неслышно вскочилъ съ постели и скользнулъ въ комнату Токарева. Токаревъ повернулъ назадъ. На порогѣ онъ столкнулся со спѣшившимъ обратно Сергѣемъ. Взгляды ихъ встрѣтились. Сергѣй быстро отвернулъ лицо и снова легъ въ постель. Съ сильно бьющимся сердцемъ Токаревъ вошелъ въ свою комнату и подозрительно оглядѣлся. Что̀ тутъ нужно было Сергѣю? Что̀ онъ взялъ?

Стало безмѣрно страшно. Захотѣлось убѣжать, спрятаться куда-нибудь. Онъ сѣлъ къ столу и не спускалъ глазъ съ чернаго четыреугольника двери. Въ сосѣдней комнатѣ было тихо. За окномъ гудѣлъ садъ, рамы стучали отъ вѣтра... Сергѣй, можетъ-быть, взялъ здѣсь ножъ. Все это, Богъ вѣсть, чѣмъ можетъ кончиться! Хорошо еще, что бромъ онъ принялъ: бромъ—сильное успокаивающее. Черезъ полчаса ужъ не будетъ никакой опасности.

Сергѣй заворочался на постели, деревянная кровать подъ нимъ заскрипѣла. Токаревъ насторожился. Снова все стихло. Токаревъ курилъ и думалъ, — какъ ему поступить, если Сергѣй бросится на него: покорно ли, съ кроткою улыбкою, отдаться въ его руки, или грозно крикнуть на него, обуздать его силою психическаго вліянія?

Часы шли. Токаревъ непрерывно курилъ. Иногда ему казалось, что Сергѣй заснулъ: изъ сосѣдней комнаты доносилось мѣрное, спокойное дыханіе. Но вскорѣ Сергѣй опять начиналъ ворочаться, и кровать подъ нимъ скрипѣла. Токарева сильно клонило ко сну. Голова опустилась, мысли стали мѣшаться. Вдругъ онъ вздрогнулъ и быстро поднялъ голову: онъ ясно какъ будто почувствовалъ на себѣ чей-то пристальный взглядъ... Кругомъ все было попрежнему. Изъ сосѣдней комнаты доносилось храпѣніе Сергѣя. На дворѣ свѣтало.

Токаревъ облегченно вздохнулъ и поднялся. Въ комнатѣ было сильно накурено. Онъ осторожно открылъ окно на дворъ. Вѣтеръ утихъ, по блѣдному небу плыли разорванныя, темныя облака. Дворъ былъ мокрый, черный, съ крышъ капало, и было очень тихо. По тропинкѣ къ людской неслышно и медленно прошла черная фигура скотницы. Подулъ вѣтерокъ, охватилъ тѣло сырымъ холодомъ. Токаревъ тихонько закрылъ окно и легъ спать.

XV.

Утромъ Сергѣй, какъ ни въ чемъ не бывало, засѣлъ за книги. За завтракомъ онъ былъ молчаливъ и сконфуженно смотрѣлъ въ тарелку. На него внимательно поглядывали украдкою, но никто не говорилъ о случившемся.

Токаревъ послѣ всего вчерашняго чувствовалъ себя, какъ въ похмельѣ. Что это произошло? И разговоры Сергѣя, и признанія Варвары Васильевны, и припадокъ Сергѣя,—все сплошь представлялось невѣроятно-дикимъ и больнымъ кошмаромъ. И собственныя его откровенности съ Варварой Васильевной,—онъ какъ будто высказалъ ихъ въ какомъ-то опьянѣніи, и было стыдно. Что могло его такъ опьянить? Неожиданная откровенность Варвары Васильевны? Этотъ странный гулъ сада, который напрягалъ нервы и располагалъ къ чему-то необычному, особенному?

Между нимъ и Варварой Васильевной легло что-то, и они не смотрѣли другъ другу въ глаза. Вечеромъ, передъ ужиномъ, Токаревъ пошелъ къ себѣ наверхъ за папиросами. Онъ поднимался по скрипучей лѣстницѣ. Сквозь маленькое оконце падалъ лунный свѣтъ на крутыя, пыльныя ступеньки.

И вдругъ вспомнилось, какъ вчера быстро распахнулась наверху дверь, какъ на порогѣ съ дикимъ воплемъ заметалась страшная фигура Сергѣя. Вспомнился его горящій ужасомъ взглядъ, судорожный топотъ... Сердце непріятно ежалось, и, стараясь не вспоминать о вчерашнемъ, Токаревъ взошелъ наверхъ.

Но, разъ вспомнивъ, онъ уже не могъ отогнать воспоминаній. Смутный, неясный страхъ вился вокругъ и незамѣтно охватывалъ его. Все окружающее становилось необычнымъ. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окна, мертвенный свѣтъ двумя косыми четыреугольниками ложился на полъ. Въ полумракѣ комнаты пряталась странная, пристальная тишина. Токаревъ неподвижно остановился посреди комнаты. Онъ чувствовалъ: раздайся сейчасъ неожиданно громкій крикъ или стукъ,—и съ нимъ произойдетъ то же, что вчера было съ Сергѣемъ. Онъ такъ же затопаетъ, съ тѣмъ же дикимъ воплемъ бросится куда-то...

Въ углу около шкапа что-то смутно забѣлѣло. Дыханіе стѣснилось, Токаревъ сталъ пристально вглядываться. Онъ сразу понялъ, что это виситъ полотенце на ручкѣ кресла. Но его тянуло вздрогнуть, тянуло испугаться. И Токаревъ стоялъ и неподвижно вглядывался въ бѣлѣвшее пятно, словно ждалъ, чтобъ что-нибудь дало толчокъ его испугу.

«Что это со мною?» — вдругъ подумалъ онъ, громко разсмѣялся, подошелъ къ креслу и сдернулъ полотенце.

Страхъ исчезъ. Но оставаться наверху все-таки было непріятно, и онъ вышелъ вонъ.

Въ полутемной передней сидѣла деревенская баба въ зипунѣ. Варвара Васильевна, весело разговаривая, перевязывала

ей на рукѣ вскрытый нарывъ. Пахло карболкою и іодоформомъ. Токаревъ прошелъ черезъ залу, гдѣ Дашка накрывала столъ къ ужину, и въ темной гостиной сѣлъ къ роялю.

Онъ сидѣлъ, бралъ одною рукою медленные, тихіе аккорды и задумчиво смотрѣлъ въ темноту.

Какое у Варвары Васильевны было сейчасъ спокойное, веселое лицо... Да ужъ не сонъ ли то, что̀ онъ слышалъ отъ нея вчера, въ этотъ страшный вечеръ? И всегда она такая, какъ теперь,—ровная, спокойная, какъ будто вся на туго натянутыхъ вожжахъ. Токареву становилось страшно,—страшно отъ глубины и безбоязненности той тайной драмы, которую такъ невидно переживала въ душѣ Варвара Васильевна...

Черезъ пять дней срокъ отпуска Варвары Васильевны кончился. Она уѣхала въ Томилинскъ. Съ нею вмѣстѣ уѣхала въ гимназію Катя. Сергѣй рѣшилъ остаться въ деревнѣ до половины сентября, чтобъ получше поправиться отъ нервовъ. Онъ каждое утро купался, не глядя на погоду, старался побольше ѣсть, рубилъ дрова и копалъ въ саду ямы для насадокъ новыхъ яблонь.

Прошла недѣля. Токаревъ поѣхалъ въ гости къ Будиновскимъ. Они встрѣтили его очень радушно, отправили лошадей обратно и продержали его у себя три дня. 30-го августа, на Александра Невскаго, Токаревъ, въ легкой пролеткѣ Будиновскаго, возвращался обратно въ Изворовку. Былъ ясный осенній день. Пролетка быстро и мягко катилась по накатанной дорогѣ. Токаревъ откинулся на спинку сидѣнья и дышалъ чистымъ, бодрящимъ воздухомъ осени. На душѣ было легко, въ головѣ пріятно шумѣло отъ выпитаго за завтракомъ рейнвейна. И съ улыбкою онъ вспоминалъ милыя упрашиванія Марьи Михайловны пить побольше.

— Ну, Владимиръ Николаевичъ, выпейте еще стаканчикъ! Вѣдь это вино совсѣмъ слабенькое! Вы знаете, какъ объ немъ говорятъ нѣмцы: «Рейну много, вейну мало»...

Вспоминалъ онъ свои обсужденія съ Будиновскимъ его проекта открытія въ Томилинскѣ общественной библіотеки-читальни. Вспоминалъ комфортабельную, чистую обстановку Будиновскихъ... Какая у нихъ здоровая, уютная и радостная жизнь!.. Токаревъ былъ доволенъ, что у него въ Томилинскѣ будутъ такіе милые, симпатичные знакомые, и думалъ о томъ, что вліятельный Будиновскій можетъ оказаться очень ему полезнымъ.

По чистому, глубоко-синему небу плыли бѣлыя облака. Надъ сжатыми полями большими стаями носились грачи и особенно громко, не по-лѣтнему, кричали. Пролетка взъѣхала на гору.

Вдали, на концѣ равнины, среди густого сада сѣрѣлъ неуклюжій фасадъ изворовскаго дома съ зеленовато-рыжею, заржавѣвшею крышею. Съ страннымъ чувствомъ, какъ на что-то новое, Токаревъ смотрѣлъ на него.

Тамъ, подъ этою крышею, растутъ тяжелыя, мучительныя душевныя драмы. Съ апломбомъ предъявляются къ людямъ ребячески-прямолинейныя требованія, гдѣ каждый человѣкъ долженъ быть сверхъестественнымъ героемъ. То и другое переплетается во что-то безмѣрно-болѣзненное и уродливое, жизнь становится трудно-переносимою. А между тѣмъ вѣдь вотъ живутъ же люди легко и счастливо, безъ томительнаго надсада. И это не мѣшаетъ имъ, по мѣрѣ возможности, работать на пользу другихъ... Но у насъ, русскихъ, такая посильная работа увѣнчивается только презрѣніемъ. Если ты, какъ древній мученикъ, не отдаешь себя на растерзаніе звѣрямъ, если не питаешься чернымъ хлѣбомъ и не ходишь въ рубищѣ, то ты паразитъ и не имѣешь права на жизнь.

Кучеръ, въ синей рубахѣ и бархатной безрукавкѣ, подкатилъ къ крыльцу. Токаревъ слѣзъ, далъ ему рубль на чай и вошелъ въ домъ. Въ передней накидокъ и шляпокъ на вѣшалкѣ было больше обычнаго. Дашка сообщила, что на два дня праздника пріѣхала изъ Томилинска Катя, а съ нею— Таня и Шеметовъ.

Токаревъ прошелъ къ себѣ наверхъ умыться и переодѣться. Онъ не былъ радъ пріѣзду гостей. Опять повѣетъ этимъ духомъ молодого задора и безпечной прямолинейности,—духомъ, который былъ ему теперь прямо непріятенъ.

Онъ напился кофе, поговорилъ съ Конкордіей Сергѣевной и пошелъ въ садъ. Солнце клонилось къ западу, лужайки ярко зеленѣли; отъ каждой кочки, отъ каждаго выступа падала длинная тѣнь. Во фруктовомъ саду, около соломеннаго шалаша, сторожа варили кашу, синій дымокъ вился отъ костра и стлался между деревьями.

Сергѣй притащилъ къ пруду въ подолѣ рубашки яблокъ и грушъ. Компанія расположилась на берегу и уписывала фрукты. Токаревъ подошелъ, поздоровался. Таня быстро встала и отвела его въ сторону,—оживленная, радостная.

— А знаешь, Володя, я таки-устроила Варино дѣло!

— Да ну?

— Помнишь, мы тогда у Будиновскихъ встрѣтились съ Осьмериковымъ. Учитель гимназіи, ушастый такой, — еще ужасно ненавидитъ одаренныхъ людей. Пошла къ нему въ гости и убѣдила, что Варя совершенно удовлетворяетъ его идеалу труженика, что нельзя ей позволить оставаться фельд-

шерицей. А онъ хорошъ съ предсѣдателемъ управы. Словомъ, Варю отправляютъ на земскій счетъ въ Петербургъ въ женскій медицинскій институтъ! Понимаешь? Пять лѣтъ въ Петербургѣ!

— Ну... преклоняюсь передъ тобою! Это, дѣйствительно, очень хорошо!

— Вотъ ты все преклоняешься и преклоняешься, а самъ ничего не хотѣлъ сдѣлать. Все — «неловко», да «съ какой стати»... Ужасно вообще ты сталъ какой-то... неподвижный. А ужъ ты бы, со своею солидною фигурою, могъ гораздо скорѣе добиться всего. На меня какъ взглянетъ солидный человѣкъ, такъ сразу почувствуетъ ненависть... Вообще я своимъ пребываніемъ въ Томилинскѣ очень, очень довольна. И люди есть и все. Стòитъ только поискать... Если бы не нужно было ѣхать въ Питеръ, обязательно бы осталась здѣсь...

Сергѣй стоялъ на колѣняхъ передъ грудою фруктовъ. Онъ крикнулъ:

— Владимиръ Николаевичъ, возьмите грушъ! Смотрите, какія,—чтò твой дюшесъ!

Токаревъ и Таня подошли къ остальнымъ. Таня сказала:

— Да, Володя, вотъ чтò! Ты все-таки поговори объ этомъ дѣлѣ съ Будиновскимъ, чтобъ и онъ со своей стороны посодѣйствовалъ. Ты съ нимъ, кажется, хорошъ...

— Пріятелями стали!—съ легкою улыбкою замѣтилъ Сергѣй.

Токаревъ холодно отвѣтилъ:

— Не вижу ничего позорнаго быть его пріятелемъ. Помоему, онъ очень дѣльный и симпатичный человѣкъ.

— Я противъ этого не спорю. Но только, при всей своей симпатичности, онъ всегда какъ-то... умѣетъ прекрасно устраиваться. И жить со всѣми въ ладу. Мнѣ это не нравится.

Токаревъ началъ раздражаться.

— Скажите, пожалуйста, чтò же въ этомъ плохого? Почему дѣльный человѣкъ непремѣнно долженъ жить въ грязной собачьей конурѣ и хватать зубами за ноги каждаго проходящаго?

Сергѣй лѣниво потянулся.

— Совсѣмъ этого не нужно. А вотъ это дѣйствительно нужно,—чтобъ для дѣльнаго человѣка дѣло было его жизнью, а не десертомъ къ сытному обѣду. Для Будиновскаго же жизнь—въ уютѣ и комфортѣ, а дѣло — это такъ себѣ, лишь пріятное украшеніе жизни. Скажите, пожалуйста, чѣмъ этотъ тепленькій человѣкъ пожертвуетъ для своего «дѣла»? За это я, по крайней мѣрѣ, ручаюсь, что ни одной изъ своихъ великолѣпныхъ латаній онъ за него не отдастъ. А мотивъ, конечно, будетъ очень благородный: «на меня и такъ всѣ ко-

сятся»... Только поэтому онъ и не хочетъ,—не хочетъ дѣлу повредить, а то бы радъ всею душою... И подумаешь, — кто на него коситься!.. Вѣдь какое вообще характерное явленіе для нашей жизни такіе люди! Чуть что̀,—сейчасъ: «ахъ, Боже мой, поосторожнѣе! вы намъ помѣшаете!..» Брр! Лучше мерзавцы, чѣмъ всѣ эти смирные и благонамѣренные либеральные господа!..

— Это, разумѣется, дѣло вкуса, — иронически процѣдилъ Токаревъ. — Я же лично думаю, что именно эти смирные и неблестящіе «господа» вынесли и выносятъ на своихъ плечахъ всю великую культурную работу, которою жива страна. И далеко до нихъ не только мерзавцамъ, а и всякаго рода «героямъ», которые больше занимаются лишь пусканіемъ въ воздухъ блестящихъ фейерверковъ, — рѣзко закончилъ Токаревъ.

Таня, поднявъ брови, съ удивленіемъ приглядывалась къ брату. Шеметовъ всталъ. Онъ пренебрежительно отвернулся отъ Токарева и ворчливо сказалъ:

— Будетъ, Сережка, спорить! Можно найти дѣло поинтереснѣе!

— Вѣрно!..—Сергѣй вскочилъ на ноги.—Давайте, господа, покатаемся на лодкѣ.

Къ мосткамъ была привязана большая, старая, насквозь прогнившая лодка, вполовину залитая водой. У Тани весело загорѣлись глаза.

— Давайте!

Токаревъ возмутился.

— Ну, Таня, посмотри же, какая лодка! Вѣдь она совсѣмъ гнилая!

— Что̀ жъ такое? Еще пріятнѣе... Сашка, Катюха, ѣдемъ!—крикнулъ Сергѣй и прыгнулъ въ лодку.

Лодка тяжело закачалась, на ея днѣ съ шумомъ забѣгала вода.

Таня и Шеметовъ со смѣхомъ сошли въ лодку. Катя, волнуясь и стараясь побороть страхъ, спустилась за ними.

Сергѣй съ насмѣшливымъ ожиданіемъ глядѣлъ на Токарева:

— Владимиръ Николаевичъ, ѣдемъ!

— Благодарю покорно, мнѣ купаться не хочется!—съ усмѣшкою отвѣтилъ Токаревъ.

Стоя на почернѣвшихъ, склизкихъ перекладинахъ, они оттолкнулись отъ берега. Лодка накренялась то вправо, то влѣво, вода въ ней плескалась. Сергѣй вложилъ въ уключины мокрыя, гнилыя весла и началъ грести.

Лодка выплыла на середину пруда. Солнце садилось, багро-

вья облака отражались въ водѣ краснымъ огнемъ. Шеметовъ, стоя на кормѣ, запѣлъ вполголоса:

Изъ-за острова на стрежень,
На просторъ рѣчной волны,
Выплываютъ расписные,
Острогрудые челны.
На переднемъ Стенька Разинъ...

— Что же это лодка не тонетъ?—съ любопытствомъ спросилъ онъ.—Странно! Должна бы знать, что по законамъ физики ей давно слѣдуетъ пойти ко дну... Ну, ты, шалава! — крикнулъ онъ и качнулъ лодку.

Катя, придерживая рукою юбку, засмѣялась, стараясь не показать, что ей страшно.

Токаревъ сидѣлъ на берегу, возмущенный и негодующій. Какая глупость! Прудъ очень глубокъ, вода холодна. Если лодка затонетъ, то выплыть на берегъ одѣтымъ вовсе не просто, и легко можетъ случиться несчастіе. Это какая-то совсѣмъ особенная психологія, — безъ всякой нужды, просто для удовольствія, играть съ опасностью! Ну, ѣхали бы сами, а то еще берутъ съ собою этого ребенка Катю...

На прудѣ раздались крики и смѣхъ. У Сергѣя сломалось весло. Сильный и ловкій, въ заломленной на затылокъ студенческой фуражкѣ, онъ стоялъ среди лодки и гребъ однимъ весломъ. Лодка съ каждымъ ударомъ наклонялась въ стороны и почти достигала бортами уровня воды.

И они плыли впередъ, веселые и смѣющіеся. Токаревъ съ глухою враждою слѣдилъ за ними. И вдругъ ему пришла въ голову мысль: все, все различно у него и у нихъ; души совсѣмъ разныя,—такія разныя, что одна и та же жизнь должна откликаться въ нихъ совсѣмъ иначе. И такъ во всемъ,—и въ мелочахъ и въ самой сути. И какъ можно здѣсь столковаться хоть въ чемъ-нибудь, здѣсь, гдѣ различіе — не во взглядахъ, не въ логикѣ, а въ самомъ строѣ души?

Горничная Дашка появилась на горѣ и крикнула:

— Сергѣй Васильевичъ! Барыня зовутъ!.. Поскорѣй! Поскорѣе всѣ идите!

— Что тамъ такое?

— Телеграмма изъ города пришла... Поскорѣе, барыня зовутъ! Идите, я въ ригу побѣгу за бариномъ!..

Конкордія Сергѣевна, блѣдная, съ замершимъ отъ горя лицомъ, сидѣла въ спальнѣ и неподвижно глядѣла на распечатанную телеграмму. Въ телеграммѣ стояло:

«Пріѣзжайте поскорѣе. Варенька опасно больна.

«Темпераментова».

XVI.

Въ тотъ же вечеръ всѣ пріѣхали въ Томилинскъ. Докторъ, взволнованный и огорченный, сообщилъ, что Варвара Васильевна, ухаживая за больнымъ, заразилась сапомъ.

— Сапомъ?..—Конкордія Сергѣевна растерянно глядѣла на доктора остановившимися глазами.—Это... это опасно?

Докторъ грустно отвѣтилъ:

— Очень опасно.

Варвара Васильевна лежала въ отдѣльной палатѣ. На окнѣ горѣлъ ночникъ, заставленный зеленою ширмочкою, въ комнатѣ стоялъ зеленоватый полумракъ. Варвара Васильевна, блѣдная, съ сдвинутыми бровями, лежала на спинѣ и въ бреду что-то тихо говорила. Лицо было покрыто странными прыщами, они казались въ темнотѣ большими и черными. У изголовья сидѣла Темпераментова, истомленная двумя безсонными ночами. Докторъ шопотомъ сказалъ:

— Побудьте, господа, немного и уходите. Не нужно долго оставаться.

Жалкимъ, покорно-молящимъ голосомъ Конкордія Сергѣевна возразила:

— Милый докторъ, я... я не уйду отсюда... хоть казните меня... — Глаза ея были большіе-большіе и свѣтлые.

Докторъ вышелъ. Токаревъ нагналъ его.

— Скажите, докторъ, есть какая-нибудь надежда?

Докторъ хотѣлъ отвѣтить, но вдругъ лицо его дернулось и губы запрыгали. Онъ глухо всхлипнулъ, быстро махнулъ рукою и молча пошелъ по коридору.

Утромъ Варвара Васильевна пришла въ себя, весело разговаривала съ матерью, потомъ заснула. Послѣ обѣда позвала къ себѣ Токарева и попросила всѣхъ остальныхъ выйти.

Токаревъ сѣлъ въ кресло около постели. Варвара Васильевна, съ желтовато-сѣрымъ, спавшимся лицомъ, усѣяннымъ зловѣщими прыщами, поднялась на локоть въ своей бѣлой ночной кофточкѣ.

— Владимиръ Николаевичъ, я вамъ хотѣла сказать... Я третьяго-дня написала директору банка и напомнила ему его слово, что онъ приметъ васъ на службу... Онъ ко мнѣ хорошо относится, я была при его дочери, когда она была больна дифтеритомъ... Онъ сдѣлаетъ...

Токаревъ страдальчески поморщился.

— Варвара Васильевна, ради Бога, оставьте вы объ этомъ!

— Да... И потомъ еще вотъ что... — Она подняла мутные

глаза, и въ нихъ было усиліе отогнать отъ мозга туманъ бреда. — Да... Что̀ я еще хотѣла сказать?..

Варвара Васильевна нетерпѣливо потерла руки и забѣгала взглядомъ по комнатѣ.

— Вотъ что̀! — Она помолчала и въ колебаніи взглянула на Токарева. — Дайте мнѣ честное слово, что вы никому не станете разсказывать о нашемъ разговорѣ, — помните, тогда вечеромъ, въ Изворовкѣ, когда съ Сережей сдѣлался припадокъ?

Токаревъ вздрогнулъ и сталъ блѣднѣть. Варвара Васильевна волновалась все больше. Она повторяла въ тоскѣ:

— Слышите, Владимиръ Николаевичъ, — честное слово, никому!..

Токаревъ сидѣлъ, смертельно-блѣдный, съ остановившимся дыханіемъ.

— Хорошо, — медленно сказалъ онъ и замолчалъ. И продолжалъ сидѣть, — блѣдный, съ широко открытыми глазами. И голова его тряслась.

— Видите, мамѣ этого... Что̀ я хотѣла сказать? Да!.. Надо выписать сто граммовъ хлороформу, пожалуйста, не забудьте,— съ эѳиромъ... Антонъ Антонычъ поѣдетъ. А я завтра сама развѣшу, не будите провизора...

Варвара Васильевна начала бредить. Токаревъ шатающеюся походкою пошелъ вонъ.

Онъ вышелъ изъ больницы и побрелъ по улицѣ къ полю. Въ сѣромъ туманѣ моросилъ мелкій, холодный дождь, было грязно. Городъ остался назади. Одинокая ива у дороги темнѣла смутнымъ силуэтомъ, дальше вездѣ былъ сырой туманъ. Надъ мокрыми жнивьями пролетали галки.

Токаревъ шелъ, безсознательно кивалъ головою и бормоталъ что-то подъ носъ. Это не сонъ? — иногда приходило въ голову. И онъ гналъ отъ себя мысли, боялся думать о томъ, что̀ узналъ, боялся шевельнуть застывшій въ душѣ тупой ужасъ.

Воротился онъ въ больницу, когда уже стемнѣло. Изъ воротъ выходили Сергѣй и Таня, — оба блѣдные и серьезные.

— Варя умерла! — коротко сказалъ Сергѣй, прикусилъ губу и прошелъ мимо.

Черезъ два дня Варвару Васильевну хоронили.

Похороны вышли величественныя. Никто не думалъ, чтобъ Варвара Васильевна пользовалась такою популярностью, какъ оказалось. Громадная толпа народа провожала гробъ, слышались рыданія. Надъ могилою произнесли рѣчи главный врачъ больницы, предсѣдатель управы, Будиновскій. Они говорили о самоотверженной дѣятельности скромной труженицы, о томъ,

что вся жизнь ея была однимъ сплошнымъ подвигомъ, что она, какъ воинъ на полѣ брани, славно погибла на своемъ посту. Токаревъ — угрюмый, замершій въ ужасѣ — слушалъ рѣчи, и онѣ казались ему пошлыми и ничтожными передъ тою страшною загадкою, которая вытекала изъ этой смерти. Хотѣлось рыдать отъ безумной жалости къ Варварѣ Васильевнѣ и къ тому, что она надъ собою сдѣлала.

Въ тотъ же день вечеромъ уѣхали въ Петербургъ оба еще остававшіеся въ Томилинскѣ члена «колоніи»—Таня и Шеметовъ. Токаревъ, Сергѣй и Катя проводили ихъ на вокзалъ. Таня не могла опомниться отъ неожиданной смерти Варвары Васильевны.

Она стояла у своего вагона, возмущенная, негодующая.

— Я положительно съ этимъ не могу примириться! Смерть!.. Жить, дѣйствовать, стремиться, дышать воздухомъ, — и вдругъ, ни съ того ни съ сего, все это обрывается, когда жизнь кругомъ такъ хороша и интересна!..

Назадъ Токаревъ возвращался одинъ. Таня уѣхала, — что ждетъ ее впереди? Теперь, послѣ прощанія, она была Токареву дорога и близка. Передъ нимъ стояло ея лицо, подвижное, энергичное, съ большими и смѣлыми, почти дерзкими глазами... Странно! Онъ прекрасно зналъ, — не благополучіе ждетъ ее въ будущемъ, и не сносить ей головы. А между тѣмъ не было за нее никакого страха, и ему казалось — и жалости никогда не будетъ. Напротивъ, была только жгучая зависть къ Танѣ за ея жадную любовь къ жизни и за безстрашіе передъ этою жизнью. И тотъ тяжелый вопросъ, который возникалъ изъ смерти Варвары Васильевны, при мысли о Танѣ тускнѣлъ, становился страннымъ и непонятнымъ.

XVII.

Токаревъ вмѣстѣ съ Изворовыми воротился въ деревню.

Пообѣдали. Всѣ были печальны и молчаливы. Темнѣло. Токаревъ вышелъ въ садъ. Вечеръ былъ безвѣтреный и холодный, заря гасла. Сквозь порѣдѣвшую листву аллей свѣтился серпъ молодого мѣсяца. Пахло вялыми листьями. Было просторно и тихо. Токаревъ медленно шелъ по аллеѣ, и листья шуршали подъ его ногами.

Жизнь вдругъ стала для него страшна. Зашевелились въ ней тяжелые, жуткіе вопросы... Въ послѣднее время онъ съ каждымъ годомъ относился къ ней все легче. Обходилъ ея противорѣчія, закрывалъ глаза на глубины. Еще немного, — и жизнь стала бы простою и ровною, какъ лѣтняя накатанная

дорога. И вотъ вдругъ эта смерть Варвары Васильевны... Вмѣстѣ съ ея тѣнью передъ нимъ встали полузабытыя тѣни прошлаго. Встали близкія, молодыя лица. Гордые и суровые, всѣ они погибли такъ или иначе, — не отступили передъ жизнью, не примирились съ нею.

Токаревъ вышелъ къ пруду. Ивы склонялись надъ плотиною и неподвижно отражались въ черной водѣ. На вѣтвяхъ темнѣли грачи, слышалось ихъ сонное карканье и трепыханье. Близъ берега выдавался изъ воды бортъ затонувшей лодки, и плавалъ обломокъ весла. Токаревъ остановился. Вотъ въ этой лодкѣ три дня назадъ катались люди, — молодо-смѣлые, бодрые и веселые; для нихъ радость была въ ихъ смѣлости. А онъ, Токаревъ, съ глухою враждою смотрѣлъ съ берега.

И все прошлое и эти люди были для него теперь страшно-чужды. Что-то свершилось въ душѣ, что-то надломилось, и возврата нѣтъ. Исчезло презрѣніе къ опасностямъ, исчезло недуманье о завтрашнемъ днѣ. Впереди было пусто, холодно и мутно. Вспомнились недавнія мечты объ усадьбѣ, объ уютной жизни, и охватило отвращеніе. Для чего?.. Жить, какъ всѣ живутъ, — безъ захватывающей цѣли впереди, безъ всего, что̀ наполняетъ жизнь, что̀ даетъ ей смыслъ и цѣну. И все яснѣе для него становилось одно: невозможно жить безъ цѣли и безъ смысла, а кто хочетъ смысла въ жизни, тотъ, — каковъ бы этотъ смыслъ ни былъ, — прежде всего долженъ быть готовъ отдать за него все. Кто же съ вопросомъ о смыслѣ и цѣляхъ жизни сплетаетъ вопросы своего бюджета и карьеры, пусть лучше не думаетъ о смыслѣ и цѣляхъ жизни... И Токареву стало стыдно за себя.

Но когда онъ почувствовалъ стыдъ, онъ возмутился. Чего стыдиться? Что̀ онъ сдѣлалъ плохого, и какъ же ему жить? Вѣдь все, что̀ случилось съ Варварой Васильевной, до безобразія болѣзненно и ненормально. Люди остаются людьми, и нужно примириться съ этимъ. Онъ — обыкновенный сѣренькій человѣчекъ и, въ качествѣ таковаго, все-таки имѣетъ право на жизнь, на счастье и на маленькую, неопасную работу.

Вспомнились жесткія слова Сергѣя:

«Что̀ подѣлаешь? Такъ складывается жизнь: либо безбоязненность полная, либо банкротъ, и иди на смарку».

Эта мысль тоже возмутила его, и онъ опять почувствовалъ ужасъ передъ тѣмъ непонятнымъ ему теперь и чуждымъ, что̀ сдѣлало возможнымъ смерть Вари. Токаревъ отталкивалъ и не хотѣлъ признать этого непонятнаго, но оно властно стояло передъ нимъ и предъявляло требованія, которымъ удовлетворить онъ былъ не въ силахъ.

Токаревъ поднялъ голову, оглядѣлся. Его удивило, какая кругомъ мертвая тишина. Мѣсяцъ спустился къ ивамъ и отражался въ неподвижной, черной глубинѣ пруда. Неподвиженъ былъ воздухъ, деревья не шевелились ни листикомъ. Какъ будто сейчасъ случилось что-то, чего Токаревъ за своими размышленіями не замѣтилъ, — и все вокругъ, замерши, испуганно прислушивалось. Была та же странная тишина, какъ тогда, послѣ припадка Сергѣя, на пыльной лѣстницѣ. И такъ же странно-неподвижно свѣтилъ мѣсяцъ. И все вокругъ становилось необычнымъ. Съ березы сорвался желтый листокъ; онъ неслышно и робко мелькнулъ въ воздухѣ, словно боясь привлечь къ себѣ чье-то грозное вниманіе, и поспѣшно юркнулъ въ траву. И опять все замерло.

Смутный страхъ охватилъ Токарева. Онъ повернулся и пошелъ домой.

XVIII.

Прошла недѣля. Токаревъ сильно похудѣлъ и осунулся, въ глазахъ появился странный нервный блескъ. Взмутившіяся въ мозгу мысли не осѣдали. Токаревъ все думалъ, думалъ объ одномъ и томъ же. Иногда ему казалось, онъ сходитъ съ ума. И страстно хотѣлось друга, чтобъ высказать все, чтобъ облегчить душу и получить право признать себя такимъ, каковъ онъ есть. Варварѣ Васильевнѣ онъ способенъ былъ бы все сказать. И она поняла бы, что долженъ же быть для него какой-нибудь выходъ.

Но передъ нимъ былъ только Сергѣй. Сергѣй же чуждался его, и они не имѣли теперь ничего общаго. А между тѣмъ многое въ Сергѣѣ поразительно напоминало Варю: тотъ же тонкій, строгій профиль, тѣ же глаза, та же привычка сдвигать брови. Какъ будто Варя ожила въ Сергѣѣ. Но не мягкая и прощающая, а жесткая, презирающая и безпощадная.

Въ Сергѣѣ, въ его пренебреженіи и презрѣніи, какъ бы олицетворялось для Токарева все, изъ-за чего онъ мучился. И все больше онъ начиналъ ненавидѣть Сергѣя. Кромѣ того, съ той ночи, какъ съ Сергѣемъ случился припадокъ, онъ внушалъ Токареву смутный, почти суевѣрный страхъ. Но рядомъ съ этимъ Токарева странно тянуло къ Сергѣю. Ему давно уже слѣдовало уѣхать изъ Изворовки, но онъ не уѣзжалъ. Онъ не могъ такъ уѣхать, ему необходимо было раньше объясниться о чемъ-то съ Сергѣемъ. Но о чемъ объясниться, для чего, — Токаревъ не могъ бы ясно сказать.

Стояла середина сентября. День былъ тихій, облачный и

жаркій. На горизонтѣ со всѣхъ сторонъ неподвижно синѣли тучи, въ воздухѣ томило. Сергѣй съ утра выглядѣлъ страннымъ. Въ глазахъ былъ необычный, уже знакомый Токареву блескъ, онъ дышалъ тяжело, смотрѣлъ угрюмо и съ отвращеніемъ.

Въ одиннадцать часовъ вечера поужинали. Василія Васильевича, по обыкновенію, не было, — онъ теперь всѣ вечера проводилъ у сосѣдей, играя въ карты.

Конкордія Сергѣевна сказала:

— А какъ барометръ упалъ!.. Кончаются ясные денечки; теперь пойдутъ дожди, холодъ, грязь...

— Упалъ барометръ? — съ любопытствомъ спросилъ Сергѣй и замолчалъ.

Они взошли съ Токаревымъ къ себѣ наверхъ. Токаревъ участливо спросилъ:

— Вы себя сегодня плохо чувствуете?

Сергѣй усмѣхнулся.

— Слыхали, барометръ упалъ! Ну, вотъ!.. Такое дрянцо люди, — каждое колебаніе барометра отражается на душѣ!

Онъ молча зажегъ лампу и сѣлъ за «Критику чистаго разума». Въ послѣднее время онъ усердно читалъ ее.

Токаревъ, не зажигая свѣта, ходилъ по своей комнатѣ. Онъ видѣлъ, какъ все въ Сергѣѣ нервно кипѣло. Это заражало его, и нервы натягивались. Охватывалъ неопредѣленный страхъ... Токаревъ остановился у печки.

Сергѣй сидѣлъ въ своей комнатѣ, склонясь надъ книгой. Лампа освѣщала красивое лицо. Токаревъ смотрѣлъ изъ темноты.

Вонъ онъ спокойно сидитъ, этотъ мальчишка. А онъ, Токаревъ, испытываетъ къ нему страхъ и стыдится его презрѣнія... Сколько въ немъ мальчишеской увѣренности въ себѣ, сколько сознанія непогрѣшимости своихъ взглядовъ! Для него все рѣшено, все ясно... А интересно, что̀ бы сказалъ онъ, если бы узналъ истинную причину Вариной смерти? Призналъ бы, что это такъ и должно было случиться? Или и онъ ужаснулся бы того, къ чему ведетъ молодая прямолинейность и чрезмѣрныя требованія отъ людей?

Токаревъ зажегъ лампу и открылъ книгу. Но не читалось. Онъ думалъ о томъ, что съ Сергѣемъ опять можетъ сегодня случиться припадокъ. Что̀ тогда въ состояніи будетъ сдѣлать съ нимъ Токаревъ, одинъ въ пустомъ домѣ? И вспоминалось ему, какъ Сергѣй сознался, что чуть его тогда не задушилъ, и какъ насмѣшливо улыбнулся, когда Токаревъ поблѣднѣлъ при этомъ признаніи... Ко всему остальному, Сергѣй теперь знаетъ, что Токаревъ его боится.

Токаревъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Спустился внизъ.

Въ большихъ пустынныхъ комнатахъ было темно и тихо. Въ передней на коникѣ храпѣла горничная Дашка, пахло пòтомъ. Въ коридорѣ скребли крысы. Было тоскливо и грустно. Токаревъ вошелъ въ гостиную. Тамъ, при свѣтѣ одинокой свѣчи, Конкордія Сергѣевна пришивала оборвавшіяся на креслахъ бахромки. Онъ удивился.

— Вы еще не спите, Конкордія Сергѣевна?

Конкордія Сергѣевна подняла на него свое осунувшееся лицо.

— Да вотъ засидѣлась тутъ съ креслами: срамъ взглянуть, совсѣмъ оборвались бахромки.

Токаревъ помолчалъ.

— А какая тутъ должна быть тоска зимою! Всѣ разъѣдутся, вы останетесь вдвоемъ съ Василіемъ Васильевичемъ. Мнѣ кажется, я бы и недѣли не выдержалъ.

Конкордія Сергѣевна медленно перекусила нитку и стала вдѣвать въ иголку.

— Голубчикъ мой, привыкла я. Чтò ужъ тамъ — «скучно»... Мнѣ за весельемъ не гнаться. Сколько ужъ лѣтъ такъ живу. Было бы дѣткамъ хорошо, а мнѣ чтò... Ну, а вѣдь кромѣ того все-таки ждешь: вотъ опять лѣто придетъ, опять... опять всѣ... съѣдутся...

Голосъ ея оборвался. Она наклонилась къ креслу. И такою одинокою показалась она Токареву, съ ея скрытою, невысказываемою печалью.

Онъ поговорилъ съ нею, потомъ вышелъ на крыльцо.

Ночь была тихая и теплая. Тяжелыя тучи, какъ крышка гроба, низко нависли надъ землею, было очень темно. На деревнѣ слабо мерцалъ огонекъ, гдѣ-то далеко громыхала телѣга. Эти низкія, неподвижныя тучи, эта глухая тишина давили душу. За лѣсомъ тускло блеснула зарница.

Изъ-подъ крыльца, виляя хвостомъ, вылѣзъ лягавый щенокъ Сбогаръ. Худой, на длинныхъ, большихъ лапахъ, онъ подошелъ къ Токареву, слабо повизгивалъ и тоскливо глядѣлъ молодыми, добрыми глазами. Токаревъ погладилъ его по головѣ. Сбогаръ быстрѣе замахалъ хвостомъ и продолжалъ жалобно повизгивать.

За лѣсомъ снова блеснула зарница и блѣднымъ, перебѣгающимъ свѣтомъ нѣсколько разъ освѣтила неподвижныя тучи. Стало еще темнѣе. У Токарева вдругъ мелькнула мысль, — какъ удивительно подходятъ эта ночь и нынѣшнее состояніе Сергѣя къ тому, чтò Токаревъ ужъ нѣсколько дней собирался сдѣлать: да, Сергѣй долженъ узнать настоящую причину смерти сестры! Пусть это открытіе ударитъ его по сердцу, наполнитъ

тоскою и ужасомъ, исковеркаетъ его прямые, несгибающіеся взгляды на жизнь и ея требованія... О, онъ увидитъ, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ ему кажется! — съ злораднымъ торжествомъ подумалъ Токаревъ.

Быстрая, нервная дрожь охватила тѣло. Онъ подождалъ, чтобъ она прошла, и поднялся наверхъ.

Сергѣй медленно расхаживалъ по комнатѣ, устало понуривъ голову.

— Сергѣй Васильевичъ, сидите вы здѣсь все надъ книгами. А посмотрите, какая ночь чудесная: тихая, теплая... Пойдемте, пройдемся.

Сергѣй потеръ рукою лобъ и встряхнулся.

— Пойдемте, пожалуй! Все равно ничего въ голову не лѣзетъ.

Они вышли изъ дому и черезъ калитку вошли въ садъ. И на просторѣ было темно, а здѣсь, подъ липами аллеи, не видно было ничего за шагъ. Они шли словно въ подземельѣ. Не видѣли другъ друга, не видѣли земли подъ ногами, ступали, какъ въ бездну. Пахло сухими листьями, полуголыя вершины деревьевъ глухо шумѣли. Иногда сквозь вѣтви слабо вспыхивала зарница, и все кругомъ словно вздрагивало ей въ отвѣтъ. Сергѣй молчалъ.

Они дошли до конца сада и остановились у изгороди. За канавой, заросшей крапивою, тянулось сжатое поле. Надъ нимъ неподвижно висѣли низкія тучи. Изъ черной дали дулъ теплый, сухой вѣтеръ и тихо шуршалъ въ волосахъ. Токаревъ нагнулся и провелъ рукою по травѣ.

— Удивительно, какъ сухо! Росы совсѣмъ нѣтъ!

Сергѣй коротко отозвался:

— Дождь завтра будетъ.

— Ну, Сергѣй Васильевичъ, идемъ дальше! Воздухъ такой славный!.. Пойдемте къ Зыбинкѣ, на Живые Ключи. Такъ прямо, черезъ поле, мы скоро дойдемъ.

Онъ перелѣзъ черезъ плетень и перепрыгнулъ канаву. Сергѣй неохотно послѣдовалъ за нимъ. Пошли наискось по колючему жнивью. Вѣтеръ ровно дулъ въ лицо, полынь на межахъ слабо шевелилась. На темномъ горизонтѣ непрерывно вспыхивали зарницы,—то яркія, освѣщавшія все вокругъ, то тусклыя, печальныя и зловѣщія.

Сзади, въ смутномъ сумракѣ, раздался мягкій, частый, быстро приближавшійся топотъ.

— Что это тамъ?!—Сергѣй вздрогнулъ и быстро обернулся.

Токаревъ разсмѣялся:

— Ну, Сергѣй Васильевичъ, вѣдь это непозволительно! Что это можетъ быть? Вѣроятно, Сбогаръ насъ догоняетъ!

Сбогаръ подбѣжалъ и, радостно виляя хвостомъ, сталъ ластиться къ Токареву и Сергѣю. Сергѣй старался улыбнуться.

— Ишь, негодяй! Такъ неожиданно налетѣлъ, невольно вздрогнешь!

Двинулись дальше. Сергѣй медленно и тяжело дышалъ, украдкою вглядывался въ темноту странно блестѣвшими глазами. Вѣтеръ упалъ. Стало тихо. Они вышли на дорогу.

Далеко на церковной колокольнѣ глухо ударилъ колоколъ. Дрожащій звукъ, полный смутной тайны, тихо пронесся надъ темными полями. Потомъ раздался второй ударъ, третій,— пробило двѣнадцать.

Токаревъ взялъ Сергѣя подъ руку.

— Полночь!.. Мужики говорятъ: церковный сторожъ погналъ мертвецовъ на водопой...—Онъ помолчалъ.—Странно на меня дѣйствуютъ такія ночи. Вамъ не кажется невѣроятнымъ, чтобъ въ этомъ мракѣ не было ничего таинственнаго? Мнѣ это часто кажется. Кругомъ необходимо должна быть своя жизнь, но только она ускользаетъ отъ нашихъ глазъ. Нужно совсѣмъ неожиданно оглянуться, чтобъ уловить изъ нея хоть что-нибудь. На меня, напр., добрая половина картинъ Бёклина производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ именно «неожиданно оглянулся». Вотъ мы идемъ съ вами, — и неужели мы тутъ только двое во всемъ этомъ просторѣ, а кругомъ насъ—лишь дрожаніе разныхъ молекулъ, колебаніе свѣтового эѳира и т. п.? Почему же въ такомъ случаѣ такъ ясно и такъ жутко душа ощущаетъ невидимое присутствіе кого-то,—какихъ-то смутныхъ, безформенныхъ существъ, передъ которыми мы такъ слабы и безпомощны?

Сергѣй шелъ, молча понуривъ голову. Они свернули на тропинку, прошли мимо заброшенной каменоломни и спустились въ Зыбинскую лощину. Въ ней было очень тихо. Смутно рисовались черные кусты ракитника, и казалось, будто они медленно двигаются.

Пошли по заросшей дорогѣ,—она тянулась по косогору къ верховью лощины. Сбогаръ, слабо повизгивая, оглядывался по сторонамъ и жался къ ихъ ногамъ. Какъ разъ надъ лощиною низко стояло большое, черное облако съ расходившимися въ стороны отрогами. Какъ будто гигантское, странное насѣкомое повисло въ воздухѣ и пристально, побѣдно слѣдило за шедшими по лощинѣ. Угрюмыя и молчаливыя зарницы вспыхивали въ темнотѣ.

Незамѣтная внутренняя дрожь все сильнѣе охватывала Токарева. На душѣ было смутно и необычно. Только умъ работалъ съ полною ясностью.

— Помните вы «Horlà» Мопассана? Это очень болѣзненная, но удивительно умная и глубокая вещь. Мопассанъ говоритъ, что люди сыздавна населяли міръ разными таинственными, страшными и неопредѣленными существами. И что это не могло быть иначе: человѣкъ всегда чувствовалъ, какъ самъ онъ безпомощенъ, какъ надъ нимъ стоятъ какія-то силы, передъ которыми онъ рабъ... Что̀ это за силы, что̀ за существа? Они должны быть невидимы, но страшны и могучи. Въ чемъ бы они ни проявлялись, но они всегда показываютъ свою власть надъ человѣкомъ, и человѣкъ передъ ними такъ безсиленъ, такъ жалко-безпомощенъ!

Сергѣй съ удивленіемъ поднялъ голову.

— Неужели вы все это серьезно говорите? Вѣдь это положительно какой-то бредъ, и притомъ довольно смѣшной... Только я бы васъ попросилъ, Владимиръ Николаевичъ,— оставьте говорить объ этомъ. Я сегодня чувствую себя ужасно нервно.

— Хорошо. Да въ сущности я, конечно, не говорю серьезно о разныхъ тамъ мертвецахъ или привидѣніяхъ, не говорю и о мопассановскихъ невидимкахъ Орля. Я только говорю о мопассановской «глубокой тайнѣ невидимаго». Вѣдь именно ее только Мопассанъ и символизируетъ въ образѣ «Horlà». Согласитесь, что эта тайна, дѣйствительно, глубока и страшна. Мопассанъ говоритъ: «Все, что̀ насъ окружаетъ, все, что̀ мы замѣчаемъ не глядя, все, что̀ задѣваемъ, сами того не сознавая, трогаемъ не ощупывая, — все это имѣетъ надъ нами, надъ нашими органами, а черезъ нихъ и надъ нашими мыслями, надъ самымъ нашимъ сердцемъ — быстрое, изумительное и необъяснимое дѣйствіе»... Развѣ это не страшно, и развѣ это не правда?—взволнованно спросилъ Токаревъ.—Человѣкъ былъ еще свободенъ, когда онъ эти силы олицетворялъ въ существахъ, стоящихъ внѣ его,—съ ними, по крайней мѣрѣ, можно было бороться, противъ нихъ стояла свободная, самоопредѣляющаяся душа человѣка. А теперь всѣ эти существа переселились внутрь его, въ его мозгъ, въ сердце и кровь... И что̀ теперь ждетъ человѣка? Вы помните этотъ страшный вопль Мопассана: «*Царство человѣка кончилось!..* Горе намъ! Горе людямъ! Пришелъ *онъ*... какъ его зовутъ? Мнѣ кажется, онъ выкрикиваетъ мнѣ свое имя, но я не слышу его... О, да, онъ явился!.. Ястребъ съѣлъ голубку, левъ пожралъ буйвола съ острыми рогами... Всему конецъ!.. Онъ во мнѣ, *онъ становится моею душою!..* Что̀ дѣлать? Горе намъ!..»

Токаревъ дрожалъ мелкою дрожью, въ голосѣ звучалъ ужасъ,

какъ будто, дѣйствительно, это таинственное «невидимое» стояло здѣсь въ темнотѣ... Но и въ ужасѣ своемъ Токаревъ чувствовалъ, какъ Сергѣй нервно вздрагивалъ. И становилось на душѣ злобно-радостно.

Сергѣй рѣзко возразилъ:

— По-моему, все это только очень характерно для самого Мопассана. Да, пожалуй, и для васъ... Что̀ спорить, «тайна невидимаго» глубока. Но трусъ и жалкая тряпка тотъ, кто поддается этому невидимому.

— Сядемъ здѣсь!—коротко и рѣшительно сказалъ Токаревъ и опустился на косогоръ подъ молодою лозинкою.

Онъ сказалъ увѣреннымъ, властнымъ голосомъ, и Сергѣй послушался. Токаревъ пріобрѣлъ надъ нимъ странную власть.

Горизонтъ, прежде рѣзко очерченный, затянулся на югѣ мутною мглою и сталъ сливаться съ небомъ. Потянуло влажною прохладою. Токаревъ въ волненіи поглядѣлъ вдаль: пройдетъ полчаса, — и жуткое очарованіе ночи исчезнетъ. Небо покроется мутными облаками, лѣниво засѣетъ окладной дождь.

Онъ медленно заговорилъ:

— Вы сказали: тотъ, кто поддается «невидимому»,—трусъ и жалкая тряпка. Удивительное дѣло! Передъ вами стоитъ громадный вопросъ, а вы хотите рѣшить его парою презрительныхъ ругательствъ... Нѣтъ, Сергѣй Васильевичъ, такіе вопросы такъ не рѣшаются! Вопросъ въ томъ, что̀ же дѣлать, если это невидимое безповоротно покоряетъ тебя. Ну, хорошо, — трусъ, жалкая тряпка... Вѣдь это сказать легко. А когда въ жизни встаетъ такой вопросъ, то можно съ ума сойти отъ ужаса... Вы знаете, отчего умерла Варвара Васильевна? — Онъ задыхался и медленно перевелъ духъ.—Она заразилась сапомъ... Но она не нечаянно заразилась, а нарочно... Она не остановилась передъ такого рода смертью, чтобъ окружающіе близкіе думали, будто это—несчастная случайность. А убила она себя именно потому, что чувствовала приближающуюся побѣду «невидимаго».

Даже сквозь темноту Токаревъ видѣлъ, какъ на него смотрѣло смертельно-блѣдное лицо Сергѣя съ остановившимися глазами. Вдругъ Сергѣй рѣшительно сказалъ:

— Это не можетъ быть!.. Она могла бы это сдѣлать, она на это способна. Но никогда ни вамъ, никому она не созналась бы въ этомъ!

— Да. Видите, оно такъ и есть. Но однажды, — помните, въ тотъ вечеръ, когда съ вами произошелъ припадокъ,—она созналась мнѣ, что чувствуетъ приближеніе и побѣду «невидимаго». Чтобъ не покориться ему, она видѣла только одно

средство — смерть. Но чтобъ эта смерть поменьше доставила горя близкимъ. Разговоръ былъ чисто-отвлеченный... Ну, а передъ самою смертью, почти уже въ бреду, она взяла съ меня слово никому не разсказывать о нашемъ разговорѣ... Какъ вы думаете, можно изъ этого что-нибудь заключить?

— Ччо-ортъ, ччо-ортъ!.. — простоналъ Сергѣй и стиснулъ голову руками. Онъ поставилъ локти на колѣни и сидѣлъ, все такъ же стиснувъ голову.

Строгимъ, безпощаднымъ и проникающимъ голосомъ Токаревъ говорилъ:

— Ну, и что̀ же? Она поступила правильно? Въ этомъ настоящій выходъ?.. Нѣтъ, это ужасно и до безумія ненормально! А между тѣмъ именно ваши взгляды, ваша прямолинейная требовательность и дѣлаютъ возможными подобные ужасы. Этого отрицать вы не можете. И не можете также отрицать, что вы запираете для живого человѣка всѣ выходы. Необходимо серьезно и пристально приглядѣться къ «невидимому». И только тогда, признавъ всю его силу и неизбѣжность, возможно прійти къ какому-нибудь выходу.

Сергѣй вскочилъ на ноги. Сверкнувъ глазами, онъ крикнулъ:

— Къ чему вы все это говорите?! Вы Вариною смертью хотите оправдать себя! Да неужели вы не чувствуете, какая разница между нею и вами? Изъ ея смерти возникаетъ громадный вопросъ,—да, громадный и ужасный по своей серьезности. Но вы къ этому вопросу и бокомъ не прикасаетесь!

Токаревъ замолчалъ, сбитый съ позиціи, не зная, что̀ возразить. Упавшимъ голосомъ онъ заговорилъ:

— Хорошо! Скажемъ, вы правы. Я не хуже васъ вижу разницу между нею и собою. Но вдумайтесь немного въ то, что я вамъ скажу. Слушайте. Я — обыкновенный, маленькій человѣкъ. Мнѣ судьбою предназначено одно: жить смирно и тихо, никуда не суясь, не имѣя никакихъ серьезныхъ жизненныхъ задачъ,—жить, какъ живутъ всѣ кругомъ: такъ или иначе зарабатывать деньги, клясть трудъ, которымъ я живу, плодить дѣтей и играть по вечерамъ въ винтъ. Но, видите ли, въ жизни каждой, самой болотной души бываетъ возрастъ, когда эта душа преображается: у нея вырастаютъ крылья. Если окружающія обстоятельства благопріятствуютъ, то ея смутные, неопредѣленные порывы оформливаются въ стремленіе къ яснымъ идеаламъ. И человѣкъ идетъ за нихъ на борьбу, на гибель, и не можетъ понять, какъ можно жить, не ища въ жизни смысла, не имѣя всезахватывающей жизненной задачи. Проходитъ нѣсколько лѣтъ. Крылья высыхаютъ и отваливаются, и самъ человѣкъ ссыхается. Все недавнее стано-

вится для него совершенно чуждымъ и мертвымъ. И вотъ я теперь нахожусь какъ разъ въ такомъ положеніи. Но суть въ томъ, что это прошлое уже отравило меня: я ужасаюсь пустоты, въ которую иду, я не могу жить безъ смысла и безъ цѣли. А крыльевъ нѣтъ, которыя подняли бы надъ болотомъ...

Слава вѣрѣ, насъ сгубившей,
Слава юности погибшей,
Незапятнанной позоромъ...

Да, я съ горячимъ, страстнымъ чувствомъ вспоминаю ее, эту честную юность. Но слава ея схоронена, потому что схоронена сама юность, и ея не воскресить... Гдѣ же найти основаніе, на которое я могъ бы теперь опереться? Что̀ можетъ мнѣ дать силу жить человѣкомъ? Философія? Религія? Изъ меня выкатывается душа, понимаете вы это? Душа выкатывается!.. Какъ ее удержать? Нѣтъ такихъ силъ въ жизни, нѣтъ такихъ силъ въ идеяхъ и религіи... Вся сила лишь въ чувствѣ. Разъ же оно исчезло, то вздоръ всѣ клятвы и обѣты, все самопрезрѣніе и тоска... Что̀ же мнѣ дѣлать?

Сергѣй брезгливо отвѣтилъ:

— Это ваше дѣло! Къ сожалѣнію, я вамъ помочь ни въ чемъ не могу.

— О, Сергѣй Васильевичъ! Не относитесь къ этому такъ презрительно! Увѣряю васъ, все это очень близко касается и васъ самого! Еще сегодня вы говорили о томъ, какъ всякое колебаніе барометра отражается на вашей душѣ. Неужели вы думаете, что только одинъ барометръ обладаетъ такою удивительною силою?.. Нѣтъ, Сергѣй Васильевичъ, вы такъ же, какъ я, ужъ цѣликомъ находитесь во власти могучаго «невидимаго». Вы вотъ настойчиво проповѣдуете радость жизни и силу духа, а сами живете въ темномъ мірѣ нервной тоски и безволія. Вы утверждаете, что человѣкъ долженъ дѣйствовать *изъ себя*, что въ такомъ случаѣ онъ откроетъ въ себѣ громадныя богатства души, а все ваше богатство заключается лишь въ поразительной черствости, самоувѣренности и самовлюбленности. Только покамѣстъ все это скрашивается молодостью. А пройдетъ молодость,—что̀ отъ васъ останется? Мы съ вами одинаковые банкроты, мы одинаково слишкомъ бѣдны и больны душою, чтобъ расплатиться съ громадными требованіями нашего разума... Есть другіе люди, здоровые и сильные, люди нутра. Ихъ можно убить, но невозможно расколоть надвое. Для нихъ мысль, тѣмъ самымъ, что она—мысль, есть въ то же время и дѣйствіе... Вотъ вамъ тотъ человѣкъ, котораго мы видѣли тогда у Варвары Васильевны. Мнѣ кажется, такова и Таня. Ничего что она такъ неразвита и узка,—въ

этомъ-то и есть ея сила!.. А наше съ вами дѣло проиграно. Я это ужъ сознаю, вы еще не сознаёте. Но недалеко время, когда передъ вами встанетъ тотъ же вопросъ... И надъ трупомъ Варвары Васильевны нужно этотъ вопросъ рѣшить честно и серьезно.

Сергѣй злобно и болѣзненно усмѣхнулся.

— Охъ, какъ вамъ хочется этого «честнаго» рѣшенія!.. Извольте, вотъ оно, по-моему: примиритесь съ вашимъ «невидимымъ», полѣзайте назадъ въ болото и благоденствуйте на здоровье. Вамъ вѣдь ужасно хочется этого рѣшенія. Но меня оставьте въ покоѣ. Будьте увѣрены, живымъ я въ болото никогда не попаду!

Токаревъ молча махнулъ рукою. Онъ сидѣлъ на пригоркѣ, охвативъ колѣни руками, и смотрѣлъ вдаль. Глухая, неистовая ненависть къ Сергѣю охватила его: Сергѣй насмѣшливо и злобно подчеркнулъ то, чего именно и хотѣлось Токареву. Ну да, онъ именно и хотѣлъ, чтобъ за нимъ было признано право жить такимъ, каковъ онъ есть, — гдѣ же другой выходъ? Сергѣй этого выхода не хочетъ признать... Хорошо! — подумалъ Токаревъ, охваченный тоскою и дрожью.

Онъ хрипло сказалъ:

— Господи, какая ночь тяжелая!.. Сергѣй Васильевичъ, сдѣлайте одолженіе, принесите мнѣ воды изъ ключа. У меня такъ кружится голова,—мнѣ кажется, я сейчасъ упаду... Она здѣсь недалеко, за бугромъ... Хоть въ фуражку мою зачерпните, она суконная, не прольется... Ради Бога!..

Сергѣй внимательно взглянулъ на Токарева и медленно отвѣтилъ:

— Давайте фуражку.

Онъ исчезъ за бугромъ. Токаревъ быстро вскочилъ и оглядѣлся. Сырая, сѣрая стѣна дождя безшумно надвигалась въ темнотѣ и какъ будто начинала уже колебаться. Кругомъ была глухая тишь, у рѣчки неподвижно чернѣли странныя очертанія кустовъ. Молодая лозинка надъ головою тихо шуршала сухими листьями. Безумная радость охватила Токарева. Онъ подумалъ:

«Ну, получай свое рѣшеніе!» — И сталъ поспѣшно распоясываться. Онъ былъ подпоясанъ вдвое длиннымъ и крѣпкимъ шелковымъ шнуркомъ.

Волнуясь и спѣша, Токаревъ дрожащими руками сдѣлалъ на шнуркѣ петлю и дернулъ ее, испытывая крѣпость. Петля была крѣпка. Онъ радостно улыбнулся, поднялся на цыпочки и сталъ привязывать петлю къ суку лозины.

— Получайте ваше рѣшеніе, Сергѣй Васильевичъ!

И онъ представлялъ себѣ воротившагося Сергѣя передъ его трупомъ на лозинѣ.

Вдали раздался шорохъ, какъ будто шаги. Токаревъ вздрогнулъ, отскочилъ отъ дерева и сталъ вглядываться. Нѣтъ, все было тихо. Сергѣй такъ скоро не могъ вернуться. Это, должно-быть, пробѣжалъ внизу Сбогаръ.

Медленно раскрывались какіе-то внутренніе глаза. Вдругъ сверкнула мысль:

— Что̀ я такое дѣлаю?!.

Токаревъ остановился и глядѣлъ на черную лозину, какъ будто только-что проснулся отъ дикаго кошмара. Съ потревоженной лозины медленно и безшумно падали на землю желтые листья. Все было необычно и ужасно: и лозина съ безшумно падающими листьями, и недавній разговоръ, и его намѣреніе.

Онъ отбросилъ шнурокъ и быстро пошелъ вонъ изъ лощины.

Отъ тучи подуло сильнымъ, влажнымъ вѣтромъ. По землѣ зашуршали первыя капли дождя. Распоясанный, въ развѣвающейся рубашкѣ, Токаревъ шагалъ по колючему жнивью черезъ межи и шелъ въ темноту, не зная куда.

1901.

ВСТРѢЧА.

Пароходъ шелъ полнымъ ходомъ. Земскій статистикъ Вязовъ сидѣлъ на кормовой части верхней палубы и читалъ «Статистику и обществовѣдѣніе» Майра. Онъ сидѣлъ сгорбившись, весь ушелъ въ чтеніе и не глядѣлъ по сторонамъ. А пароходъ подходилъ къ сліянію Волги съ Камой и заворачивалъ на югъ. Солнце садилось, на волжскихъ горахъ лежала тишина.

Вдали забѣлѣлъ встрѣчный пароходъ. Чуть слышно донесся свистокъ. Въ отвѣтъ ему надъ крышею палубы раздался могучій, протяжный ревъ и коротко оборвался. Берега вдругъ ожили, тишина всколыхнулась. Ожили горы, ожило все за горами, берега гулко и весело, перебивая другъ друга, стали перекликаться надъ молчащею рѣкою. Вязовъ поглядѣлъ по сторонамъ. Поглядѣлъ разъ, другой, — сунулъ Майра въ карманъ пальто и подошелъ къ периламъ.

Отзвуки замолкали. Тишина медленно поднималась отъ рѣки и захватывала берега. Надъ горами горѣла нѣжно-золотистая заря; сзади Кама вливала свою темную струю въ буро-желтую Волгу. А впереди открывался широкій водный просторъ, — широкій и вольный, далеко въ голубую дымку раздвинувшій чуть видные берега. Въ слабомъ вѣтрѣ слышался запахъ цвѣтущихъ луговъ. Вязовъ стоялъ, облокотившись о перила. Хотѣлось такъ глубоко вздохнуть, чтобъ сразу вобрать въ грудь весь воздухъ. Хотѣлось вытянуть руки и медленно опуститься на колѣни, преклониться передъ великимъ, тихимъ просторомъ и благодарить его за то, что онъ есть. И странно было, что сзади, на пароходѣ, разговаривали и смѣялись, что за песчаною отмелью, подъ темнѣвшею горою, двѣ лошади спокойно и лѣниво щипали траву, махая хвостами...

Къ периламъ, оживленно разговаривая и смѣясь, подошли двѣ дамы и господинъ. Всѣ были одѣты изящно, — видимо,

изъ публики I-го класса. Одна дама была пожилая и полная, другая, барышня — тонкая и стройная, съ бойкими глазами. Господинъ держался со спутницами особенно почтительно и предупредительно, — должно-быть, они только тутъ, на пароходѣ, познакомились. На немъ былъ легкій лѣтній костюмъ, вмѣсто жилетки — широкій поясъ; на головѣ спортсменская шапочка.

Весело улыбаясь, господинъ разсказывалъ:

— Пріѣхалъ я въ Баку, выхожу изъ вокзала. Извозчиковъ не видно, только стоитъ нѣсколько амбаловъ... А амбалы— это персы-носильщики; забитый народъ, жалкій; за нѣсколько копеекъ дѣлаютъ работу такую, что смотрѣть жутко. Идетъ, напримѣръ, по улицѣ и несетъ на спинѣ — рояль! Одинъ несетъ. Это вьючные люди, и на нихъ всѣ смотрятъ, какъ на животныхъ... Такъ вотъ, стоитъ нѣсколько амбаловъ. Одинъ говоритъ мнѣ: «Гаспадынъ, дай, понэсу!..» Извозчиковъ нѣту. — «Что̀ жъ, говорю, неси!» Взобрался ему на плечи, закурилъ папироску и поѣхалъ. Пріѣхалъ къ знакомымъ. То, другое. Между прочимъ, говорю имъ: «Я къ вамъ пріѣхалъ по восточному обычаю». — «По какому восточному обычаю?» — «Верхомъ на амбалѣ»... Хохотъ! Никакого, оказывается, такого обычая нѣтъ... То-то, думаю, всѣ на меня на улицахъ оборачивались съ такимъ удивленіемъ!

Дамы разсмѣялись. Молодая сказала:

— Господи, какъ бы я хотѣла увидѣть васъ въ такомъ видѣ!.. Зачѣмъ же онъ предложилъ понести васъ?

— У меня, видите ли, былъ въ рукахъ маленькій сверточекъ. А если прохожій хоть пару апельсиновъ въ рукахъ держитъ, они пристаютъ: «дай, понесу!».

— Ахъ, хороши вы были верхомъ!

— Да... Проѣхался—«по восточному обычаю»...

Вязовъ, насупившись, стоялъ у перилъ и смотрѣлъ вдаль. Въ голосѣ и въ манерахъ разсказчика что-то казалось ему знакомымъ.

Барышня устала смѣяться и вздохнула.

— Какой вы веселый человѣкъ! Должно-быть, вамъ очень легко и пріятно жить на свѣтѣ... Скажите, пожалуйста, какъ васъ зовутъ?

Господинъ поднялъ брови и вздохнулъ.

— «Что̀ въ имени тебѣ моемъ?» Я — испанскій грандъ, путешествующій инкогнито.

— Ого!

— Да-съ...

Вязовъ встрѣтился съ нимъ взглядомъ. Въ глазахъ госпо-

дина мелькнуло что-то, какъ будто и Вязовъ показался ему знакомымъ.

Барышня сказала:

— Ну, синьоръ, пойдемте на носъ: тутъ отъ трубы несетъ дымомъ.

И они ушли.

Вязовъ медленно прохаживался по палубѣ. Онъ вспомнилъ, кто этотъ господинъ. Студентами, въ Москвѣ, лѣтъ тринадцать назадъ, они жили въ общежитіи въ сосѣднихъ комнатахъ. Сосѣдъ былъ математикъ, звали его—Алексѣй Смирницкій. Онъ усердно зубрилъ лекціи, но любилъ также бывать въ обществѣ и очень увлекался оперой.

За горою догорала заря, спускались сумерки. Навстрѣчу Вязову отъ носовой части палубы поспѣшно шелъ Смирницкій. Онъ шелъ своею характерною походкою, по которой Вязовъ сразу узналъ бы его,—мелкими шажками, ступая носками въ стороны и слегка размахивая назадъ руками.

Улыбаясь, онъ остановился передъ Вязовымъ и сказалъ:

— Николай Петровичъ, вѣдь это, братъ, ты!

— Я, Алексѣй Алексѣевичъ!

— Вотъ встрѣча! Голубчикъ! Ну, здравствуй, здравствуй.

Смирницкій поспѣшно обнялъ Вязова, они три раза поцѣловались накрестъ.

— Вотъ, братъ, не ожидалъ!—заговорилъ Смирницкій.—Ну, какъ ты, что̀? Куда ѣдешь?.. Погоди-ка, не выпьемъ ли мы съ тобою вина?.. Ты что̀ пьешь,—вино, пиво?.. Человѣкъ!

Они сѣли за столикъ на палубѣ. Смирницкій заказалъ бутылку бордо.

— Да, вотъ и встрѣтились!—сказалъ онъ, потирая руки и улыбаясь.—Ну, что̀ ты, какъ? Разсказывай!

— Да что̀ разсказывать? Работаю по статистикѣ...

— А помнишь наше первое знакомство?—прервалъ Смирницкій.—Въ кухмистерской, на Драчевкѣ? Подали намъ бульонъ: тепленькая водица, а по ней—кружочки жира. Ты катарромъ желудка, что ли, страдалъ,—сидишь и уныло снимаешь ложкою жиръ. Я тебѣ и говорю: «вы уподобляетесь тому ловеласу, который вздумалъ бы смывать румяна съ уличной красавицы,—что̀ отъ нея тогда останется?» Ты разсмѣялся, и мы разговорились... Помнишь?

— Да, да... Припоминаю.

— «Какъ ловеласъ, который вздумалъ бы смывать румяна съ уличной красавицы»,—повторилъ Смирницкій и засмѣялся.

— Собачья была ѣда... Ну, разскажи, а ты что̀ подѣлываешь? Куда ѣдешь?

— Служу я учителемъ математики въ Москвѣ, въ гимназіи, а ѣду... Ужъ прости, братъ, не смѣйся,—въ Персію!

— Въ Персію?

— Въ Персію, братъ, въ Персію!—подтвердилъ Смирницкій, какъ будто разсказывалъ смѣшной анекдотъ.—И еще весь букетъ-то въ томъ, что и дѣла-то у меня тамъ никакого нѣту, а такъ себѣ ѣду..

Человѣкъ принесъ вино. Смирницкій налилъ его въ стаканчики.

— Будь здоровъ!—сказалъ онъ, чокаясь.—Ну, а ты куда ѣдешь?..

— Въ Самару. Сейчасъ, братъ, я человѣкъ свободный,—съ легкой улыбкой заговорилъ Вязовъ. Онъ собирался разсказать, какъ они всѣмъ составомъ вышли изъ бюро N-скаго земства. Но Смирницкій опять прервалъ его.

— Разъ въ Москвѣ, когда я еще студентомъ былъ, пріѣхалъ ко мнѣ погостить изъ Курской губерніи дядюшка, лѣсничій. Лѣтъ ему было за пятьдесятъ, любилъ выпить и покушать. Повезъ я его къ Яру, возвращаемся оттуда въ два часа ночи, съ нами еще одинъ студентъ-землякъ. Проѣзжаемъ мимо Большого Московскаго,—электрическіе фонари у подъѣзда... Дядюшка посмотрѣлъ, мигаетъ намъ на трактиръ: «Господа! Молодости свойственно увлекаться... Давайте, увлечемся!..» И воротились мы домой только въ пять часовъ утра... Вотъ такъ и мы съ тобой,—давай-ка, увлечемся!

Смирницкій снова налилъ стаканчики. Въ сумеркахъ вино казалось чернымъ, какъ чернила.

— Ну, я все болтаю... Разсказывай же, голубчикъ,—какъ ты поживаешь? Служишь, значитъ, въ статистикѣ?

— Да,—неохотно отвѣтилъ Вязовъ. Онъ увидѣлъ, что Смирницкій весь полонъ только собою,—Вязовъ обидѣлся, и у него пропала охота говорить.

— Мм...—Смирницкій запнулся.—Женатъ?

— Женатъ.

— И дѣти есть?

— Трое.

Смирницкій крякнулъ. Онъ снялъ картузикъ и провелъ рукою по лысѣющей, коротко остриженной головѣ. Вязову бросился въ глаза его лобъ,—очень большой, широкій и странно-плоскій.

— А ты вотъ въ третьемъ классѣ ѣдешь,—пробормоталъ Смирницкій и замолчалъ.—Скажи... тебѣ не страшно?—вдругъ спросилъ онъ, украдкою испытующе вглядываясь въ Вязова.

— Чего это?

— Не страшно было жениться, не страшно жить теперь, женатымъ?

Вязовъ удивленно усмѣхнулся.

— Что̀ такое?

— Вотъ! Ты смѣешься...—про себя сказалъ Смирницкій, досталъ папироску и сталъ закуривать.—А я, братъ, до сихъ поръ еще не женатъ...—Онъ помолчалъ.—Чортъ возьми, ужасно это тяжелая штука... Меня больше всего въ жизни тянетъ къ себѣ семейный уютъ; какъ представлю себѣ,—близкая, дорогая женщина, дѣтишки,—такъ въ горлѣ и защиплетъ. Но скажи, пожалуйста,—какъ нашему брату жениться? Вотъ объясни ты мнѣ это,—какъ? И главное,—для чего? Смотрю я на своихъ женатыхъ товарищей и постоянно спрашиваю себя: для чего они женились? Днемъ пять-шесть часовъ въ гимназіи; придетъ, пообѣдаетъ, ляжетъ отдохнуть; потомъ бѣгаетъ до поздняго вечера по частнымъ урокамъ. Это—водовозная кляча, у которой только одна цѣль,—выработать побольше денегъ для какой-то семьи, которой она совсѣмъ не знаетъ и даже никогда не видитъ. Квартирка тѣсная, кухонный чадъ,—ребята орутъ, въ гостиной на смятомъ коврѣ—лошадки и обрывки бумаги, жена въ отрепанной блузѣ. Вѣдь смыслъ тутъ только одинъ,—дать и возрастить государству нѣсколько новыхъ членовъ, больше я никакого смысла не вижу. Ты пойми, какая это чепуха! Человѣкъ ищетъ счастья, уюта, женится, вдругъ—трахъ! Результатъ: запрягайся въ тяжелую бочку, надрывайся, забудь жизнь, и все лишь съ одною цѣлью,—чтобъ увеличить на нѣсколько человѣкъ народонаселеніе россійской имперіи!..

Смирницкій густою струею выпустилъ изо рта дымъ и притушилъ на пепельницѣ папиросу.

— А между тѣмъ ужасно хочется этого счастья, ужасно!—задумчиво сказалъ онъ.—Для меня все въ жизни концентрируется въ этихъ мечтахъ Мнѣ представляется чѣмъ-то такимъ значительнымъ и таинственнымъ это тѣсное единеніе твое съ женщиной. Ты, братъ, прости ужъ, не смѣйся; мнѣ тридцать пять лѣтъ, а въ душѣ у меня отношеніе къ женщинѣ, какъ у шестнадцатилѣтняго мальчика. Каждое молодое женское лицо, каждый женскій голосъ вызываетъ во мнѣ положительно волненіе: передъ тобою что-то такое необычное, такое милое, поэтическое, и въ то же время чуждое. Шорохъ длинныхъ юбокъ, округлость груди, овалъ щекъ, этотъ голосъ, высокій и нѣжный... Какъ все далеко и не похоже на насъ! Эта медленность движеній, мягкіе контуры тѣла, узкая рука съ длинными пальцами... Ты любишь балетъ?—неожиданно спросилъ онъ.

— Балетъ?—переспросилъ Вязовъ, сдерживая улыбку.

— Ну да, ты, конечно, скажешь: зрѣлище для мышиныхъ жеребчиковъ. Нѣтъ, братъ, ей-Богу, это напрасно! Это—чрезвычайно чистое наслажденіе, и «вольтерьянцы напрасно проповѣдуютъ». Въ балетѣ какъ-то удивительно проявляется самое существо женщины,—ея грація, что-то гибкое и мягко ласкающее, наивно-кокетливое, чистое... Ну, да Богъ съ нимъ, съ балетомъ!.. А вотъ еще потомъ это взять,—самую тайну зарожденія новаго существа; этотъ ребенокъ, который есть самъ по себѣ, и въ то же время не что иное, какъ частица тѣла моего и *ея*... Ты пойми, сколько во всемъ этомъ поэзіи и прелести, и какъ эта поэзія сразу должна протухнуть въ тѣсной квартиренкѣ, пропитанной запахомъ керосина и подгорѣлаго масла... Я, братъ, страшный трусъ! Меня ужасаетъ это,—ужасаетъ, что придется вести счетъ каждой копейкѣ, что нужно будетъ стараться занять въ конкѣ мѣсто въ четыре копейки, что какая-нибудь случайность, потеря заработка,—и наступитъ нищета. Не чистая и легкая холостая нищета, а нищета семейная, похожая на вонючую помойную яму... И вотъ, когда встрѣтишься съ хорошею дѣвушкою и въ сердцѣ начинаетъ что-то загораться,—вдругъ все это встаетъ передо мною, и я бѣгу,—бѣгу, братъ, бѣгу позорно, какъ цыпленокъ отъ ястреба... «А впрочемъ, выпьемъ!»—какъ говоритъ мой дядюшка.

Смирницкій чокнулся и поднесъ стаканъ къ губамъ.

— Да даже не одно это. Вѣдь въ сущности, вообще этотъ семейный уютъ и любовь—только фантазія. Почему даже на улицѣ сразу можно узнать, что идутъ мужъ и жена? Лица скучныя, смотрятъ другъ отъ друга въ стороны... Ну, все равно!—вдругъ рѣшительно произнесъ Смирницкій, и по его губамъ пробѣжала юмористическая улыбка. Онъ оживился.—Разскажу я тебѣ анекдотъ, который случился со мною въ прошломъ году. Курьезная штука... Познакомился я въ Москвѣ съ семьею одного помѣщика, Брянцева. Славные старички, у нихъ сынъ-студентъ и... и дочь, Вѣра... Замѣчай: завязка! «Дѣйствіе начинаетъ опредѣляться!..» Нужно тебѣ сказать, что я вообще въ обществѣ желанный гость; шучу, смѣюсь, дурачусь; при моемъ появленіи общество сразу, какъ говорится, «оживляется». У Брянцевыхъ меня полюбили. Весною уѣзжаютъ, пригласили провѣдать ихъ въ деревнѣ... Вотъ въ началѣ іюня собрался я къ нимъ въ Орловскую губернію, пріѣхалъ. Гоститъ у нихъ и старшій ихъ сынъ, археологъ, профессоръ одного провинціальнаго университета. Педантъ сверхъестественный, говоритъ, какъ лекцію читаетъ, разговорнаго языка совсѣмъ нѣтъ, а только научно-литературный. Сумѣлъ внушить и брату-сту-

денту и Вѣрѣ, что археологія «есть вещь, а прочее все—гиль». И вотъ въ домѣ царитъ эта археологія: всѣ читаютъ его печатные доклады о раскопкахъ, «Отчеты Археологической Комиссіи», ѣздятъ съ нимъ на раскопки кургановъ. Скучища отчаянная, всѣ зѣваютъ, но полны почтеніемъ къ наукѣ. Началъ я понемножку разрушать это почтеніе. Спрашиваетъ меня старушка Брянцева: «вы съ чѣмъ любите утку, съ капустою или съ яблоками?» Я многозначительно мигну бровями, устремлю взглядъ въ пространство и отвѣчаю:

«— Видите ли, на этотъ счетъ въ наукѣ существуетъ два мнѣнія: старая школа, нѣмецкая, признаетъ утку съ капустою, новая, французская,—съ яблоками, respective со сливами. Взвѣсивъ всѣ аргументы pro и contra, необходимо признать, что нѣмецкая школа безусловно основательнѣе. Если употреблять антоновскія яблоки, то за этимъ можно еще признать хоть какой-нибудь raison d'être, но утка со сладкими яблоками или со сливами—это нѣчто ужъ совершенно ненаучное. Это—contradictio in adjecto!

«Профессоръ снисходительно улыбается, а молодежь кусаетъ губы, потому что говорю я совершенно тономъ ихъ брата.

«Вотъ разъ собрался профессоръ на раскопку кургана, всѣ въ домѣ только объ этомъ и говорятъ. Мы съ Вѣрою и студентомъ Колей гуляемъ по саду. Я имъ разсказалъ «Въ обществѣ поощренія скуки» Пальерона, какъ подающій надежды юноша-археологъ полюбилъ дѣвушку, спѣшитъ къ ней на свиданіе; мать останавливаетъ его: «куда ты, вѣдь сегодня твой докладъ о курганахъ!» А онъ: «какіе тамъ курганы!»—и убѣгаетъ... Сознались оба, что, дѣйствительно, эти курганы скучноваты. Рѣшили мы вмѣсто раскопокъ устроить пикникъ. На слѣдующій день профессоръ уѣхалъ на раскопки одинъ, а мы закатились въ лѣсъ. Захватили съ собою и стариковъ, чудесно провели время: пѣли, дурачились, собирали ландыши,—въ родѣ какъ бы освобожденіе праздновали отъ вавилонскаго плѣненія. Вечеромъ собрались домой. Я ѣхалъ въ шарабанѣ съ Вѣрою. Тутъ мы уже не смѣялись, стали говорить по душѣ. Солнце садилось, изъ-подъ дубовыхъ кустовъ смотрѣли незабудки. Подъ соломенной шляпой съ бѣлою лентою Вѣра щурилась отъ солнца, на щекахъ золотился нѣжный пушокъ, и во всей ея фигурѣ было что-то такое милое, дѣтски-покорное, прислушивающееся. Съ такимъ лицомъ она раньше слушала лекціи брата-профессора. А изъ лѣса, другъ ты мой, тянетъ ароматами, соловьи щелкаютъ.

И въ воздухѣ за пѣснью соловьиной
Разносятся тревога и любовь...

«И что-то тутъ случилось невидимое. Что-то незамѣтное, скрытое вдругъ распахнулось... Когда мы въ сумеркахъ пріѣхали домой, я ей протянулъ руку, чтобъ помочь слѣзть съ шарабана, она взглянула на меня... И стала она мнѣ близкой-близкой, и по душѣ пронеслась весна...

«Сѣли мы за вечерній чай. Профессоръ уже пріѣхалъ съ раскопокъ, сидитъ — молчаливый, сердитый — и ѣстъ. Съѣлъ яйца въ смятку, котлету, простокваши, выпилъ стаканъ чаю. Наконецъ за вторымъ спрашиваетъ:

«— Ну, какъ вашъ пикникъ? Удался? Гдѣ были?

«Все ему разсказали. Я спрашиваю:

«— А какъ ваши раскопки?

«— Очень удачно! Сняли съ кургана пластъ въ полъаршина, нашли пепелъ.

«— Пе-пелъ?

«— Да.

«Я помолчалъ, — кусаю губы, чтобъ не расхохотаться. Невинно поднялъ брови:

«— А въ пеплѣ что̀?

«— Въ пеплѣ... ничего.

«Нахмурился и отвернулся. Моя взбунтованная молодежь душитъ смѣхъ.

«— Смѣрили глубину слоя пепла, пространство, имъ занимаемое, — заговорилъ профессоръ, но обращается ужъ не ко мнѣ, а къ брату-студенту. — Это значитъ, что былъ костеръ. Завтра пойдемъ дальше, вѣроятно, найдемъ костякъ... Ты, Коля, поѣдешь завтра?

«Студентъ мнется.

«— Да вѣдь я ужъ видѣлъ раскопки.

«— Костяка ты еще не видѣлъ.

«— Я же его увижу, когда ты достанешь.

«— Интересно увидѣть in situ.

«Я наклонился къ Вѣрѣ, шепчу ей на ухо: «какіе тамъ курганы!..»

«Просидѣли мы за чаемъ долго. Я чувствовалъ себя удивительно, словно волна какая-то взмыла во мнѣ,—такъ и сыпалъ анекдотами, остротами. Смѣхъ стоялъ непрерывный. Даже профессоръ наконецъ началъ улыбаться... Послѣ чаю я упросилъ Вѣру пѣть. Перешли въ гостиную. Она сѣла за рояль, перебираетъ ноты.

«— Что̀ вамъ спѣть?

«Мы были въ гостиной одни. Я говорю вполголоса:

«— Что-нибудь, мнѣ все равно! Въ вашемъ голосѣ «Чижикъ» для меня будетъ звучать Годаромъ. Вы чувствуете, что я не комплиментъ говорю?

«Вѣра слабо покраснѣла, улыбнулась и раскрыла ноты. Свѣчи ярко освѣщали ее. Она заиграла; лицо съ поднятыми бровями стало робкимъ и внимательнымъ; подъ прическою, на тонкомъ затылкѣ, вились нѣжные, золотистые завитки... Знаешь ты романсъ Тости «Ninon»?.. Н-ну, бра-атъ!.. Запѣла она:

Ninon, Ninon, que fais tu de la vie?
L'heure s'enfuit, le jour succède au jour... *)

«Своимъ дѣтски-робкимъ, прислушивающимся взглядомъ она смотрѣла въ ноты, и палевый шелкъ отливался на покатыхъ плечахъ.

Comment vis tu, toi qui n'as pas d'amour? **)

«А изъ сада въ раскрытыя окна несло запахомъ сирени, душистаго тополя... Ахъ, разбойница! Вѣдь выбрала же пѣсню! Что̀ она, знала, что ли, что̀ у меня въ душѣ дѣлается? Такъ своимъ голосомъ у меня въ душѣ и шарила!.. Слушаю я ее и не понимаю, изумляюсь,—какъ, какъ, дѣйствительно, можно жить безъ любви? Вѣдь это безумнѣйшая нелѣпость—не отдать за нее всего на свѣтѣ!.. Закончила она, аккомпанируя слабыми, чуть слышными аккордами:

Ninon, Ninon, que fais tu de la vie?
Comment vis tu, toi qui n'as pas d'amour?..

«Кончила и съ тихимъ удивленіемъ продолжала смотрѣть въ ноты. А я почувствовалъ, что мнѣ теперь крышка!..

«Она много еще пѣла, больше цыганскіе романсы, и все это было удивительно...

Ахъ, улетѣли волшебные дни,
Не возвратить намъ умчавшихся лѣтъ!
Впрочемъ... Быть-можетъ, вернутся они..
Хочешь ли ты? Хочешь иль нѣтъ?

«Знаешь,—чистые, дѣвическіе глаза, дѣвическія плечи, все дѣвственное, а въ голосѣ—эта обжигающая цыганская страсть. Чрезвычайно странное и оригинальное впечатлѣніе производитъ... И покоряющее.

«Потомъ мы еще долго болтали около рояля, наконецъ разошлись. Вошелъ я къ себѣ въ комнату. Окна раскрыты, за тополями свѣтитъ мѣсяцъ, цвѣтущія вишни кажутся окутанными серебристымъ туманомъ, въ комнатѣ сумракъ и запахъ росистой ночи. И вспомнилось мнѣ:

Ninon, Ninon, que fais tu de la vie?
Comment vis tu, toi qui n'as pas d'amour?

---

*) «Нинонъ, Нинонъ, что̀ дѣлаешь ты съ своею жизнью? Часы бѣгутъ день уходитъ за днемъ...»

**) «Какъ можешь ты жить,—ты, не знающая любви?»

«И меня вдругъ такая радость охватила, такое блаженство—бѣшеное, безумное. Я поднялъ руки къ небу, этакъ въ позѣ Савонаролы, благословляющаго народъ, и захотѣлось мнѣ завопить такъ, чтобъ прокатилось по всему большому, тихому саду...»

Смирницкій дрожащею рукою взялъ стаканчикъ, отхлебнулъ и взволнованно поставилъ на столъ.

— Ну, а дальше... Понимай, братъ, какъ хочешь... Вдругъ я испугался этого блаженства... Ты не поймешь, это трудно объяснить. Не какихъ-нибудь будущихъ такъ обязательствъ я испугался, нѣтъ! Я просто струсилъ передъ охватившею меня безумною радостью жизни. Что̀ она несетъ съ собою? Какъ возможно для человѣка такое блаженство? Я не могу тебѣ объяснить... Ну, какъ море,—тихое, ясное, ты ѣдешь на лодкѣ, и вдругъ издалека, отъ горизонта, ты видишь, мчится на тебя огромный, темный валъ. И я... я поспѣшно началъ укладываться. Ужъ свѣтало, всходило солнце. Я съ чемоданомъ ушелъ на деревню, нанялъ лошадей и уѣхалъ...

Онъ помолчалъ.

— И се бысть мое послѣднее бѣгство. Это случилось въ прошломъ году. А нынѣшнею весною Вѣра вышла замужъ. И вотъ, когда я это узналъ, я понялъ, что лучшей жены себѣ я не могъ и желать, что я — дуракъ, дуракъ!..

Голосъ его оборвался, тусклые глаза смотрѣли съ жалкимъ отчаяніемъ. Потомъ по губамъ его промелькнула обычная юмористическая улыбка.

— И вотъ я, неизвѣстно для чего, въ костюмѣ предводителя филиппинскихъ инсургентовъ, мчусь теперь... въ Персію! Нѣтъ, ты подумай: ну что̀ мнѣ тамъ нужно? На кой мнѣ чортъ эта Персія?.. Ты только пойми всю эту чепуху!

Смирницкій засмѣялся, и около глазъ его что-то судорожно дергалось. Вязовъ изумленно оглядывалъ его.

— Да-а, братъ, чепухи непочатый уголъ!—согласился онъ.

Смирницкій лихорадочно курилъ. Лицо его непрерывно окутывалось дымомъ; огонекъ папиросы вспыхивалъ въ сумракѣ, двигался зигзагами отъ рта къ пепельницѣ и отъ пепельницы ко рту; вдругъ, словно наскучивъ этою безтолочью, взвивался на воздухъ и летѣлъ черезъ перила за бортъ, а передъ ртомъ Смирницкаго загорался новый огонекъ.

— Любишь ты Чехова? — вдругъ спросилъ Смирницкій.

— Чехова?.. Д-да... Это художникъ большой.

— «Д-да»... Эхъ, ты! — Смирницкій съ упрекомъ качнулъ головою.—Какая, братъ, силища! Вѣдь это положительно геній въ изображеніи жизненой чепухи!.. Помнишь ты его разсказъ

«Страхъ»? «Вы понимаете что-нибудь въ этой жизни? Въ такомъ случаѣ поздравляю васъ... Я *ничего въ ней не понимаю!..*» Ну, и я тоже... Я тоже *ничего не понимаю!*

Онъ втянулъ голову въ плечи и развелъ руками. Вязовъ съ усмѣшкою сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ, боишься ты ея изрядно!

— Боюсь!.. Боюсь, боюсь!—Смирницкій растеряннымъ взглядомъ забѣгалъ по периламъ палубы и по рѣкѣ. — И какъ же, братъ, не бояться? Вѣдь все кругомъ до безумія страшно! Не знаешь, что̀ тебя ждетъ завтра, кругомъ — столько зловѣщихъ возможностей. Утромъ, когда только-что проснешься, мысль о нихъ наполняетъ меня такимъ мутнымъ, безпросвѣтнымъ ужасомъ, что лучше бы ужъ прямо умереть; вдругъ заболѣешь и станешь неспособнымъ къ труду, вдругъ какая-нибудь случайная встрѣча, недоразумѣніе,—и улетишь на край свѣта... Въ прошломъ году, у этихъ самыхъ Брянцевыхъ, шелъ я разъ по саду. Садъ глухой, заросшій. На самомъ краю запущенной дорожки, у ствола березы, вижу,—на землѣ гнѣздо, а въ немъ сидитъ птичка,—кажется, жаворонокъ. Она была совсѣмъ подъ цвѣтъ бурѣвшимъ въ травѣ прошлогоднимъ листьямъ, я бы и не замѣтилъ, если бы не ея глаза,—черные, блестящіе, какъ бисеръ. Я остановился за шагъ,—птичка не снималась. Она сидѣла на яйцахъ. Замерла отъ ужаса, растопырила крылья и неподвижно глядитъ... Тою же ночью мнѣ не спалось, я вышелъ бродить по саду и забрелъ на эту дорожку. Мѣсяцъ свѣтилъ сквозь дымчатыя облака, было тихо, а по землѣ шелъ повсюду непрерывный шорохъ. Въ травѣ, подъ кустами, въ упавшихъ съ деревьевъ сучкахъ, — вездѣ что-то тихо двигалось, ползало, шуршало. Чувствовалось что-то таящееся и предательское. И я вспомнилъ о моей птицѣ: эта пичуга сидитъ тутъ на землѣ,—безсильная, беззащитная,—а кругомъ шныряетъ столько сильныхъ, хищныхъ существъ... И такъ мнѣ стало страшно жизни: вотъ она! Вѣдь это совершенно вѣрное ея воплощеніе. Какъ же тутъ возможно не сойти съ ума отъ ужаса?!

Вязовъ, прикусивъ улыбающіяся губы, смотрѣлъ на смутный силуэтъ Смирницкаго. Онъ вспоминалъ пережитыя имъ въ жизни передряги и думалъ о томъ, насколько онѣ все-таки легче въ жизни, чѣмъ въ ожиданіи.

Смирницкій продолжалъ курить. Его сѣрое въ сумеркахъ лицо непрерывно окутывалось дымомъ. Дрожащій огонекъ папиросы бѣгалъ отъ рта къ пепельницѣ и, взвившись, летѣлъ черезъ перила за бортъ. И Вязову начинало казаться, что передъ нимъ не Смирницкій сидитъ, а какое-то призрачное, сѣ-

рое и безформенное существо корчится на стулѣ въ схваткахъ стихійнаго ужаса. Вотъ сейчасъ это существо вскочитъ, съежится, взовьется на воздухъ и, стрѣлою перелетѣвъ рѣку, юркнетъ гдѣ-нибудь на берегу въ норку...

Вязовъ медленно заговорилъ:

— Знаешь, что̀ я тебѣ посовѣтую? Ты человѣкъ одинокій, жалованье получаешь солидное. Отчего бы тебѣ не прикапливать себѣ на черный день? Все-таки спокойнѣе бы себя чувствовалъ.

Смирницкій расхохотался.

— Ч-чортъ знаетъ, что̀ такое! Ну, братъ... Да, впрочемъ, ты шутишь... А если серьезно говорить,—чѣмъ же я въ такомъ случаѣ спасаться буду? Какъ наступитъ весна, кончатся экзамены, я встряхиваюсь и мчусь вдаль... Ты только спроси, гдѣ я не былъ. Съ Россіей, Европой, Америкой и Египтомъ покончилъ, теперь принимаюсь за Азію... Это для меня единственное спасеніе: ѣхать, ѣхать непрерывно, купаться въ просторѣ и въ новыхъ впечатлѣніяхъ... Нужно, чтобъ въ жизни было хоть что-нибудь, что̀ заполняло бы ее. Суррогатомъ такого заполненія мнѣ и служитъ эта скачка по всему міру. А въ остальномъ, что̀ такое моя жизнь? Пиѳагорова теорема, законъ Маріотта, «объемъ параллелепипеда равняется произведенію его основанія на высоту».. И такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ. И главное — жизнь по звонку... О, этотъ звонокъ!

Смирницкій тоскливо поморщился. Становилось нестерпимо-скучно.

— Чувствуется, что что-то въ жизни пропущено, — вяло проговорилъ онъ.—Пустота въ душѣ какая-то. Время съ каждымъ годомъ идетъ все быстрѣе. Отношеніе къ людямъ, — въ каждомъ видишь подлеца. Раньше былъ этотъ... идеализмъ, или, точнѣе... фантазія, что ли? А теперь осталась одна слякоть. Часто вечеромъ, зимою, начнешь ходить по комнатѣ, — часъ ходишь, другой, третій... *Ни о чемъ не думаешь!* Спохватишься: о чемъ я думалъ? Такъ, проходилъ все время, какъ маятникъ!.. Вѣдь это признакъ душевной старости?

Онъ вопросительно и съ безпокойствомъ взглянулъ на Вязова. Вязовъ молчалъ.

— И ко всему прочему идетъ, братъ, на меня еще новая бѣда!.. Директоръ относится ко мнѣ хорошо, какимъ-то образомъ засчиталъ мнѣ четыре года, перескочилъ я черезъ чинъ и вскорѣ получу... статскаго совѣтника! Понимаешь ты это? Стат-ска-го со-вѣт-ни-ка!—въ юмористическомъ ужасѣ повторилъ Смирницкій.—Вѣдь это... это... это чо-ортъ знаетъ что̀

такое! Какая дѣвушка можетъ полюбить статскаго совѣтника, скажи, пожалуйста!

Вязовъ съ любопытствомъ приглядывался къ Смирницкому: да, повидимому, онъ все-таки еще собирался быть счастливымъ, и не считалъ всего упущеннымъ, и ждалъ, что впереди у него еще можетъ быть жизнь!..

Оба молчали. Между ними висѣла тупая, мутная скука. Высказавшійся Смирницкій чувствовалъ въ душѣ пустоту и глухую непріязнь къ Вязову. Онъ всталъ.

— Ну, братъ, спать пора!.. Прости, что тоску такую нагналъ.

Онъ крѣпко пожалъ руку Вязова и пошелъ къ себѣ въ первый классъ.

Вязовъ остался на палубѣ. Онъ раза два прошелся изъ конца въ конецъ, остановился на носу. Совсѣмъ стемнѣло, западъ погасъ. Кругомъ, въ теплой мглѣ, тянулась необъятная гладь Волги, только слѣва на горизонтѣ смутно чернѣла полоска берега. Тумана не было, съ лугового берега тянуло запахомъ сѣна. Надъ черною, кривою осокорью поднимался багровый мѣсяцъ.

Въ этой теплой мглѣ, напоенной лѣтними запахами, по этой необъятной глади, громадный пароходъ вольно и безшумно мчался впередъ. Вязовъ стоялъ, дышалъ полною грудью, и ему представлялось: тамъ, на берегахъ, внизъ головою забились въ темныя норки сѣрыя, жалкія существа и трепещутъ,—трепещутъ, боясь всего, даже радости жизни. А пароходъ такъ смѣло и свободно несется среди простора въ непроглядную темноту. У Вязова поднимался изъ глубины груди смѣхъ, и онъ испытывалъ гордое, эгоистическое удовлетвореніе отъ мысли, какъ чуждъ самъ онъ тѣмъ съежившимся существамъ: онъ и окружающій просторъ были одно, онъ былъ въ просторѣ и просторъ въ немъ. Все сливалось въ одну здоровую, грубую и общую жизнь. И главное, это дѣлалось такъ легко, само собою, безъ всякаго усилія, — и въ этомъ была особенная радость.

1902.

Оглавленіе

II тома.

Разсказы.

стр.

Въ степи 3
Ванька. Разсказъ пріятеля 13
Къ спѣху 21
За права 25
Въ сухомъ туманѣ 32
Исправилась 42
Объ одномъ домѣ 51
Лизаръ 65
Два конца. Повѣсть.
I. Конецъ Андрея Ивановича 72
II. Конецъ Александры Михайловны (Честнымъ путемъ) . . . 150
На поворотѣ 200
Встрѣча 307

460103
LR
S6396
Smidovich, Vikenty Vikentievich
Полное собраніе сочиненій В.В. Вересаева
[pseud.] т.2
[Translit.: Polnoe sobranie sochineny ... v.2.]

DATE | NAME OF BORROWER

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED